Никон

Мои
дневники
1912 г. 63 в

58
297

II 38
297

Архіепископъ Никонъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ III.

1912.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 101—150).

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1916.

Архіепископъ Ніконъ.

II 38
297.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ III.

1912.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 101—150).

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1915.

2007042854

МОИ ДНЕВНИКИ.

Выпускъ III.

1912.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 101—150).

101.

Въ полночь на Новый годъ.

Се Женихъ грядетъ въ полунощи.

Великій царь и пророкъ Давидъ любилъ въ полночный часъ славить Бога: *въ полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея* (Пс. 118, 62), говоритъ онъ. Всѣ святые Божіи любили въ тишинѣ ночной бесѣдовать съ Богомъ. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ возносилъ Свои Божественныя молитвы Отцу Своему Небесному болѣе всего въ глубокомъ уединеніи въ ночные часы. Древніе христіане каждую полночь встрѣчали молитвой, да и нынѣ въ строгихъ обителяхъ ровно въ полночь начинается утреннее богослуженіе—чиномъ *полунощницы*. Полночь—время таинственное, время святое, самое удобное для уединенной и для церковной бесѣды съ Богомъ. И сколько поучительныхъ воспоминаній соединяется для хрістіанина съ этимъ священнымъ часомъ полуночи! Сколько событій въ исторіи домостроительства нашего спасенія совершилось въ этотъ часъ! Въ ночь бывали Богоявленія древнимъ патріархамъ и пророкамъ, въ полночь поразилъ Господь первенцевъ Египетскихъ, въ полночь вывелъ Онъ Израиля изъ Египта, въ полночь родился Господь нашъ въ вертепѣ Виѳлеемскомъ, въ полночь, по древнему преданію, Онъ крестился во Іорданѣ, въ полночь былъ преданъ Іудою, въ полночь воскресъ изъ мертвыхъ, въ полночь пріидетъ судити живыхъ и мертвыхъ... Поистинѣ то будетъ страшная полночь для всего міра, для всей вселенной! Вотъ почему отъ вѣковъ древнихъ для всѣхъ вѣрующихъ время полуночи было временемъ особенно знаменательнымъ, време-

немъ, которое должно освящаться молитвою...

Мы до того стали немощны, немощны больше духомъ, чѣмъ плотію, что очень рѣдко встрѣчаемъ полночный часъ въ храмѣ Божіемъ на церковной молитвѣ. Еще держится святой уставъ встрѣчать воскресшаго Господа въ полночь на Пасху, да вотъ слава Богу, съ недавняго времени стали и Новый годъ встрѣчать, полночною молитвой. Но — увы! Грустно, больно вспомнить, что многіе-многіе собратія наши хотя и не спятъ въ этотъ часъ, но лучше бы ужъ спали!.. Забывая, что и дни, и часы, и минуты жизни нашей въ рукѣ Божіей, не слушая звона церковнаго, зовущаго въ храмъ Божій, они спѣшатъ встрѣтить Новый годъ со звономъ бокаловъ, съ возглашеніемъ здравицъ, съ пожеланіемъ другъ другу счастья, а какого счастья—и сами не знаютъ! Не знаютъ того, что и счастье наше все—въ рукѣ Божіей! Пошлетъ Богъ счастье, благословитъ Богъ здоровьемъ и успѣхомъ въ трудахъ,—будетъ счастливъ человѣкъ, а не благословитъ—всуе всѣ эти здравицы, всѣ благія пожеланія! Одно для всѣхъ несомнѣнно: всѣ мы подошли ближе къ смерти, многіе изъ насъ, несомнѣнно, встрѣчаютъ Новый годъ уже въ послѣдній разъ: а развѣ это кто назоветъ счастьемъ? Не будемъ судить таковыхъ собратій, лучше помолимся и о себѣ, и о нихъ, да вразумитъ всѣхъ насъ Господь, времена и лѣта въ рукѣ Своей положивый, како прочее время и лѣта живота нашего въ мирѣ и покояніи скончати, *искушающе время, яко дніе лукави суть...*

Да, мы живемъ поистинѣ въ лукавые дни, въ страшное время. Не до бокаловъ бы, не до громкихъ здравицъ добрымъ христіанамъ нынѣ. Если когда, то именно въ наше грѣшное время *діаволъ яко левъ рыкая ходитъ* по нашей грѣшной Русской землѣ, *искій кого поглотити.* Всюду раскинулъ онъ сѣти свои, всюду сѣетъ соблазны. Берегитесь, православные! Берегите дѣтей своихъ! Въ послѣднее время сатана черезъ вѣрныхъ слугъ своихъ—а ихъ такъ много у него!—особенное тщаніе употребляетъ, чтобы отравлять дѣтскія души ядомъ безбожія, кощунства, богохульства. И какъ изобрѣтательны стали эти слуги сатаны! Какъ хитро истолковываютъ они въ свою пользу всѣ свободы, данныя, конечно, не для зла, а для добра! Какъ умѣютъ пользоваться всѣмъ для того, чтобы развращать, губить души даже дѣтскія! Поистинѣ, братіе, страшное время! Со страхомъ вспоминаются пророчественныя слова великаго тайновидца Іоанна Богослова: *и низверженъ былъ великій драконъ, древній змій, называемый діаволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную, низверженъ на землю, и ангелы его съ нимъ... Горе живущимъ на землѣ и на морѣ, потому что къ вамъ сошелъ діаволъ въ сильной ярости, зная, что немного ему остается времени...* (Откр. 12, 7, 12). И въ трепетѣ вопрошаетъ душа: уже не исполняются ли сіи грозныя пророчества возлюбленнаго ученика Христова въ наши дни? Не сбываются ли на нашихъ глазахъ всѣ тѣ признаки близкаго дня суда Божія, о какихъ говорилъ Господь: *когда вы увидите все сіе, знайте, что близко, при дверяхъ?..* (Мѳ. 24, 33). Смотрите внимательно! Сколько лжехристовъ и лжепророковъ появляется въ наши дни! Сколько ересіарховъ, начиная съ идола нашей безбожной интеллигенціи—богоотступника Толстого и кончая разными братцами-

хлыстами, начиная съ незванныхъ—непрошенныхъ иноземцевъ Фетлеровъ и кончая своими измѣнниками православной Церкви—Мазаевыми, Прохановыми и Степановыми! И всѣмъ имъ полный просторъ блазнить въ простотѣ вѣрующихъ православныхъ!

А какъ умножились беззаконія и охладѣла истинная хрістіанская любовь! Уже и Евангеліе Хрістово проповѣдуется всѣмъ народамъ земнымъ по всей вселенной во свидѣтельство имъ, да будутъ безотвѣтны на страшномъ судищѣ Хрістовомъ, уже мерзость запустѣнія является на мѣстахъ святыхъ: строятся языческія капища и магометовы мечети въ столицѣ православной, и, говорятъ, имѣются и мѣста, гдѣ поклоняются самому сатанѣ... Уже творятся и знаменія и чудеса ложныя у спиритовъ и оккультистовъ, уже совершается то великое *отступленіе* отъ вѣры и благочестія, о коемъ пророчествовалъ Апостолъ Хрістовъ Павелъ... И сердце содрагается при мысли: уже не близокъ ли конецъ? Уже не стучится ли въ дверь *человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся превыше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ какъ Богъ, выдавая себя за Бога*... Еще „удерживающій“ удерживаетъ его появленіе, но надолго ли?..

Вотъ, братіе, какія размышленія приходятъ мнѣ на сердце въ эту таинственную новогоднюю полночь. Знаю, что для многихъ жизнерадостныхъ людей они покажутся безотрадными, угнетающими. Но не лучше ли познавать „знаменія времени“, чѣмъ беззаботно предаваться безсмысленному веселію въ такой часъ? Церковь Божія предостерегаетъ насъ: *внезапно Судія пріидетъ и коегождо дѣянія обнажатся*, поетъ она въ тропаряхъ полунощницы. *Се Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща.* Надобно и то помнить, что для каждаго изъ насъ въ отдѣльности часъ суда Божія несравненно ближе, чѣмъ всеобщій страшный Судъ Хрістовъ. *Единою подобаетъ умрети, потомъ же судъ.* А смерть подстерегаетъ насъ на всѣхъ путяхъ нашихъ. Отъ нея никуда не уйдешь. Такъ не лучше ли заблаговременно размышлять о ней, готовиться къ ней? Это предохранитъ насъ отъ многихъ грѣховъ. Еще ветхозавѣтный мудрецъ сказалъ: *помни послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши.* Да и къ Страшному Суду Божію всеобщему надо всегда быть готовымъ. О семъ великомъ днѣ Господь сказалъ: *будьте готовы, ибо не знаете ни дня ни часа, когда Сынъ человѣческій пріидетъ* (Мѳ. 24, 44). *Се гряду яко тать: блаженъ бодрствующій и хранящій одежду свою, чтобы не ходить ему нагимъ и чтобы не увидали срамоты его!* (Откр. 16, 15). О, если бы совѣсть наша позволила намъ воскликнуть съ тайновидцемъ—Богословомъ: *ей, гряди, Господи Іисусе!* Аминь.

102.

Чѣмъ больна наша матушка Россія?

Отъ чего болѣетъ Россія? Что наша матушка Россія духовно болѣетъ—это, кажется, для всѣхъ очевидно, но въ чемъ ко-

рень болѣзни, какія условія въ самомъ государственномъ организмѣ благопріятствуютъ этой болѣзни— объ этомъ высказываются самыя разнообразныя, до противоположности, сужденія. Не буду разбирать всѣ эти сужденія, тѣмъ болѣе, что въ наше время много такихъ писателей, которые сами не вѣрятъ тому, что пишутъ, высказываютъ свои сужденія лишь для того, чтобы скрыть свои настоящія мысли. Не стоитъ тратить времени на полемику съ такими публицистами: все равно — ихъ ничѣмъ не убѣдишь, ибо они не хуже современныхъ Господу Іисусу Христу книжниковъ и фарисеевъ знаютъ истину, но нарочито закрываютъ свои глаза, чтобъ ее не видѣть... Попытаюсь отвѣтить на поставленный вопросъ отъ лица тѣхъ русскихъ людей, которые единомысленны со мною, которые искренно любятъ свою родину, вдумчиво относятся къ тому, что теперь творится на Руси и цѣлымъ сердцемъ желаютъ ей добра.

Россія духовно болѣетъ отъ великаго духовнаго раскола между верхними, интеллигентными ея слоями и всею многомилліонною массою народной, не того церковнаго раскола, что произошелъ изъ-за обрядовъ церковныхъ при патріархѣ Никонѣ, а того, начало коему положено при Великомъ Петрѣ. Въ самомъ дѣлѣ: не болѣзненное ли это явленіе въ организмѣ великаго народа, что его верхніе слои, его мыслящая часть, не хочетъ знать тѣхъ завѣтныхъ идеаловъ, коими жива народная душа, которые являются стихіей его духовной жизни, безъ которыхъ немыслима самая личность народная? Если бы великій преобразователь предвидѣлъ, къ чему приведетъ его увлеченіе западными формами политической и общественной жизни, то онъ не назвалъ бы своего стольнаго города нѣмецкимъ именемъ, не перенесъ бы къ намъ всю ту мишуру, безъ которой и можно и должно было бы обойтись при введеніи реформъ, признанныхъ имъ необходимыми для государственнаго преуспѣянія столь любимой имъ Россіи. Но роковая ошибка была сдѣлана и вотъ, къ концу еще XVIII столѣтія наши верхніе слои, наша бюрократія, представители высшихъ сферъ государственной жизни, науки, искусства, за исключеніемъ очень немногихъ, уже были заражены вольнодумствомъ, вольтерьянствомъ, масонствомъ и всѣми тѣми духовными ядами, которые постепенно, но вѣрно вели западные народы къ разложенію. Пока этотъ расколъ, эта духовная болѣзнь находила себѣ мѣсто въ области личной жизни, въ области мысли, дотолѣ явленіе это было сравнительно говоря—терпимо: народъ сторонился отъ измѣнившихъ его идеаламъ интеллигентовъ, жилъ своею жизнію, храня, по мѣрѣ силъ, завѣты отцовъ, снисходительно смотря на „баръ", среди которыхъ, къ счастію, видѣлъ и вѣрныхъ сыновъ Церкви, и преданныхъ сыновъ отечества, которые хотя и не всегда соблюдали посты, не всегда исправно посѣщали храмы Божіи, но все же и не вторгались въ духовную жизнь народа, не порицали ее открыто, а иногда, хотя внѣшнимъ образомъ, проявляли свое участіе въ этой жизни. Во всякомъ случаѣ православный народъ твердо зналъ и помнилъ, что его вѣра есть единая святая и богопреданная, что его Церковь — святыня неприкосновенная, что его Царь есть Божій Помазанникъ, коего слово—законъ непогрѣшимый... Прошло полтора вѣка съ той поры, какъ появилась эта духовная болѣзнь народнаго раскола. Въ поло-

винѣ прошлаго столѣтія, пользуясь великими реформами Императора-Освободителя, подъ вліяніемъ вѣяній масонства, незримо и неуловимо всюду проникающаго и всюду вносящаго свой тлетворный, разлагающій ядъ, наша интеллигенція стала постепенно заражать народъ своею болѣзнію легкомыслія въ вопросахъ вѣры, а слѣдовательно и нравственной жизни. Свобода печати разносила ядъ лжеученій всюду по Руси, 60-е годы положили прочное начало тому движенію, которое въ самое послѣднее время наименовало себя „освободительнымъ". Роковой въ исторіи Россіи 1905-й годъ, годъ смуты и всяческихъ послабленій, раскрылъ, какая пропасть отдѣляетъ нашу интеллигенцію отъ самого народа. Правящія сферы поколебались: вмѣсто того, чтобы ясно, твердо и опредѣленно стать на сторонѣ народныхъ идеаловъ, интеллигенты — бюрократы какъ бы стыдились этихъ идеаловъ и вносили одинъ за другимъ законопроекты, рѣшительно непріемлемые народной душой... Началась и доселѣ продолжается какая-то ненужная, непонятная борьба: съ одной стороны интеллигенты, желающіе во что бы то ни стало навязать народу чужіе идеалы, съ другой — народъ, крѣпко стоящій за свои родные завѣты; съ одной стороны стремленіе внести въ самые законы, а чрезъ законы и въ жизнь народную равнодушіе къ родной Церкви, къ Православной вѣрѣ, къ идеалу Самодержавія, къ родному народу; съ другой — твердое, стихійное, хотя не всегда правильно соорганизованное отстаиваніе всѣхъ этихъ завѣтныхъ святынь... Удивительно то, что вѣдь интеллигенція — горсточка въ сравненіи съ великаномъ-народомъ, а между тѣмъ хочетъ весь народъ въ духовномъ отношеніи передѣлать по образу и подобію своему... Ради чего? во имя чего?—Сама не даетъ себѣ отчета. Еще удивительнѣе, что въ этой интеллигенціи есть вѣдь люди искреніе,—о продавшихъ себя іудеямъ и масонамъ, конечно, не стоитъ и говорить,—люди думающіе, что они хотятъ облагодѣтельствовать народъ... Какъ будто туманъ какой-то застилаетъ глаза этимъ доброжелателямъ народнымъ, а когда имъ указываютъ на ихъ основную ошибку, то простое самолюбіе не позволяетъ имъ сознаться, и они стараются убѣдить себя и другихъ, что они-то и есть настоящіе благодѣтели народа! А этимъ великимъ заблужденіемъ пользуются враги народа и спѣшатъ поддержать заблужденіе въ умахъ сихъ, чужимъ умомъ мыслящихъ, людей. Опасность въ томъ, что такіе люди не вѣрятъ въ самое существованіе этихъ враговъ, а сіи враги ими же и верховодятъ! Вѣдь почти вся печать захвачена именно этими врагами, они имѣютъ своихъ агентовъ среди самихъ правящихъ сферъ, искусно внушаютъ тамъ все, что имъ нужно, между тѣмъ какъ наши благонамѣренные интеллигенты и подозрѣвать того не хотятъ! А народъ инстинктивно, историческимъ чутьемъ видитъ эту опасность и всячески, хотя и неумѣло, протестуетъ противъ этого духовнаго насилія. Слава Богу, что еще имѣется среди самой интеллигенціи, какъ выше сказано, люди, не порвавшіе связи съ народомъ, еще живущіе народными идеалами, хотя и немного ихъ. Они объединяются въ сообщества и союзы, чтобы выяснить эти идеалы, укрѣплять ихъ въ своемъ собственномъ сознаніи, отстаивать ихъ предъ лицомъ прочей интеллигенціи. Шесть лѣтъ назадъ, когда въ Петербургѣ образовалось „Русское Собраніе",

намъ, русскимъ православнымъ людямъ, казалось какъ-то страннымъ, что въ русской столицѣ образуется *Русское* Собраніе... какъ будто столица-то не русская! Но когда это Собраніе стало проявлять свою дѣятельность, то осталось только благодарить основателей такого учрежденія. Стало ясно, что тутъ хотятъ объединиться истинно-русскіе люди, чтобъ послужить по мѣрѣ своихъ силъ своей родинѣ, своему родному народу, чѣмъ и какъ могутъ. Съ того времени появилось немало такихъ содружествъ, союзовъ, собраній, братствъ... Но вотъ въ чемъ опять-таки крайне прискорбное явленіе: въ правящихъ сферахъ имъ какъ будто не довѣряютъ, ихъ голосу не внимаютъ, нерѣдко ставятъ препятствія ихъ дѣятельности и какъ будто считаютъ ихъ тормазомъ въ дѣлѣ „обновленія“ Россіи... Стань правительство рядомъ съ носителями народной мысли, народныхъ идеаловъ, пойди за ними рука объ руку, и Россія дѣйствительно обновится, окрѣпнетъ, и народъ, въ его лучшихъ представителяхъ, возликуетъ, готовъ будетъ на все, на всякія жертвы, только бы представители власти поняли и оцѣнили его завѣтные идеалы. Къ сожалѣнію, въ верхнихъ кругахъ этого безповоротнаго рѣшенія не замѣчается: тамъ все какое-то колебаніе, какъ будто стыдятся прямо и рѣшительно, открыто и мужественно заявить, что они ни въ какомъ случаѣ не допустятъ ни малѣйшаго оскорбленія Церкви Православной, не позволятъ ни подъ какимъ видомъ соблазнять простецовъ пропагандой лжеученій, что, допуская свободу исповѣданія, отнюдь не допустятъ свободу распространенія лжеученій... Яркимъ примѣромъ, до какого шатанія въ отношеніи поруганія Церкви и завѣтныхъ народныхъ вѣрованій доходятъ наши интеллигенты, можетъ служить и самый послѣдній фактъ: говорятъ, въ Совѣтѣ министровъ серьезно обсуждается вопросъ о пріобрѣтеніи на народныя деньги имѣнія ясно-полянскаго богохульника, притомъ за сумму, чуть ли не въ три раза превосходящую дѣйствительную стоимость этого имѣнія, причемъ, само собою разумѣется, что могила этого, анаѳематствованнаго Церковію еретика, теперь служащая гнѣздомъ ядовитыхъ змѣй (фактъ, что въ день его рожденія на могилѣ сей былъ укушенъ змѣею мальчикъ, сынъ одного изъ почитателей этого слуги діавола) будетъ охраняться, какъ святыня... Не есть ли это какое-то — простите — непостижимое издѣвательство надъ народомъ православнымъ, надъ его матерью — Церковью, а кстати ужъ и надъ самою властью: вѣдь этотъ еретикъ былъ самый непримиримый анархистъ и врагъ государства!.. Говорить ли о какомъ-то систематическомъ покровительствѣ разнымъ съѣздамъ враговъ Церкви: баптистовъ, раскольниковъ, разныхъ сектантовъ... Скажите ради Бога: какая польза отъ всего этого для государства? На что понадобились эти съѣзды самимъ раскольникамъ и сектантамъ, кромѣ развѣ того, чтобы такъ или иначе „демонстрировать“ противъ св. Церкви? Ужели православное государство не могло коротко и рѣшительно всѣмъ имъ сказать: васъ никто не обижаетъ, никто не мѣшаетъ вамъ исповѣдывать свою вѣру: сидите же смирно и не оскорбляйте православнаго народа!.. Но можно ли ожидать отъ нашихъ интеллигентовъ такого „нелиберальнаго“ отношенія къ диссидентамъ? То же въ области идеаловъ государственнаго благоустройства, то же въ области русской политики...

Правда, въ послѣднее время много говорили о національномъ направленіи внутренней политики, но вѣдь слово „національный“ иностранное, и подъ „націей“ можно разумѣть какой-угодно народъ: по крайней мѣрѣ есть же публицисты, которые толкуютъ это слово въ смыслѣ не народа Русскаго, а всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію... Вотъ и судите: какъ не болѣть нашей матушкѣ Россіи, когда горсточка интеллигентовъ чуть не ежедневно по сердцу бьетъ настоящихъ православныхъ русскихъ людей, весь стомилліонный народъ, вездѣ и всюду проявляя заботы не о святыняхъ народнаго сердца, а о либеральныхъ бредняхъ инородцевъ, иностранцевъ, — мнѣніемъ народа пренебрегаетъ, а къ голосу измѣнившихъ народнымъ идеаламъ прислушивается; скажите: гдѣ, у какого народа это видано и слышано? Думается, что когда Варяги пришли править и владѣть Русью, то такъ не дѣлали, какъ дѣлаютъ наши интеллигенты, взбираясь на вершины общественной и государственной жизни. Едва ли такому образу дѣйствій подыщете болѣе мягкое названіе, какъ духовное насиліе! Вмѣсто того, чтобы быть, такъ сказать, мозгомъ нашего богатыря-народа, наша интеллигенція въ ея большей части, является какимъ-то болѣзненнымъ микробомъ въ его организмѣ, микробомъ, съ которымъ и борется могучій этотъ организмъ! Нормально ли это? Не безсмысленно ли, наконецъ?.. И будетъ ли этотъ микробъ все болѣе и болѣе проникать во всѣ ткани народнаго тѣла, не преобразуя его по своему образу и подобію,—нѣтъ: онъ и къ этому не способенъ, а постепенно разрушая его, или же могучій организмъ, наконецъ, поборетъ болѣзнь эту, переваритъ микроба, ассимилируетъ его съ самимъ собою, какъ онъ когда-то втягивалъ въ себя и ассимилировалъ съ собою всѣхъ этихъ Вятичей, Мерю, Весь и другіе народцы? Хотѣлось бы вѣрить въ послѣднее: не умирать же богатырю, не исполнивъ въ исторіи возложеннаго на него Богомъ послушанія! Пусть же вдумаются въ это всѣ, кому дорога наша матушка Русь православная, кто любитъ свой народъ нелицемѣрною любовію, кто знаетъ сокровища его сердца!.. Пусть вдумываются и дѣлаютъ, каждый свое дѣло, чтобъ помочь нашему славному Ильѣ Муромцу одолѣть всѣхъ соловьевъ разбойниковъ!...

103.

Какія бываютъ статьи въ нашихъ „духовныхъ“ журналахъ?

Обличай премудра, и возлюбитъ тя.

Дня не проходитъ, чтобы не видѣть признаковъ все возрастающаго нравственнаго разложенія, которое проникаетъ уже—страшно сказать,—туда, откуда должно бы ждать исцѣленія для русской народной жизни, противоядія разлагающимъ ее началамъ... Глубокая благодарность С. Синоду, положившему предѣлъ духовному растлѣнію со стороны такъ называемаго „Церковнаго Вѣстника“, замѣною кадействующаго редактора г. Титлинова почтеннымъ профессоромъ И. И. Соколовымъ; низкій поклонъ Высокопреосвященному Сергію, Архіепи-

скопу Финляндскому, взявшему на себя трудъ разобраться въ кадетскихъ выходкахъ этого журнала и раскрывшему всю ихъ неприглядность съ церковной точки зрѣнія. Нельзя не удивляться, какъ позволяла пропускать къ печати эти выходки совѣсть того, кто цензуровалъ „Ц. Вѣстникъ“. Вѣдь позоръ этотъ ложился на всю корпорацію того учрежденія, отъ имени коего издается этотъ журналъ.

А вотъ еще духовный журналъ, редактируемый даже Епископомъ и цензуруемый ректоромъ - архимандритомъ. Журналъ этотъ въ большей своей части пробавляется перепечатками изъ духовныхъ же, а отчасти и изъ свѣтскихъ періодическихъ изданій; оригинальныхъ статей въ немъ немного, въ каждой книжкѣ онъ даетъ что-нибудь и переводное. Въ прошлые годы онъ увлекался сочиненіями главы баптистскихъ (еретическихъ) проповѣдниковъ *Сперджона* и какъ-то приподнесъ своимъ читателямъ книжку—руководство къ проповѣдничеству этого господина; книжка написана въ духѣ прелести духовной и кромѣ вреда не принесла ничего читателямъ. А теперь вотъ что пишетъ мнѣ одинъ благочестивый мірянинъ объ этомъ „архіерейскомъ“ журналѣ:

„Августовскую книжку мнѣ досталъ одинъ знакомый, который, вмѣстѣ съ женою, глубоко возмущенъ напечатаннымъ въ этой книжкѣ разсказомъ Марка Твена подъ заглавіемъ: *Визитъ капитана Отормфильда на небо*. Возмутителенъ и самый разсказъ по своему сплошному кощунству, но еще болѣе возмутительно отношеніе редакціи журнала, снабдившей отъ себя этотъ разсказъ Твена особой рекомендаціей.

„Что же это, святый владыко? Какъ же послѣ этого протестовать намъ противъ лѣвой печати, если *духовные* журналы предлагаютъ своимъ читателямъ такую духовную пищу? И вѣдь цензурована ректоромъ семинаріи архимандритомъ, а редактирована даже Епископомъ! Просто глазамъ не вѣришь, что все это возможно. Владыка святый, обратите вниманіе кого слѣдуетъ на духовныхъ отравителей Русскаго народа! И подумаешь только, что эта отрава исходитъ изъ такого святого мѣста: больно, обидно, какъ смѣютъ осквернять св. обитель Преподобнаго Сергія печатаніемъ такихъ статей“.

„Простите за горячность, не осудите и благословите вашего преданнаго слугу“...

Слѣдуетъ подпись.

Прежде всего скажу въ защиту родной мнѣ обители: журналъ называется духовнымъ, издается подъ редакціей Епископа и подъ цензурой архимандрита: для начальства Лавры этого, кажется, достаточно, чтобы избѣжать подобныхъ упрековъ. Ужели монахамъ заводить свою цензуру того, что разрѣшается печатать архимандритамъ и даже епископамъ? Тогда нельзя уже никакихъ заказовъ принимать для типографіи. Да начальству Лавры и не до того, чтобы перечитывать все, что печатаютъ заказчики-архіереи и архимандриты, которые, притомъ же, и не подчинятся такой цензурѣ.

Обращаюсь къ разсказу Твена.

Прочиталъ я разсказъ, прочиталъ и „рекомендацію“ ему отъ редакціи. Сказать правду: мнѣ показалось, что тутъ со стороны редакціи простое недоразумѣніе и авторъ, если бы прочиталъ рекомендацію русскаго епископа, отъ души посмѣялся бы его простотѣ. Я не думаю, будто авторъ настолько не уменъ, чтобы писать *серьезно* такіе разсказы. Онъ писалъ, вѣроятно, для какого

нибудь юмористическаго или спиритическаго журнала вродѣ „Сатирикона“, или „Спирита“, а редакція русскаго духовнаго журнала приняла разсказъ за „серьезную“ попытку автора „понять загробную жизнь человѣка въ ея новыхъ условіяхъ, какъ они представляются ему самому“. Развѣ только предположить, что Твенъ—полный невѣжда въ ученіи хрістіанскомъ о загробномъ мірѣ, представляющій этотъ міръ въ духѣ того же матеріалистическаго, грубо-вещественнаго міровоззрѣнія, какъ было у язычниковъ. Но такое предположеніе было бы слишкомъ обидно для г. Твена. Вѣдь онъ — не ребенокъ, умѣетъ же онъ отличить понятія духовныя отъ вещественныхъ. Можетъ быть онъ, потерявъ вѣру въ духовный міръ, хотѣлъ просто осмѣять вѣрованіе всѣхъ хрістіанъ и приложивъ земную мѣрку, далъ волю своей фантазіи, чтобы потѣшить своихъ друзей-читателей? Но тогда, позвольте: въ какомъ же неумномъ положеніи оказался нашъ духовный журналъ, давая мѣсто переводу болѣзненнаго, враждебнаго Церкви бреда этого легкомысленнаго писателя?...

Судите сами, читатель, можно-ли серьезно останавливаться вниманіемъ переводить на русскій языкъ и печатать въ духовномъ журналѣ, подъ редакціей Епископа, такую, напримѣръ, съ позволенія сказать—чепуху: „Божество строило небо по либеральному плану“, „тамъ есть пріемныя конторы“, земля называется *бородавкой* (въ Англійскомъ языкѣ: *земля* — Earth, а *бородавка*—Warth, — есть созвучіе, способное вызвать у англичанина смѣхъ), люди по смерти обращаются въ ангеловъ, имъ привѣшиваютъ крылья, которыми однако летать нельзя, крылья они „отдаютъ въ стирку“, есть „старые плѣшивые морщинистые ангелы“, ангелы-люди курятъ трубки, играютъ на сценѣ, устаютъ, „какъ собаки“, проводятъ время въ пикникахъ, болтаютъ глупости съ дѣвицами. Съ цѣлію, вѣроятно, кощунства авторъ нарочито ставитъ имена Іереміи рядомъ съ Хамомъ и съ Буддой, Даніила—съ Саккіа и Конфуціемъ, Іезекіиля—съ Магометомъ и Зароастромъ, Моисея съ Исавомъ, причемъ двухъ послѣднихъ авторъ называетъ „парою великихъ Моголовъ“. По мѣстамъ у автора проскользаютъ циническія выраженія, наприм. „развѣ небо было бы небомъ, если бы нельзя было позлословить?“ Или: „все небо взбѣсится отъ радости, когда такой субъектъ будетъ спасенъ“.

Но довольно. Редакція журнала въ своей сопроводительной замѣткѣ говоритъ: „думаемъ, что прочитавшій эту статью, извлечетъ много для себя полезнаго и въ положительномъ и отрицательномъ (?) отношеніи“. А я думаю, что онъ не только потеряетъ время, но и посѣтуетъ на редакцію „журнала церковно-общественной жизни, науки и литературы“, и пожалѣетъ денегъ, затраченныхъ на подписку. Я же, какъ Епископъ православной Церкви, не могу не выразить глубокой скорби, что мой собрать по архіерейству печатаетъ въ своемъ журналѣ такую кощунственную чепуху и тѣмъ даетъ поводъ къ соблазну для благочестивыхъ мірянъ, умаляя въ ихъ глазахъ авторитетъ всего, что исходитъ отъ насъ, Епископовъ, преемниковъ апостольскаго служенія. Не хотѣлъ я возвышать свой голосъ противъ моего собрата, но вспомнилъ Апостола Павла, *въ лице противу* Апостола Петра *выставшаго, яко сей зазоренъ бѣ* (Гал. 2, 11). Вспомнилъ, и хотя нѣсмь достоинъ развязать ремень сандалій Павловыхъ, однако же совѣсть

понуждаетъ сказать то, что говорю, да не продолжится соблазнъ среди людей Божіихъ. Не такое нынѣ время, чтобы молчать въ виду соблазна.

Да и въ Писаніи сказано: *достовѣрнѣе суть язвы друга паче, нежели вольная лобзанія врага.*

104.

Гипнозъ всеобщаго обученія.

Говорятъ, что индійскіе іоги обладаютъ такою силою внушенія, что могутъ загипнотизировать сразу огромную толпу народа. А мнѣ думается, что сила гипноза, если понимать ее въ болѣе широкомъ смыслѣ, идетъ гораздо дальше, что возможно загипнотизировать не только опредѣленную толпу, которую можно сразу окинуть взглядомъ, но и тысячи людей, разбросанныхъ на сотни тысячъ квадратныхъ верстъ, можно внушить имъ самую непріемлемую трезвымъ разсудкомъ и даже здравымъ смысломъ идею и заставить ихъ преклониться предъ этой идеей, безпрекословно служить ей... Я говорю о духовномъ гипнозѣ. Самымъ наглядным, какъ доходящимъ до смѣшнаго, до нелѣпости, примѣромъ такого гипноза служитъ *мода*: какъ бы ни была нелѣпа, какъ бы ни была разорительна—ея предписанія выполняются безпрекословно, и, если только имѣются какія-нибудь средства, считается неприличіемъ, своего рода позоромъ явиться на балъ не въ модномъ платьѣ...

Я сейчасъ назову одну такую идею, которую считаю внушенною, но заранѣе знаю, что за это многіе обзовутъ меня обскурантомъ, мракобѣсомъ и другими не менѣе лестными именами существительными и прилагательными. Я прошу объ одномъ: не искажать моей мысли, взять самое зерно ея и поглубже въ него вдуматься. Итакъ, слушайте: я утверждаю, что идея *всеобщаго обученія* въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ наши радѣтели народнаго просвѣщенія, есть внушеніе, гипнозъ, мечта, здравымъ разумомъ не пріемлемая при современныхъ условіяхъ народной русской жизни. Знаю, мнѣ скажутъ: вы—врагъ народнаго просвѣщенія, поборникъ невѣжества и т. п. Но кто же доказалъ, будто всеобщее обученіе есть *просвѣщеніе* народа? Эти два понятія отстоятъ одно отъ другого какъ небо отъ земли. Всякое обученіе, не исключая даже и обученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ разныхъ университетахъ и академіяхъ, есть только именно *обученіе*, сообщеніе той или другой суммы знаній, развитіе только одной стороны человѣческаго духа—умственной его дѣятельности да притомъ еще далеко не всегда имѣющее нравственную цѣнность. А это еще не есть просвѣщеніе. Вспомните, какъ опредѣлялъ нашъ великій Гоголь понятіе просвѣщенія. Просвѣтить, говоритъ онъ, значитъ *высвѣтлить*, насквозь пронизать *все* духовное существо человѣка чистымъ свѣтомъ Христова ученія, очистить его отъ всякой духовной нечисти: лжи, суевѣрія, нравственной нечистоты... Было бы недобросовѣстно съ нашей стороны не признаться, что *такого* просвѣщенія почти ни одна школа не даетъ, или если какая даетъ, то въ очень малой степени. Съ большею справедливостью слѣдовало бы просвѣще-

ніемъ называть не обученіе, а воспитаніе, слѣдовало бы переставить въ отношеніи ихъ цѣнности эти два понятія: во первыхъ—воспитаніе, во вторыхъ—обученіе. Для жизни не столько нужно обученіе, сколько воспитаніе и во всякомъ случаѣ—воспитаніе въ хрістіанскомъ духѣ есть само по себѣ *добро*, а обученіе само по себѣ ни добро, ни зло: это только средство дѣлать добро или зло, а безъ воспитанія чаще всего является зломъ... Доказано, что съ возрастаніемъ грамотности возрастаетъ и преступность, и это конечно потому, что даютъ дѣтямъ въ руки ножъ, а не научаютъ ихъ употреблять его на пользу себѣ и другимъ...

Вѣдь все это давнымъ—давно извѣстно, все это — неоспоримыя истины, и однакоже давайте намъ обученіе, да еще всеобщее, и—ни слова о воспитаніи!...

Мнѣ скажутъ: при обученіи само собою разумѣется и воспитаніе.

Не будемъ лицемѣрить, будемъ смотрѣть въ глаза самой жизни, самому дѣлу обученія, какъ оно стоитъ... Мнѣ кажется, не стоитъ напрасно тратить время, чтобы доказывать, что всѣ наши школы, и высшія, и среднія, и низшія почти не думаютъ о воспитаніи: вся ихъ забота сосредоточена на учебѣ. Развѣ только наша бѣдная — церковно-приходская школа еще дѣлаетъ кое-что для воспитанія дѣтей народа, но не за то ли ее и гонятъ несчастную, не за то ли и хотятъ изморомъ извести? Я не врагъ грамотности, но и не считаю ее такимъ великимъ благомъ, чтобы выбрасывать на нее тѣ милліоны, которые выжимаются изъ народа преступнымъ поощреніемъ пьянства: простите мнѣ, иначе я не умѣю назвать систему монополіи въ продажѣ водки. О, конечно, если бы не было на насъ десяти-одиннадцати милліардовъ долговъ, если бы не приходилось каждый годъ выплачивать по этимъ долговымъ обязательствамъ полмилліарда однихъ процентовъ,—тогда нашъ первый долгъ лежалъ бы позаботиться о народной школѣ,—говорю о школѣ, но еще не о всеобщемъ обученіи, ибо для всеобщаго обученія надо прежде всего позаботиться о томъ, кого приставить къ этому дѣлу—о воспитателяхъ народа—учителяхъ, а еще періѣе—о пастыряхъ, объ отцахъ духовныхъ, какъ воспитателяхъ народа въ духѣ Хрістова ученія. Но попытайтесь сказать это вслухъ нѣкоторыхъ нашихъ законосоставителей—на васъ обрушатся всѣ громы и молніи этихъ якобы просвѣщенныхъ господъ!.. Какъ не признать это — гипнозомъ, своего рода помѣшательствомъ на внушенной идеѣ? А что она внушена, въ этомъ для меня сомнѣнія нѣтъ. И внушена она врагами рода человѣческаго масонами и іудеями. И нужно это всеобщее обученіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно несомнѣнно будетъ вводиться—нужно не народу, а вотъ этимъ непрошенымъ радѣтелямъ народнаго блага. Вѣдь никакого сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что дѣло обученія, если оно попадетъ въ руки этихъ просвѣтителей, поведется такъ, что изъ души народной будетъ вытравлено все, что такъ дорого русскому человѣку, за что онъ умиралъ, что выстрадалъ и сберегъ за тысячу лѣтъ своего историческаго бытія. Попробуйте потребовать, чтобы въ народныя школы ввели старыя, столь любимыя нашимъ народомъ книги Часословъ и Псалтирь: да одно наименованіе сихъ священныхъ книгъ способно вывести ихъ изъ состоянія духовнаго равновѣсія: мыслимо ли-де это? Какое мракобѣсіе, креликализмъ, обскурантизмъ

и прочіе безумные глаголы... Вотъ если вмѣсто Евангелія и Псалтири учить дѣтей по Толстому—вотъ это будетъ „просвѣщеніе!“ На это и учителей достаточно: говорятъ, изъ Сибири и другихъ не столь отдаленныхъ мѣстъ въ послѣднее время вернулось до 22000 такихъ народныхъ просвѣтителей: вотъ имъ и надо дѣло и мѣсто дать!

Я со страхомъ помышляю о томъ времени, когда осуществится *такое* всеобщее обученіе. Уже и теперь по мѣстамъ юные грамотеи, наслушавшись всякихъ освободительныхъ бредней, начитавшись жидовскихъ газетъ и брошюръ, потеряли и Бога, и совѣсть, и стыдъ, и всякій страхъ, и терроризуютъ деревню: что будетъ, когда все молодое поколѣніе заразится этой отравой? Что станется съ народомъ, когда наше старое поколѣніе все сойдетъ въ могилу? Что будетъ съ Русью нашей, когда отравленное невѣріемъ, кощунствомъ, богохульствомъ и всякими модными масонскими бреднями, выродившееся въ идіотовъ отъ алкоголизаціи, новое, больное и духомъ и тѣломъ поколѣніе явится хозяиномъ на родной землѣ?.. Вѣдь надо помнить, если мы хрістіане, что Богъ поругаемъ не бываетъ! Надо помнить, что даже наука,—не говорю уже о нравственномъ законѣ, о правосудіи Божіемъ—даже безпристрастная наука свидѣтельствуетъ, что въ самыхъ законахъ природы лежитъ законъ возмездія за нарушеніе закона нравственнаго...

Мы открываемъ новые университеты въ то время, когда наша русская наука, можно сказать, дошла до банкротства, когда ею завладѣли іудеи, когда годами пустуютъ десятки каѳедръ въ іудействующихъ университетахъ, когда жрецы науки въ большинствѣ обратились въ прислужниковъ недобросовѣстной, противонародной политики и антихрістіанскихъ лжеученій, и вотъ, въ такое-то время мы готовы бросить десятки милліоновъ на новые университеты сотни милліоновъ на всеобщее обученіе, не желая давать себѣ отчета даже въ томъ: найдемъ ли достаточно людей науки, чтобы обслуживать эти университеты, эти новыя народныя школы?... Что все это, какъ не гипнозъ, какое-то помѣшательство на искаженной идеѣ просвѣщенія?

Нужно сначала отрезвить народъ, потомъ просвѣщать. Прежде спасти его отъ алкоголизаціи, отъ вырожденія, отъ поголовной гибели... А то „просвѣщеніе“, которое готовятъ ему въ видѣ „всеобщаго обученія“ съ учителями новаго типа, только ускорить эту гибель. Если есть у васъ лишнихъ сто милліоновъ—то сократите на эту сумму спаиваніе народа. Если нѣтъ никакой возможности обойтись безъ питейнаго дохода *сразу*, уничтоживъ всякое производство и продажу алкоголя во всѣхъ его видахъ, признавая его ядомъ наравнѣ съ опіумомъ, гашишемъ и подобными отравами, строжайше преслѣдуя его продажу и выдѣлку,—то *постепенно* сводите доходы отъ этого яда на нѣтъ. Этихъ доходовъ получаетъ государство въ чистомъ видѣ, за покрытіемъ расходовъ по монополіи, положимъ, полмилліарда въ годъ. Признано возможнымъ чрезъ десять лѣтъ тратить на „всеобщее обученіе“ лишнихъ по сто милліоновъ въ годъ. Если имѣть мужество отказаться на время не только отъ „всеобщаго обученія“, но и еще отъ многихъ прихотей и предметовъ роскоши, отъ казенныхъ театровъ, напримѣръ, предоставивъ заботу на все это изыскивать средства тѣмъ, кто хочетъ пользоваться этой роскошью, если, взамѣнъ питейнаго дохода,

обложить акцизомъ, напримѣръ, всю бумагу, какая бы она ни была, и многое другое, если даже, наконецъ, ввести снова подоходный или иной какой налогъ на все, безъ исключенія, населеніе имперіи, то кто знаетъ, можетъ быть мы и побѣдили бы кажущагося доселѣ непобѣдимымъ врага — народное пьянство! А затѣмъ еще нѣсколько лѣтъ усилій, чтобы покрыть государственные долги, и мы стали бы счастливѣйшимъ народомъ среди народовъ земныхъ, безъ всякаго питейнаго дохода. Вѣдь если сказать правду, то весь чистый (какъ это слово не къ мѣсту приходится употреблять! Лучше бы сказать—весь *нечистый)* доходъ отъ питей приходится отдавать кредиторамъ какъ процентъ, и не будь долговъ—не было бы этого расхода. Вотъ тогда и можно было бы говорить и о всеобщемъ обученіи, и—непремѣнное условіе: подъ надзоромъ и руководствомъ Церкви, и объ университетахъ, конечно съ составомъ профессоровъ—честныхъ служителей науки, и о многомъ другомъ, о чемъ теперь и мечтать нельзя...

Но я скажу нѣчто болѣе отрадное; если бы можно было сдѣлать опытъ: абсолютно отрезвить хотя бы одну губернію, оградивъ ее отъ водки совершенно, то—я увѣренъ—чрезъ пять лѣтъ въ ней само собою появилось бы, безъ участія казны, и всеобщее обученіе... И это чудо совершилось бы естественно: то, что теперь пропиваетъ эта губернія, осталось бы въ ея экономіи, трудоспособность народа повысилась бы вдвое, втрое, явилась бы потребность, нашлись бы и средства у самого населенія, безъ пособія казны, къ открытію школъ, развитію ремеселъ, кустарнаго производства,..

Ужели это невозможно? Какъ же въ Америкѣ есть штаты, гдѣ абсолютно нѣтъ алкоголя? Или что у другихъ народовъ возможно, то у насъ немыслимо? Да проявите же наконецъ мужество взять въ руки возжи, повѣрьте въ совѣсть народную, призовите св. Церковь въ помощь!.. Вѣдь рѣчь идетъ о спасеніи народа, великаго народа, великаго государства, вѣдь предъ нами стоитъ неотступно вопросъ: быть или исчезнуть въ исторіи нашей Руси святой?

Время всякой вещи подъ небесемъ, говоритъ великій царственный мудрецъ. Придетъ время и всеобщему обученію. Но на очереди прежде всего стоитъ вопросъ о спасеніи народа отъ вырожденія, отъ алкоголизаціи. И если видится возможность бросить сто милліоновъ на всеобщее обученіе, то бросьте эти милліоны на борьбу съ алкоголемъ. Какъ это сдѣлать—особый вопросъ. Быть можетъ постепеннымъ терроріальнымъ вытѣсненіемъ алкоголя, напримѣръ: съ такой—то губерніи получается 20 милліоновъ, постановите, чтобы въ теченіи двухъ лѣтъ были закрыты всѣ до единаго мѣста продажи алкоголя въ этой области, а противъ тайной продажи ввести драконовскіе законы, чтобы не повадно было шинковать. Чрезъ 10—20 лѣтъ Россія избавится отъ водки... А можетъ быть люди умные придумаютъ другую систему борьбы съ алкоголемъ. Такъ ли, иначе ли, но если мы не хотимъ исчезнуть безслѣдно со страницъ исторіи, или обратиться въ вьючный скотъ для іудеевъ, то прежде всего надо объявить безпощадную борьбу съ алкоголемъ. А всеобщее обученіе насъ не спасетъ отъ всеобщей гибели....

Пишу я эти строки и думаю: а дочитаютъ ли ихъ до конца мои читатели? Не скажутъ ли: „ну, за-

мечтался архіерей? Мыслимо ли то, что онъ проектируетъ?"

Да, конечно, не мыслимо, если нѣтъ среди насъ на лицо богатырей мысли и дѣла, если мы такъ дряблы, что не хотимъ проявить ни малѣйшей инчціативы, если идемъ на поводкѣ у разныхъ либераловъ—рабовъ масонства и іудейства. И до боли горько сознавать, что какіе-то азіаты-японцы, язычники по вѣрѣ, не благородные арійцы, а желтокожіе монголы, больше насъ любятъ свою родину, больше насъ проявляютъ инціативы въ государственной жизни... А мы, потомки великихъ собирателей Руси, мы, носители лучшихъ завѣтовъ хрістіанской культуры въ православіи, мы, сумѣвшіе еще такъ недавно объединить въ одно цѣлое шестую часть земного шара, мы, имѣющіе у себя идеальнѣйшую власть въ лицѣ Божія Помазанника—Самодержца,—мы—увы—боимся пошевелить собственными мозгами, чтобы спасти себя, свою родную Русь, мы стыдимся высказать что-либо такое, что покажется нелиберальнымъ „Европѣ", а лучше, прямѣе сказать—іудеямъ-масонамъ, мы рабски повторяемъ то, что подскажутъ намъ эти фарисеи-лицемѣры!... Вѣдь у нихъ такой богатый запасъ красивыхъ, хотя въ сущности пустѣйшихъ словъ: „свобода совѣсти, свобода печати, свобода собраній, союзовъ... всеобщее обученіе, высшая наука" и т. д. и т. д. безъ конца! И всѣ эти слова имѣютъ какую-то чарующую, гипнотизирующую силу, мы не въ силахъ противостоять этому очарованію. Мы не смѣемъ даже подумать русскимъ, свободнымъ умомъ, русскою, какъ говорили наши дѣды, смекалкою... И они, наши враги, отлично это знаютъ и отлично играютъ на этой нашей больной струнѣ. Стоитъ громко свое русское, прямое слово сказать, какъ они поднимаютъ такой лай, что не радъ будешь проявленію своего мужества, ибо нѣтъ увѣренности, что и свои-то, русскіе люди, тебя поддержатъ. До чего мы дошли? До такого униженія, до такого позора! Право же стыдно становится за нашу интеллигенцію, за наши правящіе классы! Стыдно, но и—грѣшно! Грѣшно предъ Богомъ, грѣшно и предъ народомъ...

II.

Я кончилъ свой дневникъ о всеобщемъ обученіи, когда мнѣ подали № 282 „Русскаго Знамени", въ которомъ я прочиталъ статью г. Оиты „Какъ франкъ-масонство завоевало народную школу во Франціи". Я очень и очень рекомендовалъ бы всѣмъ, кто еще не запутался въ сѣтяхъ этой проклятой тайной организаціи, кто любитъ нашу матушку Русь православную, кто желаетъ ей добра, не разъ перечитать эту статью. Онъ увидалъ бы, что воистину ничто не ново подъ солнцемъ, и нашу бѣдную родину ведутъ по тому же богоотступническому пути, по какому франкъ-масоны уже привели несчастную Францію на край погибели. Мы спимъ, а эти дѣти сатаны у насъ работаютъ настолько успѣшно, что на послѣднемъ масонскомъ конвентѣ въ прошломъ сентябрѣ произведено было нѣсколько „побѣдныхъ салютовъ", то-есть взрывовъ рукоплесканій въ честь „той великой страны, въ которой, несмотря на всѣ трудности, франкъ масонству удалось достигнуть въ эти годы чрезвычайно важныхъ результатовъ". Какая это страна и какіе это результаты,—замѣчаетъ авторъ, не трудно догадаться всякому...

Оффиціально масонамъ отказано въ разрѣшеніи пропаганды въ Рос-

сіи. Но они вторглись къ намъ подъ разными наименованіями и крѣпко засѣли и раскинули свои гибельныя сѣти по всей Россіи. У насъ образовалось множество всевозможныхъ „лигъ“, а въ послѣднее время въ Петербургѣ возникъ „французскій институтъ“, поставившій себѣ задачею „болѣе широкое распространеніе французскихъ идей среди русскаго народа“. Какія это идеи—чтый да разумѣетъ. Какъ масонамъ не торжествовать побѣду надъ нами! Удивляться надо, какъ ослѣпли наши власть имущіе, что ничего не видятъ, ничѣмъ не тревожатся, ничего не подозрѣваютъ?

Исторія Франціи послѣдняго столѣтія ясно указываетъ, къ чему стремятся масоны и у насъ. Ихъ главная задача—„обезхрістіаненіе“ всего человѣчества, уничтоженіе хрістіанства, а съ нимъ и всякой культуры на землѣ и превращеніе всѣхъ людей въ рабочій скотъ для себя. Съ этой цѣлію они захватываютъ въ свои руки школу, вытравляютъ у дѣтей всякое религіозное, нравственное и патріотическое чувство, тщательно вычеркиваютъ имя Божіе изъ учебниковъ, а когда и это неудобно, то нарочито сочиняютъ учебники, въ коихъ ни слова нѣтъ о Богѣ, о Церкви, о любви къ отечеству... Въ несчастной Франціи все это почти достигнуто, а у насъ стоитъ на очереди... И тамъ началось съ закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи и изгнаніемъ изъ школъ духовенства, какъ мечтаютъ сдѣлать и у насъ. И тамъ отобрали всѣ школы у церкви, какъ хотятъ отнять и у насъ. Тамъ дошло дѣло до того, что учителя всѣхъ школъ состоятъ членами масонскихъ ложъ, что Распятія и др. священныя изображенія выброшены изъ школъ, молитва въ школахъ запрещена, строжайше запрещено учителямъ и учительницамъ ходить и водить въ церковь дѣтей и пытаются даже родителей наказывать штрафомъ, если будутъ водить дѣтей въ храмъ Божій... Спеціалистами безбожія выработанъ и катихизисъ, кончающійся такимъ исповѣданіемъ вѣры:

„Я вѣрую въ Землю, созидательницу всякой матеріи;

„я вѣрую въ Разумъ, Творца всяческой справедливости;

„я вѣрую въ Солидарность, источникъ всякаго могущества.

„Человѣчество обладаетъ этими тремя вещами, человѣчество можетъ поэтому достигнуть само Совершенства.

„Такъ должно быть, такъ и будетъ. Аминь“.

Такимъ образомъ начальное народное образованіе очутилось цѣликомъ во власти масоновъ. Несравненно легче и скорѣе масоны овладѣли средними и высшими школами. Могучимъ орудіемъ къ этому послужила печать, которая почти вся въ ихъ рукахъ. Печать подготовляла общественное мнѣніе. Авторъ говоритъ: „Все было съ замѣчательной предусмотрительностью обсуждено и учтено. Великій Востокъ (центральная ложа масоновъ) понималъ хорошо, что великія дѣла не проходятъ безъ затрудненій и потому, когда иной его проектъ встрѣчался въ палатѣ криками ужаса и протестовъ, онъ этимъ нисколько не смущался, ибо это было уже предусмотрѣно. Обыкновенно, послѣ внесенія такого сногсшибательнаго предложенія, послѣднее передавалось въ парламентскую комиссію, которая согласно полученнымъ, откуда слѣдуетъ, инструкціямъ нѣсколько видоизмѣняла законопроектъ, все что смягчая и выкидывая изъ него. Ядъ былъ разбавленъ, чаша подслащена, но напитокъ сохранялъ

всю силу своей вредоносности. А между тѣмъ негодованіе мало-помалу умѣрялось, протесты становились слабѣе... Что жъ? И то хорошо, чего добились! Хуже вѣдь могло случиться... Наконецъ, когда законопроектъ снова передавался на усмотрѣніе палаты, въ него вводились еще одна-двѣ легонькихъ, пустяшныхъ поправки и—злодѣйскій законъ прошелъ!.. Утомленное, обезкураженное общественное мнѣніе покоряется. А печать не дремлетъ: создаетъ лукавыми статьями иллюзію якобы достигнутаго новымъ закономъ успѣха".

Читая эти строки, поражаешься: да вѣдь все это буквально происходитъ и у насъ, въ нашихъ „палатахъ"! Все это мы, члены Г. Совѣта, видимъ воочію! Вѣдь вотъ именно такъ прошелъ (слава Богу—неутвержденный Государемъ) законопроектъ о разстригахъ; такъ прошелъ законопроектъ о переходѣ изъ одной вѣры въ другую; такъ идутъ теперь законопроекты о праздникахъ и о всеобщемъ обученіи. Очевидно, масоны работаютъ и у насъ безъ всякаго стѣсненія. Да и чего имъ стѣсняться, когда все—къ ихъ услугамъ: и печать и общественное мнѣніе, и представители власти, и наши якобы законодательныя учрежденія... Если заглянуть имъ въ душу, то и они мечтаютъ о томъ же, о чемъ уже говорятъ французскіе ихъ „братья": „пока мы не измѣнимъ радикально мозгъ нашихъ согражданъ, пока мы не дадимъ совершенно другого направленія умственности французскихъ (читай: русскихъ) дѣтей, франмасонство должно считать себя еще ничего не сдѣлавшимъ... Поэтому надо всѣми мѣрами добиваться проведенія закона, которымъ возбранялось бы формально родителямъ, родственникамъ и опекунамъ воспитывать своихъ дѣтей въ какой-либо религіи подъ страхомъ лишенія ихъ родительскаго, родственнаго и опекунскаго авторитета и легальной власти, и отобранія дѣтей, и порученія таковыхъ, за счетъ виновныхъ, государству".

И нѣтъ сомнѣнія, если Русскій народъ не дастъ могучій отпоръ этимъ вожделѣніямъ, то и у насъ будетъ то же, что во Франціи. И мы съ ужасомъ увидимъ прямое гоненіе на вѣру православную со стороны этихъ слугъ сатаны, которые и дѣтей нашихъ будутъ отнимать у насъ, чтобы воспитывать ихъ въ ненависти къ нашей св. вѣрѣ, и у насъ, какъ хорошо выразился „Колоколъ", будутъ свои „янычары", и у насъ—скорѣе, чѣмъ во Франціи,—польется кровь христіанская...

Вотъ край желаній тѣхъ, кто такъ радѣетъ у насъ о всеобщемъ обученіи! Не г.г. министровъ, которые составляли законопроектъ, а тѣхъ, кто всѣ уши прожужжалъ симъ министрамъ, требуя сего законопроекта...

Пора же наконецъ опомниться, пока не поздно! Пора рѣшительно и твердо порвать дружбу съ правительствомъ Франціи, измѣняющимъ Христу и открыто служащимъ сатанѣ! Пора взяться за свой русскій умъ и итти своей, Богомъ указанной дорогой! Вѣдь право же тошнитъ отъ этого подслуживанья врагамъ рода человѣческаго, этого пресмыканія предъ мерзостію запустѣнія, что царитъ въ несчастной Франціи, что губитъ уже многіе народы...

106—107.

Памяти великаго священномученика за отечество.

Счастливъ народъ, помнящій завѣты своихъ предковъ благочестивыхъ; счастлива Церковь, присно пребывающая въ благодатномъ общеніи съ Церковію вѣковъ минувшихъ; счастливъ ты, православный Русскій народъ, что есть у тебя крѣпкіе предъ Богомъ стоятели и печальники, но счастливъ дотолѣ, пока идешь по стопамъ ихъ, пока свято хранишь завѣты ихъ!

Мы переживаемъ крайне опасное для отечества нашего время, когда темныя силы вражьи стремятся отравить и убить нашу русскую православную душу, исказивъ или, по крайней мѣрѣ, подмѣнивъ все наше народное православно-русское міросозерцаніе. И вотъ, промысломъ Божіимъ, это печальное и опасное для народа, для Россіи, время совпадаетъ съ годовщинами великихъ воспоминаній далекаго по времени, но близкаго сердцу прошлаго въ исторіи нашего отечества. И встаютъ предъ нами великіе герои духа изъ того отдаленнаго прошлаго, и во главѣ ихъ — несокрушимый адамантъ вѣры, богатырь духа, святѣйшій всероссійскій Патріархъ Гермогенъ. 17 февраля исполняется ровно триста лѣтъ, какъ заморенный голодомъ въ мрачномъ подземельи Чудова монастыря отошелъ къ Богу святою своей душой этотъ священномученикъ за отечество. Благовременно вспомнить его священные завѣты, особенно благопотребные для нашего, столь измельчавшаго духомъ и оскудѣвшаго вѣрою поколѣнія.

За свое ревностное служеніе Церкви и строгую подвижническую жизнь удостоенный сана митрополита только-что покоренной Казани, святитель Божій весь отдался святому дѣлу утвержденія въ православіи новокрещенныхъ татаръ, изъ коихъ нѣкоторые возвращались въ магометанство, а другіе уклонялись въ католичество и лютеранство. Митрополитъ Гермогенъ испросилъ у Царя Ѳеодора Іоанновича указъ, въ силу котораго новокрещенные татары поселены были вмѣстѣ съ русскими въ особой слободѣ, гдѣ для нихъ построили церковь и наблюдали за ними, чтобы они посѣщали богослуженіе, носили кресты на груди, имѣли у себя иконы и жили по православному. А иновѣрцамъ было запрещено брать на службу къ себѣ православныхъ. Святитель Божій не пускался въ разсужденія о какой-то свободѣ совѣсти: онъ вѣровалъ, что истина православія превыше всѣхъ сокровищъ на землѣ и ограждалъ ее всею силою своей святительской власти. И ни въ какія сдѣлки съ своею совѣстью онъ не входилъ, и грѣхомъ почелъ бы допускать совращенія изъ православія въ какую бы то ни было иную вѣру.

Вотъ урокъ вашимъ законопоставителямъ! Вотъ завѣтъ великаго поборника вѣры православнымъ русскимъ людямъ! Хотите милости Божіей—не стыдитесь исповѣдать православную вѣру, какъ едину истинную, едину спасающую, какъ неоцѣненное сокровище, намъ ввѣренное; старайтесь и другіе народы дѣлать участниками и причастниками этого безцѣннаго сокровища, хотя бы для сего потребовалось иногда употребить и не совсѣмъ либеральныя мѣры—въ родѣ тѣхъ,

какія примѣняются къ неразумнымъ дѣтямъ...

Но вотъ святитель вызванъ въ Москву. На престолѣ Русскихъ Царей — ставленикъ поляковъ самозванецъ Лжедимитрій. Онъ высказывается за унію съ римскимъ папой. Онъ хочетъ жениться на полькѣ-католичкѣ, не присоединяя ее къ православной Церкви. И почти всѣ молчатъ, никто не протестуетъ противъ новшества, которое грозитъ уничтоженіемъ православія на Руси... Только митрополитъ Гермогенъ да коломенскій святитель Іосифъ открыто возстаютъ противъ этого оскорбленія Церкви Православной, только они громко заявляютъ, что невѣста названнаго Димитрія должна принять крещеніе, торжественно исповѣдать истину православія, иначе бракъ не будетъ законнымъ... Самозванецъ за такое дерзновеніе высылаетъ Гермогена въ Казань, гдѣ онъ не лишился своей кѳедры только потому, что Лжедимитрій вскорѣ послѣ того былъ растерзанъ народомъ...

Вотъ урокъ и намъ, святителямъ, и каждому, кто поставленъ говорить правду предъ сильными міра сего. Не бойся, забудь свою личную жизнь, не смотри на тѣ бѣды, которыя, можетъ быть, грозятъ тебѣ за правду Божію: смѣло стой за святую вѣру православную, если видишь гдѣ-нибудь и въ чемъ нибудь опасность для нея! Истина Хрістова, вѣра православная, дороже нашей жизни. Святое православіе есть душа русской души народной. Не будетъ православія на Руси—не будетъ и народа Русскаго. За истину святаго нашего православія мы должны быть готовы отдать все: и честь нашу, и всѣ блага земныя, и самую жизнь. Станемъ же въ своей совѣсти предъ лицемъ этого великаго стоятеля за православіе, святителя Гермогена, и спросимъ себя: готовы ли мы на это? Не лукавимъ ли во имя разныхъ либеральныхъ бредней, во имя масонской свободы совѣсти, гуманизма и прочихъ безсмысленныхъ глаголовъ?.. А время, нами переживаемое, несмотря на проповѣдь всяческихъ „свободъ“, именно требуетъ такого мужественнаго исповѣданія и не лишено возможности гоненій...

Царствуетъ Василій Іоанновичъ Шуйскій, а смута не утихаетъ: является второй самозванецъ, мѣтко заклейменный въ исторіи именемъ „тушинскаго вора“. Святитель Гермогенъ уже на престолѣ патріаршемъ. Онъ мужественно стоитъ противъ смутьяновъ. Онъ посылаетъ къ мятежникамъ для увѣщанія крутицкаго митрополита Пафнутія. Онъ разсылаетъ по городамъ грамоты, въ которыхъ извѣщаетъ о гибели перваго самозванца-еретика Гришки Отрепьева, о перенесеніи св. мощей Царевича Димитрія въ Москву, о воцареніи Шуйскаго—Царя благочестиваго и поборателя по православной вѣрѣ. Онъ предупреждаетъ, что явился новый самозванецъ, и требуетъ отъ духовенства, чтобы его грамоты были по нѣсколько разъ прочитаны народу при служеніи молебновъ о здравіи и спасеніи Богомъ вѣнчаннаго Государя. Такъ онъ старался утвердить въ умахъ и сердцахъ тогдашнихъ русскихъ людей вѣрность законному Царю. И его слова ложились на добрыя русскія сердца, и многіе отстали отъ самозванца и вернулись на службу къ Василію Іоанновичу.

Чтобы еще болѣе разсѣять туманъ смуты въ умахъ, Царь и Святитель Гермогенъ вызвали изъ Старицы бывшаго Патріарха Іова, чтобы онъ даровалъ народу разрѣшеніе отъ грѣховъ—нарушенія крестнаго цѣ-

лованія и измѣны. 20 февраля 1607 года въ Успенскомъ соборѣ произошло всенародное покаяніе предъ престарѣлымъ Патріархомъ Іовомъ, который разрѣшилъ виновныхъ въ клятвопреступленіяхъ и измѣнахъ. На многихъ это подѣйствовало благотворно, но не на всѣхъ. Смута развратила умы до того, что люди забывали долгъ свой въ отношеніи къ родинѣ, къ родной Церкви и переходили на сторону второго самозванца—Тушинскаго вора, несмотря на то, что онъ вовсе даже не былъ похожъ на перваго Лжедимитрія (говорятъ, это былъ просто—жидъ изъ Польши). Этого бродягу сопровождали іезуиты которымъ былъ данъ наказъ дѣйствовать осторожнѣе, чѣмъ при первомъ самозванцѣ, въ дѣлѣ распространенія уніи и латинства въ Россіи. Іезуиты должны были удалять отъ самозванца русскихъ людей, окружая его католиками и уніатами, всячески склонять бояръ къ измѣнѣ православію, заводить въ Россіи католическія и уніатскія школы, строить костелы, изгонять изъ Россіи грековъ и пр. Конечно, все это тщательно укрывалось отъ всѣхъ русскихъ людей, но прозорливый Патріархъ раньше другихъ разгадалъ лукавыя цѣли поляковъ. Онъ еще ревностнѣе сталъ поддерживать Царя Василія Іоанновича, какъ защитника православія. Онъ не останавливался даже предъ анаѳемою противъ измѣнниковъ Царю и отечеству. Въ 1609 году мятежники вытащили его на Лобное мѣсто среди Красной площади и, тряся его за воротъ, бросая ему песокъ въ лицо, требовали, чтобы онъ присоединился къ нимъ для низложенія Царя Василія Іоанновича съ престола, ссылаясь на то, что этотъ Царь былъ избранъ одною Москвою, безъ участія другихъ городовъ и что изъза него льется кровь многая. Но Патріархъ рѣшительно сказалъ измѣнникамъ: „доселѣ ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Тверь, ни Астрахань, ни другіе города Москвѣ не указывали, а Москва всѣмъ имъ указывала; а что кровь льется—то не вина Царя". Твердость первосвятителя способствовала тому, что крамольный замыселъ на сей разъ не удался, а заговорщики убѣжали въ Тушино. Тогда Патріархъ и туда отправилъ свою грамоту. „Обращаюсь къ вамъ, бывшимъ православнымъ хрістіанамъ всякаго чина и возраста", писалъ онъ, „а нынѣ не вѣдаемъ, какъ и назвать васъ, ибо вы отступили отъ Бога, возненавидѣли правду, отпали отъ соборной и Апостольской Церкви, отступили отъ Бога и святымъ елеемъ помазаннаго Царя, вы забыли обѣты православной вѣры нашей, въ которой мы родились, крестились, воспитались, возрастали, преступили крестное цѣлованіе и клятву—стоять до смерти за домъ Пресвятыя Богородицы и за Московское государство и пристали къ ложно-мнимому царику вашему. Болитъ моя душа, ноетъ сердце, я плачу и съ рыданіемъ вопію: помилуйте, братія и чада, свои души и своихъ родителей, отошедшихъ и живыхъ, посмотрите, какъ отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганію предаются св. иконы и церкви, какъ проливается кровь неповинныхъ, вопіющая къ Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружіе: не на Бога ли, сотворившаго васъ, не на своихъ ли братьевъ? Не свое ли отечество разоряете? Заклинаю васъ именемъ Господа Бога, отстаньте отъ своего начинанія, пока есть время, чтобы не погибнуть вамъ до конца, а мы, по данной намъ власти, примемъ

васъ кающихся и упросимъ Государя простить васъ: онъ милостивъ"...

Увы и этотъ трогательный отеческій призывъ не имѣлъ успѣха.

Что сказалъ бы святитель Божій, если бы онъ нынѣ всталъ изъ гроба своего къ нынѣшнимъ „бывшимъ хрістіанамъ" — смутьянамъ всякаго чина и возраста? Не повторилъ ли бы онъ свои грозныя слова: „не вѣдаемъ, какъ и назвать васъ, отступники отъ Бога и Апостольской Церкви, измѣнники Царю—Божію Помазаннику, приставшіе—не къ Тушинскому вору, а къ еще болѣе постыдному „ложно-мнимому царику" — современному „прогрессу", подъ которымъ укрывается заклятый врагъ хрістіанства и всего человѣчества — масонство, руководимое тѣми, которые нѣкогда сами на себя призвали небесное проклятіе, когда взывали: „кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ!" Болитъ моя душа, ноетъ сердце, я плачу и рыдаю... Заклинаю васъ именемъ Господа Бога: пожалѣйте себя, пожалѣйте отечество!"...

Скоро въ предѣлы Россіи вторгся самъ польскій король Сигизмундъ и осадилъ Смоленскъ. А 17 іюля въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ противъ Царя Василія Іоанновича. Съ Красной площади толпы двинулись къ Серпуховскимъ воротамъ, куда насильно привели и Патріарха Гермогена. Здѣсь раздался только одинъ голосъ за Царя Василія: то былъ голосъ Гермогена, который продолжалъ стоять за него, по присягѣ, какъ за законнаго государя, вѣнчаннаго Церковію на царство. Онъ говорилъ народу, что тамъ нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія Божія, что измѣна Царю есть страшное злодѣйство, за которое грозно накажетъ Богъ и что она не избавитъ Россіи отъ бѣдствій, а еще глубже погрузитъ ее въ ихъ бездну. Но увѣщанія старца-святителя были безуспѣшны и Царь Василій Іоанновичъ въ тотъ же день былъ низверженъ и удаленъ изъ Кремля въ свой домъ на Арбатѣ... На другой день Патріархъ еще разъ вышелъ на площадь къ народу и уговаривалъ его возвратить Шуйскаго на царство, но враги Царя Василія успѣли уже насильно постричь его въ монахи. Несмотря на то, что Царь наотрѣзъ отказался отъ постриженія, громко кричалъ „не хочу!"—князь Туренинъ произносилъ за него обѣты, а Ляпуновъ съ наглостью держалъ его за руки, чтобы онъ не отмахивался, когда на него надѣвали монашескія одежды. Царицу Марію насильно увезли въ Вознесенскій монастырь и тамъ постригли. Она рвалась изъ рукъ, стенала, звала супруга своего, называла его милымъ государемъ, кричала, что будетъ называть его своимъ мужемъ и въ монашеской рясѣ. Патріархъ объявилъ незаконнымъ это насильственное постриженіе, молился за Василія Іоанновича въ храмахъ, какъ за законнаго Царя, и не считалъ его инокомъ, а монахомъ призналъ князя Туренина, который вмѣсто него произносилъ священныя обѣты. Все это произвело сильное впечатлѣніе на москвичей...

Между тѣмъ поляки дѣлали свое дѣло. Они всюду разсылали свои прокламаціи, возбуждая ненависть противъ Царя Василія, указывая на то, будто въ царствѣ Московскомъ все идетъ дурно въ его правленіе, что изъ-за него и чрезъ него непрестанно льется кровь хрістіанская. Умы волновались. Поляки подкупили податливыхъ на измѣну русскихъ людей, которые готовы были поймать Царя Василія и отправить плѣнникомъ къ королю Сигизмунду. А многіе изъ тѣхъ, которые стояли

во главѣ переворота, буквально исполняя планъ польскій, думали искренно, что служатъ своему отечеству. Тѣмъ выше проницательность первосвятителя Церкви Патріарха Гермогена, провидѣвшаго въ этомъ дѣлѣ смуты величайшую опасность для Россіи, ея вѣры, государственности и народности. И тотъ, кто держалъ въ это трудное время въ своихъ твердыхъ рукахъ посохъ Всероссійскихъ Первосвятителей: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, столько потрудившихся для созданія единаго и мощнаго Московскаго государства, головою былъ выше всѣхъ своихъ современниковъ въ государственномъ отношеніи. Онъ больше, чѣмъ кто-либо изъ героевъ этого страшнаго времени сдѣлалъ для спасенія Россіи и запечатлѣлъ свои подвиги мученическою смертью въ 1612 году.

Когда верховная власть перешла къ боярской думѣ, когда бояре рѣшили призвать на русскій престолъ польскаго королевича Владислава, снова громко поднялъ свой голосъ противъ этого опаснаго для отечества шага святѣйшій Патріархъ Гермогенъ. Онъ не смутился тѣмъ, что не достигнетъ цѣли, и прямо заявилъ, что онъ противъ призыва иноземца-поляка, указывая, что необходимо избрать на престолъ православнаго Царя изъ русскихъ, причемъ первый указалъ на юнаго боярина Михаила Ѳеодоровича Романова, какъ на лицо, достойное царскаго вѣнца по его родству съ угасшимъ родомъ св. Владиміра. Онъ напоминалъ о томъ, что пришлось испытать Русскому народу отъ поляковъ при Гришкѣ Отрепьевѣ.

— „Теперь же чего ждете?“ спрашивалъ онъ измѣнниковъ. „Развѣ только конечнаго разоренія царству и православной вѣрѣ?“

Но польскіе приспѣшники осыпали Патріарха насмѣшками.

— „Твое дѣло“, говорили они, святѣйшій отче, смотрѣть за церковными дѣлами, а въ мірскія дѣла тебѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться“.

Какъ это похоже на то, что и въ наше смутное время говорятъ намъ, пастырямъ Церкви, современные намъ приспѣшники масоновъ и іудеевъ: не ваше дѣло мѣшатся въ политику! Какъ будто любовь къ отечеству—политика! Какъ будто охрана православной вѣры въ Россіи—политика! Святитель Гермогенъ не слушалъ тогдашнихъ измѣнниковъ: онъ далъ намъ примѣръ и завѣтъ, какъ относится къ такимъ толкамъ. Онъ отстаивалъ правду Божью по архіерейской совѣсти, а не по толкованію тѣхъ, кто и Бога потерялъ и врагу продался...

Бояре не послушали Патріарха, но все же сдѣлали ему уступку: по его настоянію они потребовали, чтобы Владиславъ, прежде вступленія на престолъ, принялъ православіе, не сносился съ папою, не строилъ на Руси костеловъ, не допускалъ къ намъ кзендзовъ и казнилъ смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ православія въ латинство,—женился бы на русской, не раздавалъ должностей полякамъ и, для обезпеченія государства отъ внесенія въ него чего-либо нерусскаго, требовали, чтобы королевичъ ничего не предпринималъ въ верховномъ управленіи безъ согласія боярской думы, а въ законодательствѣ и налогахъ—безъ одобренія Земскаго Собора. Это было сдѣлано не ради присвоенія народу власти, а ради защиты русскихъ началъ жизни отъ подавленія ихъ иноземцемъ. Тогдашніе русскіе люди, несмотря на всю смуту въ ихъ умахъ, еще помнили, что они—русскіе, и тщательно старались оберегать свои народные завѣты, свои основы русской жизни. Только на этихъ условіяхъ и послѣ тяжелой внутренней

борьбы Патріархъ далъ свое согласіе на приглашеніе Владислава. Къ Сигизмунду подъ Смоленскъ были отправлены послы (именно тѣ лица, которые были особенно опасны для королевича Владислава: ясно, что выборъ сдѣланъ подъ вліяніемъ совѣтовъ польскаго гетмана Жолкѣвскаго) для переговоровъ: Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ и князь Василій Голицынъ, такъ же, какъ и сынъ Филарета, Михаилъ, намѣчавшійся въ цари. Сами бояре предали въ руки поляковъ низведеннаго съ престола Царя Василія съ его братомъ Димитріемъ. Патріархъ не одобрялъ всего этого, но вынужденъ былъ выжидать, пока поляки яснѣе раскроютъ свои планы. Недолго пришлось ожидать. Король Сигизмундъ сталъ требовать, чтобы вмѣсто Владислава русскіе присягнули ему самому и уже началъ издавать указы отъ своего имени касательно русскихъ государственныхъ дѣлъ. Это значило, что онъ считаетъ Россію уже покоренною провинціей Польши... Нѣтъ нужды говорить, что это грозило гибелью и вѣрѣ православной и русской народности. Моментъ былъ страшный. Бояре стояли за польскаго королевича, въ своей слѣпотѣ не подозрѣвая опасности; Москва была въ рукахъ поляковъ; смута и измѣна увеличивались; люди, вѣрные отечеству и православной Церкви, были загнаны и забиты... Въ эту-то роковую пору „былъ единъ и уединенъ“, какъ выражается современный ему лѣтописецъ, святѣйшій Патріархъ Гермогенъ. Могъ ли онъ, казалось, въ своемъ полномъ одиночествѣ поднять Россію противъ поляковъ и самозванца на смертную борьбу? Но что же будетъ, если и этотъ, доселѣ твердый, какъ адамантъ, столпъ Церкви и всея Руси— теперь поколеблется? Что если и онъ, изнемогши въ своемъ тяжкомъ одиночествѣ, подъ грозою гоненій омрачитъ себя мыслію, будто путемъ уступокъ и угодничества Польшѣ и католичеству можно спасти хоть часть историческихъ сокровищъ Россіи?...

Но благодареніе Богу! Этотъ великій и непокрушимый столпъ не поколебался, этотъ свѣтильникъ не угазъ и, по прежнему, въ сгущавшейся тьмѣ, свѣтилъ Россіи своимъ немерцающимъ свѣтомъ, который, по мѣрѣ роста бѣдствій и опасностей, разгорался все ярче и ярче. Посохъ великихъ первосвятителей Россіи, который вѣрной и твердой рукою держалъ Патріархъ Гермогенъ, указалъ для Россіи пути и орудія спасенія отъ смутъ и порабощенія. Ему именно принадлежитъ первенство въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ. За нимъ дружными рядами пошло все русское православное духовенство. Доблестный старецъ зналъ, что „иному некому пособить ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ“, и геройски сталъ на великую стражу Россіи. Онъ слѣдилъ за каждымъ, даже скрытымъ шагомъ враговъ, готовый поднять противъ нихъ всю силу Церкви и еще неугасшій въ народѣ духъ русскій государственности и русской народности. Сначала Патріархъ, какъ говоритъ древнее сказаніе, „видя людей Божіихъ въ Велицѣй Россіи мятущихся и зѣло погибающихъ“, говорилъ имъ: „чада паствы моя, послушайте словесъ моихъ! Что еще мятетеся и ввѣряете души свои поганымъ полякамъ? Которое вамъ, словеснымъ овцамъ, общеніе съ злохищными волками? Вѣсте сами, яко издавна православная вѣра наша хрістіанская греческаго закона отъ иноплеменныхъ странъ ненавидима. Кіими же нравы примирихомся съ иноплеменниками сими?“...

Какъ эти слова подходятъ и къ

нашему времени! И въ наше время такъ же, какъ и тогда, наша вѣра православная „всѣми иноплеменниками ненавидима есть"; и теперь, какъ и тогда, эти „иноплеменники", эти французы и англичане, нѣмцы и итальянцы, и всѣ народы Запада, въ сущности съ презрѣніемъ относятся къ нашей вѣрѣ православной, а тѣ изъ нихъ, которые потеряли всякую вѣру, всячески стремятся и у насъ вырвать изъ народнаго сердца вѣру православную, а среди насъ, людей русскихъ, немало измѣнниковъ, которые готовы содѣйствовать имъ въ этомъ и чрезъ то загубить родную Русь...

Въ ноябрѣ 1610 года въ патріаршія палаты явился вождь полякующей партіи, бояринъ Михайло Салтыковъ, и началъ рѣчь о Сигизмундѣ, „все на то приводя, чтобы крестъ цѣловати самому королю". Но напрасна была эта коварная попытка: непреклонный и всегда рѣшительный Патріархъ властно прекратилъ эти хитрыя рѣчи Салтыкова. Тогда, на другой день, измѣнникъ явился къ первосвятителю уже съ боярами правительствующей думы и сталъ прямо требовать разрѣшить народу цѣловать крестъ польскому королю, отдаваясь въ его полную волю и чтобы первосвятитель Церкви отписалъ объ этомъ къ королю подъ осажденный Смоленскъ въ грамотахъ.

— „Стану писать къ королю грамоты, мужественно сказалъ Патріархъ,—и духовнымъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, если королевичъ крестится въ православную вѣру нашу, а литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на всю королевскую волю, то видимое дѣло, что намъ крестъ цѣловать самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ; а русскимъ людямъ напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится и литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, итти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру".

Вотъ рѣшительное и мощное слово о неустанной борьбѣ за то, что всего дороже для нашего народа, за вѣру православную! Это слово привело въ ярость измѣнника Салтыкова, который понялъ всю силу этого слова. Съ наглыми ругательствами наступалъ онъ на святѣйшаго Патріарха и даже бросился на него съ ножомъ. А Гермогенъ, поднявъ руку съ крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа. Будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!"

— „Это твое начало, господинъ", обратился Патріархъ къ первому совѣтнику боярской думы — князю Мстиславскому:—„ты больше всѣхъ честію, тебѣ слѣдуетъ больше другихъ подвизаться за вѣру православную: если ты прельстишься, то Богъ скоро прекратитъ жизнь твою, и родъ твой возметъ отъ земли живыхъ и не останется никого изъ рода твоего въ живыхъ".

Такія потрясающія слова Патріарха привели въ сильное волненіе присутствующихъ: даже такой закоренѣлый измѣнникъ, какъ Салтыковъ, поспѣшилъ испросить у Патріарха прощеніе, извиняя себя тѣмъ, что „безуменъ былъ и безъ памяти говорилъ". Патріархъ отпустилъ бояръ, но не успокоился на сихъ объясненіяхъ. Несмотря на то, что поляки своими патрулями сторожили Кремль и весь городъ, свя-

титель разослалъ своихъ дворовыхъ людей собирать народъ въ Успенскій соборъ. Съ церковнаго амвона онъ объяснилъ имъ всю грозную опасность настоящаго положенія для Церкви и отечества и прямо запретилъ цѣловать крестъ польскому королю Сигизмунду, убѣждая народъ стоять за вѣру православную. Вотъ гдѣ первое начало народной борьбы съ поляками и русскими измѣнниками! Во главѣ ея сталъ самъ первосвятитель Церкви, и его слова стали разноситься по всѣмъ концамъ Россіи. Поляки не успѣли помѣшать этому важному и рѣшающему собранію, вскорѣ послѣ него окружили Патріарха своимъ надзоромъ и стражею, но начало народной борьбѣ было уже положено. Въ слѣдующемъ году жители Ярославля писали въ своей грамотѣ по городамъ: „Если бы Патріархъ Гермогенъ не учинилъ такого досточуднаго дѣла, то никто, изъ боязни польскихъ и литовскихъ людей, не смѣлъ бы молвить ни одного слова“...

Между тѣмъ наши послы подъ Смоленскомъ на всѣ требованія поляковъ отвѣчали отказомъ. Когда Салтыковъ, отъ имени бояръ, прислалъ имъ грамоту съ приказомъ, чтобы послы приказали смольнянамъ сдать городъ Сигизмунду, Митрополитъ Филаретъ сказалъ: „такимъ грамотамъ по совѣсти повиноваться нельзя: писаны онѣ безъ воли Патріарха, а насъ отпускалъ сюда Патріархъ“. А князь Голицынъ прибавилъ: „когда мы стали безъ государя, Патріархъ у насъ человѣкъ печальный, и безъ него въ такомъ важномъ дѣлѣ рѣшать не подобаетъ“. Что же касается требованія, чтобы смольняне, измѣнивъ своей присягѣ, сдали городъ полякамъ, то послы отвѣчали: „Богъ и русскіе люди никогда не простятъ намъ этого, и земля насъ не понесетъ“.

Въ половинѣ декабря самозванецъ былъ убитъ въ Калугѣ, и Патріархъ властною рукою сталъ поднимать Русскій народъ и по областямъ уже на вооруженную борьбу съ поляками. На Рождествѣ онъ началъ писать грамоты, которыя были образцомъ всѣхъ послѣдующихъ грамотъ смутнаго времени. Эти грамоты поднимали мощныя волны народнаго одушевленія и самоотверженной готовности на великія жертвы для спасенія вѣры и отечества. Исходя отъ „первопрестольника Апостольской Церкви и поборателя по истинной хрістіанской православной вѣрѣ“, онѣ придавали народному движенію характеръ прежде всего—борьбы за вѣру, войны священной. Въ этихъ грамотахъ Патріархъ выставлялъ требованіе польскаго короля, какъ измѣну клятвеннымъ обязательствамъ самихъ поляковъ. Поэтому онъ разрѣшилъ Русскій народъ отъ присяги, данной королевичу Владиславу. Это давало полнѣйшее право русскимъ людямъ гнать клятвопреступныхъ поляковъ изъ Россіи. Царя на Руси не было; боярская дума измѣнила, Патріархъ являлся „начальнымъ человѣкомъ земли Русской“ и потому онъ счелъ себя въ правѣ призвать народъ къ оружію. Въ своихъ грамотахъ онъ кликнулъ кличъ по областямъ—„всѣмъ, не мѣшкая, по земнему пути, собрався со всѣми городы, итти вооруженными ополченіями къ Москвѣ на польскихъ и литовскихъ людей“. Святитель Божій не останавливался предъ мыслію: дѣло ли Патріарха, служителя Церкви, говоря по нынѣшнему—„мѣшаться въ политику“, призывать къ оружію: пошелъ по стопамъ своихъ великихъ предшественниковъ, принимавшихъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ народно-государственныхъ и дѣйствовалъ по

завѣтамъ Церкви, которая, въ лицѣ Преподобнаго Сергія, вооружила мечами и копьями своихъ схимонаховъ и послала ихъ на битву, на Куликово поле... Въ началѣ 1611 года гонцы Патріарха скакали по всѣмъ областямъ. Грамоты Патріарха породили цѣлый рядъ подобныхъ грамотъ; призывныя посланія городовъ подклеивались къ патріаршимъ грамотамъ и вмѣстѣ съ ними пересылались отъ города до города. Уже въ томъ же 1611 году онѣ вызвали сборъ двухъ ополченій, во главѣ которыхъ потомъ сталъ князь Пожарскій вмѣстѣ съ Мининымъ. Эти грамоты пробудили народный духъ, воскресили надежду на спасеніе отечества, зажгли ревность къ этому святому дѣлу. Движеніе народное росло съ каждымъ днемъ. И изъподъ Смоленска пришла въ Москву отъ нашихъ пословъ грамота, извѣщавшая, чтобъ не надѣялись на то, что королевичъ будетъ царемъ въ Москвѣ: поляки выведутъ изъ Россіи лучшихъ людей, опустошатъ ее и завладѣютъ ею. „Ради Бога, писали эти русскіе люди: положите крѣпкій совѣтъ между собою, разошлите списки съ нашей грамоты и въ Новгородъ, и въ Вологду, и въ Нѣжинъ, и въ другіе города, чтобы всею землею сообща встать за православную вѣру, пока мы свободны, а не въ рабствѣ и не разведены въ плѣнъ“.

Поляки не могли простить Патріарху такого дерзновенія. Чтобы отнять у него возможность разсылать грамоты, „у него дьяки, подьячіе и всякіе дворовые люди поиманы, а дворъ его весь разграбленъ“. Съ этого времени его стали держать „какъ птицу въ заклепѣ“. Но это насиліе еще больше возбуждало въ народѣ уваженіе и любовь къ Патріарху, еще больше придавало силы его грамотамъ. Сами москвичи стали писать въ другіе города: „Вслѣдъ за предателями христіанства, Михаиломъ Салтыковымъ и Ѳеодоромъ Андроновымъ съ товарищами, идутъ немногіе. Святѣйшій же Патріархъ прямъ, какъ самъ пастырь, душу свою полагаетъ за вѣру христіанскую несомнѣнно, а за нимъ слѣдуютъ всѣ православные христіане. Будьте съ нами обще заодно противъ враговъ нашихъ и вашихъ. Помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно. Если коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться? Здѣсь корень нашего царства, здѣсь—знамя отечества—образъ Божіей Матери, заступницы христіанской, который Евангелистъ Лука писалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители Петръ, Алексій и Іона чудотворцы. Или вамъ, православнымъ христіанамъ, то ни во что поставить?“...

Чрезвычайно сильно и глубоко было дѣйствіе призывовъ Патріарха. Чистыя, неомраченныя смутой и измѣной, души были всецѣло на его сторонѣ. Но заговорила совѣсть и у тѣхъ, которые въ это смутное время измалодушествовались, проживая въ станѣ самозванцевъ и дружа съ поляками. Особенно поразительный и глубокій переворотъ произвели грамоты Гермогена въ душѣ Прокопія Ляпунова: изъ этого человѣка, дотолѣ колебавшагося сѣмо и овамо, онѣ сдѣлали вѣрнаго и твердаго исполнителя наставленій Гермогена. Въ какихъ только лагеряхъ не перебывалъ этотъ человѣкъ! Сначала онъ былъ въ станѣ Болотникова, откуда явился съ повинной къ Царю Василію Іоанновичу; затѣмъ онъ перешолъ на сторону его враговъ и, вопреки Патріарху, участвовалъ въ крамолѣ противъ Шуйскаго. Потомъ передался королевичу и его партіи, но сильныя слова Патріарха сдѣлали его наконецъ вѣр-

нымъ даже до смерти сыномъ отечества. Онъ образовалъ въ Рязани стройное ополченіе; при вѣсти о насиліи надъ Патріархомъ онъ отправилъ въ Москву грамоту въ защиту его, и она подѣйствовала на правившихъ бояръ: „съ тѣхъ мѣстъ, говоритъ лѣтопись, Патріарху стало повольнѣе и дворовыхъ людей ему немногихъ отдали“.

Наконецъ, по призыву Патріарха, образовалось стотысячное войско изъ 25 городовъ и большіе отряды казаковъ. Сидѣвшіе въ Москвѣ поляки и ихъ русскіе приспѣшники заволновались, а Салтыковъ въ мартѣ 1611 года опять явился къ Патріарху Гермогену и угрожающимъ тономъ сказалъ ему: „это ты по городамъ посылалъ грамоты; ты приказывалъ всѣмъ собираться да итти на Москву! Отпиши имъ, чтобъ не ходили“. Патріархъ мужественно отвѣтилъ: „если ты, всѣ измѣнники и поляки выйдете изъ Москвы вонъ, я отпишу къ своимъ, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю помереть за православную вѣру. Вижу ея поруганіе, вижу разореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ латынское пѣніе и не могу терпѣть“. Полякъ Гонсевскій самъ заговорилъ: „ты, Гермогенъ, главный заводчикъ всего возмущенія. Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что тебя охранитъ твой санъ“.

Но запугать готоваго на мученичество Первосвятителя было нельзя.

Теперь поляки уже ничѣмъ не прикрывали своей ненависти къ русскому народу. Они стали держать подъ стражей Патріарха: стали жестоко поступать съ московскимъ населеніемъ. Поляки пытались обольстить народъ, суля ему разныя свободы, выхваляя свои порядки, свой сеймъ, ограничивающій власть государя, но преданные самодержавію русскіе люди имъ отвѣчали: „вамъ дорога ваша вольность, а намъ—наша неволя. Да вѣдь и у васъ—собственно не настоящая воля, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго, можетъ отнять у него имѣніе и жизнь. Искать правосудія по вашимъ законамъ долго,—ничего не возьмешь; а у насъ самый знатный не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ Царь творитъ судъ и расправу. Какъ Богъ, караетъ онъ и милуетъ“. А которые были посмѣлѣе, тѣ говорили, чтобъ поляки убирались изъ Москвы по-добру, по-здорову. „Россія-де не такая невѣста, чтобы ей не найти жениха получше ихъ Владислава“.

Все предвѣщало приближеніе страшной грозы. Гроза разразилась на Страстной недѣлѣ. Во всѣхъ концахъ Москвы зазвучалъ набатъ. Поляки бросились на народъ и стали рубить его. Москвичи, вооружившись чѣмъ попало, стали защищаться. Поляки, видя, что имъ не удается взять верхъ, отступили къ Кремлю и подожгли городъ во всѣхъ концахъ. Лѣтописцы рисуютъ намъ страшную картину этихъ дней. Пожаръ длился всю недѣлю. Во вторникъ на Святой уже стали подходить главныя силы рускихъ ополченій. Они со всѣхъ сторонъ окружили Кремль и Китай-городъ, гдѣ засѣли поляки. Измѣнники и поляки снова приступили къ Патріарху и заговорили: „прикажи Ляпунову и товарищамъ, чтобы они ушли назадъ: иначе ты умрешь злою смертью“.

— „Боюсь Единаго Живущаго на небесахъ“, отвѣчалъ непреклонный первосвятитель — „Вы мнѣ сулите злую смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ небесный и давно желаю пострадать за правду“.

Тогда они объявили его низвергнутымъ съ патріаршества и передали его каѳедру уже давно низложенному приверженцу Лжедимитрія I, греку Игнатію, а самого Гермогена бросили въ подземелье Чудова монастыря, куда спускали ему въ окно хлѣбъ и воду. „Въ храминѣ пустѣ, яко во гробѣ, затвориша“, говоритъ лѣтопись.

Прошло три мѣсяца. Защитники отечества, лишенные духовнаго вождя, ссорились между собою. Ляпуновъ былъ измѣннически убитъ казаками. О Гермогенѣ ничего не было слышно.

Но вотъ, 5 августа 1611 года въ Кремль пробрался нѣкто Родіонъ Мосѣевъ къ Патріарху Гермогену. А тотъ воспользовался этимъ, чтобы отправить въ Нижній свою, уже послѣднюю, предсмертную грамоту. Она гласила слѣдующее: „Благословеніе архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всему міру: отъ Патріарха Гермогена Московскаго и всея Руси— миръ вамъ и прощеніе и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобы митрополитъ писалъ въ полки боярамъ учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы и атаманьѣ говорили безстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына... не брали. Я не благословляю! И на Вологду ко властемъ пишите жъ; также бы писали въ полки: да и къ Рязанскому владыкѣ пишите тожъ, чтобы въ полки также писалъ къ боярамъ учительную грамоту, чтобъ уняли грабежъ, корчму и развратъ, и имѣли бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы; какъ реклись, души свои положити за Пречистыя домъ, и за чудотворцевъ, и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ города пишите, чтобы изъ городовъ писали въ полки къ боярамъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ сынъ не надобенъ: проклятъ отъ святаго собора и отъ насъ. Да тѣ бы вамъ грамоты городовъ собрати къ себѣ въ Нижній Новгородъ да пересылати въ полки къ боярамъ и атаманьѣ; а прислати же прежнихъ, коихъ есте прислали ко мнѣ съ совѣтными челобитными,— свіяженина Родіона Мосѣева да Романа Пахомова,—а имъ бы въ полкахъ говорити безстрашно, что проклятый отнюдь не надобенъ; а хотя буде постраждете, и васъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; а въ городы для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ. А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно: а я долженъ за васъ Бога молити“.

Поразительно это величіе духа въ святѣйшемъ Патріархѣ: одинокій, безпомощный, въ глубинѣ подземелья, подъ грозой мученической смерти, этотъ „начальный человѣкъ Земли Русской“ чувствуетъ себя вождемъ народа и какъ бы великимъ государемъ и считаетъ себя въ правѣ передавать свои государственныя полномочія лицамъ духовнымъ и воеводамъ, даже городамъ и наконецъ—отдѣльнымъ лицамъ, каковы Мосѣевъ и Пахомовъ и велитъ имъ говорить безстрашно народу все отъ его имени.

Принесенное въ Нижній Новгородъ, это призывное посланіе нашло глубокій откликъ въ народѣ. Его кличъ — итти на спасеніе родины поддерживали его присные ученики и послушники: поставленный имъ и близкій къ нему архимандритъ Сергіевы лавры преподобный Діонисій

и ея келарь Авраамій Палицынъ, также повсюду разсылавшіе свои грамоты съ призывомъ ополчиться на спасеніе отечества. Мы знаемъ, что въ Нижнемъ во главѣ народнаго движенія стали земскій староста Козьма Мининъ, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій и мѣстное духовенство.

Изъ глубины подземелья великій священномученикъ за отечество не могъ тѣлесными очами видѣть движеніе собранныхъ, по его призыву, народныхъ ополченій и девяти мѣсяцевъ не дожилъ до совершеннаго освобожденія Москвы и Россіи. Но онъ имѣлъ утѣшеніе узнать, хотя отъ враговъ своихъ, что эти ополченія идутъ...

Удивительна была слѣпота враговъ святителя Божія и Россіи! Измѣнники все еще думали, что подъ вліяніемъ тяжкаго заточенія можно сломить мужество Гермогена. Они опять спускаются въ подземелье его, опять требуютъ, чтобы онъ своимъ проклятіемъ остановилъ Пожарскаго, Минина и ихъ сподвижниковъ и заставилъ ихъ возвратиться назадъ. „Онъ же, великій государь-исповѣдникъ", говоритъ лѣтописецъ, „рече имъ: да будетъ надъ тѣми, кто идутъ на очищеніе Московскаго государства милость отъ Господа Бога, а отъ нашего смиренія благословеніе; а на окаянныхъ измѣнниковъ да изліется гнѣвъ отъ Бога, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ".

Это — послѣднія слова, которыя дошли до насъ отъ несокрушимаго духомъ первосвятителя. Они должны отзываться въ сердцахъ русскихъ людей и чрезъ триста лѣтъ—въ наше время: въ сердцахъ вѣрныхъ сыновъ отечества—отрадою благословенія, а въ сердцахъ измѣнниковъ родинѣ—грознымъ проклятіемъ...

Враги не могли быть спокойными, пока былъ живъ святитель Божій. Они порѣшили освободиться отъ него насильственною смертію. Современники согласно между собою говорятъ, что онъ скончался мученически. Большинство изъ нихъ утверждаютъ, что его, „по многомъ страданіи и тѣснотѣ, уморили голодною смертью", а поляки говорятъ, что онъ былъ удавленъ... Онъ преставился къ Богу 17 февраля 1612 года.

Есть древнее преданіе, что поляки, вмѣсто хлѣба, стали Патріарху давать нечеловѣческую пищу: „меташа въ недѣлю снопъ овса и мало воды". Очевидно, это дѣлалось съ неслыханною жестокостью, несвойственною русскимъ людямъ.

Понятно, что когда русскіе люди узнали о мученической кончинѣ своего великаго первосвятителя, то въ глубокой скорби своей еще болѣе вдохновились къ исполненію его завѣта—въ святомъ дѣлѣ освобожденія Руси отъ нашествія поляковъ и очищенія ея отъ своихъ же измѣнниковъ. 22-го октября того же года Москва была очищена, а 13 февраля слѣдующаго 1613 года на царскій престолъ былъ избранъ тотъ благословенный родоначальникъ Дома Романовыхъ, на котораго указывалъ святѣйшій Гермогенъ. Если Россія не была раздѣлена между поляками и шведами, если не истреблено въ ней Православіе, если самый народъ Русскій не потерялъ своего духовнаго облика, не обратился въ поляковъ и шведовъ, а частію и нѣмцевъ, то всѣмъ этимъ мы обязаны великому подвигу Святителя Гермогена больше, чѣмъ кому-либо изъ защитниковъ Руси того времени. Всѣ они и руководимы были, и одушевляемы—никѣмъ другимъ, какъ Патріархомъ Гермогеномъ: онъ былъ ихъ вождемъ, ихъ душою... Вотъ почему его святое

имя записывалось въ святцы на ряду съ прославленными угодниками Божіими.

Святѣйшій Патріархъ былъ первоначально погребенъ въ Чудовѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ перенести гробъ его въ Успенскій соборъ (въ 1653 году), причемъ тѣло его оказалось нетлѣннымъ. Поэтому оно и не было положено въ землю, а поверхъ земли, въ особой гробницѣ, обитой бархатомъ. Въ 1812 году французы, отыскивая сокровищъ и въ гробахъ, кощунственно выбросили его мощи изъ гроба, но по уходѣ ихъ онѣ были найдены цѣлыми и опять положены въ туже гробницу. Чрезъ 270 лѣтъ по кончинѣ, въ 1883 году, когда, предъ коронованіемъ Императора Александра III, производились работы въ Успенскомъ соборѣ, упавшій со стѣны камень пробилъ каменное надгробіе и самый гробъ Патріарха, и при этомъ его св. останки оказались нетлѣнными.

Въ наши дни эта святая гробница привлекаетъ къ себѣ множество народа со всѣхъ концовъ Россіи и здѣсь совершаются непрерывною чредою панихиды по святителѣ. Его молитвами многіе недужные получаютъ исцѣленія, и близокъ, вѣрится, день, когда святая Церковь, причисливъ его къ лику святыхъ, откроетъ его св. мощи для всеобщаго поклоненія и лобзанія...

108.

Часъ уже намъ отъ сна востати!

Во всемъ году нѣтъ такого благопріятнаго времени для покаянія и исправленія нашей жизни, какъ святой и великій Постъ. Душа человѣка—по природѣ хрістіанка: она тоскуетъ о небесномъ отечествѣ даже тогда, когда о немъ и не думаетъ. Грѣхъ противенъ ея природѣ, какъ ядъ, принятый внутрь: душа чувствуетъ потребность извергнуть его вонъ. Отсюда неутолимая тоска, тяжесть на сердцѣ, томленіе духа, никакими такъ называемыми развлеченіями необлегчаемое... И если это можно сказать о всякой душѣ человѣческой, о душѣ во Христа вѣрующей, безсознательно ко Христу влекомой самою природою духа, то тѣмъ паче должно сказать о душѣ православной, душѣ русской. Русская душа неспособна входить въ какія-либо сдѣлки съ совѣстью, какъ это, къ сожалѣнію, бываетъ въ другихъ исповѣданіяхъ, коихъ ученіе построено на началахъ юридическихъ: въ католичествѣ — на ученіи объ оправданіи добрыми дѣлами, а въ лютеранствѣ и др., ему сродныхъ ересяхъ—на оправданіи вѣрою безъ дѣлъ, — православная душа не позволяетъ себѣ и думать о какихъ-либо своихъ заслугахъ, вѣра ли то, или добрыя дѣла: она просто кается предъ Богомъ, безпощадно себя осуждая, все добро, ею сдѣланное, Божіей помощи и благодати усвояя, и самую вѣру свою стремленіемъ къ добродѣланію оживляя. Она знаетъ, что чѣмъ безпощаднѣе будетъ себя осуждать предъ судомъ Божіимъ, тѣмъ скорѣе будетъ оправдана Божіимъ милосердіемъ. И вотъ, настаетъ Великій Постъ; рѣдкій, печальный звонъ колоколовъ, продолжительныя службы, умилительныя пѣснопѣнія, земные поклоны съ молитвою пр. Ефрема Сирина и — строгое воз-

держаніе въ пищѣ—все это такъ расположено Церковію, что невольно душа приходитъ въ себя, размягчается, согрѣвается благодатію Божіей и, такъ сказать, растопляетъ вокругъ себя ледяную кору нечувствія, духовнаго омертвѣнія, и оживаетъ духомъ... Знаютъ вѣрующіе эту благодатную силу св. Поста и ждать-не дождутся, когда онъ наступитъ.

Казалось бы: не все ли равно, въ какое бы ни было время человѣку каяться, говѣть, исправлять свою жизнь? Но вѣдь и въ видимой природѣ растенія оживаютъ не во всякое время и не при всякихъ условіяхъ: нужны свѣтъ и теплота весенняго солнца, чтобъ они ожили. Такъ и въ духовной жизни есть своя весна, весна благодатнаго вѣянія на грѣшныя души—это святой и Великій Постъ. Не напрасно же онъ такъ въ книгахъ богослужебныхъ и называется: *постъ—весна душамъ*. Еще за четыре недѣли до наступленія его уже какъ бы начинаетъ вѣять его благодатнымъ дыханіемъ въ службахъ церковныхъ: сначала — недѣля о Закхеѣ, когда читается Евангеліе объ этомъ мытарѣ, съ такимъ простосердечнымъ усердіемъ принявшимъ Господа Спасителя и услышавшемъ отъ Него: *днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть: Сынъ бо Человѣческій пріиде взыскати и спасти погибшаго*. Затѣмъ—урокъ смиренія въ лицѣ другого мытаря съ его трогательною, на всѣ вѣка для всѣхъ грѣшниковъ столь драгоцѣнною молитвою: *Боже, милостивъ буди ми грѣшному!* Потомъ — еще недѣля—о блудномъ сынѣ: эта чудная притча Христова, такъ наглядно изображающая безконечное милосердіе Божіе къ кающемуся грѣшнику... Потомъ—недѣля о Страшномъ Судѣ Божіемъ, напоминающая конецъ міра и неотвратимую судьбу людей въ вѣчности... Съ сего воскреснаго дня начинается сырная недѣля — приготовленіе къ посту, причемъ въ среду и пятокъ уже полагаются по уставу великіе поклоны. Наконецъ—прощеное воскресенье — предъ самымъ постомъ, съ воспоминаніемъ грѣхопаденія Адама и Евы, съ трогательнымъ обрядомъ всеобщаго прощанія на вечерни...

Грѣшно намъ, пастырямъ, не пользоваться этимъ святымъ временемъ, чтобы призывать людей Божіихъ, къ покаянію. Вотъ почему каждый разъ я долгомъ почитаю, если бываю въ Вологдѣ, то лично, а если отсутствую, то чрезъ пастырское посланіе обращаться къ моей паствѣ, ближайшимъ образомъ къ жителямъ Вологды, съ призывомъ къ покаянію. Нынѣ я писалъ слѣдующее посланіе:

„Возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ Церкви Вологодской миръ и Божіе благословеніе!

Сегодня день всепрощенія и предверіе святаго и Великаго Поста. Не имѣя возможности по немощамъ моимъ лично преподать вамъ благословеніе Божіе на грядущіе великіе дни поста и покаянія, мыслію и сердцемъ переношусь къ вамъ, братіе, и долгомъ почитаю повторить то, что сегодня вы слышали, если были у Божественной литургіи, въ чтеніи изъ посланія св. Апостола Павла къ Римлянамъ:

Часъ убо намъ отъ сна востати! Пора проснуться намъ отъ грѣховнаго сна, пора стряхнуть съ себя суету житейскую, пора взглянуть въ свѣтлое зерцало заповѣдей Божіихъ, опомниться, познать свое опасное состояніе и прибѣгнуть къ Богу въ покаяніи!

Нынѣ бо, говоритъ Апостолъ, *ближайшее намъ спасеніе, нежели*

егда вѣровахомъ—нынѣ время благопріятное для спасенія, чѣмъ когда-либо,—настаетъ св. Великій Постъ, время покаянія; все насъ располагаетъ къ покаянію; Церковь зоветъ и печальнымъ звономъ своихъ колоколовъ, и скорбными пѣснопѣніями, и земными поклонами съ умилительной молитвой преподобнаго Ефрема Сирина, и заповѣдью строгаго воздержанія во смиреніе нашей бунтующей плоти. *Нощь убо прейде*, ночь грѣховнаго самозабвенія, ночь блужданія по распутіямъ грѣха прошла, *а день приближися*, день духовнаго прозрѣнія, день благодати насъ осіявающей, очищающей, просвѣщающей — уже наступаетъ: только поспѣшимъ воспользоваться имъ! *Отложимъ убо дѣла темная*, дѣла грѣшныя, *и облечемся во оружія свѣта* — украсимъ себя добрыми дѣлами какъ свѣтлою одеждою! *Яко во дни благообразно да ходимъ*: будемъ вести себя такъ, какъ подобаетъ добрымъ хрістіанамъ: *не козлогласованіи и піянствы*, не предаваясь ни пированіямъ, ни пьянству, ни сладострастію, и распутству, ни ссорамъ и зависти, *но облецытеся Господемъ нашимъ Іисусъ Хрістомъ*, во всемъ смотри на Господа нашего Іисуса Хріста, во всемъ съ Него бери примѣръ, *и плоти угодія не творите въ похоти*: не угождайте своимъ плотскимъ страстямъ. Пора вступить въ непримиримую борьбу съ грѣхомъ въ своемъ сердцѣ, довольно рабствовать ему. Жизнь течетъ, какъ быстрый потокъ; и не увидимъ, какъ придетъ конецъ, позоветъ Господъ на судъ Свой праведный, и—что тогда отвѣтимъ Ему? Съ чѣмъ предстанемъ предъ симъ Судіею правосуднѣйшимъ? Богъ даетъ намъ время для того, чтобъ мы приготовились къ вѣчности; Церковь Божія даетъ всѣ средства, чтобъ мы очистились отъ грѣховъ, чтобы потомъ наше сердце полюбило животворящія заповѣди Господни и въ ихъ исполненіи находило свое счастіе, еще на землѣ предвкушая вѣчное блаженство. И вотъ, святой постъ есть наилучшее и благопріятнѣйшее время для такого переворота въ нашей духовной жизни. Повѣрьте, возлюбленные, что заповѣди Господни *тяжки не суть*! Только начните исполнять ихъ, только имѣйте мужество стать противу грѣха, оторвать отъ него свое сердце, соединиться съ Господомъ въ таинствѣ причащенія и—сердце почувствуетъ ту свободу, какую даетъ только Господь, и опытъ духовной жизни покажетъ, какъ близокъ Онъ ко всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ! Господь далъ Своимъ заповѣдямъ животворящую силу и кто во смиреніи тщится исполнять ихъ, тотъ знаетъ, что это за благодатная сила! Да иначе и быть не можетъ: вѣдь не мы дѣлаемъ добро, а Самъ Господь, яко Глава Церкви, въ насъ, яко ея членахъ, живетъ и дѣйствуетъ, и проявляетъ Свою жизнедѣятельность въ тѣхъ добрыхъ дѣлахъ, какія мы творимъ Его благодатною силою во смиреніи сердца по реченному Имъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*.

Итакъ, нынѣ время благопріятное, нынѣ день спасенія! Нынѣ день всеобщаго прощенія и примиренія. Пріидите, возлюбленныя чада мои о Господѣ, простимъ другъ другу всякую обиду, всякое прегрѣшеніе, да и отъ Господа пріимемъ всепрощеніе грѣховъ нашихъ! *Аще отпущаете*, глаголетъ Онъ, *человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный согрѣшенія ваша; аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшеній ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ*

согрѣшеній вашихъ. (Мѳ. 7, 14, 15). Безъ примиренія съ согрѣшившимъ противу тебя и не приступай ко Господу. Это первое и непремѣнное условіе, подъ которымъ Господь обѣщаетъ намъ прощеніе грѣховъ нашихъ. Если тотъ, у кого ты долженъ испросить прощеніе, съ которымъ ты долженъ примириться, находится далеко отъ тебя, то теперь пока примирись съ нимъ мысленно, но искренно; помолись за него Господу, какъ за твоего благодѣтеля, какъ за любимаго брата, попроси и ему у Господа прощенія его грѣховъ, а когда откроется возможность, не замедли исполнить обѣтъ своего сердца—непремѣнно примириться съ нимъ и лично. Напиши ему смиренное посланіе, возьми всю вину размолвки вашей на себя—лишь бы онъ умиротворился, лишь бы не на словахъ, а на дѣлѣ миръ между вами водворился. И лишь только это ты сдѣлаешь, нелицемѣрно, отъ всего сердца, себя во всемъ обвиняя, молясь Богу за брата твоего, — самъ увидишь, опытомъ сердца узнаешь, какъ коснется благодать Божія твоего грѣшнаго сердца, и станетъ у тебя на душѣ такъ легко-легко ..

О если бы мы, братіе, знали всю благодатную силу Господнихъ заповѣдей! Мы только бы и думали о томъ, какъ угодить Господу, какъ исполнить волю Его святую... Заѣла насъ суета земная; все думаемъ, что своими заботами да хлопотами можемъ устроить свое земное благополучіе, а то и забыли, что сказалъ Господь: *ищите прежде царствія Божія и правды его*, и тогда—*сія вся*, все что потребно для сей жизни—*приложатся*—въ придачу дано будетъ *вамъ!* Вѣдь это не человѣкъ сказалъ — это сказалъ Господь Богъ всемогущій! Ужели Ему-то не вѣримъ мы?.. Тогда смѣемъ ли мы и называть себя хрістіанами?..

А вѣдь надо твердо помнить: насъ ждетъ вѣчность, подумать только: вѣчность!... Вѣчность или свѣтло-радостная, блаженная, въ раю Божіемъ, во славѣ со святыми, вѣчно — съ Господомъ нашимъ, съ пречистою Его Матерію, съ Ангелами и Архангелами и всѣми святыми Божіими, въ нескончаемомъ наслажденіи лицезрѣніемъ Божіимъ,—или же—въ отверженіи отъ Бога, въ сообществѣ съ сатаною, въ вѣчной мукѣ адской, въ нескончаемой тоскѣ, безпросвѣтной тьмѣ, съ богохульниками и еретиками, съ предателемъ Іудою и всѣми измѣнниками святой вѣрѣ и Христу Спасителю... И это—вѣчно—вѣчно—безъ конца! И это—теперь—въ нашихъ рукахъ, въ нашей волѣ: покайся, исправься, начни жить по Христовымъ заповѣдямъ, въ послушаніи Церкви Божіей, въ добродѣланіи, въ общеніи съ Господомъ въ таинствахъ Церкви и—наслѣдуешь жизнь вѣчную, получишь райское блаженство. А забудешь Господа, не станешь Его святыхъ заповѣдей исполнять, удалишься отъ матери—Церкви—жди гибели вѣчной, муки безконечной. И это—истина непреложная: *аще хощеши внити въ животъ—соблюди заповѣди*, глаголетъ Самъ Господь. *Не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ. И идутъ сіи въ муку вѣчную*, говоритъ Господь о грѣшникахъ—козлищахъ, *а праведницы въ животъ вѣчный.*

И ещё разъ повторю: ее нынѣ время благопріятное. *Часъ уже намъ отъ сна востати!* Пора о душахъ своихъ подумать. Пора сказать себѣ. *Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конецъ при-*

ближается... Поспѣши покаяться, поспѣши взяться за исполненіи заповѣдей Хрістовыхъ. Что первое тебѣ подскажетъ совѣсть твоя—съ того и начинай. Только не откладывай. Вотъ напримѣръ—дѣла милосердія. Вотъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ люди страждутъ отъ голода. На сихъ дняхъ мнѣ говорилъ одинъ святитель, прибывшій изъ тѣхъ губерній: „повѣрите ли, какъ тяжело приходится нашему бѣдному духовенству? Одинъ священникъ сознавался мнѣ, что посылаетъ своихъ дѣтишекъ просить милостыню подъ окнами—по ночамъ, чтобъ не узнали, чьи эти дѣтки: хоть корочку хлѣбца принесутъ!“ Вотъ до чего доходитъ нищета! Вотъ и соберите, братіе, мои, кто что можетъ, и пошлите туда... Или — пришлите мнѣ и я передамъ сему святителю на голодающихъ. Да мало ли добра можно дѣлать! Только пожелай. Только не сжимай руки твоей скупостію. Широка заповѣдь милосердія и различенъ милованія образъ, говоритъ св. Златоустъ. Хотите, чтобы Богъ былъ къ вамъ милостивъ? Сами окажите милость ближнему. Хотите, чтобы Онъ простилъ вамъ грѣхи ваши? Сами простите всякому, кто чѣмъ-либо обидѣлъ васъ. *Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.* Прощайте своимъ врагамъ и сами получите прощеніе отъ Господа.

Призываю на всѣхъ васъ Божіе благословеніе и молитвенно желаю, да будетъ грядущій постъ душамъ вашимъ во обновленіе, да положите начало благое доброй истинно-хрістіанской жизни: этого ждетъ отъ васъ Церковь, любящая мать ваша, этого ждетъ и наша Русь, толико страдающая за наши грѣхи.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами. Аминь“.

Это посланіе было прочитано въ Вологодскомъ каѳедральномъ Соборѣ послѣ вечерни въ прощеное воскресенье. Послѣ чтенія собрано было въ пользу голодающихъ тутъ же, на блюдо, 41 р. 8 к.

И за то слава Богу и спасибо добрымъ людямъ!

109.

Язычествующій націоналистъ о святителѣ Николаѣ Японскомъ.

Трогательное, доходящее по мѣстамъ до художественнаго воодушевленія слово посвятилъ о. протоіерей Восторговъ памяти въ Бозѣ почившаго святителя Николая, воистину—апостола Японской страны. Немногими, но сильными чертами онъ съумѣлъ изобразить во весь ростъ этого великаго человѣка нашего времени, при воспоминаніи о которомъ считаешь себя счастливымъ, что ты—ему современникъ что ты имѣлъ счастіе знать его лично, переписываться съ нимъ, что ты—православный хрістіанинъ, ибо въ этомъ Божіемъ человѣкѣ такъ, непререкаемо—ясно проявила себя сила Божіей благодати, обитающей именно въ нашей православной Церкви.

Тѣмъ больнѣе было прочитать отзывъ о великомъ святителѣ извѣстнаго публициста г. Меньшикова. „Новое время“—самая распространенная газета, а Меньшиковъ стяжалъ себѣ славу человѣка, который смѣетъ о всемъ свое сужденіе имѣть, и къ голосу котораго многіе прислушиваются.

Г. Меньшиковъ подкупаетъ своего читателя своимъ безпристрастіемъ: онъ, повидимому, воздаетъ должное личнымъ качествомъ апостола Японіи: „можетъ быть, говоритъ онъ, Николай дѣйствительно и былъ святымъ, насколько позволяетъ объ этомъ судить нашегрѣшное сознаніе". Но тутъ же говоритъ: „жизнь и дѣятельность столь замѣчательнаго человѣка заслуживаютъ серьезнаго обсужденія". И онъ принимается за это „обсужденіе" и начинаетъ... съ чего бы вы думали? Съ упрека святителю: „зачѣмъ онъ бросилъ свою бѣдную родину? Зачѣмъ отдалъ себя чужой странѣ? Неужели въ громадномъ отечествѣ нашемъ нѣтъ своихъ язычниковъ—и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ? Неужели чудному сердцу архіепископа Николая не нашлось бы подвига въ коренной Россіи, хотя бы въ той же Смоленщинѣ? Не составляетъ ли нравственной измѣны отечеству, когда сильные духомъ и одаренные русскіе люди отдаютъ себя служенію чужимъ народамъ?" и т. д. Отъ обвиненія святителя Божія, который всего себя отдалъ служенію апостольскому, въ „нравственной измѣнѣ отечеству", нашъ публицистъ готовъ былъ бы перейти въ обвиненіе его въ „карьеризмѣ": „люди влагаютъ всю силу духа своего, чтобы прославиться первыми апостолами въ еще нетронутыхъ странахъ". Это,—видите ли,—„сродни честолюбію первыхъ мореплавателей и путешественниковъ". Да спохватился; чистота, высота и сила истиннаго подвига заставила и этого безпощаднаго судью оговориться: „если бы рѣчь шла не объ архіеп. Николаѣ, благородство души котораго внѣ сомнѣнія", говоритъ г. Меньшиковъ. Зато со всею силою какой-то ненависти къ дѣлу Божію обрушивается онъ на самое дѣло, которому отдалъ всю свою жизнь святитель Божій: „смерть, говоритъ онъ, святителя, даетъ хорошій поводъ прекратить его святое, но въ общемъ безнадежное предпріятіе. *Никогда Японія не сдѣлается православной*, подчеркиваетъ онъ, а не большой горсти любителей православія въ этой странѣ слѣдуетъ предоставить ихъ религіозныя потребности ихъ собственному попеченію. При обширности, разноплеменности Россіи, при ея разновѣріи, вся такъ называемая внѣшняя миссія есть хуже, чѣмъ роскошь, она вредная ошибка Церкви"... Вотъ до какихъ нелѣпостей дошелъ нашъ публицистъ! Невольно спрашиваешь себя: да кто онъ, этотъ публицистъ? Язычникъ или хрістіанинъ? Вѣруетъ ли онъ въ Бога—не говорю уже по нашему, по-православному, а хотя бы просто по-хрістіански? Или это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Церковь сего дня (пишу въ недѣлю Православія) предавала анаѳемѣ, яко глаголющихъ или даже хотя бы только помышляющихъ не быти Богу и Его промыслу не управляти міромъ? Кто читалъ прежнія писанія этого неистощимаго газетнаго говоруна, тотъ знаетъ, что для него хрістіанство уже отжило свой вѣкъ, а православіе и подавно—историческій пережитокъ, что на смѣну хрістіанству идетъ какой-нибудь буддизмъ или иной модный культъ... Но когда этотъ писатель надѣваетъ на себя личину патріота, то приходится съ нимъ считаться. Разберемся кратко съ нашей, православной, церковной точки зрѣнія въ тѣхъ „серьезныхъ", будто бы, сужденіяхъ, какія онъ высказываетъ.

Юный, 24-лѣтній юноша, прямо со скамьи, не задумываясь какъ онъ самъ говорилъ о томъ, какъ устроить свою судьбу, вдругъ, подъ впечатлѣніемъ простого приглаше-

нія, прочитаннаго имъ на листѣ бумаги, рѣшается принять монашество и ѣхать туда, куда приглашали—въ Японію... И вотъ, г. Меньшиковъ теперь кричитъ: „нравственная измѣна отечеству!“ Да развѣ этотъ юноша знаетъ, предвидитъ успѣхъ своего будущаго служенія въ Японіи? Правда, какъ юноша, онъ мечтаетъ, но вѣдь извѣстно, какую цѣну придаютъ и юноши своимъ мечтамъ. Онъ ѣдетъ просто—къ посольской церкви, а не въ миссію въ собственномъ смыслѣ. И если бы кто тогда сказалъ ему: „что ты дѣлаешь? Ты измѣняешь отечеству!“ — онъ, вѣроятно, только улыбнулся бы на такія рѣчи. „Я и ѣду служить отечеству, могъ бы сказать онъ: служеніе при посольствѣ русскомъ развѣ не есть служеніе отечеству?“ —Но ты лишаешь отечество такой силы, такихъ талантовъ...—„Много и безъ меня и болѣе меня способныхъ людей остается въ средѣ сыновъ моего отечества“, отвѣтилъ бы скромный въ мнѣніи о себѣ юноша. „Я иду туда, куда меня зовутъ, и въ этомъ зовѣ вижу волю Божію, а въ остальномъ—буди та же воля Божія, благая, премудрая и немощная врачующая“. Вотъ и все, г. Меньшиковъ! Ужели, по вашему, каждый юноша долженъ считать тебя будущимъ великимъ человѣкомъ и разцѣнивать себя самъ: куда и на что онъ годенъ? Не лучше ли предоставить это волѣ Божіей: вѣдь Господь-то лучше насъ знаетъ, на что мы пригодны и способны. Вотъ и я грѣшный, въ юности моей мечталъ уйти въ дебри Алтайскія и быть тамъ проповѣдникомъ Христа нашимъ язычникамъ, но Богу угодно было послать меня въ монастырь и слава Его премудрому изволенію! Въ 1880 году, когда святитель Николай по хиротоніи во епископа, провелъ три или четыре дня въ лаврѣ Преподобнаго Сергія, я близко сошелся съ нимъ, и являлась у меня мысль поѣхать съ нимъ въ Японію, но я не позволилъ себѣ высказать ему этой мысли, опасаясь напроситься на крестъ, который будетъ мнѣ не по силамъ. А если бы онъ пригласилъ — вѣроятно— рѣшился бы... Въ томъ-то и дѣло, что искренно-вѣрующій христіанинъ во всемъ ищетъ единой воли Божіей и не позволяетъ себѣ мудрствовать паче, еже подобаетъ, отнюдь не смѣя цѣнить себя, ибо знаетъ и крѣпко вѣруетъ, что все, что мы дѣлаемъ добраго — не мы дѣлаемъ, а Самъ Богъ въ насъ и чрезъ насъ... Это первое.

Второе. Какъ думаетъ г. Меньшиковъ: вѣдь и Апостолъ Павелъ, и всѣ, кромѣ Петра и Іакова. Апостолы Христовы покинули Палестину, свой родной народъ, пошли въ чужія страны, чтобы проповѣдывать христіанство во исполненіе завѣта Христова: что-жъ, стало быть и они явились нравственными „измѣнниками отечеству“? Какъ-то странно и опровергать такія „націоналистическія“ сужденія! Вѣдь тутъ, очевидно, нѣтъ ни вѣры въ промыслъ Божій, ни истинно - христіанскаго пониманія дѣла! На небѣ, у Ангеловъ Божіихъ, радость бываетъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся, какой бы національности онъ ни былъ, а въ Японіи обращено ко Христу до 40,000 душъ: это ли не великое дѣло Божіе? Это ли не радость—не только для небожителей, но и для насъ грѣшныхъ, которые не можемъ не радоваться спасенію братьевъ нашихъ во Христѣ? Вѣдь во Христѣ Іисусѣ нѣсть еллинъ и іудей: въ дѣлѣ вѣры всѣ мы родные братья, и японцы, ученики святителя Николая, на дѣлѣ показали свою братскую любовь къ нашимъ плѣннымъ, которые не мо-

гутъ и теперь, спустя нѣсколько лѣтъ, безъ чувства глубокой благодарности вспомнить то, какъ японцы хрістіане относились къ нимъ въ горькіе дни позорнаго плѣна. Пусть публицистъ - націоналистъ назоветъ меня космополитомъ: я съ радостью приму это названіе, если понимать его въ хрістіанскомъ смыслѣ. Въ томъ-то и дѣло, что православная вѣра роднитъ всѣ народы. Пусть японцевъ пока горсточка: довольно и того, что сѣмя святое въ нихъ брошено, довольно того, что хрістіанство уже явило чудеса и знаменія въ средѣ этихъ язычниковъ. Не говорю уже о чудесахъ въ собственномъ смыслѣ, о коихъ мнѣ писалъ почившій святитель,—развѣ не чудо, что языческій жрецъ Савабе, пришедшій убить святителя, сталъ его ревностнымъ ученикомъ и проповѣдникомъ Хріста? Развѣ не чудо, что предъ нашимъ равноапостоломъ почтительно склоняли головы и язычники, да не простой только народъ, а и люди ученые, люди высоко стоявшіе на службѣ,—даже самъ императоръ Японіи прислалъ на его гробъ вѣнокъ: развѣ все это не чудо, совершенное благодатью Божіей чрезъ нашего достославнаго Архіерея Божія?

Японія, говоритъ Меньшиковъ, никогда не будетъ православной. Онъ даже подчеркиваетъ эти слова. Не слишкомъ ли много вѣритъ онъ въ свою мудрость, свое предвидѣніе? Вѣдь Божьихъ дѣлъ никто не знаетъ... Силенъ Богъ и мертвыхъ воскрешать. Святитель вѣрилъ въ возможность обращенія японскаго народа ко Христу. Въ этомъ народѣ есть естественныя добродѣтели, которыя могутъ привлечь спасительную благодать Божію къ сему народу, подобно Корнилію сотнику, о которомъ повѣствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ. И кто знаетъ? Со страхомъ помышляю я грѣшный, какъ бы не сбылось слово Господне на насъ самихъ: *отнимется у васъ царствіе Божіе и дастся языку, творящему плоды его*—вотъ можетъ быть этимъ японцамъ... Объ этомъ я писалъ еще 40 лѣтъ назадъ въ журналѣ „Миссіонеръ“. И тѣмъ страшнѣе эта мысль, что тогда, когда я писалъ это, не было тѣхъ ужасныхъ признаковъ богоотступничества, какія всюду наблюдаются у насъ теперь, именно въ наши дни... Да сохранитъ Господь Россію отъ такой бѣды, но такія вотъ разсужденія, какъ высказываемыя Меньшиковымъ, могутъ насъ привести къ этому.

И какое пренебреженіе слышится въ этомъ выраженіи Меньшикова: „горсточка любителей православія“? Будто православіе есть какое-то ненужное въ сущности занятіе, ну вродѣ „научныхъ опытовъ“, какихъ-нибудь что ли, а не сама жизнь! Любители православія! Что-то вродѣ любителей фотографіи, цвѣтоводства или тому подобное... Горсточка! Конечно, это немного, это—лишь одинъ человѣкъ на тысячу населенія Японіи: но вѣдь истинное хрістіанство и есть „зерно горчичное“, и есть закваска, по притчамъ Хрістовымъ. И изъ горчичнаго зерна вырастаетъ почти дерево, и малая закваска способна заквасить все тѣсто. Почившій святитель, какъ извѣстно, почти не имѣлъ сотрудниковъ изъ русскихъ, а все же обратилъ ко Христу до 40,000, а можетъ быть и больше. Развѣ самъ онъ не былъ тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросло древо веліе? Развѣ не онъ вложилъ ту закваску, которая какъ воздѣйствовала на души, способныя воспринять Божію благодать? Да не мы ли виноваты и въ томъ, что онъ не сдѣлалъ вдвое, втрое, въ десять

разъ больше? Повидимому, ему не было препятствій въ его дѣлѣ со стороны языческаго правительства, а средствъ не доставало! Вѣдь, какъ ни скудно, по нашему просто ничтожно было содержаніе катихизаторовъ (что-то рублей 30 въ годъ!), а все же нужны были средства. А мѣстная церковь, всѣ эти бѣдняки, льнувшіе ко Христу, не могли дать средствъ, и вотъ святитель вынужденъ былъ, къ великой скорби своей, сокращать число вѣропроповѣдниковъ. Вмѣсто того, чтобы увеличивать ассигнованія наше миссіонерское общество вынуждено было сокращать ихъ. Мы, мы виноваты, что въ теченіи полустолѣтія такъ холодно, такъ безучастно относились къ святому подвигу святителя Божія!

А г. Меньшиковъ совѣтуетъ и совсѣмъ предоставить юную Японскую церковь своимъ силамъ и средствамъ! Да это будетъ преступленіемъ! Это будетъ величайшимъ оскорбленіемъ памяти великаго святителя! Это будетъ измѣною тѣмъ завѣтамъ Христовымъ, тѣмъ вѣрованіямъ, какими жила Русь тысячу лѣтъ: быть не только хранительницею чистѣйшей спасительной вѣры, но и распространительницею свѣта Христова среди народовъ... Наше горе въ томъ, что въ насъ самихъ гаснетъ свѣточъ православной вѣры и православной жизни. Но не должно ли это самое побуждать насъ возжигать этотъ свѣточъ въ другихъ народахъ, дабы ихъ молитвами Господь не попустилъ погаснуть и въ насъ сему благодатному огню? Прочтите въ толкованіяхъ Апостольскаго посланія къ Римлянамъ у епископа Ѳеофана о томъ, какъ призваніемъ язычниковъ Богъ влечетъ къ вѣрѣ самихъ іудеевъ...

Но съ такими писателями, какъ г. Меньшиковъ, толковать объ этомъ не приходится. Вѣдь самъ онъ, не замѣчая того, стоитъ на точкѣ зрѣнія японцевъ, узкихъ націоналистовъ. И когда вспомнишь, что этотъ талантливый писатель публицистъ стоитъ едва ли не во главѣ такъ называемыхъ у насъ націоналистовъ, когда представишь себѣ: а что если и всѣ они такъ думаютъ?—то страшно становится за Россію, за ея будущее. Мнѣ почему-то всегда казалось, что эти люди ставятъ національность впереди православія, считая послѣднее лишь служебнымъ орудіемъ для главной національной идеи, и этой глубокой ошибкой, если не сознаютъ ее, они, погубятъ себя. Для русскаго православнаго народа—прежде и выше всего—вѣра православная, а затѣмъ Царь—Божій Помазанникъ и наконецъ уже—народность или, если угодно, націонализмъ... И въ самой основѣ народности русской лежитъ ничто иное, какъ православіе. Не будетъ этого фундамента—не будетъ и народности русской. И не Церковь ошибается, исполняя, по мѣрѣ силъ, заповѣдь Христову, а вы, господа націоналисты, мнящіе построить свое зданіе на пескѣ. И вѣчная память съ похвалами да будетъ и пребудетъ святителю Николаю, Японскому просвѣтителю, нашему родному молитвеннику, нашей духовной красѣ и похвалѣ нашей родной Церкви!

110.

Намъ ли молиться за него?..

Три дня чествовала Русская Православная Церковь великаго священномученика за отечество святѣйшаго Патріарха Гермогена; три дня молилась о упокоеніи его души въ царствѣ небесномъ и возглашала ему вѣчную память...

Богъ привелъ мнѣ быть участникомъ этого свѣтлаго торжества православія—души народной и я вынесъ самыя отрадныя впечатлѣнія съ этого праздника православнаго русскаго патріотизма. Хочу подѣлиться ими съ своими читателями.

Торжество началось вечеромъ 17-го февраля парастасомъ въ Успенскомъ соборѣ—этомъ дому Пресвятыя Богородицы, за который душу свою положилъ святѣйшій первосвятитель Россіи. Здѣсь, съ этого священнаго амвона, на которомъ стояли мы, недостойнѣйшіе іерархи—преемники его святительскаго служенія въ Церкви Русской, раздавалось его грозное слово, обличавшее измѣнниковъ православной вѣрѣ и отечеству; съ сего амвона онъ призывалъ Божіе благословеніе защитникамъ и вѣрнымъ сынамъ отечества; отсюда гремѣло его проклятіе тогдашнимъ эс-эрамъ, эс-декамъ и кадетамъ... Эти священные своды оглашались его пламенными рѣчами о любви и вѣрности къ несчастной родинѣ, къ престарѣлому, безвольному царю Василію Іоанновичу, горячимъ призывомъ къ защитѣ святой вѣры православной... Здѣсь и почиваетъ онъ нынѣ своими нетлѣнными мощами, въ укромномъ уголкѣ собора, обокъ съ шатромъ надъ ризою Господней, почиваетъ не въ могилѣ, а вотъ, подъ этимъ надгробіемъ, въ гробу фіолетоваго бархата.

Богу, дивному во святыхъ Своихъ, благоугодно было возбудить въ сердцахъ Русскаго народа особенную вѣру въ его молитвенное заступленіе именно въ наши многоскорбные дни, когда современные Салтыковы—Милюковы, Масальскіе—Долгоруковы и вся ихъ компанія готовы распродать нашу матушку—святую Русь оптомъ и въ розницу не только полякамъ, финляндцамъ, но и презрѣннымъ іудеямъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ... Въ такое то время и востаетъ изъ своего гроба трехсотлѣтній великій покойникъ, востаетъ живымъ чудотворцемъ, напоминая русскимъ православнымъ людямъ ихъ долгъ предъ родиной, предъ святою своей вѣрой, предъ Церковью—матерью и Царемъ Самодержцемъ, встаетъ и вѣщаетъ гласомъ знаменій и чудесныхъ исцѣленій: „Опомнитесь, православные русскіе люди! Довольно блуждать вамъ по распутіямъ измѣны роднымъ завѣтамъ, пора перестать быть перелетами—отъ этихъ завѣтовъ—къ современнымъ тушинцамъ, всякаго рода измѣнникамъ родной вѣрѣ родному Царю и отечеству, пора грудью стать за эти завѣтныя святыни нашего русскаго сердца! Не я одинъ—вся святая Русь, въ лицѣ своихъ избранниковъ на небесахъ престолу Божію предстоящая всѣ сіи древнерусскіе святители и преподобные, всѣ святые князья—мученики и великіе печальники ваши предъ Богомъ—всѣ мы призываемъ васъ къ покаянію, всѣ взываемъ къ вамъ: пожалѣйте родину, пощадите землю Русскую, надъ которою какъ и въ мои дни, простерлась грозная туча гнѣва Божія! Обратитесь къ

матери Церкви, слушайте гласа ея, яко гласа Божія, вспомните великое призваніе Руси—нести и возвѣщать святую истину православной вѣры всѣмъ народамъ земнымъ! Гоните отъ себя этотъ ложный стыдъ, навѣваемый врагами Церкви и святой Руси, стыдъ, будто мы, русскіе, отстали отъ другихъ народовъ и въ дѣлахъ вѣры, и въ жизни государственной, будто посему надо во всемъ подражать народамъ чужимъ, а для сего — отрекаться отъ всего родного... Все это—вражье навожденіе, все это—ядовитый туманъ, которымъ отравляютъ васъ, наипаче же молодежь вашу враги Божьи—іудеи и масоны съ ихъ прислужниками. Будьте чисто-русскими, православными людьми, покайтесь по русски—такъ, какъ умѣли каяться ваши предки—цѣлымъ сердцемъ, съ дѣтской простотой и искренностью и Господь смилуется надъ вами, и туча Божія пронесется мимо васъ, и паки засіяетъ надъ Русью солнце милостей Божіихъ, какъ во времена оны древнія, какъ было послѣ моей кончины!“...

И внемлетъ гласу святѣйшаго Русь православная, внемлетъ съ благоговѣніемъ тотъ простой, вѣрующій народъ, который составляетъ бѣлое тѣло народное, настоящую Русь! И пошли волны народныя къ священной гробницѣ великаго патріарха патріота, и съ каждымъ днемъ сіи волны увеличиваются. Не во дни только торжествъ въ память его, но и каждый день вереницами тянутся русскіе люди къ дому Пресвятыя Богородицы, и несутъ сюда подъ эти священные своды, свои скорби и вздохи болящаго за родину сердца, и изливаютъ свою скорбящую душу у подножія гробницы новоявляемаго и Богомъ прославляемаго заступника своего, триста лѣтъ безмолвно-смиренно почивавшаго въ своей гробницѣ—даже до нашихъ скорбныхъ дней... И неумолчно слышится здѣсь вѣчная ему память, и съ благоуханіемъ кадильнымъ несется къ Богу молитва о упокоеніи его праведной души со святыми, а въ глубинѣ сердечной уже звучитъ молитвенное слово: „и его молитвами насъ грѣшныхъ, Господи, помилуй!“...

Чинно и неспѣшно совершалось всенощное бдѣніе — парастасъ въ древнемъ соборѣ. Могучими волнами неслись къ его сводамъ звуки священныхъ пѣснопѣній на литіи, исполненныхъ клиромъ собора—пѣніе, какого нигдѣ въ мірѣ нельзя больше услышать. Неспѣшно, отчетливо, отчеканивая каждое слово, читали, или, лучше сказать, выпѣвали два сакелларія непорочны и канонъ; мы, архіереи выходили на литію, а потомъ, начиная съ непорочныхъ, стояли среди храма до конца всенощной и ушли въ алтарь лишь по возглашеніи, послѣ отпуста, вѣчной памяти святителю Божію у его гробницы. Служба длилась четыре съ половиной часа и несмотря на усталость, не хотѣлось уходить изъ этого святилища Божія, гдѣ чувствовалось, съ нами молились здѣсь почивающіе святители — печальники родной земли, гдѣ, казалось, предстоялъ съ нами великій страдалецъ за вѣру и отечество, святѣйшій Патріархъ Гермогенъ...

На другой день богослуженіе началось крестнымъ ходомъ изъ Казанскаго собора въ Успенскій съ чудотворною иконою Богоматери Казанской, которую нѣкогда изъялъ изъ земныхъ нѣдръ святитель Гермогенъ въ Казани. Она и поставлена была надъ его гробницей. Тутъ же стоялъ и стягъ князя Пожарскаго, который, молитвенною помощію святителя, освободилъ Москву отъ поляковъ. Въ богослуженіи, какъ наканунѣ, такъ и 18-го

числа, принимали участіе: Митрополитъ Московскій Владиміръ, Архіепископы: Новгородскій Арсеній и Ярославскій Тихонъ, я и епископъ Серпуховскій Анастасій. На панихиду вышли еще святители: архіепископъ Алексій, бывшій Тверской, Димитрій епископъ Рязанскій, Гавріилъ, бывшій Омскій и другіе епископы, живущіе въ Москвѣ. Пѣлъ хоръ синодальныхъ, бывшихъ патріаршихъ пѣвчихъ. Пѣвцы были одѣты въ красивые, на подобіе древнихъ, боярскихъ, кафтаны съ золотымъ шитьемъ по оплечью и наподольнику. Въ концѣ литургіи Митрополитъ произнесъ слово о значеніи подвига святителя для Россіи. Послѣ панихиды всѣ святители отправились крестнымъ ходомъ въ Чудовъ монастырь, въ то подземелье, гдѣ священномученникъ за вѣру и отечество испустилъ свой духъ въ заключеніи. Здѣсь совершена была краткая литія, закончившаяся вѣчною памятью приснопамятному святителю.

Было уже два часа дня, когда всѣ, участвовавшіе въ богослуженіи и почетные гости собрались въ покояхъ Митрополита въ томъ же Чудовомъ монастырѣ на скромную трапезу. Всѣ блюда были грибные; никакихъ спиртныхъ напитковъ не было. Предъ послѣднимъ блюдомъ была провозглашена вѣчная память Патріарху, а послѣ обѣда провозглашено многолѣтіе Царствующему Дому и послана телеграмма Государю. Преосвященный предсѣдатель юбилейной комиссіи Анастасій, епископъ Серпуховскій, огласилъ привѣтственную телеграмму предсѣдателя и 40 членовъ Государственнаго Совѣта на имя Московскаго Митрополита.

Въ 6 часовъ вечера совершены всенощныя бдѣнія во всѣхъ церквахъ столицы, а на другой день—архіерейскія служенія въ Успенскомъ соборѣ Ярославскимъ архіепископомъ, а въ Чудовомъ монастырѣ — Митрополитомъ Владиміромъ. Кромѣ того, оба дня были архіерейскія служенія въ храмѣ Спасителя и Епархіальномъ домѣ.

Въ 7 часовъ вечера въ Епархіальномъ домѣ открылось торжественное собраніе въ память великаго Патріарха. Первымъ говорилъ преосвященный Анастасій; за нимъ В. В. Назаревскій, И. Соболевскій, Е. В. Барсовъ и протопресвитеръ Успенскаго собора Н. А. Любимовъ. Въ этихъ рѣчахъ во всемъ величіи возсталъ предъ слушателями великій печальникъ Русской земли—и какъ подвижникъ—святитель, и какъ государственный мужъ, и какъ первоіерархъ Русской Церкви, и—наконецъ—какъ бытописатель своего времени и пѣснотворецъ — авторъ тропаря Богоматери: *Заступнице усердная...*

Послѣ перерыва синодальный хоръ исполнилъ въ высшей степени художественно нѣсколько пѣснопѣній. Особенно сильное впечатлѣніе произвело „чтеніе грамоты патріарха Гермогена“ тушинцамъ измѣнникамъ и гимнъ святителюстрадальцу. Очень жаль, что эти новинки художественнаго творчества въ нашей вокальной музыкѣ и поэзіи не воспроизведены въ нотныхъ знакахъ: тогда можно было бы и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и въ торжественныхъ собраніяхъ въ память святителя въ разныхъ городахъ Россіи воспроизвести ихъ при посредствѣ хоровъ.

Такъ завершилось чествованіе памяти святителя Гермогена на мѣстѣ его великаго подвига. Русь XX вѣка оглянулась на свое далекое прошлое XVII вѣка, увидѣла тамъ, въ ряду героевъ вѣры и патріотизма, великаго мужа, явившаго

гося вождемъ этихъ героевъ, возбраннымъ воеводою въ святомъ дѣлѣ спасенія Руси въ тяжкую годину смуты и междуцарствія. Увидѣла современная намъ Русь этого исполина духа и—поклонилась ему... Вѣрные сыны отечества, благоговѣйно созерцая его подвигъ, вознесли горячія мольбы о упокоеніи его праведной души: упокой, Господи, душу раба Твоего! И сею молитвою за почившаго іерарха они вошли уже съ нимъ въ молитвенное общеніе, но совѣсть, но сердце, но какое-то внутреннее чувство говоритъ: этого мало, этого недостаточно! Кто мы, дряблые духомъ, обремененные грѣхами, чтобы намъ молиться о прощеніи и оставленіи грѣховъ этого великаго праведника, несомнѣнно предстоящаго предъ Богомъ и предстательствующаго за родную землю у престола Божія? Намъ ли молиться за него? Дайте намъ возможность призывать его самого въ слабыхъ молитвахъ нашихъ: приспѣло время вмѣсто *вѣчной памяти* возглашать ему: *святителю отче Гермогене, моли Бога о насъ!*

Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ! Дивны пути Божіи въ исполненіи словесъ Его непреложныхъ: *прославляющія Мя прославлю*! Въ то время, когда по законамъ исторіи, великіе дѣятели на поприщахъ государственнаго строенія, науки, литературы и искусства, уходя въ даль вѣковъ начинаютъ окутываться туманомъ забвенія въ памяти потомства,—святые герои вѣры и высокаго нравственнаго подвига выростаютъ въ сознаніи вѣрующихъ въ исполиновъ духа, приближаются къ народному сердцу; входятъ въ благодатное общеніе съ живущими въ сей юдоли земной, помогаютъ имъ въ ихъ нуждахъ, утѣшаютъ въ скорбяхъ, исцѣляютъ ихъ болѣзни и руководятъ на пути къ царствію Божію. И растетъ въ народѣ любовь къ нимъ, растетъ благоговѣніе къ благодати Божіей, въ нихъ обитающей, чрезъ нихъ дѣйствующей, и въ сознаніи церковномъ созрѣваетъ убѣжденіе въ ихъ святости... Духъ Божій, въ Церкви присноживущій и дѣйствующій, пробуждая вѣру, являетъ силу Свою чрезъ сихъ святыхъ Божіихъ и тогда Церковь признаетъ благовременнымъ, причисливъ ихъ къ лику святыхъ, прославлять ихъ яко Богомъ прославленныхъ...

Празднованіе 300-лѣтней годовщины преставленія патріарха Гермогена показало, что насталъ часъ и церковнаго его прославленія...

111.

Свѣтъ и тепло истиннаго добродѣланія.

Такъ часто, такъ много приходится говорить объ уродливыхъ явленіяхъ въ нашей общественной, государственной и даже церковной жизни, что съ радостію хочется остановиться на самыхъ, повидимому, малыхъ проявленіяхъ добра, во имя Христово творимаго, отдохнуть душой на этихъ малыхъ искоркахъ Божіихъ и указать на нихъ моимъ добрымъ читателямъ, какъ на добрый примѣръ. Добро, творимое по заповѣди Господней, ради Бога, ради сей заповѣди, есть истинный свѣтъ, истинное тепло, животворно проливающее свои благодатные лучи не только на того, кто творитъ его, но и на того, кто имѣ-

ётъ счастіе быть только простымъ посредникомъ въ его твореніи. И когда вдумаешься, почему такъ, становится ясно: Тотъ, кто сказалъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*, — Онъ, по непреложному Своему обѣщанію, присно пребывая въ Церкви, съ вѣрующими во имя Его, въ нихъ и чрезъ нихъ проявляетъ Свою жизнедѣятельность въ Своемъ тѣлѣ, которое и есть сія Церковь, коей членами мы имѣемъ счастіе быть... А когда чрезъ насъ проходитъ Его животворящая, и когда потребно сіе, когда жива наша вѣра, то и чудотворящая сила, то—можно ли намъ не ощущать своимъ сердцемъ ея дѣйствіе, не только благодѣющее чрезъ насъ, но и благотворно оживляющее насъ самихъ? Слава благости Твоей, Господи, нашъ, тако благоволившей, слава силѣ Твоей, слава неизреченному милосердію Твоему, Спасителю нашъ и Творче! Объ одномъ мы должны умолять Тебя, не попусти намъ *себѣ* приписать, у Тебя предвосхитить то добро, какое Ты чрезъ насъ дѣлаешь!

Съ радостію и благодареніемъ ко Господу отмѣчаю я такое отрадное явленіе: на мой призывъ въ дневникахъ моихъ откликаются мои добрые читатели, откликаются не словомъ только: почти каждый день я получаю отъ нихъ письма, столь для меня утѣшительныя,—но и дѣломъ; получаю лепты на тѣ Божьи дѣла къ которымъ я призываю ихъ. И сугубо радуюсь, что сіи отклики получаю я отъ собратій моихъ о Господѣ, отъ іереевъ Божіихъ, и не изъ моей только епархіи, но и изъ другихъ, иногда самыхъ отдаленныхъ. Читатели мои помнятъ въ прошломъ году пожертвованія на походныя церкви: они были получены мною отъ іереевъ Божіихъ: одинъ прислалъ 300 р., другой 200 р., затѣмъ еще двое по 300 рублей—и все священнослужители... И всѣ почти просили меня не печатать поименно: отъ кого получена жертва, всѣ предоставляли мнѣ самому направить ее туда, куда я найду болѣе благопотребнымъ. Воистину—такъ, какъ заповѣдалъ Господь: *да не увѣсть шуйца, что творитъ десница твоя!*

Мнѣ, говорю, особенно отрадно отмѣтить эти проявленія жизни Христа Спасителя именно въ *Его служителяхъ*; вѣдь въ наше время такъ часто обвиняютъ духовенство наше въ томъ, что оно, будто-бы умѣетъ брать, но не любитъ давать: а вотъ, подите же: наши міряне, имѣющіе возможность жертвовать тысячами, не такъ охотно отзываются на призывъ архіерея: увы, было время во дни оны еще не такъ отдаленные, когда и они охотно дѣлились съ Богомъ своими избытками,—а теперь—вотъ эти смиренные батюшки сельскіе опережаютъ ихъ своими лептами воистину не отъ избытка—какой ужь избытокъ у сихъ рабовъ Божіихъ!—а отъ лишеній своихъ и несутъ эти лепты на дѣло Божіе! Благослови ихъ, Господи! Воздай имъ благодатными утѣшеніями въ ихъ добрыхъ, въ простотѣ сердца вѣрующихъ сердцахъ!

Отрадно отмѣтить и то, что наши добрые пастыри въ семъ случаѣ являются носителями истинно-христіанскаго духа благотворительности. Мы живемъ въ такое печальное время, когда въ нѣдрахъ самаго христіанства подмѣниваются уже не только идеалы, но и самые символы благотворительности: самый крестъ Христовъ стараются испразднить, какъ будто онъ сталъ ненавистенъ духу вѣка сего лукаваго и прелюбодѣйнаго, будто сей вѣкъ стыдится креста Христова, будто боится его

(а извѣстно, кто больше всего боится и „трепещетъ и трясется“, по выраженію пѣсни церковной, креста Хрістова). Уже не во имя Хріста, нашего Спасителя, а во имя какой-то „гуманности“ (неопредѣленной туманности, какъ читаютъ это слово простецы-грамотеи) уже не подъ сѣнію креста—знаменія нашего спасенія, а подъ знакомъ—то „бѣлаго цвѣтка“, то—„колоса ржи“,—то—„василька“, призываютъ насъ къ дѣламъ благотворенія. И имѣютъ дерзость разсылать даже намъ, архіереямъ, приглашенія стать во главѣ сборовъ подъ такими эмблемами! Вѣроятно, не за горами время, когда станутъ собирать на дѣла „благотворенія“ и подъ масонскими треугольниками. Понемногу, понемногу стараются подмѣнить крестъ Хрістовъ, удалить его изъ сознанія вѣрующихъ, покрыть туманомъ забвенія, а съ нимъ затушевать въ хрістіанскомъ міросозерцаніи и самую идею искупленія Хрістомъ рода человѣческаго, постепенно вытравить самую суть хрістіанства изъ сознанія современнаго человѣчества... Хитрый, искусный планъ семитысячелѣтняго человѣкоубійцы—сатаны! Въ сущности это—продолженіе того же подкопа подъ хрістіанство, какому положили начало еще еретики первыхъ вѣковъ хрістіанства, а позднѣе-Лютеръ, этотъ несчастный слуга масоновъ—вѣрныхъ слугъ сатаны: вѣдь еще тогда объявлено, будто крестъ Хрістовъ, какъ орудіе казни,—прости намъ Господи сіе слово—висѣлица, достоинъ поруганія, а не поклоненія, хотя Апостолъ Павелъ и хвалился имъ, какъ лучшею своею похвалою. Прошло почти четыреста лѣтъ, послѣ Лютера и вотъ, какъ-то безъ шума, незамѣтно, подъ предлогомъ добра, подъ вліяніемъ моды на всякую новинку, знаменіе креста упраздняется и даже архіереи приглашаются стать подъ эмблему „ромашки“, „колоса ржи“, „василька“ и подобныхъ ничтожныхъ предметовъ. Не думаю, чтобъ кого-либо изъ архіереевъ удалось обмануть симъ ненавистникамъ креста Хрістова, а мірянъ много пошло за ними, пошло, думается, скорѣе изъ моды, безсознательно, хотя, конечно, затѣйники сего знали, что дѣлали, и смѣялись въ душѣ надъ простотою тѣхъ, кто шелъ на ихъ приманку, забывая о крестѣ Господнемъ, подъ сѣнію котораго собираетъ пожертвованія святая Церковь на тѣ же добрыя дѣла. Я остановился на семъ потому, что мои читатели спрашиваютъ меня: какъ относиться къ подобрымъ сборамъ? Ихъ совѣсти, очевидно, претитъ такой способъ сбора, избѣгающій всякаго благословенія Церкви, дѣйствующій помимо креста Господня. Вотъ я и отвѣчаю: избѣгайте всякаго участія въ такихъ якобы добрыхъ дѣлахъ, которые сторонятся Церкви, идутъ мимо ея благословенія, не могутъ быть допущены въ храмахъ Божіихъ съ тѣми эмблемами, подъ которыми ходятъ по улицѣ и врываются въ частные дома и въ разныя учрежденія. Для хрістіанина есть путь къ благотворенію—въ церкви, чрезъ служителей Церкви, чрезъ учрежденія, стоящія подъ ея благодатнымъ крыломъ. Такъ будетъ надежнѣе, Богу пріятнѣе и нравственно чище.

Есть и другая сторона въ этихъ попыткахъ подмѣнить хрістіанскую благотворительность новыми модами сбора пожертвованій. Обратите вниманіе на то, что праздники православной Церкви хотятъ постепенно сократить, а въ замѣнъ ихъ вводятъ новые праздники: „праздникъ бѣлаго цвѣтка“, „праздникъ колоса“, праздникъ древонасажденія“ и т. п. Развѣ мы не видимъ тутъ цѣлый планъ

постепенной подмѣны хрістіанства? Кто читалъ „протоколы сіонскихъ мудрецовъ“, для того ясенъ весь планъ постепеннаго уничтоженія хрістіанства, врагами Церкви давно задуманный и незамѣтно для насъ, но послѣдовательно проводимый въ жизнь хрістіанскихъ народовъ...

Истинно-хрістіанское добро скромно, такъ сказать — стыдливо: оно тщательно укрывается отъ очей людскихъ. Вотъ почему оно и не такъ примѣтно: люди творятъ добро и молчатъ о немъ, и стараются забыть то, что сдѣлали, и на мысль имъ не приходитъ не только показывать его людямъ, но и самимъ въ душѣ любоваться имъ: такъ надо, такъ Богъ велѣлъ, Богъ помогъ и слава Ему, что благословилъ чрезъ мое недостоинство, чрезъ мое ничтожество сдѣлать это добро. Такъ думаютъ они о своемъ добрѣ. А если ужъ нельзя укрыть его, то просятъ не называть ихъ именъ: творятъ добро отъ имени неизвѣстныхъ благодѣтелей, чрезъ третьи лица. Но свѣтъ, но теплота этого добра помимо ихъ воли льется вокругъ ихъ, и чувствуютъ это не только тѣ, кому оказывается добро, но и тѣ, чрезъ чьи руки проходитъ оно... Вотъ почему паки и паки приношу имъ мою сердечную благодарность и призываю на нихъ Божіе благословеніе!

Эта статья была уже набрана, когда я получилъ отъ секретаря управленія подворій Палестинскаго Общества въ Іерусалимѣ С. Г. Щербачева письмо, изъ котораго привожу выдержки: „ѣдучи на пароходѣ съ паломниками, я читалъ имъ вашъ дневникъ о переселенцахъ и бѣдныя паломницы совали мнѣ въ руки деньги—всего собрали 1 р., немного по количеству, но дорого по чувству. Посылаю вамъ эту святую жертву на храмы въ Сибири. Трогательны разсказы нѣкоторыхъ паломниковъ! Нѣтъ, не погибла, не погибнетъ Россія, имѣя такихъ глубоко-вѣрующихъ сыновъ и дочерей, какихъ я встрѣтилъ въ лицѣ паломниковъ. Ни расходы, ни неудобства, ни качка, ни холодъ, ни голодъ—ничто не останавливаетъ ихъ могучимъ потокомъ стремиться въ святую землю. Спасибо славному Палестинскому Обществу, приходящему на помощь этимъ подвижникамъ. Одна старушка 12 лѣтъ жила мыслью ѣхать въ Іерусалимъ, и вотъ, по копѣечкѣ, набирала по 5 рублей въ годъ, набрала 60 руб. и теперь она съ нами, на пароходѣ „Королева Ольга“, плыветъ туда, гдѣ жилъ, училъ, страдалъ и умеръ Самъ Господь. Другой молодой парень, на шутку сосѣда, что капитанъ корабля можетъ отправить его назадъ и деньги пропадутъ, отвѣтилъ съ хрістіанскимъ добродушіемъ и твердымъ рѣшеніемъ попасть во что бы то ни стало въ Іерусалимъ; „ну чтожь, буду опять собирать деньги“. — Это—не пасынки Россіи, это—ея законныя дѣти, чистыя, вѣрующія и простыя души“...

Душою отдыхаешь, когда читаешь такія письма.

112.

Распятіе Господа и наше Ему сораспятіе.

(Слово надъ св. плащаницею).

Когда стоишь предъ симъ священнымъ гробомъ, когда созерцаешь эти зіяющія раны, этотъ кроткій Божественный ликъ, омраченный

смертною блѣдностію, это Божественное чело, увѣнчанное колючимъ терніемъ, то сердце вопрошаетъ: Господи! кто же такъ изранилъ, измучилъ Тебя? Какіе злодѣи такъ истерзали Твое пречистое тѣло?..

И слышится въ глубинахъ грѣшной совѣсти страшный отвѣтъ: ты и подобные тебѣ грѣшники! Это—дѣло вашихъ рукъ: *Той язвенъ бысть са грѣхи* ваши *и мученъ бысть за беззаконія* ваши!..

Да, братія мои! Всѣ нераскаянные грѣшники, всѣ отпадающіе отъ вѣры православной, отъ единой спасающей Церкви Хрістовой, всѣ еретики, раскольники, суемудрые лжеучители, смущающіе души простецовъ, глумящіеся надъ истинами вѣры, всѣ, отдавшіе душу и сердце тяжкимъ смертнымъ грѣхамъ и непомышляющіе о покаяніи—всѣ они вновь распинаютъ Сына Божія, вновь прободаютъ Его пречистое ребро копіемъ, Его пречистыя руки—острыми желѣзными гвоздями! Такъ говоритъ слово Божіе, такъ учатъ святые Апостолы, такъ учитъ святая матерь наша Церковь—невѣста Хрістова возлюбленная!

Но не одни нераскаянные грѣшники распинаютъ Господа своими грѣхами. Господь пролилъ Свою пречистую кровь и за наши грѣхи. Каждый новый грѣхъ, нами совершаемый, есть новый гвоздь въ Его святѣйшія длани, есть новый ударъ копія въ Его пречистое ребро. Когда ты осуждаешь своего ближняго, когда издѣваешься надъ нимъ,—ты осуждаешь Хріста вмѣстѣ съ книжниками и фарисеями, ты издѣваешься надъ своимъ Спасителемъ вмѣстѣ съ ихъ злыми прислужниками! Когда ты оскорбляешь собрата, поносишь его имя, ты ударяешь въ ланиту своего Господа вмѣстѣ съ единымъ отъ слугъ первосвященника Анны, ты даешь заушеніе Ему вмѣстѣ съ грубыми римскими воинами! Когда злорадствуешь при несчастіи ближняго, ты издѣваешься надъ своимъ распятымъ Господомъ вмѣстѣ съ разбойникомъ, распятымъ ошую Его! Когда обижаешь неповиннаго, притѣсняешь безпомощныхъ сиротъ или вдовицъ, отнимаешь у нихъ достояніе,—ты срываешь одежды съ Хріста вмѣстѣ съ Его распинателями! Когда гордишься, превозносишься предъ другими своими мнимыми достоинствами, способностями, талантами — ты вѣнчаешь острымъ, колючимъ терніемъ смиренную главу твоего Спасителя, для Котораго нѣтъ ничего достолюбезнѣе кротости и смиренія и нѣтъ ничего оскорбительнѣе гордости и превознощенія. Помни, именующій себя хрістіанином, то-есть, ученикомъ Хрістовымъ, что речетъ Онъ тебѣ на страшномъ судѣ Своемъ предъ лицемъ всѣхъ Ангеловъ Своихъ и всѣхъ святыхъ: все, что ты сдѣлалъ или не сдѣлалъ одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ—сдѣлалъ или не сдѣлалъ *Мнѣ!*

Какъ бы ни казался тебѣ малымъ и потому якобы извинительнымъ грѣхъ, онъ есть уже оскорбленіе величества Божія, нарушеніе святѣйшей Божіей заповѣди, темное пятно на твоей совѣсти, и ничѣмъ не можешь ты загладить его самъ. Каждая минута нашей жизни есть даръ Божій, а посему каждая минута, праздно проведенная, каждое слово праздно сказанное, есть уже новый и новый грѣхъ, новое и новое оскорбленіе Господа Жизнодавца. Не думай, братъ, что можно утраченное на грѣхъ, потерянное для добра время чѣмъ либо восполнить, вознаградить: разъ оно потеряно—оно стало уже неоплатнымъ долгомъ предъ судомъ правды Божіей и только крестныя заслуги Го-

спода нашего Іисуса Христа могутъ изгладить грѣхъ и покрыть неправду нашу предъ судомъ вѣчной правды Бога правосуднаго.

Вотъ почему здѣсь, у этого гроба Христова, нынѣ, въ этотъ великій день нашего искупленія и спасенія, мы наипаче должны каяться, оплакивать свои грѣхи, умолять Божественнаго Страдальца, чтобъ не помянулъ Онъ сихъ грѣховъ и беззаконій нашихъ въ день праведнаго суда Своего страшнаго, чтобы покрылъ, омылъ ихъ Своею кровію безцѣнною, чтобы далъ намъ силы подвизаться въ борьбѣ со грѣхомъ даже до пролитія, если сіе будетъ потребно, крови, чтобы далъ крѣпость спострадать Ему, сораспяться съ Нимъ, быть причастниками Его спасительныхъ страданій...

Возможно ли это? скажете вы. Мы такъ слабы, такъ немощны...

Не только возможно, братіе, но и должно. Для того и возлагается на насъ крестъ при святомъ крещеніи, чтобы помнили мы объ обѣтѣ сораспятія со Христомъ, или, какъ выражается Апостолъ Христовъ участія нашего въ Его страданіяхъ, восполненія Его страданій въ плоти нашей... Всѣ мы—тѣло Его, плоть отъ плоти Его, кость отъ костей, Его, ибо всѣ мы причащаемся тѣла и крови Его въ Божественномъ таинствѣ; а посему — если страждетъ Глава, съ нею должны страдать и всѣ члены, все тѣло. Наша Глава—Христосъ распятъ на крестѣ: сораспнемся и мы съ Нимъ борьбою со грѣхомъ, смиреннымъ перенесеніемъ всего скорбнаго, благодушнымъ несеніемъ каждый своего креста, Христомъ же на насъ и возложеннаго. Будетъ ли то крестъ болѣзней тѣлесныхъ или страданій душевныхъ, будетъ ли то крестъ внѣшній, отъ людской неправды, крестъ обидъ, поношеній, всякихъ несправедливостей, лишеній и болѣзней, какъ было съ древнимъ великимъ страдальцемъ Іовомъ, какъ было со всѣми страдальцами за имя Христово—мучениками,—или же—крестъ внутренній, крестъ тоски безотрадной, крестъ тяжкой борьбы съ своими внутренними врагами—страстями, постоянно воюющими на душу—все примемъ какъ отъ руки Божіей, съ благодарною смиренною преданностью святой волѣ нашего Господа, сознавая, что Онъ лучше насъ вѣдаетъ, на кого какой крестъ возложить, и никогда не возложитъ на насъ креста, для насъ непосильнаго. Въ этомъ самая сущность жизни христіанина на землѣ; въ этомъ—подвигъ спасенія, Христомъ намъ завѣщанный. Христіанинъ есть всегдашній крестоносецъ: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ,* — глаголетъ Самъ Онъ, Началовождь нашего спасенія! *Да отвержется себе*: да отсѣчетъ свою волю, да предастъ себя въ волю Божію, да исполняетъ во всемъ только сію волю святую *Да возметъ крестъ свой*: пусть будетъ всегда готовъ на всѣ скорби, какія попуститъ Господь ради его спасенія! *Да грядетъ по Мнѣ:* пусть идетъ по Моимъ стопамъ, пусть живетъ по Моимъ святымъ заповѣдямъ! *Аще кто любитъ Мя—заповѣди Моя соблюдетъ!* Прискорбенъ путь, тѣсны врата, но за то сладокъ рай и вѣчная жизнь со Христомъ! *Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ!* И не только на небесѣхъ—въ жизни вѣчной, но и еще здѣсь на землѣ Христосъ Спаситель нашъ несказанною радостію веселитъ сердца идущихъ за Нимъ путемъ крестнымъ и сораспинающихся Ему, утѣшаетъ ихъ такими утѣшеніями, какихъ міръ не знаетъ и не

можетъ знать, утѣшеніями, ради коихъ истинные послѣдователи Христа готовы на всякія скорби, на всякія муки за своего возлюбленнаго Господа, ибо они знаютъ законъ, по коему по мѣрѣ умноженія скорбей умножаются и сіи таинственныя утѣшенія Духа Божія въ ихъ внутренней духовной жизни. Такое утѣшеніе пережилъ благоразумный разбойникъ, сораспятый Господу, когда услышалъ отъ Него: *днесь со Мною будеши въ раи!*

Вы спросите: какъ достигнуть сего? Какъ удержаться на пути крестномъ и чѣмъ укрѣплять себя въ минуты внутренней борьбы и малодушія?

Отвѣчаю: укрѣпляйте себя воспоминаніемъ страстей Христовыхъ. Когда придетъ искушеніе, огради себя крестнымъ знаменіемъ, христіанинъ, и вспомни, чего стоитъ твой грѣхъ Христу Спасителю. Вспомни, что если согрѣшишь, если не устоишь противъ искушенія, то нанесешь новую рану Ему, твоему Искупителю. Устыдись, ужаснись такого дѣянія. Пожалуйся Ему, твоему милосердому Господу, на себя самого, на немощь свою, призови Его въ день и часъ скорби твоей и Онъ услышитъ—непремѣнно услышитъ тебя и изметъ тебя отъ бѣды грѣха, и поможетъ тебѣ Своею всесильной благодатію. Чаще прибѣгай къ таинству покаянія, чаще соединяйся съ Господомъ въ таинствѣ причащенія тѣла и крови Его. Стой на стражѣ своего сердца и не допускай въ него помысловъ, Бога оскорбляющихъ. Гони прочь отъ себя первую мысль о грѣхѣ, не останавливайся на ней, не вступай въ бесѣду съ симъ врагомъ твоего спасенія. Если подкрадется къ тебѣ искусительный помыслъ, не позволяй ему осквернять твое сердце, гони его молитвою Іисусовою, жалуйся на него твоему Спасителю. Не смущайся и тогда, если грѣшный помыслъ будетъ настойчиво приступать къ тебѣ: Христосъ видитъ, что ты не соглашаешься съ нимъ, что ты гонишь его, и, видя любовь твою къ Себѣ, Самъ прогонитъ его отъ тебя, яко лающаго пса. Вѣрь, братъ возлюбленный, что чѣмъ больше будешь бороться и при помощи Божіей побѣждать сихъ духовныхъ амаликитянъ, тѣмъ больше будешь укрѣпляться въ заповѣдяхъ Христовыхъ и тѣмъ скорѣе обрѣтешь миръ душевный въ совѣсти твоей. Крестъ постепенно будетъ обращаться для тебя въ лѣствицу, на небо возводящую, въ крылья, коими наконецъ воспаришь ты къ обителямъ Отца небеснаго—туда, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сидящій!

Блаженны вы, которые несете свой крестъ за Христомъ! Нынѣ вашъ праздникъ, нынѣ Христосъ таинственно изрекаетъ душамъ вашимъ: *днесь со Мною будете въ раи!*

Господи Спасителю нашъ! Ты воспріялъ еси на Свои святыя рамена всѣ кресты наши и знаешь всю тяготу ихъ! Ты взялъ на Себя всѣ грѣхи наши и вознесъ ихъ на древо крестное! Ты лучше насъ самихъ вѣдаешь немощи наши! Помоги и намъ нести кресты наши до конца, какъ помогъ Ты разбойнику благоразумному. Не воспомяни беззаконій нашихъ, но помяни и насъ во царствіи Твоемъ! Аминь.

113.

Хрістосъ Воскресе! Смерти празднуемъ умерщвленіе.

(Слово на Пасху).

Скажите, братіе: гдѣ, въ какой вѣрѣ не только благовѣствуется, но уже и *празднуется* какъ совершившееся событіе умерщвленіе смерти—„сей царицы ужасовъ“, по прекрасному выраженію праведнаго Іова? Мечталъ ли древній міръ о побѣдѣ надъ смертію? Есть ли, найдете ли хотя бы въ миѳахъ древнихъ народовъ Индіи, Египта, Греціи,—не говорю уже о другихъ—что либо подобное тому, что празднуемъ сегодня мы? Даже богооткровенный ветхій завѣтъ знаетъ только *воскрешеніе*, но не *воскресеніе*; вставали мертвецы силою Божіей, по молитвѣ великихъ пророковъ Иліи и Елисея, но никто, никогда не воставалъ изъ мертвыхъ *своею* силою, своимъ произволеніемъ: самая мысль о такомъ чудѣ была невмѣстима для ума человѣческаго! А мы видимъ это во Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, видимъ, и празднуемъ Его воскресеніе и ликуемъ Его побѣду надъ смертію. Онъ — первенецъ изъ мертвыхъ, первенецъ и—яко Своею божественною силою, а не молитвой праведниковъ воскресшій, и—яко единый и единственный побѣдитель смерти въ собственномъ смыслѣ, и—яко дарующій воскресеніе въ жизнь вѣчную всѣмъ, въ Него вѣрующимъ. *Его* побѣда надъ смертію есть *наша* побѣда; Его *воскресеніе* есть наше *воскрешеніе*: Онъ — наша глава; мы—Его тѣло; воскресла глава—воскресаетъ и тѣло; глава умертвила смерть и — всѣ члены тѣла участвуютъ въ семъ побѣдномъ торжествѣ. Вотъ почему мы празднуемъ сегодня не просто побѣду надъ смертію, но и полное ея *умерщвленіе*. Смерть умерщвлена: *гдѣ ти, смерте, жало?* Лежишь ты, по-слову пѣсни церковной, бездыханная!...

И вотъ, радуются нынѣ смертные, ибо съ умерщвленіемъ смерти получили безсмертіе. Радуются Ангелы Божіи и поютъ на небесахъ воскресеніе Хрістово, ибо наша радость есть ихъ радость, яко братій нашихъ по творенію. Радуется вся тварь, ибо, подчинившись тлѣнію вмѣстѣ съ своимъ владыкою—человѣкомъ, она доселѣ совоздыхала и соболѣзновала ему: какъ же ей не сорадоваться ему, когда и она, вмѣстѣ съ нимъ, освобождается и будетъ свободною отъ рабства тлѣнію?

Вотъ почему *нынѣ вся исполнишася свѣта: небо же и земля и преисподняя и празднуетъ вся тварь востаніе Хрістово!*

А какъ же смерть?... Вѣдь, она и нынѣ, какъ во дни праотца Адама, коситъ и коситъ свою жатву въ юдоли земной?... Гдѣ же празднуемая нынѣ побѣда надъ нею?..

Нынѣ, братіе, для вѣрующихъ во Хріста осталась только одна тѣнь смерти. И эта тѣнь есть благодѣтельница смертныхъ, служанка истинной жизни. Подумайте, возлюбленные: что было бы, если бы люди вовсе не умирали, не уходили изъ сей юдоли печали и слезъ? Ибо что такое здѣшняя жизнь съ ея гнетущею духъ суетою, съ ея многоразличными скорбями, съ ея тяжкими крестами? Можно ли такую

жизнь назвать истинною жизнью? Нынѣ скорби, завтра болѣзни, неудачи, разочарованія и лишенія, а на совѣсти все новыя и новыя язвы грѣховныя,—позади бурная юность съ ея увлеченіями и—часто—паденіями, впереди дряхлая старость или преждевременная смерть: это ли та жизнь, къ которой Создатель предназначилъ вѣнецъ Своихъ твореній—человѣка? Не говорю уже о тѣхъ, у которыхъ и чрезъ золото слезы льются: о, какъ много на свѣтѣ такихъ! Не говорю и о тѣхъ, которые живутъ въ почетѣ, утопаютъ въ роскоши, а въ душѣ носятъ отраву невѣрія, змію зависти, муки совѣсти! Ихъ жизнь — одно адское мученіе! Въ такихъ условіяхъ жизни и въ древнемъ мірѣ, когда еще не было благовѣстія о побѣдѣ Христа надъ смертію, люди нерѣдко ждали смерти, какъ желаннаго гостя и взывали: „о, смерть! Отраденъ твой приговоръ для человѣка нуждающагося и изнемогающаго въ силахъ, для престарѣлаго и обремененнаго заботами, для потерявшаго надежду и терпѣніе!“ (Сир. 41, 3—4). Но какъ безотраденъ былъ этотъ вопль измученной души, когда не было луча свѣта въ область по ту сторону гроба и не вѣдали люди: что ихъ тамъ ожидаетъ?!

Но допустимъ, что были и есть такіе счастливцы, коихъ ничто не тревожитъ, которые не знаютъ болѣзней, не испытали никакихъ скорбей и неудачъ въ жизни: а кто имъ поручится, что завтра же ихъ не постигнутъ эти скорби, болѣзни, неудачи? Кто поручится, что сіи счастливцы сегодня — не станутъ завтра же самыми несчастными людьми на землѣ? Пока люди живутъ на сей землѣ, никто не свободенъ отъ грѣха: „если говоримъ, что грѣха не имѣемъ — обманываемъ самихъ себя“, говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ, а гдѣ грѣхъ, тамъ и послѣдствія его—скорби и болѣзни, тамъ *должна* быть и смерть! И что за жизнь была бы при постоянной опасности согрѣшить, а слѣдовательно и подвергнуться горькимъ послѣдствіямъ всякаго грѣха? Что за радость и для праведника — жить вѣчно въ этой юдоли плача и слезъ, видѣть эти слезы людскія, жить вдали отъ Бога, къ Которому стремится его душа, вѣчно тосковать о небесномъ отечествѣ, вѣчно, до самаго втораго пришествія Христова на землю, жаловаться съ Апостоломъ: бѣдный я человѣкъ! кто меня избавитъ отъ сего тѣла смерти? Желаніе имѣю разрѣшиться и со Христомъ быть! потому что это несравненно лучше“. (Рим. 7, 24. Фил. 1, 23).

Не то, не то теперь! Нынѣ Христосъ воскресъ, и смерть стала служанкою, отворяющею двери въ блаженную вѣчность. Нынѣ всякій, идущій за Христомъ съ своимъ крестомъ, счастливъ ли онъ или несчастенъ въ земномъ своемъ странствованіи, знаетъ—не вѣритъ только, но твердо знаетъ, что когда его земное странствованіе окончится, когда сія тлѣнная храмина тѣла разорится, его ждетъ отечество небесное, храмина вѣчная на небесѣхъ, куда уже отверсты для него двери Христовымъ крестомъ. Держись крѣпче, братъ-христіанинъ, за этотъ крестъ и предъ тобою отворятся сіи желанныя двери! Неси благодушно возложенный на тебя крестъ, и ты войдешь въ рай вслѣдъ за благоразумнымъ разбойникомъ.

Смерти нѣтъ больше для истиннаго ученика Христова: она умерщвлена Христомъ. Есть сонъ, послѣ котораго послѣдуетъ радостное пробужденіе въ другой—лучшей, вѣчноблаженной жизни. Мы вѣруемъ, что аще со Христомъ страждемъ, съ

Нимъ и воцаримся. А посему можемъ со Апостоломъ повторить: не боимся смерти, желаніе имѣемъ разрѣшиться отъ узъ плоти и со Христомъ быти. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

114—118.

Берегите сокровища церковныхъ преданій.

I.

Мы живемъ въ печальное время. Идеалы принижаются, постоянно уходя изъ сознанія нашего куда-то далеко, въ область тумана и забвенія, чистыя понятія и воззрѣнія, вѣками воспитанныя Церковію, тускнѣютъ, самая способность распознавать, въ чемъ чистая истина, чистое, Богу угодное добро и богоподобная духовная красота—слабѣетъ въ современномъ христіанинѣ, даже и православномъ. Когда размышляешь объ этомъ, какъ-то невольно проносятся въ мысли слова незабвеннаго святителя Филарета Московскаго: „когда наступаетъ тьма на дворѣ, то усиливаютъ свѣтъ въ домѣ“. А тьма усилилась настолько, что люди возлюбили тьму больше, чѣмъ свѣтъ, и свѣтъ нерѣдко называютъ тьмою, а тьму свѣтомъ. Я не говорю уже о тѣхъ, кто сознательно лукавитъ въ своей совѣсти, кто бѣжитъ отъ свѣта Христова, просвѣщающаго всякаго человѣка въ нѣдрахъ Церкви—воспитаніемъ въ завѣтахъ Церкви—Христовой невѣсты, кто, возлюбивъ грѣхъ, спѣшитъ укрыться отъ обличеній совѣсти судіи неподкупнаго во мракѣ лукавыхъ софизмовъ. Такіе люди, сами погружаясь во тьму, влекутъ за собою и другихъ, распространяя эту тьму вокругъ себя. И вотъ этихъ-то *другихъ*, стоящихъ на распутіи, колеблемыхъ вѣтрами всякихъ современныхъ мудрованій и какъ будто потерявшихъ руководящее начало въ жизни—мнѣ искренно жаль! Мнѣ хочется крикнуть имъ: поближе къ Церкви, братія мои, подальше отъ современныхъ шатаній въ области мыслей, въ области жизни! Церковь съ материнской любовію даетъ сама это руководящее начало въ жизни, эту спасительную нить, за которую держась вы не заблудитесь въ безконечномъ лабиринтѣ человѣческихъ смышленій и всегда вѣрно будете распознавать истинный путь жизни и православнаго міровоззрѣнія. Это начало, эта нить есть общецерковное преданіе, всегда вѣрное ученію слова Божія—Священнаго Писанія, всегда являющееся выраженіемъ и отображеніемъ жизни Церкви временъ минувшихъ, отъ Апостоловъ и Самого Господа Іисуса Христа даже до нашихъ позднѣйшихъ дней. Духъ Божій, присно живущій въ Церкви Христовой и ее оживляющій, въ ней присно дышущій, охраняетъ вѣрныхъ чадъ ея отъ всякаго самочинія въ области мысли, ибо всякое свое мнѣніе, всякую нововозникшую мысль свою они провѣряютъ мнѣніемъ Церкви и ея пастырей и учителей всѣхъ вѣковъ и временъ, дабы такимъ образомъ быть въ неизмѣнномъ ей послушаніи и единеніи со всею исторической Церковію и съ ея вѣчною главою Господомъ Іисусомъ. Такимъ образомъ въ основѣ отношеній православновѣрующаго сына къ Матери-Церкви лежитъ смиренная, сыновне-беззa-

вѣтная любовь къ ней, яко невѣстѣ Хрістовой непорочной, яко матери нашей благодатной.

И этою любовью должны быть всецѣло проникнуты всѣ чада Церкви—и пастыри, и пасомые: всѣ должны благоговѣйно чтить ее, слушать ее, любоваться ея духовною красотой. Эта беззавѣтная любовь къ матери-Церкви и будетъ ключемъ, открывающимъ предъ духовными очами ея чадъ всѣ тѣ ея свойства, ея духовныя сокровища, которыя остаются прикровенными для людей, внѣ Церкви живущихъ и потому неспособныхъ ни умомъ, ни сердцемъ воспріять ихъ. Истинные носители духа церковности, съ дѣтства воспитанные на церковной, скажу больше: на церковно-славянской литературѣ, или, какъ выражаются люди простые, на божественныхъ книгахъ, являются и лучшими истолкователями самого духа церковности, живыми продолжателями церковнаго преданія, учителями Церкви. Все то, якобы, новое, что ими вносится въ жизнь соотвѣтственно новымъ потребностямъ церковной жизни, въ то же время и есть созиданіе того же непрерывнаго отъ временъ апостольскихъ преданія: въ этой новизнѣ вѣетъ тотъ же духъ, она есть новый листокъ на той же вѣтви древа церковнаго преданія. Стоитъ просмотрѣть, напримѣръ, чинопослѣдованія и молитвы на разные случаи, составленныя Московскимъ святителемъ Филаретомъ, который былъ типичнѣйшимъ носителемъ и хранителемъ церковныхъ преданій, ихъ истиннымъ истолкователемъ и—въ исторіи Церкви созидателемъ.

Я увѣренъ, что меня поймутъ люди церковные, не утратившіе способности—не столько умомъ, сколько сердцемъ-распознавать свое *родное* православное отъ чужаго инославнаго. Славу Богу, такихъ еще немало на Руси. Но я боюсь, что и среди нихъ есть уже такіе, которые, подъ вліяніемъ вѣянія духа времени, вѣяній, постоянно отравляемыхъ масонскими идеями, безмолвно, безъ протеста, уступаютъ этимъ вѣяніямъ, стараясь умиротворить свою православную совѣсть соображеніемъ, что это—мелочь, несущественно, что цѣною такихъ уступокъ, въ сущности якобы ничтожныхъ, покупается миръ въ взаимныхъ отношеніяхъ съ людьми не строго церковныхъ воззрѣній. И бываетъ такъ: сначала терпятъ, затѣмъ привыкаютъ, а наконецъ—въ слѣдующемъ поколѣніи—дѣти уже считаютъ нормою то, что только терпѣли отцы. Такъ и отпадаетъ отъ жизни преданіе. А между тѣмъ въ этомъ забытомъ преданіи сколько было глубокаго смысла и воспитывающей поэзіи! Приведу примѣръ. Въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія, въ тѣ дни, когда на свѣщницѣ Всероссійской Церкви (не говорю—Московской—понятно почему) ярко горѣлъ св. великій святитель Божій Филаретъ, во всѣхъ церквахъ первопрестольной наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней зимою всенощное совершалось съ рѣдкимъ звономъ, по особому разрѣшенію, а красный звонъ, уставной, полагался только для вечерни и утрени. И въ этомъ соблюденіи устава, недозволяющаго послѣ праздника Воздвиженія Креста Господня „бдѣній“, была своего рода поэзія. Кто немощенъ, старъ и малъ могли итти ко всенощной, но священнослужители въ силу необходимости, а прочіе вѣрующіе должны были, понуждаемы были совѣстію итти къ утрени. Въ этомъ былъ нѣкотораго рода подвигъ, а въ подвигѣ—духовное освѣженіе и утѣшеніе. Теперь эти утрени остались, кажется,

только въ нѣкоторыхъ обителяхъ... Не хочу осуждать этой замѣны утрени всенощною службою,—хочу только отмѣтить, какъ отошли въ область преданія эти праздничныя утрени съ поэзіей ранняго вставанія, хожденія во тьмѣ ночной въ храмъ Божій при звонѣ колокола, который какъ-то особенно торжественно и властно звучалъ въ этой тишинѣ зимней морозной ночи... Да и въ храмѣ-то Божіемъ въ часы глубокаго утра легче изливалась изъ сердца молитва молящихся. Теперь—почти всюду всенощное съ краснымъ звономъ, и эта поэзія утренняго Богослуженія отошла для насъ, ее переживавшихъ, въ область отрадныхъ воспоминаній, а для слѣдующаго поколѣнія станетъ уже отдаленнымъ забытымъ преданіемъ, отмѣченныхъ развѣ въ книгахъ, а не записанныхъ личнымъ переживаніемъ на скрижаляхъ дѣтскаго сердца, какъ у насъ...

Я взялъ такой примѣръ, въ которомъ проявилась уступка только немощи человѣческой въ ущербъ требованіямъ строгаго церковнаго устава. Правда, эти требованія—вставать зѣло заутра въ день Господень, чтобы съ обновленными силами посвятить начатки святаго дня молитвѣ предъ Господомъ—имѣютъ свой глубокій смыслъ, однакоже, въ виду немощей современнаго намъ поколѣнія, приходится этимъ немощамъ сдѣлать уступку, чтобы не дать повода считающимъ себя немощными вовсе не посѣщать праздничныхъ богослуженій. Но такого рода уступки въ области церковнаго преданія можно допустить лишь подъ условіемъ строгаго предварительнаго обсужденія. Къ сожалѣнію, вотъ этого-то условія и не выполняется у насъ, и притомъ даже въ отношеніи такихъ предметовъ, которые уже теряютъ внутренній смыслъ свой, когда происходитъ замѣна, или лучше сказать—подмѣна, древняго преданія новизною послѣдняго времени. На нашей памяти, напримѣръ, въ храмы Божіи ворвалось электричество—этотъ мертвый свѣтъ машиннаго производства. Сначала онъ появился какъ иллюминація храмовъ Божіихъ снаружи: это было даже хорошо и въ смыслѣ чистоты, и въ смыслѣ безопасности. Но этимъ не удовольствовались. Теперь электричество горитъ уже въ храмахъ—въ паникадилахъ. Здѣсь уже „обкрадывается“ смыслъ церковнаго преданія. Что такое паникадило въ его символическомъ значеніи? Оно изображаетъ собою духовное небо, украшенное духовными звѣздами—ликами святыхъ Божіихъ, яко же звѣзда отъ звѣзды разнствующихъ во славѣ у Господа. Оно же, паникадило, представляетъ собою и общую лампаду предъ всѣми многочисленными иконами въ иконостасѣ. А елей лампады, какъ извѣстно, означаетъ и милость Божію къ намъ грѣшнымъ, исцѣляющую наши недуги душевныя и тѣлесныя, и дѣла милосердія, творимыя нами во славу Божію, а если въ паникадилѣ горятъ свѣчи, то сколько благодатныхъ уроковъ преподаютъ намъ эти плоды трудовъ Божьей мушки-пчелки работницы! Тутъ и благоуханіе цвѣтовъ, напоминающее благоуханіе добрыхъ дѣлъ, творимыхъ благодатію Духа Божія, тутъ и безкорыстіе напряженнаго труда во исполненіе воли Творца, тутъ и мудрость ничтожнаго созданьица, прославляющаго своимъ искусствомъ Создателя; тутъ и тихое горѣніе, напоминающее намъ тихое приближеніе къ смерти; тутъ и чистая, благоуханная жертва Богу, поучающая насъ самихъ себя уготовлять яко чистую жертву всесожженія Господу въ отсѣченіи своей воли, въ

умерщвленіи грѣховнаго ветхаго человѣка... И всѣ эти уроки, вѣками скопленные, умираютъ, отходятъ въ книжное преданіе съ замѣной восковой свѣчи—электричествомъ... Мнѣ скажутъ: и электричество—Божіе твореніе... Да, не спорю, но мнѣ жаль церковнаго преданія, почти двѣ тысячи лѣтъ (а для елея—почти 4000 лѣтъ) жившаго въ Церкви и вдругъ—умирающаго, жаль этихъ трогательныхъ уроковъ, этой умиляющей сердце поэзіи...

II.

Есть еще двѣ области церковнаго преданія, соприкасающіяся съ поэзіей: эта церковная иконопись и церковное пѣніе. Въ этихъ областяхъ мы такъ далеко ушли отъ преданія, живаго преданія церковнаго, что во многомъ потеряли, кажется и руководящее начало. Помню, лѣтъ 20 назадъ въ Москвѣ былъ археологическій съѣздъ. Зашла рѣчь о томъ: кто изображался на древнихъ иконахъ Рождества Христова внизу, въ уголкѣ, противъ праведнаго Іосифа Обручника, сидящаго *съ закрытыми глазами?* Ученые археологи высказывали разныя догадки: предполагали, напримѣръ, что это пастухъ, разспрашивающій Іосифа о мѣстѣ рожденія Спасителя. Но простой иконописецъ изъ Палехи объяснилъ, что эта фигура изображаетъ искусителя, во снѣ влагающаго Іосифу помыслы подозрѣнія противъ Пресвятой Дѣвы... „Видите, сказалъ этотъ иконописецъ, у него и голова закрыта, чтобы рога спрятать, и ноги не видны, а на старыхъ иконахъ ноги кончаются копытцами“... Вотъ наглядный примѣръ того, какъ, съ перенесеніемъ къ намъ идеаловъ западной живописи, оборвались нити роднаго преданія въ искусствѣ иконографіи.

Объ увлеченіи западной живописью въ XVIII вѣкѣ и говорить больно! Вмѣсто традиціонныхъ ликовъ святыхъ Божіихъ живописцы писали потреты съ помѣщиковъ, особенно съ ихъ женъ и дочерей, вмѣсто ангеловъ—юношей писали обнаженныхъ со вздутыми щеками дѣтей, на иконостасахъ разсаживали рѣзныя фигуры этихъ дѣтей, а около престола въ св. алтарѣ ставили рѣзныхъ ангеловъ въ видѣ полуобнаженныхъ женщинъ... Такъ подмѣнены были идеалы одухотворенія изображеній святыхъ—плотяностью европейскаго натурализма. Надо еще удивляться, какъ уцѣлѣло на Руси искусство иконописанія въ древнемъ стилѣ. Надо съ благодарностью называть тѣ села Владимірской епархіи, въ коихъ кустари-иконописцы сохранили до нашего времени поэзію иконографіи и ея преданія. Наши художники послѣднихъ двухъ столѣтій въ своемъ увлеченіи западнымъ натурализмомъ вовсе не обращали вниманія на иконописныя традиціи и отбросили ихъ какъ ветошь. Только въ послѣднюю четверть XIX вѣка обратился къ этимъ традиціямъ и сталъ изъ нихъ черпать свое художественное вдохновеніе нашъ великій поэтъ иконографіи и церковной живописи В. М. Васнецовъ. Воспитанный подъ крыломъ матери Церкви, онъ понялъ чуткою душою, что православной иконописи совершенно несвойственъ натурализмъ, что въ нашей иконографіи идеаломъ служитъ одухотвореніе, идея внутренней духовной красоты, а не тѣлесной, что послѣдняя допускается по столько, поскольку она служитъ первой. Икона святаго не есть точный его портретъ,

хотя портреты угодниковъ, Богомъ прославленныхъ святителей послѣднихъ вѣковъ (Димитрія, Тихона, Митрофана, Ѳеодосія, Іоасафа) и преподобнаго Серафима и стали, со времени ихъ прославленія, иконами, но портретное сходство и тутъ является на второмъ мѣстѣ. Икона скорѣе есть символъ или средство переносить нашу мысль и сердце въ горній міръ для бесѣды съ тѣмъ, кого она изображаетъ. Одухотвореніе изображеннаго на иконѣ, подчеркиваніе, если можно такъ сказать, того, что изображаемый—не отъ міра сего, что онъ—обитатель духовнаго міра, небесный человѣкъ и земной ангелъ—вотъ отличительная черта иконографіи православной въ сравненіи съ западной, латинской или итальянской. Иконы—не портреты, не фотографіи міра земнаго, земной красоты: это скорѣе—символы, условныя изображенія, какъ бы іероглифы, переносящіе нашу мысль и чувство въ иной міръ духовный. Вотъ почему недопустимое въ живописи на картинѣ совмѣщеніе разныхъ моментовъ одного и того же событія—такъ обычно въ иконографіи. На картинѣ, наприм. Вознесенія Господня изображеніе ангеловъ неумѣстно, пока виденъ еще возносящійся Господь, ибо ангелы явились апостоламъ уже тогда, когда, Господь сокрылся отъ очію ихъ, а на иконѣ Вознесенія они вполнѣ умѣстны въ видахъ полноты и цѣлости изображенія великаго событія. А иконы Воскресенія Христова въ композиціи царскаго зографа Симона Ушакова—да это цѣлая поэма, воплощающая всѣ моменты таинственной ночи Воскресенія!

Вотъ почему такой глубокій знатокъ иконографіи, какъ В. М. Васнецовъ всегда съ восторгомъ отзывается о старинныхъ композиціяхъ въ церковной иконописи: „намъ нечего придумывать въ этой области: предки наши все исчерпали, намъ остается только учиться у нихъ!“ Отличительною чертою этихъ композицій является ихъ наивная простота и глубина, богатство мысли, обнимающей всѣ стороны идеи того или другаго событія, изображаемаго на иконѣ. Икона—книга для безграмотныхъ. Ничего въ ней нѣтъ бьющаго на эффектъ, никакой лжи, обмана чувства, фокуса. Икона—священный предметъ, въ которомъ нѣтъ мѣста ничему подобному. Если мнѣ укажутъ на нимбы, на золотой фонъ иконы, на прозолоту въ одеждахъ, я скажу: это не ради эффекта, эта—символика славы Божіей, окружающей святаго, блистающей на его одѣяніи, на всей обстановкѣ, въ какой онъ изображенъ. Если мнѣ скажутъ, что тѣмъ не менѣе въ нашихъ храмахъ много допущено такого, что заимствовано съ запада, что не отвѣчаетъ идеаламъ православія въ области церковнаго искусства, я скажу: да, къ сожалѣнію, послѣ Петровыхъ реформъ міръ властно ворвался въ наши св. храмы, самые храмы стали строить по образцамъ римскихъ костеловъ, украшать ихъ статуями, мірскою живописью, вносить въ нихъ чуждыя духу православія начала, да, мы ко многому привыкли за двѣсти лѣтъ, приглядѣлись, такъ что эти чуждыя начала не бросаются въ глаза: вѣдь, многое такое стало уже „елизаветинской стариной“, которую нерѣдко, въ своей ревности не по разуму церковному, стараются слишкомъ усердно уберегать наши археологи новаго поколѣнія. Но все это не даетъ намъ права признавать эти чуждыя духу нашей Церкви начала—*своими*, родными, православными. Все это только „терпится“, но не благословляется Церковію,—рѣз-

ныя или скульптурныя изображенія Христа Спасителя, сидящаго въ темницѣ, распятаго на крестѣ, лежащаго во гробѣ (и такія есть), такія же изображенія ангеловъ, держащихъ рипиды, свѣчи, лампады, поддерживающихъ аналогій съ Евангеліемъ или иконой, фигуры крылатыхъ, обнаженныхъ дѣтей, разсаженныхъ съ трубами или свирѣлями по карнизамъ иконостаса и въ разныхъ мѣстахъ храма—все это не *наше*, родное, православное, все это принесено къ намъ съ латинскаго запада и вѣетъ не духомъ, а плотяностью, доходящею, напримѣръ, въ раскрашенныхъ изваяніяхъ, до грубаго реализма, нарушающаго даже законы искусства. Все это—плоды того безправія и приниженности Церкви, какое появилось на Руси, послѣ уничтоженія патріаршества. Помѣщики—строители храмовъ Божіихъ, преклонявшіеся предъ западомъ и на западѣ только видѣвшіе научный и художественный прогрессъ, не знавшіе своихъ родныхъ церковныхъ идеаловъ, переносили въ свои сельскіе храмы все, что имъ нравилось въ Европѣ, не справляясь, отвѣчаетъ это, нашимъ идеаламъ или нѣтъ. А духовенство молчало, ибо нерѣдко видѣло, что и епископы не могли устоять въ борьбѣ съ самочиніемъ въ дѣлахъ церковныхъ этихъ властелиновъ—помѣщиковъ. Интеллигенціи правящихъ сферъ не было никакого дѣла до того, что творилось въ области церковнаго благолѣпія и искусства. Мало того: нерѣдко сама она вносила въ родные храмы произведенія чужаго искусства. Такъ постепенно выгравлялся изъ сознанія русской души православный идеалъ иконописи, а на его мѣсто прививался и усвоялся чуждый западный идеалъ плотяности въ живописи и ваяніи. А на западѣ все болѣе и болѣе утрачивался идеалъ духовной красоты въ живописи и ваяніи, и на смѣну великимъ мастерамъ въ этой области выступаютъ реалисты, которые не гнушаются вносить профанацію въ эти искусства, лишь бы достичь желаемаго эффекта, не останавливаются и предъ фокусомъ, какъ это ни унизительно, казалось бы, для священнаго искусства. Примѣромъ такого фокусничества служитъ Максъ съ его картиной, изображающей голову Спасителя на полотнѣ. Смотрите вы на этотъ ликъ вблизи—глаза закрыты, отойдете—глаза смотрятъ прямо на насъ. Художникъ подмѣтилъ у мертвецовъ явленіе, называемое *некробіозомъ*, когда сквозь покровы вѣкъ, сдѣлавшихся у мертвеца прозрачными, проступаютъ темные зрачки: на нѣкоторомъ разстояніи глаза и кажутся открытыми. Любуются на это изображеніе Христово, пока не слышали о некробіозѣ, и отворачиваются отъ картины Макса, когда узнаютъ, въ чемъ его секретъ. На что художнику понадобилось изобразить ликъ Христовъ съ глазами мертвеца? А между тѣмъ есть и у насъ на Руси увлекающіеся этой картиной. Одинъ изъ моихъ читателей, напримѣръ, пишетъ мнѣ (по поводу статьи Ушакова, помѣщенной въ № 96 „Троицкаго Слова"), что „условная тѣнь на извѣстной картинѣ Макса не есть фокусъ, но высокохудожественное воспроизведеніе великой христіанской идеи—плодъ долгихъ настойчивыхъ трудовъ по изученію анатоміи человѣческаго лица. Максъ, изображая ликъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ съ выраженіемъ физическаго страданія, ярко выражаетъ ту глубокую мысль, что Спаситель и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ былъ любвеобильный Богъ, Который смотритъ на грѣховное человѣчество и съ любовію зоветъ его къ покая-

нію и исправленію. За такое тонкое, продуманное выполненіе глубокой хрістіанской идеи, намъ кажется, художникъ далеко не заслуживаетъ презрѣнія и порицанія. Напротивъ, подобныя картины свѣтскихъ (?) художниковъ должны быть всячески одобряемы и поощряемы. Ихъ творцы служатъ великой идеѣ хрістіанства всѣмъ талантомъ своихъ душъ".

Съ недоумѣніемъ читаешь эти строки..,

Во первыхъ, ни я, ни авторъ разсказа не выражали „презрѣнія и порицанія" Максу, какъ художнику: вѣдь, г. Максъ—не православный художникъ, онъ писалъ свою картину, выходя изъ міросозерцанія западнаго, не нашего православнаго. По—своему онъ, можетъ быть, и правъ, да намъ-то, православнымъ, позволительно не увлекаться его художествомъ, а видѣть въ немъ только фокусъ, *съ нашей* точки зрѣнія, профанирующій искусство. Во-вторыхъ, какимъ образомъ ликъ Спасителя *съ мертвыми глазами*, вблизи закрытыми, а вдали открытыми, можетъ ярко выражать глубокую мысль, что „и страждущій Спаситель есть любвеобильный Богъ, Который *смотритъ* (закрытыми глазами мертвеца) на грѣховное человѣчество и зоветъ его къ покаянію?" Рѣшительно для насъ, православныхъ, это непонятно. Если авторъ письма хочетъ видѣть наше *православное* выраженіе этой дѣйствительно великой идеи, то пусть посмотритъ на ликъ Христа—Страдальца на иконѣ В. М. Васнецова, на могилѣ г. Мина, или на его же картинѣ Распятія. Глазъ не оторвешь отъ этихъ дивныхъ ликовъ Господа нашего! Столько въ нихъ Божественной любви къ грѣшному человѣчеству! Видишь въ нихъ и страданія пречистой плоти Его, но въ тоже время и Божественное величіе спокойствія въ самыхъ страданіяхъ. А взоръ—что за чудный, ясный, пламенѣющій любовію взоръ! Когда я, любуясь съ чувствомъ благоговѣнія ликомъ распятаго Господа, сказалъ художнику: „а если бы тутъ, на ланитахъ Страдальца, канула единою слезинкой", онъ отвѣтилъ мнѣ: „нѣтъ, это было бы слишкомъ по человѣчески. Онъ страждетъ за грѣхи міра и слеза собственныхъ личныхъ Его страданій наводила бы мысль о нѣкоемъ малодушіи"...

И тѣмъ сильнѣе возгоралось въ душѣ желаніе повергнуться въ прахъ къ подножію Креста Господня!

Кстати: авторъ письма обращаетъ мое вниманіе на то, что надъ входомъ въ Чудовъ монастырь виситъ икона—картина, изображающая Святую Троицу въ видѣ отдѣльныхъ Ипостасей такъ, что если смотрѣть на нее съ одной стороны, то виденъ Богъ Отецъ, если съ другой—Богъ Сынъ, а прямо—Духъ Святый. „Здѣсь больше, говоритъ авторъ, чѣмъ на картинѣ Макса, проявлено дѣланности и выдуманности (какія странныя слова!), чѣмъ на картинѣ Макса, однако никто не считалъ эту картину фокусомъ художника".

Соглашаюсь, что такія иконы въ Православной Церкви неумѣстны. Это остатокъ отъ увлеченія западнымъ искусствомъ XVIII вѣка. Слѣдуетъ снять эту икону—и только. Но заслонять ею изображеніе Макса съ его некробіозомъ, съ глазами мертвеца у Спасителя ужъ никакъ не подобаетъ... Ошибки прошлаго должно исправлять, но вводить новшества, противныя не только духу Церкви Православной, но и—думается мнѣ—идеѣ чистаго, не театральнаго художества, не допускающаго обмана чувствъ и иллюзіи,—не слѣдуетъ.

III.

Не безъ чувства скорби приходится говорить и объ отступленіи отъ преданій церковныхъ въ области другаго церковнаго искусства—пѣнія. Въ прошломъ XIX столѣтіи было время, когда было почти забыто чтеніе *крюковыхъ нотъ*. Итальянщина завладѣла церковнымъ клиросомъ. Сначала наши композиторы ограничивались переложеніемъ и гармонизаціей для многоголосныхъ хоровъ напѣвовъ старыхъ, обиходныхъ. Въ этомъ еще не было большого отступленія отъ церковныхъ традицій: это была попытка внести западное искусство въ область техники церковнаго пѣнія. Но потомъ стали вносить свое смышленіе, свои вкусы въ это святое искусство, и уже получалась такая *отсебятина*, особенно въ исполненіи неумѣлыми хорами разныхъ любителей, что хоть изъ Церкви Божіей бѣги вонъ. Но и этого было мало. Когда *сочиняли* музыку знатоки музыкальныхъ законовъ, а исполняли хорошо выдержанные хоры, можно было еще терпѣть это вторженіе мірскаго искусства во святая святыхъ, а когда каждый самозванецъ—регентъ считалъ себя въ правѣ заниматься композиціей, то дѣло дошло уже до профанаціи церковнаго пѣнія. Разъ стою всенощное въ столичномъ храмѣ. Поетъ часть одного изъ лучшихъ хоровъ *Свѣте тихій*. Прислушиваюсь. Мотивъ будто гдѣ то когда-то слышалъ, но не въ церкви. Обращаюсь къ рядомъ стоящему святителю; „что-то знакомое, но нецерковное“, говорю. — Ужели не узнаете? отвѣчаетъ онъ: слыхали пѣсенку:

„Ахъ подруженьки, какъ грустно“!

Такъ, такъ, припоминаю... Но что же это наконецъ?! Вѣдь, это—профанація, это—кощунство! Говорятъ, и не мало уже переложеній въ такомъ родѣ. Народные, видите ли, напѣвы! А народъ возмущается, когда слышитъ, что священныя пѣснопѣнія исполняются грѣшными, по его мнѣнію, напѣвами его пѣсней.

Говорить ли о такъ называемыхъ „концертахъ“, въ которыхъ одно и то же слово, одна и та же фраза, повторяется, перекидывается отъ одного голоса къ другому: то реветъ басъ: *услыши, услыши молитву мою*, то ему вторитъ дискантъ или альтъ, то подхватываетъ и неистово вопіетъ весь хоръ... Пусть простятъ мнѣ гг. композиторы: когда я слушаю этотъ ревъ, это гуденіе и писканіе, мнѣ кажется, что они... ну какъ бы это помягче выразиться: хотятъ досадить Господу Богу этими безчинными воплями въ святомъ храмѣ Его! Когда то, полсотни лѣтъ назадъ, писалъ въ своихъ дневникахъ покойный В. И. Аскоченскій: „*Достоинъ еси пѣть быти гласы преподобными*... Такъ *преподобными же*, Господи, а не звѣроподобными, неистовыми!..“ Прошло съ тѣхъ поръ 50 лѣтъ, а пѣвчіе попрежнему, да и еще хуже: оскорбляютъ святыню Божьяго храма: стоятъ задомъ къ иконостасу, ревутъ, пищатъ, неистовствуютъ, а косматый (эта мода пошла по Руси отъ Рубинштейна: я видѣлъ косматаго регента въ Новороссійскѣ,—такіе же есть и въ Петербургѣ) регентъ выдѣлываетъ и руками, и головой, и всѣмъ туловищемъ такіе выкрутасы, что дѣти—школьники, стоящіе въ переднихъ рядахъ богомольцевъ, смотрятъ на этого „комедіанта“ и не могутъ удержаться отъ смѣха. Страшно писать объ этомъ, пѣніе—дѣло Божіе, а о Божьемъ дѣлѣ говорить слово Божіе: *проклятъ всякъ*

творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ!.. Пѣніе есть голосъ сердца: чѣмъ же занято сердце этихъ пѣвцовъ? Въ молитвенномъ пѣніи никакіе тонкіе знаки нотные не замѣнятъ живой души, а ея-то и нѣтъ у этихъ пѣвцовъ, превращающихъ себя въ мертвый инструментъ для вокальной музыки. Слушаешь такое пѣніе, и хочется бѣжать изъ этого храма куда нибудь въ монастырь, гдѣ поютъ простымъ или столбовымъ напѣвомъ простецы монахи, а не то—въ убогій сельскій храмъ, гдѣ старичекъ—дьячекъ одинъ исполняетъ всѣ пѣснопѣнія, какъ ему Богъ на сердце положитъ... Помню, лѣтъ 20 назадъ пришлось мнѣ стоять литургію въ глухомъ уголкѣ Костромской епархіи, въ убогой сельской церкви. Пѣлъ заупокойную обѣдню одинъ старый причетникъ, церковь была пуста, ибо былъ будній день. И я заслушался этого особаго заупокойнаго напѣва, который былъ выполненъ—видимо—отъ души этимъ старымъ пѣвцомъ. Не хоры театрально подготовленныхъ голосовъ намъ нужны, нужно, чтобы душа пѣла. Въ старыхъ напѣвахъ вылилась святорусская душа нашихъ предковъ, и вотъ, когда слышишь эти напѣвы, то въ душѣ твоей начинаютъ звучать тѣ же струны сердца, Бога любящаго, къ Богу обращеннаго, какія звучали въ сердцахъ нашихъ предковъ. И если одинаково настроенный музыкальный инструментъ, когда играютъ рядомъ на другомъ такомъ же инструментѣ, самъ собою начинаетъ издавать тожественные звуки: то дивно ли, что этотъ законъ созвучій сердечныхъ проявляется въ живыхъ душахъ. Я—не противникъ хоровъ церковныхъ, я—принципіальный противникъ итальянщины. Не говорю уже о чуждыхъ слуху православному напѣвахъ. Даже въ нѣкоторыхъ переложеніяхъ изъ нашихъ старыхъ „Обиходовъ" новые композиторы вносятъ такъ много всякихъ тонкостей, что вниманіе поющихъ всецѣло расходуется на то, чтобы не погрѣшить въ какомъ нибудь ничтожнѣйшемъ нотномъ значкѣ: могутъ ли эти пѣвцы молиться? Да и слушатели, увлекаемые музыкой словъ, уже не въ состояніи бываютъ сосредоточить вниманіе на словахъ молитвы. А, вѣдь, храмъ Божій, по слову Самого Господа, есть домъ молитвы, а не концертный залъ.

Послѣ этого невольно ставишь вопросъ: для чего установлено церковное пѣніе? Какъ смотрѣла на него Церковь Божія въ вѣкахъ минувшихъ? Согласно ли съ этимъ традиціоннымъ воззрѣніемъ на пѣніе нынѣшнее о немъ понятіе? Не утратилось ли истинное понятіе о его назначеніи?

Пѣніе есть потребность сердца. Слова недостаточно для выраженія всѣхъ чувствъ. Пѣніе и есть голосъ чувства. Отсюда естественный выводъ: гдѣ нѣтъ религіознаго чувства, тамъ пѣніе, какъ бы оно искусно ни было въ исполненіи всѣхъ нотныхъ знаковъ, не можетъ быть голосомъ сердца; это будетъ не живой голосъ чувства, голосъ вѣрующей души, а мертвая музыка. Въ первенствующей Церкви пѣніе нерѣдко являлось импровизаціей, какъ даръ Святаго Духа. Іоаннъ Дамаскинъ записалъ напѣвы, въ его время существовавшіе, эти напѣвы, какъ проявленіе религіознаго чувства, возгрѣваемаго Духомъ Божіимъ, при ихъ повтореніи, должны были будить въ сердцахъ вѣрующихъ это чувство, сокровенное въ тайникахъ вѣрующей души. Напѣвы являлись какъ пособіе къ возбужденію сего чувства. Но если самъ поющій оставался хладнымъ, если

онъ не старался возбудить въ себѣ соотвѣтствующее церковному пѣснопѣнію настроеніе; то и его пѣніе было безжизненно, неспособно возгрѣть душу, молящагося съ нимъ въ церкви Божіей. Вотъ почему иногда пѣніе стараго дьячка съ несильнымъ голосомъ глубже западаетъ въ душу и трогаетъ сердце, чѣмъ пѣніе артистическаго хора по всѣмъ правиламъ искусства. Напрасно думаютъ, будто центръ тяжести въ идеальномъ церковномъ пѣніи лежитъ въ красотѣ и силѣ голосовъ и въ искусномъ выполненіи всѣхъ нотныхъ знаковъ: въ пѣніи мірскомъ, свѣтскомъ это, можетъ быть, и такъ; но не въ пѣніи церковномъ. Вотъ почему пѣніе монастырское, простое, всегда намъ, православнымъ русскимъ людямъ, нравится больше, чѣмъ пѣніе мірскихъ хоровъ. Тамъ больше поетъ живая душа, чѣмъ въ этихъ хорахъ.

Тамъ бываетъ, что иной пѣвецъ позволяетъ себѣ, подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства, импровизировать одну—двѣ нотки, и это измѣненіе не только не портитъ цѣлаго, но и придаетъ ему своеобразную красоту. Мнѣ пришлось слыхать отъ благочестивыхъ мірянъ: „слыхали мы не разъ ваше Троицкое *Преславная днесь* въ исполненіи разныхъ хоровъ на концертахъ, но нигдѣ оно не производило на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ въ Троицкомъ соборѣ въ Сергіевой Лаврѣ“. Я тоже скажу, что монастырское пѣніе *на подобны* меня всегда глубоко трогаетъ, а когда слышу эти подобны въ концертномъ выполненіи, то и половины впечатлѣнія отъ нихъ не получаю противъ того, что въ монастырѣ. Я не врагъ художественнаго исполненія церковныхъ пѣснопѣній, но мнѣ думается, что концертному пѣнію не мѣсто въ богослуженіи,—ему мѣсто, если угодно, въ концертномъ залѣ. Вѣдь, если поступиться принципомъ и признать, что самое идеальное церковное пѣніе—это концертное, итальянское, то останется одинъ шагъ до того, чтобы храмъ Божій превратился въ филармоническій залъ, а Богослуженіе—въ концертъ. Когда я былъ викаріемъ въ Москвѣ, меня пригласили въ одну церковь на служеніе въ храмовой праздникъ. Вся всенощная представляла собою концертъ: стихиру пропѣли только одну, зато *Свѣте Тихій* выкрикивали гласы неподобными, стиховну опустили, зато *Нынѣ отпущаеши* [1]) исполнили по-театральному, канонъ не читали, зато *Хвалите имя Господне* и *Отверзу уста* распѣли по какимъ-то вычурнымъ нотамъ. А *Величитъ душа Моя*, эту чудную пѣснь, составленную Самою Владычицею міра, пѣли только начало и конецъ... Совѣсть потребовала по возвращеніи домой вычитать пропущенное. Пытался протестовать — староста отвѣтилъ, что таково желаніе прихожанъ; что если запретить пѣвчимъ выполнять условленныя заранѣе пѣснопѣнія, то они покинутъ клиросъ и выйдетъ скандалъ... Какъ видите, и архіерей не въ силахъ одинъ бороться противъ деспотизма моды. Прибавьте къ этому безобразный ревъ спеціально приглашеннаго протодіакона. А въ

---

[1]) *Нынѣ отпущаеши*—не есть *пѣснь*, а вдохновенная молитва праведнаго старца, претружденнаго старостію, радующагося, что онъ наконецъ-то получилъ отъ Бога обѣщанное, узрѣлъ желаннаго Спасителя, и теперь — радъ умереть, радъ уйти на покой, въ надеждѣ скоро узрѣть Его и въ будущей жизни. Вотъ почему, когда я самъ совершаю литію, я самъ и *читаю* эту молитву среди храма, на архіерейскомъ амвонѣ, а чтецъ—діаконъ продолжаетъ: *Святый Боже*.

Петербургѣ нынѣшней осенью пришлось лаврскому начальству отказать театральному хору въ пѣніи литургіи Чайковскаго, потому что въ прошломъ году храмъ Божій былъ осквернень жидами, собравшимися слушать концертъ-литургію... Вотъ до чего доводитъ извращеніе въ области церковнаго пѣнія! Что сказали бы наши благочестивые предки, строгіе блюстители отеческихъ преданій, если бы услышали что-либо подобное? Да прислушайтесь и теперь, что говорятъ простецы иноки, если спросить ихъ, какъ они смотрятъ на концертное пѣніе въ храмѣ Божіемъ?

Обращать пѣніе церковное въ услажденіе только слуха—не подобаетъ. Даже и на спѣвкахъ слѣдуетъ помнить заповѣди Божіи: *не пріемли имени Господа Бога твоего всуе.*—Скажутъ: ригоризмъ едвали умѣстный!—А я думаю: благоговѣйное отношеніе къ словесамъ молитвеннымъ, достойное всякаго уваженія, подражанія и похвалы!

IV.

Святая Церковь есть живой, безсмертный организмъ любви, она—тѣло Христово, Христосъ ея вѣчный глава, каждый изъ насъ, вѣрующихъ и вѣру свою дѣлами являющихъ, есть членъ сего тѣла, или, говоря по-ученому, живая клѣточка сего организма. И живы мы постольку, поскольку *живемъ въ Церкви*, живемъ жизнью Церкви, въ неразрывномъ, живомъ единеніи съ нею. И каждый вѣрующій и по вѣрѣ живущій, споспѣшествуемый благодатію Духа Божія, оживотворяемый общеніемъ со Христомъ въ святѣйшемъ таинствѣ причащенія Тѣла и Крови Его, проявляетъ въ себѣ жизнедѣятельность Главы своей, Господа Іисуса Христа, по реченному Имъ: *яко безъ Мене не можете творити ничесоже.* Живя во Христѣ, въ таинственномъ общеніи съ Нимъ, онъ привноситъ въ сокровищницу Церкви все то, что черезъ него и въ немъ творитъ Христосъ. И сія сокровищница, чрезъ достойныхъ членовъ Церкви, Духомъ Божіимъ водимыхъ, постоянно обогащается, а Господь—глава Церкви во времена благопотребныя являетъ въ Церкви Своей избранниковъ Своей благодати, чрезъ которыхъ и даруетъ Церкви то, что ей потребно въ свое время. Явится-ли ересь, лжеученіе, Онъ воздвигаетъ поборниковъ истины православія, которые съ силою и властію, отъ Бога имъ данною, обличаютъ лжеученія и раскрываютъ святую истину, и сіе становится достояніемъ сокровищницы церковнаго преданія въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. Искажается-ли самосмышленіемъ человѣческимъ слово Божіе, или апостольское преданіе,—промысломъ Божіимъ являются въ Церкви истолкователи истиннаго смысла искажаемыхъ мѣстъ Писанія, самого духа преданія. Ослабѣваетъ ли вѣра, оскудѣваетъ-ли любовь среди христіанъ, является-ли—соотвѣтственно тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ времени, состоянія общаго развитія человѣчества,—потребность облечь истины вѣры и нравственныя правила въ одежду внѣшнихъ дѣйствій (*обрядить*,—отсюда—*обрядъ*), дабы глубже запечатлѣть въ душѣ, нагляднѣе представить эти истины уму вѣрующихъ,—посылаетъ Господь мужей мудрыхъ и святыхъ: Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Тихона Задонскаго, Димитрія Ро-

стовскаго, а въ наше время—Филарета Московскаго, Ѳеофана Затворника, Іоанна Кронштадтскаго, и цѣлый сонмъ подвижниковъ благочестія, которые влагаютъ въ сокровищницу Церкви новыя и новыя дарованія Духа Божія во славу Христа—Главы Церкви и въ наше спасеніе. Особенно богаты эти духовные „вклады“ въ церковную сокровищницу въ области церковнаго богослуженія въ видѣ обрядовъ богослужебныхъ и разныхъ пѣснопѣній. Подумать только: вѣдь, древнѣйшія пѣснопѣнія имѣютъ свое начало въ Церкви небесной; вѣдь эти пѣсни: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ; аллилуіа; Слава въ вышнихъ Богу*—ангельскія пѣсни; вѣдь, первою пѣснотворицей новаго завѣта была Сама Пресвятая Матерь Божія: вѣдь, это Ея пѣснь: *Величитъ душа Моя Господа*. А въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ дивно-поэтическихъ формахъ изображены и всѣ догматы нашей святой вѣры, и всѣ основы христіанской жизнедѣятельности съ такою художественною полнотою, съ такою глубокою проникновенностію, что ни въ какихъ ученыхъ сочиненіяхъ этого нельзя сдѣлать. Впрочемъ, въ сокровищницѣ церковнаго преданія имѣется достаточно и научныхъ трудовъ всѣхъ вѣковъ и временъ: это—писанія отцовъ и учителей Церкви, начиная отъ мужей апостольскихъ до нашего времени.

Такъ собирается въ Церкви неоскудѣваемое сокровище преданія, которое не есть мертвый запасъ книжнаго знанія, а живой голосъ присно живущей Церкви Христовой. Всѣ сіи созидатели, учители Церкви, и по отшествіи своемъ къ Богу, не умерли для Церкви, а живутъ въ ней, мы входимъ въ живое съ ними общеніе чрезъ молитву и святѣйшее таинство Евхаристіи, и они всегда готовы откликнуться на нашу молитву, явленіемъ Божіей силы и молитвою за насъ предъ Богомъ; они бесѣдуютъ съ нами чрезъ оставленныя намъ въ наслѣдіе свои писанія. И какъ мы счастливы, что именно въ наши скудныя вѣрою времена святые Божіи какъ бы живые востаютъ среди насъ въ знаменіяхъ и чудесахъ многихъ, защищая симъ истину православія нашей матери—Церкви, ободряя нашу немощную вѣру, являя къ намъ любовь свою и призывая насъ къ единенію съ Церковію, на небесахъ торжествующею, въ любви неумирающей. О, если бы мы знали, что значитъ жить въ Церкви, быть въ живомъ непрестающемъ общеніи съ небесною Церковію,—если бы знали, какое это счастіе, какое блаженство еще здѣсь на землѣ! Вѣдь это—предвкушеніе вѣчнаго райскаго блаженства, это, по выраженію Іоанна Дамаскина, величайшаго поэта церковнаго—*иного житія вѣчнаго начало!*

Увы, погрузившись въ суету суетъ, мы совсѣмъ забыли объ этомъ счастіи, сердце наше тоскуетъ по немъ, жаждетъ его, а мы думаемъ утолить эту жажду—тоску изъ кладенцевъ сокрушенныхъ, гоняясь за призраками земного счастья, которое всякій понимаетъ по-своему, но достигнувъ котораго всѣ одинаково и непремѣнно разочаровываются и снова начинаютъ страдать муками Тантала. А, вѣдь, истинное-то счастіе такъ близко: пріиди и виждь! Вкусите и видите, яко благъ Господь!

Какъ бы я былъ счастливъ, если бы мой читатель спросилъ меня: съ чего же начать, чтобы найти вѣрный путь къ этому счастью—блаженству? Съ радостію отвѣтилъ бы я ему: начни съ очищенія своей совѣсти таинствомъ покаянія, соединись съ Господомъ въ таинствѣ

Причащенія и начни жить въ Церкви, во смиреніи исполняя заповѣди Господни подъ руководствомъ матери—Церкви. Если доселѣ ты питался рожцами современной литературы, то теперь понудь себя читать духовныя книги. Если привыкъ каждый день отравлять себя чтеніемъ газетъ нехрістіанскаго направленія, то совсѣмъ брось ихъ: это, дѣйствительно, отрава, медленно, но вѣрно убивающая духовную жизнь въ православной душѣ. Оттого и чувствуетъ себя человѣкъ духовно разбитымъ, оттого и падаетъ въ немъ энергія духовной жизни, нарушается миръ души, наступаетъ разслабленіе, что ядъ холоднаго, безсердечнаго, пропитаннаго адскою гордынею и презорствомъ отношенія ко всѣмъ и ко всему, что дорого вѣрующей душѣ,—этотъ ядъ каждый день незамѣтно, капля по каплѣ, вливается іудействующими газетами въ сердце читателя и разрушаетъ жизнь духа. Вотъ—одна изъ причинъ такого множества самоубійствъ въ наше безотрадное время! Душа голодаетъ, а ее питаютъ отравленными рожцами—пищею свиней! (Лук. 15, 16). Какъ не прійти въ отчаяніе! А между тѣмъ—противоядіе подъ руками: это—духовная литература. Возьмите, понудьте себя прочитать хотя одну маленькую книжечку святителя—затворника Ѳеофана: „*Что нужно покаявшемуся*“, и предъ вами раскроется другой міръ, тотъ міръ, къ которому безсознательно, инстинктивно стремится ваша богоподобная душа. Вотъ признаніе одной вѣрующей души, изъ среды образованнаго общества, касательно чтенія духовныхъ книгъ: „еще въ гимназіи пріобрѣтя привычку къ чтенію, мы глотаемъ русскіе и иностранные романы, слѣдимъ за періодической печатью, читаемъ „толстые“ журналы и т. д.. Всецѣло поглощенные этимъ свѣтскимъ чтеніемъ, мы даже и не подозрѣваемъ, мимо какихъ сокровищъ мы проходимъ, не замѣчаемъ ихъ. Спросите образованнаго человѣка, кто такой былъ Ѳеофанъ затворникъ? Конечно, скажутъ: не знаю, да и не интересуюсь этимъ: вѣроятно, монахъ какой-нибудь. И очень можетъ быть, что я первая именно такъ отвѣтила бы лѣтъ 7 тому назадъ. А спросите—кто были Ренанъ, Вольтеръ, или Ницше, Бебель... другой иностранный писатель—вамъ безъ запинки отвѣтятъ, кто они такіе и чѣмъ знамениты.

„Я нарочно выбрала имя еп. Ѳеофана, 28 лѣтъ проведшаго въ затворѣ, какъ примѣръ нежеланія образованнаго общества узнать что-нибудь объ ученѣйшемъ человѣкѣ, нежеланія знать о немъ потому, что его жизнь была всецѣло посвящена не земному, а небесному, потому что весь свой трудъ и себя самого посвятилъ онъ на служеніе Богу.—Будь это человѣкъ свѣтскій, принеси онъ такую жертву для свѣтской науки или искусства, или для общественнаго дѣла, про него прокричали бы на весь міръ, но разъ ученый (а онъ былъ, дѣйствительно, *ученый*) посвятилъ свой трудъ, свое время безраздѣльно Господу Богу, то мы про него не знаемъ, да и знать не хотимъ. И еще онъ нашъ, русскій—и не извѣстенъ намъ, а иностранцевъ, заслуживающихъ и меньшаго вниманія, знать мы обязаны всенепремѣнно, своихъ же, столь замѣчательныхъ, и знать не знаемъ. И если не случайность какая-нибудь натолкнетъ на чтеніе сочиненій подобныхъ писателей—*такъ и умрешь, не подозрѣвая, мимо какихъ великихъ людей ты прошелъ*, не обративъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Говорю это по опыту.

„Добрые люди натолкнули меня на чтеніе духовныхъ книгъ, когда я была въ сильномъ горѣ, когда душа отказывалась отъ всякаго утѣшенія, и этимъ открыли мнѣ цѣлый невѣдомый міръ...

„Какое богатство неисчерпаемое открылось предо мною! Какая глубина содержанія, сколько чудныхъ утѣшительныхъ истинъ! Я съ рвеніемъ принялась за эти книги". Назвавъ нѣсколько именъ духовныхъ писателей, авторъ продолжаетъ: „Какое у нихъ знаніе сердца человѣческаго! какой даръ проникать въ глубину вашей души!... Они читаютъ ваши мысли,—вопросы, на которые вы нигдѣ не находили отвѣта—они разрѣшаютъ легко и понятно, у нихъ все такъ ясно и просто, вся душа человѣка для нихъ какъ-бы открыта: это истинные знатоки души человѣческой, истинные мудрецы. Но—*міръ ихъ не позна*.

„Чѣмъ больше я знакомилась съ этимъ чтеніемъ, чѣмъ больше находила въ немъ отрады и чѣмъ большимъ проникалась уваженіемъ къ нему, тѣмъ чаще въ душѣ моей возникало обидное, досадное чувство: зачѣмъ же я не знала всего этого раньше? *зачѣмъ насъ не познакомили съ духовной литературой въ гимназіи?* Столько въ ней чудныхъ истинъ, такъ много глубокихъ мыслей, столько интереснаго, вообще; это истинно духовная пища. *Зачѣмъ же лишаютъ насъ этого истиннаго свѣта?* („Отклики на жизнь", № 2, стр. 30—31).

Что сказать на этотъ скорбный вопль русской православной души? Попытайтесь войти въ наши законосочинительныя палаты, попытайтесь обратиться къ нашимъ министрамъ съ проектомъ: ввести церковную литературу, чтеніе отцевъ и учителей Церкви въ наши среднія учебныя заведенія. Да васъ сочтутъ ненормальнымъ человѣкомъ. Вотъ миѳологію грековъ и римлянъ, похожденія прелюбодѣя Зевса и разныхъ богинь—это надо знать нашимъ „образованнымъ" (по чьему только образу и подобію?) людямъ, а житія святыхъ, а ихъ духовныя писанія—да на что имъ? Они, вѣдь, не въ монахи готовятся! — Можно бы сказать: но, вѣдь, они и не язычники древней Эллады? — Тамъ—поэзія.—Не могутъ ли греко-римскіе миѳы сравниться съ той чудной поэзіей не измышленныхъ, а живыхъ образовъ, какую мы находимъ въ житіяхъ святыхъ? Могутъ ли лучшія произведенія поэтовъ не только древнихъ, но и всѣхъ вѣковъ превзойти наши церковныя пѣснопѣнія, особенно на великіе праздники, наипаче же на св. Пасху? Увы, всего этого сокровища лишено наше юношество, не знаетъ его наше поязычески образованное общество, съ пренебреженіемъ относятся къ нему такъ называемые передовые люди! А еще называютъ себя христіанами... Невольно вспоминается грозное слово Имѣющаго семь духовъ Божіихъ и семь звѣздъ: *ты носишь имя будто живъ, но ты мертвъ*... (Откр. 3, 1).

Говорить ли о томъ, что чины, обряды и уставы богослужебные въ православной Церкви являются наилучшею школою въ дѣлѣ воспитанія чувства идеально-прекраснаго? Напоминать ли мѣткое слово почившаго Херсонскаго святителя Никанора, что наше Богослуженіе въ его обрядовой сторонѣ замѣняетъ для насъ благороднѣйшій театръ, притомъ возвышающій не только умъ и сердце къ Богу, но и дающій полное удовлетвореніе чувству красоты?

И всѣ эти сокровища въ нашей православной Церкви, въ ея живомъ преданіи, и мимо всего этого про-

ходятъ наши, якобы православные интеллигенты, мало сказать: проходятъ, иные позволяютъ себѣ кощунствовать надъ этою святыней, поступая въ семъ случаѣ непростительнѣе язычниковъ.

А, вѣдь, если бы смирились, если бы захотѣли познать все это, то какую небесную, неотъемлемую радость, какое счастье нашли бы въ этомъ познаніи! Я знаю одного англичанина, знатока Россіи, разъ десять посѣщавшаго ее, изучившаго наше Богослуженіе, такъ, какъ не многіе изъ іереевъ его изучаютъ: это извѣстный Бирбекъ—другъ Россіи. Онъ всегда восхищается красотою нашихъ обрядовъ и говоритъ, что ничего подобнаго онъ не видѣлъ ни у себя, въ англиканской церкви, ни у католиковъ. Если такъ могущественно дѣйствуетъ наша обрядность на иностранца, на неправославнаго человѣка: то какъ же она должна дѣйствовать на душу православнаго? Не напрасно же одинъ учитель Церкви сказалъ: прекраснѣе нашей литургіи мы что-нибудь увидимъ только на небѣ.

И все это, конечно, потому, что наше сокровище, въ продолженіе многихъ вѣковъ бережно хранимое и мудро преумножаемое, не есть какой-либо музей древностей, а сама жизнь Церкви, воздѣйствующая на души вѣрующихъ непрестаннымъ благодатнымъ общеніемъ съ тѣми, кто, уходя на небо, оставилъ намъ крѣпкое завѣщаніе:

Тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистеся словомъ или посланіемъ нашимъ.

V.

Мои дневники о церковныхъ преданіяхъ вызвали одинъ откликъ, на который въ свою очередь полезнымъ считаю тоже отозваться. Читатель (или читательница: откликъ не подписанъ) пишетъ, что насколько порадовался онъ заглавію статьи, на столько разочаровался въ ея содержаніи. Онъ ожидалъ, что я буду говорить о томъ, что сохранилось какъ священное преданіе Церкви, какъ то, что пріемлется Церковію какъ восполненіе Священнаго Писанія, но что отвергается сектантами и еретиками. Можетъ быть, онъ, мой читатель, ожидалъ отъ меня цѣлаго изслѣдованія о церковномъ священномъ преданіи, о его важности, его исторіи, его, такъ сказать,—составѣ, внутреннемъ содержаніи... Откровенно сознаюсь: такой трудъ былъ бы мнѣ не по силамъ. Да едва ли онъ былъ бы по силамъ и вообще—одному лицу; развѣ при одномъ условіи: если онъ отдастъ цѣлую жизнь свою, будетъ вооруженъ всѣми историческими и научными знаніями, но и при этомъ условіи онъ могъ бы дать не изслѣдованіе, а развѣ только краткій, сжатый очеркъ сего предмета, намѣтить пути, поставить вѣхи и программы для другихъ изслѣдованій. Мои статьи названы *дневниками* и въ самомъ дѣлѣ суть только наброски, дневники, размышленія, притомъ же и писанные мною въ постели, во время болѣзни, какъ и эти строки пишу въ вагонѣ, на пути въ мою Вологду... Посему и прошу моихъ читателей быть ко мнѣ снисходительнѣе. Мнѣ думается, что всякая добрая мысль, всякое правдивое и отъ души сказанное слово во славу и на пользу Церкви Божіей въ наше время, когда большихъ ученыхъ сочиненій, если они и есть, не имѣютъ терпѣнія читать,

а довольствуются летучей печатью, газетами и—много ужъ если журналами и небольшими брошюрами, могутъ заронить въ доброй душѣ доброе сѣмячко и принести нѣкій плодъ. Вотъ я и пишу, что Богъ мнѣ положитъ на душу. Пришло мнѣ на мысль изложить на примѣрахъ—такъ сказать психологію церковныхъ преданій, какъ я ее понимаю, я и набросалъ свои дневники. А читателямъ моимъ спасибо за то, что читаютъ и откликаются. И если иной разъ побранятъ—не бѣда: лишь бы это была ревность о Бозѣ, а не отъ немирнаго пристрастія, какъ и я иныхъ обличаю—ей, не по злобѣ, а по любви къ Матери Церкви, глубоко скорбя ея скорбями, болѣя сердцемъ о немощныхъ моихъ собратіяхъ. Вотъ и теперь хочу набросать дневничекъ въ дополненіе къ тому, что уже писалъ раньше.

Наши предки любили Богу молиться. Лѣтъ двѣсти назадъ даже бояре, тогдашняя наша интеллигенція считала зазорнымъ дѣломъ ходить на зрѣлища, которыя на тогдашнемъ языкѣ и назывались „позорищемъ“; за то и въ будни долгомъ почитали посѣщать службы Божіи, а не быть въ церкви въ праздники почитали великимъ грѣхомъ. Подолгу молились и дома, для чего имѣли не только въ каждой комнатѣ благолѣпно украшенныя иконы, но и особыя моленныя, гдѣ горѣли неугасимыя лампады. Входя въ домъ, прежде, чѣмъ привѣтствовать хозяина, обращались къ иконамъ, творили крестное знаменіе и воздавали имъ поклоненіе, а потомъ уже обращались къ хозяину. Выходя утромъ, въ первый разъ изъ дома, молились на всѣ четыре стороны. Молились садясь за столъ, выходя изъ за стола; ограждали себя крестнымъ знаменіемъ предъ началомъ и по окончаніи всякаго житейскаго занятія. Чувствовалось, что православный русскій человѣкъ, по библейскому выраженію, *ходитъ передъ Богомъ*. То ли теперь? Много-ли найдете бояръ, у коихъ былъ-бы въ домѣ особый уголокъ для молитвы? Зазираетъ ли ихъ совѣсть, когда они даже подъ праздники, даже во дни Великаго Поста просиживаютъ въ театрахъ? Многихъ-ли мы видимъ изъ нихъ—не говорю уже объ утрени, а хотя бы у всенощной? А если и бываютъ, то ищутъ какую-нибудь домовую церковь, гдѣ служба Божія идетъ какъ можно—покороче, покороче! Входите вы въ ихъ роскошныя палаты—дворцы, ищете глазами св. икону, видите художественныя картины, ландшафты, портреты въ роскошныхъ рамахъ, даже обнаженныя статуи, но св. иконъ нѣтъ... Только послѣ долгихъ поисковъ увидите, наконецъ, иногда уже по указанію сконфуженной (и за то слава Богу: сознаніе вины не погасло) хозяйки, въ уголкѣ, гдѣ-нибудь подъ карнизомъ двухвершковый образокъ—какъ-будто жалующійся вамъ: „смотри, какъ меня стыдятся обитатели сего дома, именующіе себя православными хрістіанами“. Такъ гаснутъ церковныя традиціи въ домашней жизни современной русской интеллигенціи. Да и одной-ли интеллигенціи? Отъ души призовешь Божіе благословеніе на того крестьянина—извощика, который, проѣзжая мимо храма Божія, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ. Увы! Что таить грѣхъ? Нынѣ и священники уже далеко не всѣ свято блюдутъ этотъ благочестивый обычай. Да и этотъ-ли только? Такъ, давно-ли на Руси свято исполнялся трогательный поэтическій обычай на Пасху дарить другъ другу красныя яица? Сколько радости доставляло это яичко дѣтямъ! Да и сердцу

взрослаго оно такъ много говорило! Это—символъ нашего воскресенія, нашего искупленія кровію Христовою, нашей радости, ожидающей насъ въ жизни будущаго вѣка. Напоминало оно и о томъ восторгѣ, съ какимъ Магдалина и вообще первые христіане несли міру вѣсть о спасеніи міра воскресеніемъ Христовымъ... А нынѣ—увы—и этотъ святой обычай свято блюдется развѣ въ деревенской глуши, а въ городахъ о немъ забываютъ! Забываютъ даже сами пастыри Церкви, считая какъ бы за ничто, за мелочь, не заслуживающую заботливаго ихъ вниманія, и являются на поздравленіе къ намъ, архипастырямъ, безъ этого символа пасхальной радости... Добрѣ-ли сице творятъ? То не важно, другое—мелочь, а преданіе, а поэзія церковной жизни улетаетъ... А на мѣсто ея тоже незамѣтно врывается что-то чуждое церковнаго духа, что-то мірское, я сказалъ-бы—мѣщански-пошлое...

Съ болью сердца видишь въ столицахъ батюшекъ, даже украшенныхъ золотыми крестами, подстриженныхъ въ скобку, съ подстриженною же бородою, въ накрахмаленныхъ воротничкахъ и манжетахъ, съ раздушенными бѣлыми платочками... А за столицами тянется и провинція... И такъ хочется спросить ихъ: отцы и братія, къ чему это? Зачѣмъ? Или вы тайкомъ отъ паствы своей театры посѣщаете? Или думаете кому то понравиться? Но прочитайте вотъ въ „Новомъ Времени“, что пишетъ—не строгій церковникъ, а извѣстный либералъ писатель В. В. Розановъ о подобныхъ вамъ модникахъ-батюшкахъ: какъ онъ стыдитъ ихъ! Видно, и на этого, еще не совсѣмъ утратившаго въ этомъ отношеніи духа русскихъ церковныхъ традицій мыслителя, наши воротнички и манжеты, ваши подстриженные волосы и бороды производятъ отталкивающее впечатлѣніе... Что же думаетъ о васъ простой русскій человѣкъ? Какое гнетущее впечатлѣніе ложится на его душу, на его совѣсть, которая воспрещаетъ ему судить васъ, а вы сами соблазняете его, вызываете его на это осужденіе! Вѣдь, не можетъ же онъ безразлично относиться къ тому, что такъ претитъ его православной душѣ... Какъ онъ, въ такомъ настроеніи скорби за нарушеніе вами церковныхъ традицій, въ смущеніи совѣсти за осужденіе васъ, пойдетъ къ вамъ же на исповѣдь? Помню, какъ однажды бойкая свѣтская барыня, въ вагонѣ желѣзной дороги, пыталась убѣдить одного добраго іерея Божія въ томъ, что ходить въ театры и священникамъ не грѣхъ. Слушалъ батюшка ея либеральные глаголы, а когда она закончила свои изліянія, словесъ, вздохнулъ и кротко сказалъ ей: „а скажите мнѣ, милостивая государыня,—извините, не знаю, какъ звать васъ,—скажите мнѣ по совѣсти, по *чистой совѣсти* (онъ подчеркнулъ эти слова): къ какому батюшкѣ вы скорѣе пойдете на исповѣдь: къ тому-ли, который, какъ вамъ извѣстно, ходитъ иногда—украдкой, конечно,—въ театръ, или къ тому, который считаетъ это неприличнымъ для себя?—Подумала барыня полминуты, опустила голову и какъ-то сконфуженно сказала: „сказать правду: я предпочла бы послѣдняго“.—„Вотъ то-то-же и есть, милостивая государыня: сами по совѣсти, значитъ, согласны со мною, а стало быть напрасно и слова терять намъ не стоитъ въ спорѣ. По совѣсти, по совѣсти будемъ разсуждать, и хорошо будетъ!“—То же и о воротничкахъ, то же и о манжетахъ, и о подстриженныхъ волосахъ и бородѣ: въ глазахъ тѣхъ, кто еще не со-

вершенно утратилъ традиціонно-православныхъ взглядовъ на все это, вы, честные отцы, только теряете,—охъ, какъ теряете!—и на исповѣдь къ вамъ они пойдутъ развѣ по нуждѣ, когда не будетъ близко вотъ такого батюшки-простеца, который блюдетъ свою совѣсть и въ отношеніи къ такимъ „пустякамъ“, къ которымъ вы относитесь такъ пренебрежительно. А тѣ господа, которые трунятъ надъ нашими „космами“, которые одобрительно улыбаются вамъ, какъ „передовымъ батюшкамъ“, на исповѣдь къ вамъ—повѣрьте—не пойдутъ уже потому, что считаютъ ее старымъ пережиткомъ, предразсудкомъ, да и васъ то въ душѣ не только не уважаютъ, а смотрятъ на васъ иногда какъ... на жалкихъ авгуровъ! Въ наше время вы имъ нужны только какъ рясоносцы, какъ орудіе соблазна для народа, какъ своего рода „авторитетъ“, при посредствѣ коего можно скорѣе увлечь въ ихъ политику вѣрующихъ людей. А снимите вы рясы и васъ выбросятъ за бортъ, какъ ненужную вещь, какъ выжатый лимомъ, какъ выбросили, отвернулись и забыли этихъ—Петрова, Семенова, Огнева и прочихъ. Вотъ куда зрятъ тѣ пути, на кои вы такъ неосторожно, незамѣтно для себя отклоняетесь, отцы, измѣняя традиціямъ церковности нашего православнаго Русскаго народа!

Я сказалъ, что истинно-православный человѣкъ *ходитъ предъ Богомъ*. Это прекрасное выраженіе, примѣненное въ Библіи, между прочимъ, въ отношеніи къ праведному Эноху, взятому живымъ на небо, самую идею сего выраженія православный геній русскаго народнаго духа потщался воплотить въ своемъ бытовомъ укладѣ, въ мелочахъ своей жизни, въ церковной обрядности, въ домашнихъ благочестивыхъ обычаяхъ, и все это благословила матерь-Церковь, или — привнесеніемъ молитвенныхъ чинопослѣдованій своихъ (см. книгу „Требникъ“), или безмолвнымъ усвоеніемъ добрыхъ обычаевъ своими пастырями Церкви. Нигдѣ не писано, никакими древними правилами не указано, чтобы, напримѣръ, входя въ домъ молиться предъ иконами, проходя мимо храма осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, начиная постройку ставить крестъ у зданія и т. под.; но добрые пастыри сами выполняютъ эти благочестивые обычаи и учатъ имъ православныхъ. И добрѣ дѣлаютъ. Чѣмъ чаще вспоминаетъ человѣкъ о Богѣ, тѣмъ меньше грѣшитъ. И не потому ли наши интеллигенты прячутъ въ своихъ жилищахъ св. иконы подъ карнизы потолковъ, заставляютъ ихъ растеніями, чтобы эти икоы не пробуждали въ ихъ совѣсти мысли о Богѣ вездѣсущемъ и всевѣдующемъ, и не стѣсняли ихъ въ грѣшныхъ бесѣдахъ и дѣлахъ? Вѣдь, бываетъ же, что въ присутствіи духовнаго лица міряне какъ-то невольно сдерживаютъ себя и чувствуютъ себя, наоборотъ, свободнѣе, когда батюшка уйдетъ? Бѣдные, несчастные люди! Они похожи на тѣхъ шалуновъ-школьниковъ, которые ждутъ—не дождутся, когда уйдетъ отъ нихъ „начальство“, ихъ воспитатели и наставники, чтобы предаться своимъ шалостямъ, которыя обычно до добра не доводятъ. А вѣдь, какъ ни прячь св. иконы—отъ Бога-то всевидящаго и всевѣдущаго никуда не укроешься. Такъ не лучше ли, не разумнѣе ли было бы вмѣстѣ съ царемъ Давидомъ говорить себѣ: буду зрѣть Господа предо мною всегда, чтобы твердо стать на Божьемъ пути!

Знаю, мнѣ скажутъ, что уклоняться отъ обычая предковъ ихъ побуждаетъ вовсе не желаніе какъ

бы укрыться отъ Бога—сердцевѣда... Такъ что же побуждаетъ васъ къ сему, братья мои, добрыя чада Церкви—матери?—Вы молчите?—Такъ „принято?“ Но я не понимаю этого слова... *Отъ кого принято?* Кто *передалъ* вамъ это? Чье это *преданіе?* Во всякомъ случаѣ—не ваши предки благочестивые, не матерь ваша—Церковь... Я скажу вамъ, отъ кого пошло это преданіе. Первые стали стыдиться св. иконъ люди, въ вѣрѣ православной поколебавшіеся, подпавшіе подъ вліяніе неправославныхъ иностранцевъ-лютеранъ и баптистовъ. Сіи сектанты, отдѣлившіеся отъ своей латинской церкви, косо смотрѣли на наши св. иконы, которыя они считаютъ идолами; замѣтили это наши интеллигенты и стали подальше ставить иконы, какъ бы оберегая святыню отъ оскорбленія, а на самомъ дѣлѣ угождая своимъ гостямъ,—инославцамъ. А эти послѣдніе или лучше—ихъ духовные предки, ихъ учители вродѣ Лютера и Меланхтона, находились въ свое время, какъ это теперь документально доказано, подъ вліяніемъ злѣйшихъ враговъ Христа—масоновъ... Вотъ и подумайте, откуда пошло это новое „преданіе“, это—„такъ принято“ у нашихъ интеллигентовъ. Можно ли, позволительно ли православному человѣку слѣдовать такому „преданію?“ А вѣдь это, какъ видите, самое настоящее преданіе, имѣющее и у насъ уже и двухвѣковую давность и настолько же твердо укрѣпившееся въ средѣ многихъ, именующихъ себя православными, что я почелъ бы себя счастливцемъ, если бы узналъ, что хоть одинъ изъ моихъ читателей, слѣдующихъ этому антицерковному обычаю, имѣлъ мужество, да, мужество—не въ сокровенной части своего дома, не въ спальнѣ, а въ парадныхъ комнатахъ поставить достаточно видные кіоты съ св. иконами и возжечь передъ ними неугасимыя лампады—вотъ хоть бы такъ, какъ мы видимъ это еще во многихъ благочестивыхъ семьяхъ купеческихъ и простонародныхъ... Увы, боюсь, что не найду такого мужества!...

Такъ вотъ о чемъ хотѣлось мнѣ и на сей разъ поговорить. И я надѣюсь, что читатели не будутъ слишкомъ ко мнѣ строги, не будутъ порицать меня, что я говорю о „мелочахъ“. Думаю, что и въ будущемъ, если Богъ поможетъ мнѣ продолжить свои бесѣды—дневники, не разъ еще придется писать на ту же тему. Эта тема неисчерпаема. Любить преданія, создавшіяся на почвѣ церковности, значитъ любить мать—Церковь, ихъ благословляющую, значитъ быть въ *живомъ* общеніи съ благочестивыми нашими предками, значитъ жить ихъ жизнію, продолжать *ихъ жизнь*, а слѣдовательно и созидать жизнь своего народа, своей *Святой Руси*.

119.

Трудовыя щепочки.

Современное человѣчество хвалится прогрессомъ, культурой, цивилизаціей, а между тѣмъ постоянно слышатся жалобы, что тяжело жить въ центрахъ этой культуры, этой цивилизаціи: въ нравственномъ отношеніи едва-ли человѣчество идетъ впередъ, по крайней мѣрѣ душою отдыхаешь не тогда, когда бываешь въ средѣ этихъ культурныхъ,

просвѣщенныхъ въ высшей степени корректныхъ и деликатныхъ, но *холодныхъ* сердцемъ людей, а когда перенесешься мыслію къ своимъ простецамъ-зырянамъ или алеутамъ и колошамъ отдаленной Аляски. Среди этихъ некультурныхъ дѣтей природы скорѣе можно встрѣтить людей, которые, воспріявъ простымъ дѣтскимъ сердцемъ Христово ученіе, становятся истинными дѣтьми Божіими. Мнѣ припоминается разсказъ одного московскаго купца изъ жизни покойнаго Митрополита Московскаго Иннокентія. Святитель обѣдалъ у этого купца, церковнаго старосты, послѣ освященія церкви. Въ числѣ гостей было не мало и почетнаго духовенства. Святитель вспоминалъ свое давнее прошлое, свою жизнь на Алеутскихъ островахъ. Всѣ съ большимъ вниманіемъ слушали его разсказы о далекой, невѣдомой странѣ, объ обитающихъ тамъ народностяхъ. Одинъ протоіерей спросилъ владыку: „а каковы были ваши Колоши, владыко?“—„Да получше меня и получше тебя“, отвѣтилъ простецъ Митрополитъ. Ученому протоіерею не понравился такой отвѣтъ и онъ замолчалъ. Это не скрылось отъ старца-святителя и онъ сказалъ ему: „можетъ быть, тебѣ не понравилось такое сравненіе? Такъ послушай, что я тебѣ разскажу. Разъ, когда я былъ еще попомъ, приходитъ ко мнѣ поздно вечеромъ издалека одинъ Колошъ исповѣдываться. Ночь была темная, когда я отпустилъ его и на дворѣ были уже спущены собаки. Чтобы оборониться отъ нихъ, Колошъ взялъ у меня въ сѣняхъ метельникъ (насадку отъ метлы). Прошло часа два—слышу: кто-то стучится. Окликаю—это мой Колошъ! Спрашиваю: что тебѣ?—„Да вотъ, бачка: я взялъ у тебя палку отмахнуться отъ собакъ, возьми ее назадъ!“—Да Богъ съ тобой, говорю: иди съ Богомъ давно-бы ужъ былъ дома.—Нельзя, бачка: я взялъ—тебя не спросилъ; велишь—такъ возьму.—„Возьми, возьми, она тебѣ пригодится, видишь, говорю: глухая полночь“.—Колошъ мой успокоился и пошелъ домой съ моимъ метельникомъ.—„Ну, вотъ“, заключилъ полушутя покойный Архипастырь: „согласись, братъ: мы съ тобой такъ, вѣдь, не сдѣлали бы?“

Я вспомнилъ этотъ разсказъ о простецѣ—Колошѣ потому, что недавно получилъ изъ далекой Аляски слѣдующее письмо:

„Ваше преосвященство, милостивый архипастырь! Благоволите и принять и прочесть сіе письмо.

„Всякому мила своя сторона—любитъ и нищій свое хламовище. Не чуждъ и я своей родной стороны;

„Мои прихожане по просьбѣ моей собрали, при великой нищетѣ и скудости своей на построеніе храма въ Барградѣ святителю Христову Николаю, на пріютъ Царицы Небесной въ Петербургѣ и на голодающихъ въ тѣ губерніи, гдѣ голодъ заставилъ пастыря послать своихъ дѣтей вечеромъ просить хлѣба. Посылаемъ на имя ваше для передачи: на построеніе храма въ Барградѣ 15 долларовъ, на пріютъ—5 долларовъ, и на нуждающихся въ пропитаніи 5 долларовъ, а всего 25 долларовъ. Благоволите напечатать о сей жертвѣ хотя въ „Приходскомъ Чтеніи“, не упоминая моего имени, душевно не желаю быть означеннымъ, а нужно отпечатать потому, что на Аляскѣ есть священнослужители съ болѣе состоятельными приходами, чѣмъ нашъ приходъ, это—первое, а второе—мои алеуты православные, но еще яко младенцы, ссущіе млеко: попадетъ это чтеніе въ руки алеутовъ—кто знаетъ?—можетъ быть

и еще соберутъ, а главное алеуты очень дорожатъ святительскимъ, хотя и заочнымъ, благословеніемъ. Они часто спрашиваютъ: поступаетъ-ли наша жертва на дѣло, на которое мы даемъ? Я имъ говорю: вашу посильную жертву Господь милостиво принимаетъ. Но они возражаютъ: не остается-ли она въ рукахъ нашего пастыря?... Въ теченіе трехъ лѣтъ я замѣчаю, что посылаемъ мы собранныя на какое либо богоугодное дѣло жертвы, а о полученіи ихъ на мѣстѣ отвѣта не получаемъ.

„Вамъ, можетъ быть покажется страннымъ, что деньги эти собраны—*щепками*, которыми просвѣщенные американскіе, а иногда, по ихъ примѣру, и русскіе купцы платятъ алеутамъ и эскимосамъ за ихъ труды. Напилятъ, напримѣръ, алеутъ или эскимосъ сажень дровъ для купца, купецъ беретъ щепку, пишетъ на ней стоимость работъ и платитъ этой щепкой работнику. Тѣми же щепками платятъ и за дорогіе бобровые и другіе мѣха. Рѣдко поблагороднѣе—пишутъ чекъ на толстой сахарной оберточной бумагѣ. Съ этой щепкой или лоскуткомъ бумаги идетъ алеутъ (а нерѣдко случается ходить и мнѣ) къ тому же купцу въ лавку брать провизію въ семь разъ дороже другихъ лавокъ: волей-неволей берешь мѣшокъ муки въ 50 ф. за 9 или 10 долларовъ (18—20 р.). Вотъ такими-то щепками и собраны прилагаемые 25 долларовъ, причемъ, конечно, я влагаю американскіе кредитки, вымѣнявъ на нихъ щепки.

„Нашъ архипастырь какъ-то выразился, что алеуты вымираютъ. Еще бы не вымирать, когда они по полгоду и болѣе хлѣба не видятъ, питаются сушеной рыбой, морскими червями, и разнаго рода чудовищами. Стоитъ посмотрѣть на ихъ пищу, какъ и у тебя станетъ на желудкѣ боль... Казалось бы: улучшить бытъ этихъ полудикихъ народцевъ—прямой долгъ американцевъ, но они смотрятъ на нихъ какъ на рабовъ. Много вымираетъ алеутовъ и эскимосовъ отъ спаиванія водкой (виской), чѣмъ также усердно занимаются культурные американцы и японцы безъ зазрѣнія совѣсти“...

Согласно желанію, автора не привожу его подписи и адреса. Я увѣдомилъ его о полученіи 25 долларовъ письмомъ, въ коемъ писалъ, между прочимъ: „Глубоко тронуло меня усердіе въ простотѣ вѣрующихъ душъ тѣхъ алеутовъ, которыхъ нѣкогда такъ любилъ въ Бозѣ почившій благодѣтель мой, московскій митрополитъ Иннокентій. Храни и благослови Господи, яко сокровище безцѣнное, эти Богу преданныя души! Ихъ щепочки въ очахъ Божіихъ дороже крупныхъ пожертвованій, приносимыхъ добрыми богатыми людьми отъ избытковъ ихъ, какъ лепта евангельской вдовицы была дороже всѣхъ сокровищъ храма Іерусалимскаго. А для меня полученіе такой жертвы на Божьи дѣла—сущій праздникъ: душа моя возрадовалась, что слышатъ меня добрыя души и въ далекихъ странахъ Великаго океана!

„Пишете, о. N, о тяжелой долѣ пасомыхъ вашихъ: вѣрьте, что если ихъ сердца способны откликаться вотъ такъ на добрыя дѣла, то они много счастливѣе тѣхъ сытыхъ и богатыхъ интеллигентовъ, которые мнятъ себя людьми просвѣщенными и себя считаютъ господами, а ихъ—рабами... Вѣдь, царствіе то Божіе—въ добрыхъ вѣрующихъ сердцахъ!

„Скажите имъ, что я, грѣшный архіерей, призываю на всѣхъ ихъ Божіе благословеніе. Вѣрую, что святитель Христовъ Николай чудо-

творецъ, на храмъ коему они принесли свои трудовыя щепочки, благословитъ ихъ съ высоты небесной и сторицею воздастъ имъ за ихъ любовь къ нему и во имя его—къ тѣмъ странникамъ, которые приходятъ на поклоненіе его святымъ мощамъ. Вѣрую, что и Господь, рекшій пречистыми устами Своими: что сдѣлали вы единому изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ—Мнѣ сдѣлали,—Онъ милосердый и утѣшитъ ихъ утѣшеніемъ райскимъ, и благословитъ ихъ благами земными... *Еп. Ніконъ*".

Можетъ быть, кто-либо, прочитавъ эти строки, подумаетъ, а можетъ быть и другимъ скажетъ: „стоитъ-ли писать въ журналѣ о такихъ мелочахъ? Въ наше гуманное время жертвуютъ сотнями тысячъ на дѣла просвѣщенія, на помощь голодающимъ, на больницы, богадѣльни... Прочитайте въ газетахъ, сколько собрано на „бѣлый цвѣтокъ"; на „колосъ ржи"... А то—собрали алеуты какихъ-то 25 долларовъ на добрыя дѣла и кричатъ о нихъ на весь свѣтъ!"...

Жертвуютъ... жертвуютъ и на театры, на народные дома, народные университеты... Мало-ли еще на что жертвуютъ! Увы, лучше бы не жертвовали! И язычники—идолопоклонники дѣлали добро и притомъ такое, которое привлекало къ нимъ спасающую Божію благодать: вспомните Корнилія сотника и другихъ, ему подобныхъ. И это ихъ добро, какъ видите изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, имѣло свою цѣну въ очахъ Божіихъ, но цѣну лишь относительную, и для спасенія имъ необходимо было войти въ лоно Церкви Христовой и стать ея живыми членами—такъ, чтобы въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствовалъ Христосъ. А тому, кто именуетъ себя христіаниномъ, да еще православнымъ, какъ будто и стыдно стоять въ оцѣнкѣ добра ниже Корнилія сотника, который, творя добро по мѣрѣ силъ и умѣнья, не забывалъ и Бога призывать въ молитвахъ своихъ. Оттого и сказано ему: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. 10, 4). Судите сами: можно ли сказать это о тѣхъ „жертвахъ", какія собираются нашими интеллигентами не во имя Христа, а во имя туманнаго гуманизма, не подъ сѣнію животворящаго креста, а подъ сѣнію „бѣлаго или синяго цвѣтка, колоса ржи" и подобныхъ сему эмблемъ? Привлекутъ ли эти жертвы благодать спасающую къ жертвователямъ, стыдящимся знаменія нашего спасенія—креста Христова? Можно-ли сказать и о тѣхъ „пожертвованіяхъ", которыя приносятся съ цѣлію, недостойной христіанина; не грѣшно-ли вѣрующему во Христа строить дома зрѣлищъ, дома увеселеній, развлеченій?... Не позволяетъ моя совѣсть назвать и „народные университеты" добрымъ христіанскимъ дѣломъ, ибо кто же не знаетъ, для чего они устрояются и что тамъ народу читается? Нельзя истинному христіанину измѣрять цѣнность добродѣланія и мѣрою утилитарною: съ этою мѣрою римская церковь дошла до іезуитизма, до индульгенцій... Богу нужно наше сердце: *сыне*, глаголетъ Онъ: *даждь Ми твое сердце*! Нужно, чтобы добро шло отъ сердца, чтобы мысль о немъ лежала *у сердца* (отсюда—*усердіе*), чтобъ оно исходило отъ любящаго, *милующаго сердца* (отсюда—*милосердіе*), было совершено безкорыстно, чисто отъ всякаго себялюбиваго побужденія.—„*Такъ Христосъ велѣлъ*, такъ Онъ заповѣдалъ!"—вотъ единственно-непогрѣшимое побужденіе, единственно-вѣрная мѣра цѣнности бла-

готворенія. А какъ Христосъ заповѣдалъ?—*Да не увѣсть шуйца, что творитъ десница твоя.* Дѣлай добро и тотчасъ же забывай, что его сдѣлалъ: дѣлай и говори: я тутъ не при чемъ: это Богъ такъ устроилъ. Богъ послалъ случай, средства, силы, добрую мысль, добраго человѣка, который мнѣ подсказалъ это; дѣлай и благодари Бога, что *тебѣ* поручилъ это дѣло, *тебѣ* помогъ, *тебя осчастливилъ* быть Его рукою въ добродѣланіи. И благо тому, у кого этотъ законъ добродѣланій лежитъ *у его сердца*, въ самомъ сердцѣ, какъ дыханіе жизни, какъ біеніе этого сердца!

Но ужели такъ и не имѣетъ никакой цѣны то добро, которое творится по другимъ побужденіямъ, помимо этого закона?

У Бога ничто не останется безъ награды. Кто чего ищетъ, тотъ и получаетъ. Дѣлаютъ люди добро изъ тщеславія: и ихъ прославляютъ за то. Дѣлаютъ изъ корысти: они и достигаютъ цѣли своей. Земное добро на землѣ же и вознаграждается. *Воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ*, сказано въ притчѣ богатому Авраамомъ. *Воспріялъ*: получилъ въ уплату, значитъ, было кое-какое добро, за которое и уплачено ему въ земной жизни. Но на небѣ уже не жди онъ вѣчной награды. Но имѣетъ-ли для христіанина какое-либо значеніе, какую нибудь цѣнность земное благо, если оно не открываетъ пути къ вѣчному, небесному блаженству?...

Не велики крупицы добра, содѣланнаго во имя Христово младенцами вѣры—алеутами, но онѣ—безцѣнныя жемчужины въ очахъ Божіихъ. Можетъ быть и значительныя суммы, собранныя на голодающихъ или жертвуемыя на дѣла просвѣщенія нашими интеллигентами, но безъ Христа и креста, это—грошовыя бусы, коими играютъ и потѣшаются дѣти...

И съ утѣшеніемъ можно отмѣтить, что такія крупицы добра еще есть въ нашей церковно-народной жизни, еще блестятъ—то тутъ, то тамъ, какъ дорогіе брилліанты сверкая въ мусорѣ житейской суеты, и какъ бываешь радъ, когда замѣтишь хоть одну такую искорку благодати Божіей, свѣтящуюся въ русской православной душѣ!...

120.

Оскудѣніе духовной жизни.

Еще царственный пророкъ Давидъ жаловался въ свое время, что оскудѣлъ преподобный. Но послѣ пришествія въ міръ Христа Спасителя, когда расцвѣла полнымъ цвѣтомъ Церковь Божія, пустыни наполнились преподобными, а изъ пустынь духовная жизнь проникла и въ города, и были такіе благословенные грады, въ которыхъ насчитывали тысячи монашествующихъ, добрымъ подвигомъ подвизавшихся и своею жизнію прославлявшихъ Господа. Таковъ былъ нѣкогда въ Верхнемъ Египтѣ городъ Оксиринхосъ, развалины коего открыты въ недавнее время. Въ наше грѣшное время приходится опять повторять жалобу Царя Давида: *оскудѣ преподобный!* Монастырей еще много на святой Руси, немало и черноризцевъ, но—оскудѣ преподобный, ослабѣла жизнь монашествующихъ, настоятели жалуются:

некого постричь, посвятить во діакона, во іеромонаха; архіереи жалуются: некого поставить въ настоятели—хоть закрывай монастыри!..

Удивляться нечему. Монахи, вѣдь, приходятъ въ монастыри изъ того же міра а каковъ нынѣ міръ—всѣмъ намъ хорошо извѣстно. Въ послѣдніе годы будто пронесся по Русской землѣ какой-то ураганъ невѣрія, безбожія, всякаго отрицанія; люди перестаютъ уважать всякій авторитетъ: будутъ ли они признавать авторитетъ Церкви, да еще православной, которая и всегда-то была, по сравненію святителя Димитрія Ростовскаго—*яко кринъ въ терніи*: всегда въ скорбяхъ, въ приниженіи, если не въ полномъ пренебреженіи въ глазахъ міра сего лукаваго и прелюбодѣйнаго. Надъ нею сбывалось и всегда слово Господа: *въ мірѣ скорбни будете,—якоже Мене изгнаша, и васъ ижденутъ*... Сказалъ Господь о послѣднихъ временахъ: будетъ предъ Его пришествіемъ проповѣдано Евангеліе царствія по всей вселенной, но Онъ же сказалъ, что когда придетъ Онъ на землю судить живыхъ и мертвыхъ, то едва обрящетъ вѣру на земли... Значитъ: много будетъ хрістіанъ по имени, но мало—очень мало на дѣлѣ. На нашихъ глазахъ оскудѣваетъ вѣра въ средѣ вѣрующихъ, гаснетъ духовная жизнь, утрачивается самое понятіе о сей жизни, и притомъ, что особенно горько отмѣтить: не только у мірянъ, живущихъ почти исключительно жизнію плотскою и душевною, но и у духовныхъ лицъ, у нашего пастырства, и не только у бѣлаго духовенства, но и у самихъ монашествующихъ, этихъ—такъ сказать по идеѣ, присяжныхъ носителей идеала духовной жизни... Конечно, и всегда среди монашествующихъ были немощи—пороки пьянства, рабства плоти, сребролюбія; конечно, и нынѣ въ св. обителяхъ нашихъ есть истинные подвижники—сѣмя свято, но, къ сожалѣнію, нынѣ къ прежнимъ немощамъ присоединился еще какой-то духъ противленія, духъ самости, безграничнаго честолюбія, своеволія, который обуялъ обитающихъ въ монастыряхъ... Даже самое подвижничество получило какой-то своеобразный характеръ: есть носящіе вериги, но зараженные духомъ гордыни; есть постники, но одержимые нестерпимымъ самомнѣніемъ; есть строгіе къ себѣ, но и безпощадные къ другимъ... Въ послѣднее время появляются въ обителяхъ личности, кои даютъ поводъ подозрѣвать ихъ въ сектантствѣ, въ хлыстовщинѣ, одной изъ самыхъ гибельныхъ, антихрістіанскихъ сектъ... Отвергнувъ смиреніе, какъ основное начало духовной жизни, увлекшись внѣшнимъ подвигомъ, такіе неразумные „дѣлатели“ монашеской жизни попадаютъ въ сѣти вражьи, въ духовную прелесть, начинаютъ надмѣваться высокимъ о себѣ мнѣніемъ, самозванно выступаютъ на поприще учительства и гибнутъ сами, увлекаютъ въ погибель съ собою и другихъ, особенно же довѣряющихъ имъ себя мірянъ. И среди мірянъ являются самочинные подвижники: все чаще слышишь о разныхъ „братцахъ“, о „юродивыхъ“, о „блаженныхъ“, которые или бродятъ по градамъ и весямъ и лѣто и зиму босые, косматые, безъ шапокъ, или же вьютъ себѣ гнѣздо у „благодѣтелей“: благо немало еще на Руси людей въ Бога вѣрующихъ... И одни изъ такихъ подвижниковъ - самочинцевъ, покинувъ путь самоотверженія и смиреннаго богоугожденія, льстятъ и обманываютъ добрыхъ людей сознательно, наживая деньги, другіе, сами находясь въ прелести, влекутъ

за собою и мірянъ въ пропасть погибельную, въ хлыстовщину и сродныя съ нею секты. Въ жизни духа есть законъ, въ силу коего „Божіе", то есть благодатное состояніе, „о себѣ", само собою „пріидетъ, тебѣ не ощущающему, но аще будетъ мѣсто чисто, а не скверно", а такіе самочинные подвижники не хотятъ знать этого закона, и, не заботясь объ очищеніи „мѣста", то есть сердца отъ страстей, дерзновенно стремятся вторгнуться въ ту область духа, которая для нихъ еще не можетъ быть, безъ вреда для нихъ, открыта, и за такое дерзновеніе взойти въ чертогъ брачный безъ одежды брачной, бываютъ оставляемы благодатію Христовою и становятся посмѣшищемъ врага Божія—діавола. Овладѣвъ ихъ воображеніемъ, врагъ внушаетъ имъ все, что ведетъ къ ихъ погибели: дѣлаетъ ихъ якобы прозорливыми, обольщаетъ видѣніями и ложными мечтаніями, они читаютъ мысли людей, съ ними бесѣдующихъ, отвѣчаютъ на вопросы, какіе имъ еще только хотятъ предложить, поднимаются даже на воздухъ во время молитвы, испытываютъ якобы благодатныя, на самомъ же дѣлѣ психофизіологическія состоянія и пр. Я зналъ такихъ несчастныхъ: вразумить ихъ чрезвычайно трудно и безъ особенной благодатной помощи Божіей невозможно. Это—одержимые злымъ духомъ, *духомъ пытливости* (Дѣян. 15, 16), помѣшанные на своей святости. И вотъ что замѣчательно: Божіимъ попущеніемъ врагъ, издѣваясь надъ таковыми, нерѣдко ввергаетъ ихъ въ страсти безчестія: они сочиняютъ для себя и своихъ послѣдователей особую теорію, оправдывающую даже неестественный развратъ... Вотъ почему такіе святоши крайне опасны. Вотъ почему надо предостерегать отъ ихъ вліянія народъ, который они увлекаютъ еще и проповѣдью трезвости, воздержанія отъ мяса, табаку, зрѣлищъ, даже отъ законнаго супружескаго сожитія. Измученный невзгодами жизни, пьянствомъ и другими грубыми пороками простой народъ охотно идетъ къ нимъ въ сѣти: вѣдь, они толкуютъ о святомъ словѣ Божіемъ, о доброй трезвой жизни, они якобы помогаютъ пьяницамъ избавиться отъ погибельной страсти... Несчастные люди не могутъ разобраться въ томъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Тысячами идутъ къ этимъ прельщеннымъ...

Такъ на нашихъ глазахъ зарождаются самыя опасныя секты—мистическія. Съ теченіемъ времени онѣ, объединяясь около одного-двухъ именъ своихъ вождей, начинаютъ съорганизовываться, выяснятъ основныя положенія своего упованія, и, не встрѣчая должныхъ обличеній со стороны православія, крѣпнутъ въ своемъ лжеученіи. Такъ на нашихъ глазахъ появилась и секта киселевцевъ. Ея основатели воспользовались досточтимымъ именемъ отца Іоанна Кронштадтскаго, благоговѣйною любовію къ нему народа, и теперь раскинули свои сѣти по всей Россіи: однихъ книгоношъ имѣютъ они до 5000 человѣкъ, которые распространяютъ ихъ литературу, а съ нею и лжеученіе. Дѣло, повидимому, началось съ того, что простые люди, искренно чтившіе о. Іоанна, читая его дневники, преисполненные духовной мудрости, во многихъ мѣстахъ описывавшіе высокія духовныя переживанія облагодатствованнаго состоянія (на что указываетъ самое заглавіе сихъ дневниковъ: „Моя жизнь во Христѣ"), неправильно поняли эти мѣста, стали по своему ихъ перетолковывать, неправильно прилагать къ своей лич-

ной жизни, и вотъ, въ ихъ пониманіи явилось ложное представленіе объ о. Іоаннѣ, какъ человѣкѣ, въ которомъ обитаетъ Божество, какъ о Христѣ Спасителѣ. Отсюда одинъ шагъ до хлыстовщины, до обожанія человѣка. А въ такихъ случаяхъ является потребность приспособить къ ихъ теоріи и толкованіе текста священнаго Писанія, и всю исторію первобытной Церкви. Отсюда и лжебогородицы, и лжеапостолы, и лжепророки... Увлечь темную массу не трудно: вѣдь, нашъ простой народъ—младенецъ въ дѣлахъ вѣры: иная баба не умѣетъ отличить Пр. Троицу отъ Пр. Богородицы. А имя о. Іоанна, какъ извѣстнаго молитвенника и чудотворца, слишкомъ авторитетно въ глазахъ русскихъ вѣрующихъ людей. Разъ лжеученіе прикрыто имъ—дается полная вѣра лжеучителю.

И вотъ, нашлись люди съ сожженною совѣстью, которые рѣшили использовать это явленіе въ религіозной жизни нашего народа съ корыстной цѣлью. И корысть тутъ была двоякая: ревнителемъ вѣры, чуть не пророкомъ прослыть, а затѣмъ ужь и капиталъ легко нажить. Благо во главу стали люди коммерческіе. Они сумѣли найти себѣ помощниковъ изъ людей того же нравственнаго ценза, но болѣе или менѣе интеллигентныхъ, владѣющихъ перомъ въ достаточной степени, чтобы и брошюры писать, и въ газетахъ вести пропаганду своего дѣла, и, если понадобится, бумаги сочинять по адресу разныхъ учрежденій. Вѣдь, стоило прiискать въ писаніяхъ о. Іоанна нѣсколько мѣстъ, гдѣ онъ говоритъ о благодатномъ общеніи съ Господомъ въ таинствѣ Причащенія, чтобы люди фанатически преданные о. Іоанну сдѣлали изъ нихъ свои выводы, а затѣмъ уже, какъ по наклонной плоскости, дошли и до богохульныхъ ересей въ духѣ хлыстовщины. Само собою разумѣется, интеллигентные руководители новой секты лично сами готовы открещиваться отъ конечныхъ выводовъ этихъ ересей. А невѣжды продолжали въ средѣ безграмотной и полуграмотной массы искажать даже и то, что неправильно было понято въ сочиненіяхъ о. Іоанна и—должно сказать истину—не безъ участія самого отца лжи — сатаны — дошли до ученій самыхъ нетерпимыхъ: напримѣръ, что дѣти, рожденныя отъ законнаго брака—бѣсенята, и ихъ слѣдуетъ растаптывать до смерти подъ... Это удостовѣрено въ моей епархіи оффиціальными документами относительно извѣстнаго лжеучителя уже умершаго Курепина. Не можетъ быть, чтобы руководители ереси ничего объ этомъ не знали, но имъ было выгодно молчать объ этомъ, и они молчали. А когда говорили имъ о томъ, чему учатъ ихъ единомышленники, они самымъ рѣшительнымъ образомъ все отрицали. И теперь отрицаютъ.

Пока такимъ образомъ шло броженіе, въ которомъ какъ бы намѣчалась организація секты, это явленіе было замѣчено тѣми, кто стремится всю міровую исторію направить по своему пути. Я говорю о врагахъ человѣчества, о врагахъ Церкви—масонахъ и ихъ руководителяхъ—іудеяхъ. Они рѣшили использовать новое сектантское броженіе для своихъ цѣлей. На первый разъ рѣшено не раскрывать въ печати всего того вреда, какой грозитъ Церкви отъ такъ называемаго „іоаннитства". И вся печать, находящаяся подъ командой іудеевъ, молчитъ... А когда признаетъ нужнымъ, то говоритъ о киселевцахъ покровительственно. Не молчатъ только немногіе органы правой печати, въ родѣ

„Колокола“, который и безъ того подвергается оплеванію всей лѣвою печатью за свою ревность о пользахъ Церкви. А киселевцы успѣли обзавестись своимъ печатнымъ органомъ, который сталъ въ непримиримое отношеніе къ высшей церковной власти и ея представителямъ. Номера не выходитъ безъ того, чтобы этотъ кисилевскій органъ не издѣвался надъ С. Синодомъ и оберъ-прокуроромъ его В. К. Саблеромъ, надъ тѣми миссіонерами, которые смѣло принялись за разобличеніе новой секты и ея тайнъ. Понятно, какъ все это радуетъ злѣйшихъ враговъ Церкви—масоновъ и іудеевъ. Иногда приходитъ мысль: ужъ не эти ли закулисные друзья киселевцевъ подсказали имъ такъ усердно распространять мысль о близкой кончинѣ міра? Вѣдь сектанты понимаютъ второе пришествіе Господа не въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ его мы, православные: у нихъ дается всему свое толкованіе, подобное тому, какое существуетъ у адвентистовъ—еретиковъ. А это такъ выгодно для іудеевъ.

Къ сожалѣнію, мы, православные, все еще не рѣшаемся повѣрить въ несомнѣнный фактъ, что эта новая явно хлыстовская секта руководится іезуитскимъ правиломъ: цѣль оправдываетъ средства. Для ея послѣдователей ложь, обманъ, клевета, клятвопреступленіе, всякое притворство—все не только позволительно, но и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо обязательно. „Никому не смѣй открывать нашихъ тайнъ: ни отцу, ни матери, ни даже своему духовному отцу“—вотъ, между прочимъ одно изъ правилъ, ихъ жизни и дѣятельности. И какъ широко они имъ пользуются! Страшно становится, когда подумаешь, что ихъ уличный листокъ читаютъ простые люди, которые вѣрятъ всякой печатной строкѣ! Отвратительно читать ихъ явно злостныя безпощадныя, безсовѣстныя клеветы на оберъ-прокурора, на миссіонеровъ и всѣхъ, кто становится имъ поперекъ дороги въ обманѣ простаго народа. Вѣдь, они прикрываютъ себя одеждою ревностныхъ защитниковъ вѣры православной, родной Русскому народу Церкви; они стараются убѣдить народъ, будто на ихъ сторонѣ даже нѣкоторые святители; они особенно подчеркиваютъ свое мнимое благочестіе, не жалѣютъ денегъ даже на построеніе храма въ Воронцовской женской обители, гдѣ свили себѣ гнѣздо. Послѣдователи секты киселевцевъ, какъ и другіе хлысты, часто ходятъ въ церковь, говѣютъ, причащаются Христовыхъ Таинъ, соблюдаютъ посты и, что особенно характерно для всякой хлыстовщины—учатъ воздерживаться отъ мяса, хотя пока не ставятъ это еще непремѣннымъ требованіемъ, а лишь въ качествѣ ихъ идеала. Они осуждаютъ куреніе табаку, посѣщеніе зрѣлищъ — словомъ, во всемъ стараются показать свое благочестіе. И тутъ же рядомъ—крайне пренебрежительное отношеніе къ церковной власти, прямое надъ нею издѣвательство... Сейчасъ, напримѣръ, подали мнѣ послѣдній № ихъ „Грозы“, въ которомъ Святѣйшій Синодъ называется „увядшимъ розаномъ, который совсѣмъ-де выдохся“, и газета ехидно изволитъ шутить: „не собирается ли старичекъ умирать“? И это о высшей церковной власти! Дозволитъ ли себѣ это вѣрный сынъ Церкви, православный человѣкъ?

Я уже сказалъ, что въ мистическихъ сектахъ, а въ томъ числѣ и въ киселевщинѣ, проявляется какая-то страстная наклонность къ разврату. Явленіе это съ точки зрѣнія

аскетизма совершенно естественное. Зараженные гордынею, такіе люди сами лишаютъ себя Божіей благодати, охраняющей человѣка, и впадаютъ въ страсти плотскія. И чѣмъ болѣе они стремятся къ настроеніямъ якобы духовнымъ, тѣмъ ближе къ нимъ эта опасность. Этому прямо содѣйствуетъ то возбужденное, экзальтированное состояніе, въ какое приводятъ себя искусственно хлысты такъ называемыми радѣніями, и которое они считаютъ якобы благодатнымъ. Есть признаки, что и киселевцы уже начинаютъ прибѣгать къ чему-то въ родѣ радѣній. Если, помилуй Богъ, эта прелесть распространится въ массѣ народной, то можно ожидать чего-либо въ родѣ „подгорновщины“, „иннокентіевщины“ и подобнаго безумія. Вотъ почему весьма желательно не останавливаться на полпути, а разоблачить нараждающуюся ересь во всей ея наготѣ, дабы предостеречь простой народъ отъ увлеченія ею...

Все, что я здѣсь сказалъ, невольно побуждаетъ насъ, пастырей Церкви, задуматься и спросить себя: кто больше виновенъ въ самой возможности такихъ уродливыхъ явленій, какъ іоаннитство, киселевщина, да и вообще всѣ эти секты, не только мистическія, но и раціоналистическія? Народъ, нами пасомый, или мы, ихъ пастыри? Не говоритъ ли намъ совѣсть наша, что если волки врываются въ стадо и расхищаютъ его, то значитъ пастыри спятъ, или плохо стерегутъ ввѣренное имъ стадо? Вѣдь, если наши пасомые неравнодушно относятся къ разнымъ лжеученіямъ, то значитъ, въ нихъ еще жива душа, созданная по образу Божію, она ощущаетъ духовную жажду, ищетъ, чѣмъ ее утолить, а мы, хранители водъ благодатныхъ, мы идемъ ли на встрѣчу симъ душамъ жаждущимъ? Готовы ли утолять ихъ жажду? Да и сами-то—утоляемъ ли свою собственную жажду? Или ужъ наши души такъ и не ощущаютъ ея? Ужели мы такъ погрузились въ суету суетъ, что забываемъ о единомъ на потребу—не только для насъ самихъ, но и для пасомыхъ нашихъ?..

И грозно раздается въ совѣсти нашей слово древняго пророка Божія Іезекіиля: „такъ говоритъ Господь Богъ: горе пастырямъ Израилевымъ, которые пасли самихъ себя! Вы ѣли тукъ и волною одѣвались, а стада не пасли, слабыхъ не укрѣпляли, больной овцы не врачевали, и пораненой не перевязывали и угнанной не возвращали, и потерянной не искали... И разсѣялись онѣ безъ пастыря, и разсѣявшись сдѣлались пищею всякому звѣрю полевому. Блуждаютъ овцы Мои по всѣмъ горамъ и никто не развѣдываетъ о нихъ, никто не ищетъ ихъ. Посему, пастыри, выслушайте слово Господне: „Живу Я, говоритъ Господь Богъ: вотъ Я на пастырей, и взыщу овецъ Моихъ отъ руки ихъ“!.. (Іез. 34, 1—10).

Господи! Не вниди въ судъ съ нами, грѣшными! Аще бо беззаконія назриши—кто постоитъ?...

121.

Страничка изъ современнаго патерика.

I.

Хотите ли, добрые читатели мои, отдохнуть душой, перенестись въ иной міръ, грѣшному міру невѣдомый?.. Или думаете, что это уже стало на Руси невозможно, что

этотъ міръ уже отлетѣлъ въ область преданій и легендъ, въ которыхъ нынѣ больше видятъ поэзіи, чѣмъ дѣйствительной жизни, больше назидательныхъ примысловъ, чѣмъ дѣйствительныхъ фактовъ?.. Было бы великимъ несчастіемъ для насъ, для нашего народа, если бы было это такъ. Это значило бы, что исторія нашего отечества кончилась, что приговоръ Божественной правды надъ нами уже произнесенъ, что мы исключены изъ той книги жизни, въ которой пишется перстомъ Божіимъ исторія домостроительства спасенія рода человѣческаго, и записаны въ ту книгу смерти, въ которой едва замѣтными штрихами видны имена когда-то великихъ народовъ Азіи, Африки и Европы: имена Египтянъ, Ассиріянъ, Финикіянъ, Вавилонянъ, имена древнихъ Эллиновъ и Римлянъ, всѣ тѣ имена, носители которыхъ давно исчезли съ лица земли или же ихъ потомки едва влачатъ свое жалкое въ сравненіи съ великимъ ихъ прошлымъ существованіе...

Слава Богу: это — не такъ! Еще жива наша русская православная душа. Еще искрятся кое-гдѣ искорки Божіи, есть кое-гдѣ невѣдомые смиренные рабы Божіи, молитвами которыхъ и міръ стоитъ! Кто читалъ мою книжку „Чѣмъ жива наша русская православная душа“, тотъ знаетъ, что какъ ни узокъ кругозоръ моихъ наблюденій, но и мнѣ Богъ привелъ на своемъ вѣку видѣть воочію такихъ Божіихъ рабовъ, видѣть дивныя явленія Божія Промысла и живой вѣры русскихъ людей, живущихъ въ нѣдрахъ родной Церкви Православной, смиренно текущихъ путемъ Божіимъ и паче всѣхъ добродѣтелей украшающихъ себя красотою ангельскаго смиренія. То правда, что нынѣ не то, что было во дни оны древніе, на старой Руси; нынѣ не составишь большаго патерика изъ сказаній о современныхъ подвижникахъ, но и то должно сказать: вѣдь, о нашихъ-то временахъ и есть пророчество у святыхъ отцевъ, что послѣдніе монахи будутъ спасаться больше всего смиреніемъ, и тѣ изъ нихъ, которые спасутся, превзойдутъ великихъ чудотворцевъ древнихъ временъ... Оттого-то и не видны они, эти современные намъ рабы Божіи, что вся жизнь ихъ сокровенна со Христомъ въ Богѣ, что почитая себя отребіемъ міра, послѣдними грѣшниками, они тщательно прячутся отъ взоровъ людскихъ, и только развѣ святая дружба, взаимность молитвы да любовь къ собратіямъ иногда въ концѣ ихъ жизни пріоткрываютъ завѣсу смиренія, покрывающую ихъ внутренняго человѣка.

И удивительное дѣло: какъ вотъ въ житіяхъ святыхъ повѣствуется, что такихъ рабовъ Божіихъ считали какъ бы отбросами общества, не обращали на нихъ никакого вниманія, иногда относились къ нимъ даже презрительно, поносили и обижали ихъ неповинно, такъ и на сихъ рабовъ Божіихъ, смиренно Богу работающихъ въ наши дни, никто не обращаетъ вниманія, считаютъ ихъ какъ бы едва терпимыми: „ну—что! даромъ хлѣбъ ѣстъ! напрасно келью занимаетъ!“ А что онъ первый является въ храмъ Божій къ утрени, становится въ отдаленномъ уголкѣ, выстаиваетъ, никѣмъ незамѣчаемый всѣ службы Божіи, внимая церковному чтенію и пѣнію—этого никто не замѣчаетъ: вѣдь, на то и монахъ, чтобы въ церковь ходить да Богу молиться! Еще бы онъ этого не дѣлалъ!..

Почти тридцать лѣтъ прожилъ я въ обители преподобнаго Сергія и видѣлъ такихъ, и зналъ ихъ, и любовался именно ихъ смиреніемъ. О

нихъ даже и сказать много-то нечего: ихъ внѣшняя жизнь слишкомъ однообразна: всѣ дни какъ одинъ, молитва, трудъ послушанія — вотъ и все... Изрѣдка замѣтишь, какъ иной съ такою любовью отнесется къ скорбящему собрату, съ такою нѣжностью скажетъ слово вразумленія юношѣ-послушнику, а затѣмъ будто и опять уйдетъ въ самого себя, и снова трудъ и молитва, молитва и трудъ... А для иного и въ церковь-то пойти, при его глубокой старости и недугахъ ея, уже великій трудъ. Помню старичка, дѣдушку Гордія: ползетъ, бывало, въ храмъ Божій во всякую непогоду въ два часа утра и весь день проводитъ въ храмѣ Божіемъ. Отстоитъ утреню — стоитъ раннюю литургію у преподобнаго Нікона; затѣмъ тамъ же и пригрѣется на чугунныхъ плитахъ пола, согрѣваемыхъ духовою печью—и отдохнетъ, а затѣмъ стоитъ—молится за поздней литургіей, бредетъ въ трапезу, но тамъ не обѣдаетъ, а, беретъ съ собою хлѣбца да кувшинчикъ квасу и идетъ подъ монастырскую ограду, къ своей коечкѣ (тамъ была для такихъ старичковъ богадѣльня). Отдохнетъ, а къ вечернѣ уже опять въ церкви, отъ вечерни пройдетъ къ Зосимѣ и Савватію—ко всенощной, а тамъ спѣшитъ къ великомученицѣ Варварѣ на правило... и снова къ своей коечкѣ на покой... Такъ текла его труженическая жизнь въ послѣдніе лѣтъ десять-пятнадцать въ нашей обители. Ста шести лѣтъ отошолъ онъ ко Господу, только за три-четыре дня прекративъ хожденіе къ службамъ Божіимъ. Помнилъ онъ и 1812-й годъ, но не любилъ пускаться въ воспоминанія: все молитвою Іисусовой занимался. И она такъ дѣйствовала въ его чистомъ дѣтскомъ сердцѣ, что даже во снѣ онъ двигалъ устами, повторяя ее. Объ его умиленномъ состояніи свидѣтельствовали его дѣтскія, свѣтлыя очи, всегда орошенныя слезами.

Вотъ еще старецъ-простецъ, отецъ Маркеллъ странноприимитель.

Вся его жизнь была воплощеніемъ заповѣди о трудѣ и смиреніи, о любви и молитвѣ въ простотѣ сердца. Грамоты онъ не зналъ, а между тѣмъ былъ одинъ изъ тѣхъ рабовъ Божіихъ, которые часто представляютъ истинную закваску евангельской притчи въ той средѣ, въ какой живутъ: незамѣтно, но неотразимо они своимъ личнымъ примѣромъ воздѣйствуютъ на окружающихъ и, сами того не подозрѣвая, дѣлаютъ великое дѣло; они воспитываютъ этихъ, постоянно съ ними соприкасающихся людей для царствія Божія. Много лѣтъ трудился онъ въ обители Преподобнаго Сергія и все на одномъ послушаніи — въ странноприимной палатѣ. Каждый день можно было видѣть его въ Троицкомъ соборѣ лавры у заутрени, а еще раньше за тихимъ братскимъ молебномъ, который ежедневно совершается о здравіи братіи и благотворителей у гроба чудотворца Сергія: около шестопсалмія онъ зажигаетъ свой фонарикъ изъ лампады отъ мощей преподобнаго и идетъ въ монастырскую кухню, чтобы отъ этого огня затопить печь для приготовленія пищи, и цѣлый день, съ утра до ночи, проводитъ въ трудѣ, всѣми силами стараясь успокоить странниковъ, которыхъ онъ такъ ласково-привѣтливо величалъ „рабами Божіими“, „дорогими гостями преподобнаго Сергія“. Начальство монастырское было спокойно за это столь важное послушаніе: о, Маркеллъ всякаго сумѣетъ приласкать, всякаго накормитъ и успокоитъ... И такъ изо-дня въ день, въ продолженіе лѣтъ тридцати, въ молитвѣ и трудахъ, въ

трудахъ и молитвѣ прошла вся жизнь о. Маркелла. Беззавѣтный послушникъ, безотвѣтный труженикъ по мѣрѣ силъ, онъ на своемъ немаловажномъ послушаніи дѣлалъ свое дѣло такъ, какъ дай Богъ дѣлать всякому, кто къ чему приставленъ. На страннюю посылаютъ обычно новоначальныхъ для послушанія: для такихъ о. Маркеллъ былъ добрымъ старцемъ-руководителемъ, хотя никто его въ этомъ смыслѣ старцемъ и не называлъ. Кто проходилъ послушаніе на странней, тотъ съ любовью вспоминаетъ его доброе, благодушное обхожденіе, но вспоминаетъ и то, что онъ много воли не давалъ своимъ послушникамъ: умѣлъ и смирить, и вразумить. О. Маркелла знали многіе и странники и шли къ нему какъ къ родному. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я каждый праздникъ самъ раздавалъ свои „Троицкіе листки“ на странней и всегда любовался этимъ простецомъ — радушнымъ гостепріимцемъ, истиннымъ ученикомъ преподобнаго Сергія. Смотря на него, невольно думалось: вотъ бы побольше такихъ иноковъ въ нашихъ обителяхъ: какъ бы хорошо жилось въ монастырѣ! Что до того, что о. Маркеллъ былъ неграмотный мужичекъ? Онъ послужилъ преподобному Сергію побольше многихъ-многихъ изъ насъ, грамотѣевъ. На такихъ иноках воочію мы видимъ ту истину, что не ученье, не такъ-называемое образованіе воспитываютъ въ человѣкѣ образъ Божій, а простота и незлобіе, смиреніе и чистота сердца дѣлаютъ истиннымъ мудрецомъ. И такіе-то мудрецы не отъ міра сего сколько свѣта и добра разливаютъ вокругъ себя! Такіе иноки живо напоминаютъ намъ тѣхъ простецовъ, что собрались когда то къ преподобному Сергію въ его смиренную пустыню и подвизались съ нимъ въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и смиреніи... Отрадно бываетъ и помолиться за такого покойника: сердце вѣруетъ, что преподобный Сергій упокоитъ въ небесной своей обители того, кто въ простотѣ сердца смиренно потрудился въ его земной обители, потрудился особенно въ исполненіи его святаго завѣта, начертаннаго въ хартіи на древнихъ его иконахъ: *странноліобія не забывайте.* И какъ отрадно было бы, если бы о такихъ рабахъ Божіихъ по смерти ихъ не молчали: авось, ихъ примѣръ заставитъ задуматься иного и много-ученаго грамотѣя надъ истиннымъ смысломъ жизни хрістіанской, надъ тѣмъ: для чего мы живемъ на этомъ свѣтѣ и что нужно намъ припасти на тотъ свѣтъ?.. Кто знаетъ? Можетъ быть, иному читателю и придетъ благая мысль: вѣдь, вотъ такіе-то простецы и *войдутъ впереди меня въ царство небесное*... Имъ дано немного, но они сумѣли малое пріумножить при помощи благодати Божіей, а мнѣ дано больше—съ меня больше и взыщется. И смирится гордая мысль, и легче вздохнетъ грѣшная душа...

О. Маркеллъ скончался 2 февраля 1898 г.

Не забуду я и монаха Григорія, который нѣсколько лѣтъ лежалъ безъ ногъ въ старой богадѣльнѣ, которая была подъ оградой Лавры. Когда-то проходилъ онъ послушаніе въ Троицкомъ соборѣ при записи въ синодикъ и продавалъ книги. Когда его ноги отказались ему служить, ему пришлось лежать все время въ постели; не часто перевязывали ему раны на ногахъ, и онъ терпѣлъ свою болѣзнь такъ благодушно, что, бывало, идешь къ нему не для того, чтобъ его утѣшить, а чтобы себѣ отъ него по

лучить утѣшеніе: такой онъ былъ всегда жизнерадостный! Часто посѣщалъ его покойный о. Варнава, геѳсиманскій старецъ.

Встаетъ предо мною милый „старчикъ“ о. Іоиль, заштатный игуменъ. Въ его молодости повторилась, говорятъ, исторія Павла препростаго: заставъ свою молодую жену въ грѣхѣ съ пріятелемъ, онъ, недолго думая, сбѣжалъ на Аѳонъ, постригся тамъ, а впослѣдствіи, по приглашенію знаменитаго Иннокентія Херсонскаго, былъ настоятелемъ въ одномъ изъ возстановленныхъ имъ монастырей въ Крыму... Помню, какъ онъ пришелъ въ больницу послѣдній разъ, предъ смертію своей.

— Ну вотъ, говоритъ: и на мою капусту морозъ пришелъ: покажите койку: умирать пришелъ!.. Пособоровался, причастился Св. Таинъ и чрезъ нѣсколько дней Богу душу отдалъ. Его духовныя дѣти свидѣтельствовали потомъ, что онъ всю жизнь со дня постриженія носилъ власяницу и сохранилъ себя въ совершенной чистотѣ, ни разу не испытавъ и во снѣ такъ-называемаго искушенія.

Разсказываютъ, что съ нимъ было одно поразительное событіе: разъ одно высокопоставленное властное лицо такъ на него разгнѣвалось, что вышло изъ себя, бранило его, топало ногами... Вдругъ о. Іоиль падаетъ въ обморокъ... Полагали, что старецъ перепугался отъ гнѣва начальника, а въ самомъ дѣлѣ было такъ, какъ повѣдалъ о семъ самъ онъ въ назиданіе своимъ духовнымъ дѣткамъ: онъ внезапно увидѣлъ позади того властнаго лица ангела Божія съ огненнымъ мечемъ, и отъ страха упалъ... А то лицо на другой же день скончалось внезапно...

II.

А вотъ передо мною небольшая рукописная тетрадка, особенно поучительная для нашего грѣшнаго времени. Надписана она въ старинномъ, такъ сказать, стилѣ: „Блаженная кончина 86-лѣтняго старца Божія, повара великія лавры Сергіевы, схимонаха Исаака“.

Хорошо я зналъ этого старца; почти тридцать лѣтъ жили мы такъ близко, почти въ одномъ корпусѣ: онъ внизу, я вверху. И ничего подвижническаго я въ немъ не замѣчалъ. Такъ себѣ: простой, добрый, не безъ нѣкоей немощи, но не помню я, чтобы онъ когда-нибудь кого-нибудь осудилъ. Но вотъ пришла старость, и въ немъ какъ-то незамѣтно произошла перемѣна: онъ сталъ вдумчивѣе, внимательнѣе къ себѣ... Но едва ли кто изъ собратій могъ предполагать, что пошлетъ ему Господь такую кончину, какую описываетъ упомянутая тетрадка. Вотъ ея содержаніе:

„Мѣсяца за два до смерти старецъ, по крайней слабости ногъ, пересталъ ходить въ церковь. А до сего времени былъ великій любитель службъ церковныхъ. Удивительно было, что въ такомъ преклонномъ возрастѣ онъ нимало не ослабѣлъ ни памятью, ни умомъ. Наизусть читалъ онъ молитвы, псалмы, ирмосы. Больше всего любилъ онъ повторять слова: „Господи! Ты премудростію Твоею создалъ меня отъ чрева матери моея. Господи! Ты вся вѣси: прошедшее мое, настоящее и будущее, и въ книзѣ Твоей еще и несодѣянная мною написана Тебѣ суть. Тебѣ извѣстны, Господи, всѣ мои грѣхи: прости меня!..“

И когда онъ читалъ молитвы, то часто ограждалъ уста свои крестнымъ знаменіемъ: „а то—говорилъ онъ — врагъ не даетъ выговаривать“.

Святыхъ Христовыхъ Таинъ при-

чащался часто, а за послѣднее время чуть не каждый день. Пищи принималъ самую малость, въ послѣдніе дни—изъ рукъ служителя. Недѣли за двѣ до своей кончины онъ находился въ какомъ-то удивительномъ настроеніи духа — настроеніи покаянія и непрестанной молитвы. Дней за пять до кончины онъ пришелъ въ какое-то восхищеніе ума, пребывалъ въ какомъ-то созерцаніи, съ кѣмъ-то бесѣдовалъ, къ кому-то простиралъ руки. Въ день своего ангела, 28 января, призывалъ преподобнаго Исаака Сирина и просилъ навѣстить его.

За три дня до кончины, въ два часа ночи, подзываетъ онъ къ себѣ служащаго ему монаха Даніила и говоритъ: „не знаю, отецъ Даніилъ, воображеніе ли мое представило мнѣ отъ болѣзни, или то было истинное видѣніе: сейчасъ я въ раю былъ“.

— Хорошо тамъ, батюшка? спросилъ Даніилъ.

— О, несказанно хорошо! отвѣтилъ старецъ.

— А ты будешь въ раю? спросилъ въ простотѣ о. Даніилъ.

— Это еще неизвѣстно, сказалъ старецъ: опредѣленія еще не было, я, вѣдь, еще живъ.

Чрезъ часъ опять подзываетъ о. Даніила и говоритъ:

— О. Даніилъ, сейчасъ я въ аду былъ и видѣлъ всѣ мученія.

— Что, батюшка: страшно тамъ?

— О, ужасно, сказалъ старецъ.

Потомъ взялъ себя за волосы и говоритъ:

— Тамъ вотъ такъ-то рвутъ на себѣ волосы и все стонутъ.

Прошелъ еще часъ и снова подзываетъ старецъ Даніила и говоритъ:

— Господа Саваоа видѣлъ.

Еще чрезъ часъ опять говоритъ:

— На страшномъ судѣ Божіемъ былъ.

— Что же, батюшка: какое опредѣленіе о тебѣ?

— Это будетъ по смерти, сказалъ старецъ: вѣдь, я еще не умеръ.

Потомъ говоритъ:

— Всѣ эти видѣнія, отецъ Даніилъ, отъ Бога ли были или отъ болѣзненнаго состоянія—Богъ вѣсть, а я не знаю. И хочешь—говори о нихъ, по смерти моей, кому, хочешь не говори—дѣло твое.

Послѣ этого старецъ находился въ какомъ-то тревожномъ состояніи, крѣпко молился, простиралъ руки и призывалъ своего ангела по монашеству: „преподобне отче Исаакіе, что же ты оставилъ меня въ такой страшный часъ? Пріиди ко мнѣ, посѣти меня, утѣшь меня!“

Утромъ уже подозвалъ старецъ о. Даніила и говоритъ:

— Что же мнѣ дѣлать? Я очень грѣшенъ!

— Ничего, батюшка, успокоивалъ его о. Даніилъ: Господь милосердъ.

— Я знаю, что Онъ милосердъ, сказалъ со стенаніемъ старецъ: да тамъ-то Онъ будетъ правосуденъ, будетъ судить каждаго по дѣломъ его.

О. Даніилъ сталъ напоминать ему слова священнаго Писанія: „Господь чрезъ пророка сказалъ: *хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему*. Господь и на землю пришелъ—не праведники, а грѣшники спасти. А св. Апостолъ Павелъ про себя говоритъ: *отъ нихже первый есмь азъ*“.

Потомъ старецъ сказалъ:

— Отецъ Даніилъ, я очень грѣшенъ, и грѣхи меня смущаютъ; бывалъ я и на исповѣди, но всего высказать никакъ не могъ: то время не позволяетъ, то духовника бы не смутить и не задержать, то боишься, какъ бы наружу не вышло:

такъ все и утаивалъ. Теперь слушай ты и я буду исповѣдывать тебѣ. Въ св. Писаніи сказано: исповѣдайте другъ другу согрѣшенія.

И началъ старецъ исповѣдывать грѣхи свои отъ семилѣтняго возраста, перебралъ всю свою жизнь, говорилъ цѣлый часъ, а о. Даніилъ все время стоялъ и слушалъ.

Потомъ видитъ старецъ, что о. Даніилъ за эту ночь очень утомился, отпустилъ его и самъ успокоился. Ночь провелъ спокойно, молился, воздѣвалъ руки и часто повторялъ: „это все опредѣленіе Божіе“. Разъ о. Даніилъ спросилъ:

— Батюшка, для чего ты поднимаешь руки?

Старецъ отвѣтилъ:

— Въ это время я воображаю, что предстою суду Божію.

Въ ночь предъ кончиной, въ 2 часа, призываетъ онъ наскоро о. Даніила и говоритъ:

— Что мнѣ дѣлать? Я умираю... Кому мнѣ молиться?

Видимо, старецъ былъ въ искушеніи отъ духа унынія.

— Молись Божіей Матери, отвѣчалъ ему о. Даніилъ: Она, наша Заступница и въ часъ смертный скорая Помощница.

— Да какъ молиться-то?..

— Просто: призывай только Ея имя: „Матерь Божія, Матерь Божія, Матерь Божія!“

Потомъ старецъ былъ на какомъ-то невидимомъ истязаніи и преніи: онъ говорилъ вслухъ: „лжешь ты: проститъ! Знаю, что я грѣшенъ, но Сынъ Божій пролилъ кровь Свою Божественную за мои грѣхи“.

И опять скажетъ: „лжешь ты: проститъ!“

Какъ будто діаволъ приводилъ его въ отчаяніе. Это преніе продолжалось долго. Потомъ отецъ Исаакъ возымѣлъ какое-то дерзновеніе на діавола и, читая молитву *Да воскреснетъ Богъ*, когда доходилъ до словъ: *тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога и знаменующихся крестнымъ знаменіемъ... силою во адъ Сшедшаго и Поправшаго всю силу діаволю...* произносилъ эти слова съ такимъ дерзновеніемъ, что даже плевалъ въ лѣвую сторону, какъ будто на самихъ бѣсовъ; потомъ ограждалъ крестнымъ знаменіемъ уста, глаза, уши, всего себя и даже стѣны кельи.

Утромъ 2-го февраля (1911 г.), въ послѣдній день своей жизни, въ 6 часовъ лежалъ съ простертыми руками минутъ 20 и дышалъ отрадно. По его желанію, о. Даніилъ подалъ ему три ложечки святой водицы съ антидоромъ.

Во время поздней литургіи старецъ подозвалъ о. Даніила и говоритъ:

— Видишь: самъ князь тьмы со всѣмъ полчищемъ обступили меня, пасти разинули, готовы пожрать меня, но я ихъ не боюсь: Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій пострадалъ за меня, умеръ и воскресъ, и сидитъ одесную Отца.

И опять повторилъ свое любимое слово: „это все опредѣленіе Божіе“.

Послѣ сего языкъ у него притупился и нельзя было разобрать слова. Въ 3 часа дня попросилъ еще святой воды три ложечки. Въ 5 часовъ вечера о. Даніилъ подошелъ къ его постели, а онъ даетъ знакъ, что желаетъ причаститься св. Христовыхъ Таинъ. О. Нифонтъ, смотритель, онъ же и духовникъ, спасибо ему, сейчасъ же началъ приготовляться. Въ половинѣ 6-го причастили, хорошо проглотилъ и запилъ, и больше уже ничего не говорилъ.

Тутъ пришелъ и я, описавшій сію кончину іеромонахъ Порфирій. Случилось такъ: смѣнился я отъ

гроба преподобнаго Сергія, пришелъ въ келью, и что-то понудило меня идти къ о. Исааку. Прихожу, а о. Даніилъ и говоритъ мнѣ: „Самъ Богъ тебя прислалъ, смотри-ка, старецъ-то умираетъ“.

Смотрю—лежитъ онъ недвижимо, тихо дышитъ, глаза хоть и открыты, но потемнѣли. Хотѣлъ было я прочитать отходную, но требника туть не нашлось, да и подумалъ: вѣроятно, уже читали ему не одинъ разъ. Взялъ я икону, которою нѣкогда благословилъ его намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній при его постриженіи и осѣнялъ ею умирающаго, а онъ сталъ дышать тише и рѣже, а потомъ и совсѣмъ пересталъ, отдавъ душу въ руки ангельскія и духъ свой Богу, отъ Него же и пріялъ его... Правый глазъ онъ самъ закрылъ, а лѣвый закрылъ ему я, на вѣчную мнѣ память...

Удивила насъ дивная, святоотеческая кончина сего старца потому именно, что всѣ мы знали его жизнь, знали его слабую сторону, и вдругъ—кончина праведническая показала намъ, что подъ этою „чумикой“ крылась глубокая духовная мудрость, внутренняя молитва, крѣпкая вѣра и горячая любовь ко Господу. Въ послѣдніе дни жизни онъ могъ даже чистымъ умомъ богословствовать, созерцать тайну Пресвятыя Троицы и постигать Божію премудрость въ дѣлахъ Божескихъ и человѣческихъ. Однажды остановился онъ вниманіемъ на словахъ Священнаго Писанія: *Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь.* Послѣ глубокаго размышленія, онъ спросилъ меня:

— Ты понимаешь ли, что такое седмь столповъ?

Я говорю: семь столповъ есть семь таинствъ церковныхъ и семь вселенскихъ соборовъ, которыми стоитъ и утверждается православная вѣра.

Старецъ остался доволенъ отвѣтомъ, потомъ всплеснулъ руками и опять сказалъ:

— Премудрость созда Себѣ домъ и утверди столповъ седмь!..

И эти слова произносилъ онъ въ какомъ-то самоуглубленіи и съ какою-то особенною любовію ко Господу. Видно было, что онъ понималъ всю сущность въ этихъ словахъ.

Спрашивалъ я иногда старцевъ общимъ вопросомъ: что бы это значило, какая святость открылась у о. Исаака передъ смертію? Нѣкоторые говорили, что покаяніе все можетъ сдѣлать, а о. Исаакъ, дѣйствительно, въ послѣднее время, день и ночь находился въ покаяніи. Другіе говорили: стало быть, были у о. Исаака добрые задатки въ душѣ: вѣдь, онъ полагалъ начало въ Оптиной пустыни. Для спасенія всего нужнѣе смиреніе. А онъ былъ очень смиренъ сердцемъ.

Въ житіяхъ святыхъ читаемъ, какъ преподобный Агаѳонъ, подвизавшійся въ Египетскомъ скиту, предъ смертію своею три дня лежалъ съ открытыми глазами, предстоя душою предъ судилищемъ Христовымъ. Нѣчто подобное повторилось и съ нашимъ о. Исаакомъ. Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки. Аминь.

Скончался старецъ въ Срѣтеніе Господне въ 7 часовъ вечера.

Воистину—*нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ!..*“

Такъ кончается тетрадка.

Не правда ли: когда читаешь подобныя сказанія, то кажется будто переносишься въ иной міръ, во времена давно минувшія? А между тѣмъ—это самая современная дѣйствительность... О. Исаакъ скончался въ прошломъ 1911 году. Зна-

чить: еще не погасли искорки той таинственной жизни, какою жива была наша старая Русь. А если такъ, то нельзя терять надежды на то, что и для современной Руси возможно спасеніе.

Вопросъ только въ томъ: въ чемъ это спасеніе?

123.

Дѣло миссіи—дѣло пастырей.

Мое обращеніе къ пастырямъ Вологодской епархіи.

(Вмѣсто резолюціи на журналѣ съѣзда духовенства).

Четыре мѣсяца лежалъ предо мною журналъ съѣзда духовенства о мѣрахъ борьбы съ сектантствомъ; не разъ я перечитывалъ его, и каждый разъ такъ мнѣ становилось грустно, что перо выпадало изъ рукъ и я отлагалъ резолюцію до завтра... Казалось бы, написать одно слово: „утверждается“ и конецъ. Но совѣсть архіерея говорила: это значитъ—только формально очистить бумагу и забыть живое дѣло. Мнѣ больно было читать эти строки: „священники, при своихъ многосложныхъ обязанностяхъ не имѣя времени и обязанности отдавать себя миссіонерской дѣятельности, какъ напримѣръ епархіальный и окружной миссіонеры, должны имѣть при себѣ достаточно подготовленныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ“...

Вдуматься только: „священники не имѣютъ времени и возможности отдавать себя миссіонерской дѣятельности“... Да развѣ идетъ рѣчь объ обращеніи язычниковъ, къ ихъ стаду непринадлежащихъ? Вѣдь, по духу Хрістова ученія пастыри должны и сихъ овецъ вводить во дворъ Хрістовъ, но рѣчь идетъ объ овцахъ ихъ же стада, о бывшихъ ихъ же прихожанахъ, о борьбѣ съ расколомъ и сектами въ предѣлахъ ихъ же приходовъ! Волки врываются въ ихъ стадо, а пастыри говорятъ: „не имѣемъ времени и возможности отдавать себя миссіонерской дѣятельности“, то есть, не имѣемъ времени вступать въ борьбу съ этими волками, отбивать у нихъ похищенныхъ и похищаемыхъ ими словесныхъ овецъ нашего стада! Простите мнѣ, отцы и братія: въ моей совѣсти, при чтеніи сихъ строкъ, прозвучали слова Господа нашего Іисуса Хріста: *а наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть и нерадитъ о овцахъ*... Правда, вы еще не бѣжите съ приходовъ; но вы уклоняетесь отъ прямой обязанности вашей—не только оберегать овецъ отъ волковъ, не только съ ревностію апостольскихъ преемниковъ обличать этихъ волковъ, но и душу свою полагать за овецъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы!* Слава Богу: мы живемъ не въ языческой странѣ: намъ, какъ служителямъ Хрістовымъ не грозитъ еще опасность для жизни, много—много, если иной отступникъ, отъ вѣры станетъ поносить насъ или причинитъ какой-либо вредъ нашему имуществу. Но мнѣ думается, что и сего вы не боитесь: вы уклоняетесь отъ труда „самостоятельно изучить сектантство“ по рекомендованнымъ вамъ пособіямъ; вы боитесь непривычки вступать въ открытое состязаніе съ этими „волками“—сектантами; вы сознаете свою неподготовленность къ такимъ состязаніямъ: вамъ хотѣ-

лось бы—что грѣхъ таить?—какъ нибудь сложить тяготу борьбы съ сектами на другихъ—на миссіонеровъ, на ихъ помощниковъ, впрочемъ такихъ же священниковъ, какъ вы — приходскихъ, которые такъ же (кромѣ двухъ епархіальныхъ) обременены „многосложными обязанностями“ и такъ же, если бы не ихъ добрая воля, могли бы, если бы, подобно вамъ, пожелали, сложить съ себя нелегкое бремя миссіонерства. Нѣтъ, не такъ, отцы и братія! Священникъ и есть первый миссіонеръ въ своемъ приходѣ; хочетъ ли онъ, или не хочетъ, но онъ долженъ — слышите? *обязанъ долгомъ*, самымъ служеніемъ своимъ зорко слѣдить за появленіемъ въ средѣ его паствы всякой пропаганды раскола, сектантства, политическаго распутства, безбожія и всяческой духовной смуты. Пастырь Церкви долженъ помнить, что грѣхи мысли судятся строже, чѣмъ грѣхи воли: вотъ почему Церковь еретиковъ отъ себя отлучаетъ, отсѣкаетъ, какъ неисцѣльно больныхъ, какъ зараженныхъ духовно-смертоносною язвою, а простыхъ грѣшниковъ терпитъ, ожидая ихъ покаянія. Вотъ почему надо наипаче беречь чадъ Божіихъ отъ зараженія ересями, особенно въ наше грѣшное время, когда дана свобода всякимъ ересямъ открыто исповѣдывать свое упованіе, когда онѣ эту свободу поняли какъ свободу пропаганды своего лжеученія, а мірская власть еще не установила точно тѣхъ рамокъ, въ какихъ должна дѣйствовать свобода. Зло ересей, сектантства и раскола вреднѣе, душепагубнѣе пьянства, распутства и другихъ пороковъ воли, порабощенной грѣху. Какъ ни странно это кажется, но вспомните слова Христа Спасителя фарисеямъ и книжникамъ, этимъ представителямъ тогдашней гордой интеллигенціи, изобрѣтателямъ всѣхъ тонкостей талмудистическихъ ересей: *аминь глаголю вамъ, яко мытари и прелюбодѣе варяютъ въ* — впереди васъ войдутъ *въ царствіе Божіе!* (Мѳ. 21, 31).

Согласенъ, что нужно имѣть священнику достаточно подготовленныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ въ дѣлѣ миссіи. Одинъ въ полѣ не воинъ. И журналъ съѣзда намѣчаетъ такихъ помощниковъ въ лицѣ діаконовъ и даже псаломщиковъ и нѣкоторыхъ грамотныхъ религіозно-настроенныхъ прихожанъ. Казалось бы: вотъ и прекрасно, такъ возьмитесь же за дѣло, приготовляйте сами себѣ такихъ помощниковъ, работайте съ ними сами, вѣдь, и самимъ вамъ нужно основательно изучить это дѣло, вѣдь, вамъ же придется и руководить своими помощниками. Дружными усиліями сей Божьей дружины—Богъ дастъ—и будутъ разсѣяны козни враговъ Церкви Божіей въ предѣлахъ вашихъ приходовъ. Но вы говорите: „сію подготовку, какъ спеціально-миссіонерскую, такъ и общеобразовательную, эти помощники должны получать на особыхъ миссіонерскихъ курсахъ“. Опять, какъ будто, все дѣло хотите вы сложить на плечи миссіонеровъ, какъ будто сами-то вы такъ ужъ ничего и не можете сдѣлать. Но во-первыхъ: вѣдь, для этого пришлось бы, по меньшей мѣрѣ, въ каждомъ уѣздѣ устраивать такіе курсы, а у насъ, вѣдь, только два миссіонера на всю епархію; во-вторыхъ: на эти курсы нужны особыя средства, а у насъ ихъ нѣтъ, и съѣздъ не озаботился изыскать ихъ; въ третьихъ: вы знаете лучше меня составъ нашихъ псаломщиковъ и много ли среди нихъ найдется способныхъ на это великое дѣло. Пока мы собираемся такимъ обра-

зомъ организовать миссію по приходамъ, врагъ свое дѣло будетъ дѣлать...

Опытъ говоритъ, что всякое благое начинаніе должно начинать тотчасъ же, какъ только пришла благая мысль. Не отлагай дѣла до завтра, если можешь хоть малую часть его сдѣлать сегодня. Богъ послалъ тебѣ добрую мысль: Онъ поможетъ тебѣ и исполнить ее. Только усердіе приложи, только свое произволеніе Ему покажи. Начало доброе—половина дѣла. Да оно такъ и должно быть: вѣдь, не мы дѣлаемъ добро, а Богъ въ насъ и чрезъ насъ. Разъ мы отдали Ему свою волю, свое сердце, разъ Онъ началъ въ насъ и чрезъ насъ дѣйствовать—Онъ же и совершитъ начатое. Лишь бы мы не ослабѣвали въ усердіи. Держите постоянно въ мысли, въ сердцѣ, что мы—только работники Христовы, и не только работники, но и соработники — сотрудники Его: можетъ ли быть, чтобы Онъ оставилъ насъ безъ Своей благодатной помощи? И мы видимъ на опытѣ добрыхъ пастырей, какъ у нихъ все добрѣ спѣется: и средства находятся, и сотрудники являются, и они имѣютъ утѣшеніе—и какое сладостное утѣшеніе,—видѣть плоды трудовъ своихъ ради Господа и славы Церкви Его святой! Смотрите на этихъ полуграмотныхъ сектантовъ—пропагандистовъ, этихъ новомодныхъ народныхъ непризванныхъ учителей, вродѣ Чурикова,—къ нимъ идутъ тысячи простецовъ слушать якобы слово Божіе—ихъ бредни: ужели у насъ, большею частію, кончившихъ курсъ богословскихъ наукъ въ семинаріи, не найдется, что сказать жаждущей душѣ народной? Ужели такъ мудрено по готовымъ уже руководствамъ изучить лжемудрованія еретиковъ-пашковцевъ, баптистовъ, лжеевангеликовъ и прочихъ враговъ Церкви, гдѣ какіе появляются, чтобы отражать ихъ еретическія мудрованія и глумленія надъ святою Церковію? Журналъ съѣзда говоритъ: „то обстоятельство, что сектантскіе проповѣдники получаютъ самую тщательную подготовку въ заграничныхъ семинаріяхъ, университетахъ и прекрасное содержаніе и располагаютъ (въ подлинникѣ: располагая) притомъ громадными средствами на организацію своей миссіи, налагаетъ и на православную миссію тѣ же задачи". Не совсѣмъ ясно изложена мысль, но, конечно, отцы съѣзда хотѣли сказать, что у сектантовъ есть и подготовка, и громадныя средства для борьбы съ Церковію, а у насъ ничего или почти ничего нѣтъ. Это правда, къ великому нашему сожалѣнію и стыду. Но грѣшно намъ забывать, что не съ ними, а *съ нами* Господь, что не у нихъ, а у насъ святая истина, что при помощи Господа, Который Самъ есть воплощенная Истина, истина нашего православія всемогуща и, если бы мы, ея немощные служители, отдали ей все наше сердце, если бы мы сами и въ личной нашей жизни всегда ходили во истинѣ, то наша истина была бы и всепобѣждающа, и предъ нею давно склонились бы многіе враги ея, болѣе или менѣе искренно заблуждающіеся. Помните дивное, ободряющее немощь нашу слово Христово: *сила Моя въ немощи совершается*. Носите въ своемъ сердцѣ крѣпкую вѣру, что въ жизни каждаго православнаго вѣрующаго сына Церкви, а тѣмъ паче въ жизни пастыря Церкви, іерея Божія, облеченнаго на свое служеніе особою благодатію рукоположенія апостольскаго, руководителемъ нашей жизнедѣятельности является Самъ Глава Церкви—Господь нашъ

Іисусъ Хрістосъ. И если мы всецѣло, съ смиренною молитвою самопреданія въ волю Его, ищемъ внимательно познанія сей святой воли Его, то Онъ и будетъ уже Самъ творить волю Свою къ насъ: Онъ и обстоятельства будетъ благопріятно располагать для дѣла Своего, Онъ и сотрудниковъ — иногда для насъ самихъ неожиданно пошлетъ, и пути укажетъ и подскажетъ... Надо же больше вѣрить Хрістову о насъ промышленію, чѣмъ своему собственному смышленію. Скажете: какъ стяжать такую крѣпкую вѣру?—Молитесь съ Апостоломъ Петромъ: Господи! приложи намъ вѣру! Вѣра стяжавается исполненіемъ заповѣдей Господнихъ, понужденіемъ себя къ сему подвигу доброму, въ смиренномъ сознаніи своей немощи. Богъ увидитъ нищету нашу духовную и сжалится надъ нами. Жалуйтесь Ему на самихъ себя, бѣгите отъ самооправданія, будьте къ себѣ безпощадны, и тогда Богъ пощадитъ васъ. У Него — кто себя больше обвиняетъ, тотъ и болѣе достоинъ оправданія предъ судомъ Его нелицепріятнымъ.

Въ страшное время живемъ мы, отцы и братія! Тучи гнѣва Божія висятъ надъ нами. Прошло то время, когда еще можно было, еще терпимо было быть пастыремъ — требоисправителемъ: нынѣ долгъ властно требуетъ отъ насъ—быть и миссіонеромъ, и подвижникомъ въ личной жизни, и неумолчнымъ проповѣдникомъ истины Божіей во спасеніе душъ человѣческихъ. Кто можетъ — грѣхъ ему молчать! Кто не умѣетъ—учись благовѣствовать! Горе намъ — неблаговѣствующимъ! Горе, если хоть едину овцу похититъ волкъ изъ нашей паствы, Богомъ намъ врученной!.. А сколько уже такихъ овецъ погибло на Руси отъ недостатка ревности въ пастыряхъ! И взыщетъ ихъ Господь отъ рукъ такихъ нерадивыхъ пастырей.

Я не отрицаю пользы курсовъ миссіонерскихъ, я желаю только, чтобы пастыри прониклись убѣжденіемъ, что одни курсы безъ ревностнаго участія самихъ пастырей въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ и расколомъ, будутъ почти безполезны; а ревностная дѣятельность самого пастыря и безъ курсовъ можетъ сдѣлать многое, при помощи благодати Хрістовой, облекающей пастыря силою и духомъ ревности апостольской, которую, яко даръ Божій, намъ заповѣдано непрестанно возгрѣвать. Душою приходской миссіи долженъ быть непремѣнно пастырь, яко преемникъ апостольскаго служенія и носитель Божіей всепобѣждающей благодати.

124.

Гнѣвъ киселевскаго органа.

Въ то время, какъ открытые враги Церкви Божіей, іудеи и ихъ прислужники, наши безбожники всѣхъ ранговъ, въ своихъ печатныхъ органахъ открыто издѣваются надъ нами, служителями Церкви, всячески стараясь подорвать въ лицѣ нашемъ авторитетъ самой Церкви, — другіе, болѣе опасные враги ея, закутываясь въ тогу ея ревнителей и благочестія блюстителей, дѣлаютъ то же самое въ своихъ органахъ, выставляющихъ на своемъ знамени православіе. Я уже говорилъ въ своихъ дневникахъ о „Грозѣ“, открытомъ органѣ „іоан-

нитовъ", нынѣ разжалованныхъ въ „хлыстовъ киселевскаго толка". Теперь приходится говорить о другомъ ихъ органѣ, о коемъ лишь вскользь я упомянулъ въ своей замѣткѣ „Нашимъ читателямъ" въ № 113 „Тр. Слова". Это—„Свѣтъ истины", издаваемый нѣкіимъ И. Алексѣевымъ. Я счелъ долгомъ предостеречь своихъ читателей отъ подписки на это изданіе, какъ явно сектантское. Моя замѣтка вызвала столь неприличную, можно сказать прямо — площадную брань, что я вынужденъ былъ въ „Колоколѣ" напечатать слѣдующее „открытое письмо г. Алексѣеву, издателю этого якобы „Свѣта истины".

Милостивый государь, Илья Алексѣевичъ!

Въ №№ 16—17 издаваемаго вами „Свѣта истины" вы напечатали открытое мнѣ письмо, вызванное моею замѣткою въ „Троицкомъ Словѣ" о вашемъ изданіи. Очевидно, эта замѣтка нарушила ваше „наслажденіе духовнымъ самочувствіемъ", которое вы переживали послѣ причащенія св. Таинъ Христовыхъ, но которое, по законамъ духовной жизни, должно бы помочь вамъ болѣе благодушно перенести то искушеніе, какое явилось при чтеніи моей замѣтки. Однакоже, сего не случилось и вы написали, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Какой-то негодяй, подписавшись вашимъ архипастырскимъ именемъ, осмѣлился назвать мое возлюбленное дѣтище „Свѣтъ истины" сектантскимъ журналомъ, якобы издаваемымъ „киселевцами", прилагающими къ нему (и паки реку „якобы") спеціальный органъ „іоанниговъ"—„Кронштадтскій Маякъ", а меня, единоличнаго редактора-издателя „Свѣта истины"—сектантомъ, еретикомъ и даже безбожникомъ".

„*О песъ, безсмысленно лающій!* Знай, что отецъ твой—*діаволъ*, ибо ты—*лжецъ*, иль, можетъ быть, ты *сатана*, преобразившійся въ ангела свѣтла... Я тебя, все равно, не боюсь, но *Богомъ живымъ заклинаю*, отвѣтствуй—кто ты?"...

Хотя вы и заявляете, что не боитесь подписавшагося подъ замѣткой, однако въ вашихъ строкахъ слышится тревога: какъ бы православные не услышали голосъ пастыря Церкви и не отвернулись отъ васъ: вамъ очень бы хотѣлось, чтобы я отрекся отъ своей замѣтки; но напрасно вы, подражая Каіафѣ, прибѣгаете къ заклинанію именемъ Бога живаго и тѣмъ нарушаете великую заповѣдь Божію: *не пріемли имени Господа Бога твоего всуе*. Вы прекрасно знаете, *кто* писалъ замѣтку; вы измышляете „негодяя" лишь для того, чтобы *безнаказанно* назвать этимъ и другими неподобными ругательными словами православнаго епископа; на вашъ грозный, но въ сущности трусливый вопросъ: „кто ты?" ясно отвѣчаетъ моя подпись подъ замѣткой: это—*я, Ніконъ, Божіею милостію, епископъ Вологодскій и Тотемскій*, и не кто другой, и всѣ ругательные эпитеты, разсыпанные вами въ открытомъ письмѣ—это послѣ причащенія то св. Таинъ!—относятся ни къ кому иному, какъ *ко мнѣ*, подписавшему замѣтку, ко мнѣ, аще и недостойному, но все же *епископу Православной Церкви*. Ваши эпитеты такого свойства, что имъ не подобало бы исходить изъ устъ и изъ сердца православнаго христіанина, притомъ—только-что пріявшаго св. Тайны. Вы даже и прямо клевещете на меня своимъ читателямъ, будто я допускаю въ своей замѣткѣ „площадную брань": укажите: въ чемъ вы изволили ее усмотрѣть? Не обрѣтается ли она въ вашемъ „открытомъ письмѣ"

какъ это видно изъ приведенной выше выписки изъ него? Ни еретикомъ, ни безбожникомъ я васъ *лично* не называлъ: вольно же было вамъ принимать на свой счетъ мои слова: „не входимъ на сей разъ въ сужденіе: на что и кому понадобилось разрѣшать всякому сектанту, всякому еретику и даже безбожнику печатать все, что онъ захочетъ, и духовно развращать въ простотѣ вѣрующихъ“. Вѣдь, вы считаете себя *православнымъ*: зачѣмъ же принимаете эти слова на свой счетъ? Я имѣлъ въ виду явно еретическую „*Виѳезду*“ и другія изданія, а вы въ моихъ словахъ узнали себя, забывъ, что въ одномъ Петербургѣ издается *одиннадцать* журналовъ еретиками, а сколько скрытыми безбожниками—и не сочтешь. Правда, я назвалъ и называю вашъ журналъ *сектантскимъ*, ибо вы защищаете хлыстовъ киселевскаго толка, и знайте, что нашъ пастырскій долгъ властно повелѣваетъ намъ, архипастырямъ, предупреждать православныхъ отъ выписки сомнительныхъ въ смыслѣ православія изданій, — слышите; долгъ, а не какая то конкуренція: гдѣ ужъ намъ „конкурировать“ съ киселевцами, у коихъ имѣется до 5000 безплатныхъ книгоношъ, несчастныхъ людей, ослѣпленныхъ руководителями секты и работающихъ съ ревностью, достойною лучшаго дѣла! Ваше изданіе принадлежитъ къ числу такихъ сомнительныхъ, ибо С. Синодъ не призналъ возможнымъ удовлетворить ваше прошеніе о снятіи его неодобренія съ „Кр. Маяка“, приложеннаго вами къ своему „Свѣту истины“. И я не перестану исполнять мой долгъ, какъ бы вы меня ни величали: „негодяемъ“, „лающимъ псомъ“, „діаволомъ“, „сатаною“ и под. Пусть православные знаютъ, что подъ заголовкомъ „Свѣтъ истины“, на ряду съ выписками изъ св. отцевъ и писаній о. Іоанна Кронштадтскаго, распространяется *мракъ лжи* и клеветы на православныхъ архипастырей и возвеличеніе угодныхъ киселевцамъ лицъ вымыслами, оскорбляющими память о. Іоанна.

Весьма сомнѣваюсь, чтобы „многіе“ святители поддерживали вашъ журналъ не только нравственно, но и матеріально, — это клевета на святителей, чтобы ввести въ заблужденіе читателей лже-„Свѣта“ вашего: въ началѣ изданія могло случиться, что кто-либо изъ насъ, архіереевъ, обманутый названіемъ журнала, выписалъ его на свое имя. Вѣдь, и моя редакція имѣла неосторожность по сей же причинѣ дать мѣсто вашему объявленію. Посему напрасно и пытаетесь вы опереться на авторитетъ святителей: они васъ не поддержатъ.

А вотъ, въ заключеніе, я позволю себѣ предложить вамъ — конечно, безъ заклинанія именемъ Божіимъ— одинъ только вопросъ: если вы ничего общаго не имѣете съ хлыстами киселевскаго толка, то пріемлете ли съ сыновнею покорностію распоряженіе Высшей Церковной Власти о томъ, чтобы не совершались никакія моленія на могилѣ Матроны Киселевой, которую упомянутые хлысты называютъ „Порфиріей“, великой праведницей и даже „богородицей?“ За кого вы почитаете эту женщину, ставшую предметомъ культа для хлыстовъ, по ея имени называемыхъ нынѣ? Всякій уклончивый отвѣтъ съ вашей стороны будетъ мною принятъ за признакъ, что вы—*киселевецъ*.

125.

Отклики на выходку г. Алексѣева.

Почтенная редакція „Колокола“ не удовольствовалась помѣщеніемъ моего письма: возмущенная выходкой Алексѣева, она горячо высказалась и съ своей стороны.

„Помните-ли, какъ мучители преклоняя колѣна предъ Божественнымъ Страдальцемъ, говорили: „Радуйся, Царь Іудейскій“, и при этомъ били Его, заушали и плевали Лице Его.

И нынѣ такъ-же поступаютъ дѣти тьмы: заушая и заплевывая Христа и Его Церковь Святую, они съ той же злобною насмѣшкой восклицаютъ: „Радуйся, Царь Іудейскій“...

И сугубо ненавидятъ строителей Таинъ Божіихъ—святителей Церкви, ибо они есть стражи Церкви, хранители истины и носители священной хиротоніи, низводящей на совершаемыя ими таинства благодать Св. Духа, дающую оживляющую и спасающую силу.

И вотъ, развернувъ іоаннитскій органъ „Свѣтъ Истины“, мы видимъ... видимъ, какъ у насъ, у насъ, на Святой Руси, заушаютъ, заплевываютъ хиротонисаннаго, имущаго апостольское преемство святителя нашей православной святой Христовой Церкви, вопіютъ и при семъ „радуйся!“

Вы не повѣрите, православные русскіе люди? Не повѣрите, но увы, это истина, это печальная, позорная для насъ истина. Мы не можемъ, мы не смѣемъ замолчать, утаить отъ той православной Руси, которая чутко прислушивается къ звону нашего „Колокола“, какимъ оскорбленіямъ, какимъ поношеніямъ, оплеваніямъ подвергаются тѣ святители православной Церкви, которые, „право правя слово истины“, стоятъ на недреманной стражѣ своей паствы.

Итакъ, слушайте“:

Далѣе „Колоколъ“ приводитъ выдержки изъ открытаго письма ко мнѣ Алексѣева и очень характерное, въ фарисейскомъ духѣ, заключеніе этого письма:

„Преосвященнѣйшій владыко! Какъ редакторъ-издатель журнала „Свѣтъ Истины“, на обязанности котораго лежитъ нравственный долгъ проповѣдыванія великихъ Христовыхъ истинъ въ духѣ матери нашей, св. православной каѳолической Церкви, непрестанно призывающей всѣхъ насъ къ всепрощающей любви, братству и единенію, я вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ истинный глубоко-вѣрующій христіанинъ, всѣ, нанесенныя мнѣ злостныя обиды и клеветы, происшедшія изъ-за очевидной конкуренціи, прощаю вамъ, съ любовію во Христѣ, *прощаю вамъ*, допустившему на страницахъ вашего „Троицкаго Слова“ площадную брань.

Итакъ, уступая вашей общечеловѣческой слабости, свойственной, какъ земнородному, я все же почитаю вашъ святительскій санъ и прошу вашихъ святыхъ молитвъ и благословенія“.

О, Боже, восклицаетъ газета: гнусный защитникъ іоаннитства, хиротонисаннаго святителя, совершителя Таинъ Божіихъ называетъ „сатаной“, „негодяемъ“, „псомъ“, и, оплевывая и заушая глумится: „прощаю вамъ съ любовію во Христѣ, прощаю допустившему площадную брань“... „Владыка святый, прошу вашего святительскаго благословенія и молитвъ“.

Развѣ это не то же сатанинское глумленіе, которое заставляло мучителей Христа, бія Его тростію, восклицать: „радуйся, Царь іудейскій“?

Но какъ горько, какъ позорно, что не въ языческой Японіи, не въ мусульманской Турціи, а у насъ,—у насъ, въ православной Россіи позорятся, и заушаются, и предаются на глумленіе архипастыри Церкви Христовой. Неужели уже отъятъ „мечъ удерживающаго“ и враги Христа получили возможность безбоязненно и безпрепятственно отрыгать всю гнусную злобу сердца своего?

Въ другой статьѣ „Колоколъ“ пишетъ:

„Вожаки хлыстовства притворяются вѣрующими христіанами и даже ревнителями православія, но стоитъ обличить ихъ, какъ маска лицемѣрія спадаетъ, и адскимъ клубкомъ вырывается злоба и освѣщаетъ всю глубину злобы змѣиной души, хотя стремленіе лицемѣрить не оставляетъ и здѣсь.

Съ хитростью ехидны хлысты, видя великое уваженіе народа къ кронштадтскому великому молитвеннику, задумали и это чистое народное чувство, и эту любовь къ пастырю обратить въ оружіе противъ Церкви Христовой, и хотя самъ почившій пастырь неоднократно публично обличалъ и налагалъ проклятіе на совращающихъ его именемъ народъ, хлысты не оставляли своего дѣла, ибо они именно есть хлысты, и облыжно приняли на себя имя почитателей о. Іоанна, чтобы сдѣлать его чтимое имя приманкой въ хлыстовскую западню.

И вотъ выростаетъ т. н. „іоаннитство", которое, подъ личиною преданности православію, стремится оторвать отъ него вѣрующія души.

Это дѣлается такъ: подъ видомъ ревности о вѣрѣ православнымъ людямъ внушается сначала недовѣріе, а затѣмъ вражда къ пастырямъ Церкви, а затѣмъ, когда цѣль эта достигнута, іоаннитскіе лжеучители становятся полными распорядителями воли и мысли совращенныхъ, и они слѣпо идутъ туда, куда первые ихъ ведутъ, и слѣпо дѣлаютъ то, что ихъ заставляютъ дѣлать.

Обирая довѣрившихся имъ людей, іоаннитство собираетъ громадныя средства и потому имѣетъ возможность дѣйствовать не только посредствомъ устной пропаганды, но и печатной, заполучивъ къ своимъ услугамъ и сочинителей отдѣльныхъ брошюръ, посвятившихъ себя на службу іоаннитамъ, и періодическія изданія, задача которыхъ, съ одной стороны, восхваленіе іоаннитовъ, а съ другой, клевета и поносная брань на всѣхъ вступающихъ въ борьбу съ распространителями хлыстовской ереси въ формѣ „іоаннитства".

Наиболѣе характерный образчикъ, обрисовывающій вождей и апологетовъ іоаннитства, представляетъ приведенное „открытое письмо" редактора-издателя „Свѣта Истины" Алексѣева къ епископу Нікону Вологодскому.

Преосвященный Ніконъ подъ овечьею шкурою узрѣлъ грядущихъ волковъ на расхищеніе его паствы и, какъ истинный пастырь добрый, жезломъ архипастыря оградилъ свою паству, обличивъ, кто скрывается подъ чужою одеждой чтителей о. Іоанна.

Это возбудило къ нему страшную злобу, силу которой можно измѣрить по содержанію письма.

Извергая хульную брань на епископа, гнусно клевеща на него, будто его обличенія вызываются даже корыстными цѣлями, ради устраненія конкуренціи издаваемаго Алексѣевымъ журнала „Троицкому Слову", Алексѣевъ подчеркиваетъ, что онъ *православный* хрістіанинъ.

Что же дѣлаетъ этотъ „православный хрістіанинъ"?

Извѣстно православное ученіе о значеніи епископа въ Церкви.

— Церковь въ епископѣ и епископъ въ Церкви,—такъ говоритъ св. Кипріанъ Карѳагенскій.

Св. Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ тралейцамъ пишетъ:

„Будьте покорны епископу, какъ заповѣди Божіей; равно и пресвитеру" (стр. 401).

Въ посланіи къ филадельфійцамъ св. Игнатій пишетъ: „Которые суть Божіи и Іисусъ Христовы, тѣ съ епископомъ" (стр. 411). „Я не зналъ о томъ отъ плоти человѣческой, а Духъ возвѣстилъ мнѣ, говоря такъ: безъ епископа ничего не дѣлайте" (стр. 414). Въ посланіи къ смирнянамъ св. Игнатій пишетъ: „Всѣ послѣдуйте епископу, какъ Іисусъ Христосъ Отцу, а пресвитерству, какъ апостоламъ. Діаконовъ же почитайте, какъ заповѣдь Божію. Безъ епископа никто не дѣлай ничего, относящагося до Церкви".

А „православный хрістіанинъ" Алексѣевъ говоритъ епископу, о которомъ Игнатій Богоносецъ пишетъ: „будьте покорны ему, какъ заповѣди Божіей";—„сатана, негодяй, песъ". Правда, онъ употребляетъ хитрость, прибавляя: „какой-то негодяй, подписавшись вашимъ архипастырскимъ именемъ"..., и употребляетъ ругательства, какъ бы, по адресу этого неизвѣстнаго. Какая низкая, и глупая вмѣстѣ съ тѣмъ, хитрость! Кто же можетъ подписаться ложно именемъ епископа Нікона въ журналѣ, редактируемымъ самимъ епископомъ Нікономъ? Конечно, никакого сомнѣнія у Алексѣева, что онъ осыпаетъ отвратительною бранью именно святителя быть не могло, но и тутъ онъ думаетъ извернуться, обмануть. Вотъ онъ весь іоаннитъ съ его нравственной сутью—въ этой уловкѣ.

Но, впрочемъ, есть въ этомъ письмѣ и другое характерное мѣсто. Свидѣтельствуясь, что онъ именно „православный хрістіанинъ" и что издаваемый имъ „Кронштадтскій Маякъ" есть православный журналъ, Алексѣевъ

приводитъ къ тому слѣдующія доказательства: „Кронштадтскій Маякъ"— говоритъ онъ — ничего общаго ни съ какими сектами и ересями не имѣетъ, что было засвидѣтельствовано даже свѣтской столичной печатью; свидѣтельствуется и понынѣ моими читателями, крайне возмущенными тяготѣющимъ на „Кронштадтскомъ Маякѣ" осужденіемъ Святѣйшаго Синода, злоумышленно обманутаго врагами православія.

Въ 1910 и 1911 году „Кронштадтскій Маякъ" редактировался мною подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ истинно - православнаго и глубоко - вѣрующаго *апостола русской печати*, — редактора „Вѣдомостей Спб. Градоначальства" Михаила Григорьевича Кривошлыка, которому, въ моментъ св. причащенія, великій праведникъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій, боговдохновенно въ Царскихъ вратахъ предъ всѣмъ народомъ, пророчески открылъ: „Ты печатью возвеличишь Россію!"

Вотъ лучшій отвѣтъ о направленіи журнала „Кронштадтскій Маякъ" такъ какъ, если не повѣрить этимъ словамъ всемірно чтимаго свѣтильника православія, котораго самъ Помазанникъ Божій назвалъ праведникомъ, то значитъ перестать вѣрить Господу нашему Іисусу Христу, ибо это было засвидѣтельствовано предъ св. Чашею съ пречистымъ Тѣломъ и Кровію Его".

Итакъ, „свѣтская печать" (ужъ не „Биржевка" ли?) и невѣдомые читатели „Кронштадтскаго Маяка" болѣе компетентные судьи въ вопросахъ догматовъ христіанской Церкви, чѣмъ Св. Синодъ. Таковъ первый тезисъ „православія" г-на Алексѣева.

2-й тезисъ: „Кронштадтскій Маякъ" редактировался подъ руководствомъ редактора „Вѣдомостей С.-Пет. Градоначальства" Кривошлыка, а оный г. Кривошлыкъ, по авторитетному заявленію самого г-на Алексѣева, имѣетъ нѣчто, вродѣ божественнаго посланничества, такъ какъ ему о. Іоанномъ въ торжественной обстановкѣ, при раскрытыхъ Царскихъ вратахъ, и предъ св. чашей изречено, что онъ,—г-нъ Кривошлыкъ, „возвеличитъ Россію".

Какъ скроменъ г. Алексѣевъ, что уступилъ миссію возвеличенія Россіи г. Кривошлыку, а самъ удовольствовался второстепенной ролью! Но какъ бы то ни было, а не повѣрить въ апостольское посланничество г. Кривошлыка, значитъ, по заявленію г. Алексѣева, не повѣрить Самому Христу. Вотъ какое откровеніе изложилъ намъ „православный" редакторъ „Свѣта Истины". Но, почтеннѣйшій „православный христіанинъ", вѣдь, вы изложили типичное хлыстовское ученіе: вѣдь оно въ томъ и состоитъ, что тотъ или другой изъ общества хлыстовъ объявляется имѣющимъ благодать апостольства или пророчества, или даже воплощеннымъ „христомъ", и затѣмъ уже всякое слово, всякое ученіе, исходящее отъ сего „апостола", „пророка", тѣмъ паче „христа", становится непререкаемой истиной, хотя-бы оно отвергало совершенно православное ученіе, исповѣдуемое христіанскою Церковью.

Мы не знаемъ, какъ самъ г. Кривошлыкъ относится къ этому возведенію себя въ чинъ апостольскій, но „православіе" редактора „Свѣта Истины" уже достаточно опредѣляется этой, приведенной нами цитатой изъ „Свѣта Истины".

„Московскія Вѣдомости" также глубоко возмущены выходкой г. Алексѣева. Въ передовой статьѣ № 117-го, подъ заглавіемъ: „Неслыханное безобразіе", онѣ говорятъ:

„Казалось бы, въ нашей современности, освобожденной отъ всякаго стыда предъ людьми и страха предъ Господомъ, нѣтъ уже безобразій еще не сдѣланныхъ и неслыханныхъ. И однако, нашелся нѣкто Алексѣевъ, превзошедшій все доселѣ въ этой области содѣланное. Вотъ что сообщаетъ *Колоколъ* (№ 1.831).

Приведя по „Колоколу" выдержки изъ письма Алексѣева, газета продолжаетъ:

„Далѣе слѣдуютъ увѣренія въ своемъ якобы православіи, о которомъ, какъ видно изъ его поступка, Алексѣевъ не имѣетъ и понятія. Дѣло, однако, не въ томъ, а въ фактѣ совершеннаго Алексѣевымъ нестерпимаго надругательства надъ епископомъ Русской Церкви.

Глупая увертка, будто бы онъ полагаетъ, что въ журналѣ преосвященнаго Никона кто-то другой, а не самъ владыка, подписался его именемъ— разумѣется, составляетъ лишь способъ усугубить оскорбленіе.

Итакъ, у насъ епископа теперь мож-

но печатно и публично называть „негодяемъ". Епископу можно говорить: „о, песъ, безсмысленно лающій" и т. д. И для такого хитровскаго безобразія нѣтъ у насъ кары, для епископа—нѣтъ у насъ защиты. Въ какой же кабакъ превращаетъ себя Россія, какой Содомъ съ Гоморрой намѣревается она затмить?

Можно ли, однако, это допустить? Если совѣсть и чувство уваженія къ святынѣ еще существуютъ у насъ, то мы заявляемъ, что Алексѣевъ, редакторъ *Свѣта Истины*, долженъ понести за свою дерзость примѣрное наказаніе, и на будущее время долженъ быть лишенъ возможности развращать и охулиганивать Россію.

Пусть не говорятъ, что прямой текстъ нашихъ уголовныхъ наказаній для оскорбителей не даетъ мѣста *государственному* преслѣдованію. Пусть не говорятъ, что преосвященный Никонъ имѣетъ возможность преслѣдовать своего оскорбителя только въ порядкѣ частнаго обвиненія. Разумѣется, преосвященный этого не сдѣлаетъ. Да и незачѣмъ ему это дѣлать. Онъ получилъ благодать отъ мученически Распятаго Господа, не менѣе его оплеванаго и заушаемаго. Позоръ оскорбленія падаетъ на насъ, на всю ту часть Россіи, которая еще не превратилась въ стадо хулигановъ, и на власть, имѣющую обязанность охранять святыню отъ поруганія.

А власть, даже при явной неполнотѣ существующихъ законовъ, имѣетъ возможность защитить епископа и наказать безстыдныхъ ругателей.

Мы полагаемъ, что только по недостатку прецедентовъ прокуратура не возбуждаетъ обвиненій въ этихъ случаяхъ безъ всякой частной жалобы. Судъ не долженъ руководиться только *буквой* закона, а обязанъ принимать во вниманіе и самый духъ его. Вся же вторая глава дѣйствующаго Уголовнаго Уложенія преслѣдуетъ разныя формы оскорбленія святыни, при чемъ, даже за оскорбленіе матеріальныхъ предметовъ почитанія — при совершеніи преступленія въ произведеніи печати, виновный наказуется *ссылкою на поселеніе*. Но развѣ же санъ епископа не составляетъ самъ по себѣ *святыни*, не составляетъ предмета почитанія? Можно ли оправдать бездѣйствіе власти только потому, что „украшенія на иконахъ" упомянуты въ буквѣ закона, а „санъ" епископа не отмѣченъ? Украшенія на иконѣ нельзя безнаказанно похулить и оскорбить, а епископа можно? Дозволительно ли такимъ способомъ понимать духъ закона объ „огражденіи вѣры"?

Мы утверждаемъ, что прокуратура имѣетъ полную возможность привлечь Алексѣева къ суду и въ случаѣ надобности довести дѣло до Правительствующаго Сената, котораго разъясненіе положитъ, наконецъ, предѣлъ безнаказанному надругательству надъ епископами.

Но если прокуратура бездѣйствуетъ, почитая себя не въ правѣ охранять священный санъ, то отчего же бездѣйствуетъ власть административная, снабженная въ Петербургѣ почти безграничными полномочіями? Почему оскорбленіе частнаго пристава не пройдетъ никому безнаказанно, а оскорбленіе епископа—можетъ происходить невозбранно? Мы не сторонники административныхъ расправъ, но если неясность и неполнота закона не даетъ способовъ преслѣдованія судебнымъ порядкомъ, то государство должно какими бы то ни было способами, въ его распоряженіи находящимися, не допустить преступленія, совершенно ясно попирающаго духъ закона, который объявляетъ оскорбленіе святыни дѣяніемъ преступнымъ.

Мы, къ несчастью, не можемъ ничѣмъ защитить преосвященнаго Никона, кромѣ выраженія негодованія по поводу грубаго оскорбленія, жертвою котораго сталъ онъ. Но мы, отъ имени, конечно, очень и очень многихъ, требуемъ отъ власти, охраняющей судьбы нашего государства, принятія мѣръ противъ Алексѣева. Если у насъ такія преступленія противъ святыни будутъ происходить безнаказанно, то остается только ждать грозной кары Божіей для развращенной страны, до такой степени отрекающейся отъ уваженія къ святынѣ.

Мнѣ нѣтъ нужды прибавлять, что, конечно, въ судъ я не пойду, жаловаться на г. Алексѣева не стану. Бываютъ времена, о коихъ приходится говорить: чѣмъ хуже—тѣмъ лучше. Чѣмъ больше сектанты будутъ бранить насъ, тѣмъ скорѣе спадетъ съ нихъ сама собою маска лицемѣрія, тѣмъ виднѣе будетъ во всей неприглядности ихъ духовный

обликъ, тѣмъ скорѣе отъ нихъ отшатнутся ослѣпляемые ими несчастные... Да и мы, откровенно говоря, мы, пастыри Церкви, скорѣе проснемся отъ своего усыпленія, увидимъ надвигающуюся на Церковь Божію темную силу вражію. Наконецъ и власть наша — авось, наконецъ, увидитъ великую опасность для покинутаго ею — въ отношеніи духовной жизни—народа и приметъ свои мѣры. Горько слово сіе о власть имущихъ, но дѣло показываетъ, что въ немъ много горькой правды. Жаль народъ православный!..,

Лишь бы Господь потерпѣлъ еще и еще грѣхамъ нашимъ. Лишь бы не грянулъ на насъ тотъ громъ небесный, о коемъ говорятъ „Московскія Вѣдомости"...

Этотъ дневникъ былъ уже набранъ, когда получена слѣдующая телеграмма:

„ХАБАРОВСКЪ. Ознакомившись по „Колоколу" съ безпримѣрнодерзкимъ выступленіемъ редактора журнала „Свѣтъ Истины", столь тяжко оскорбившимъ ваше преосвященство, ревностнѣйшаго стража православія, мы, участники первыхъ на Дальнемъ Востокѣ миссіонерскихъ курсовъ, священники и церковнослужители, въ числѣ 120 человѣкъ, двухъ сосѣднихъ епархій, Владивостокской и Благовѣщенской, вмѣстѣ съ своими руководителями, протоіереемъ Іоанномъ Восторговымъ и другими, съ благословенія и при добромъ сочувствіи присутствующаго на курсахъ высокопреосвященнѣйшаго Владивостокскаго Евсевія, выражаемъ и шлемъ свои искреннія благопожеланія вамъ, владыко, возсылая усердную молитву ко Господу, да даруетъ Онъ вамъ крѣпость и впредь ревностно стоять за родное православіе и терпѣливо сносить незаслуженныя оскорбленія со стороны враговъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ васъ, владыко, помолиться о насъ и призвать на наши труды Божіе благословеніе.

Протоіерей Восторговъ.
Слушатели курсовъ.

Я немало получилъ писемъ отъ лицъ разнаго общественнаго положенія и званія, выражающихъ мнѣ сочувствіе по поводу выходки г. Алексѣева. Приношу всѣмъ мою благодарность и прошу: предупреждать своихъ друзей и знакомыхъ отъ выписки киселевскихъ изданій, каковы: „Свѣтъ Истины", „Гроза" и подобныя. Они способны вливать тонкій ядъ вражды противъ Церкви и ея служителей незамѣтно, подъ видомъ ревности о той же Церкви и православіи...

126.

Долго ждалъ я воли Божіей о себѣ... Постоянныя болѣзни не давали мнѣ возможности служить моей епархіи такъ, какъ требовала того моя совѣсть, но я не рѣшился упорно настаивать и на моемъ увольненіи. Наконецъ, С. Синодъ благосклонно внялъ моей просьбѣ, и въ 29 день мая Государю Императору было благоугодно утвердить его докладъ о назначеніи меня постояннымъ членомъ С. Синода съ освобожденіемъ отъ управленія епархіей. Не безъ смущенія пріемлю столь высокое назначеніе, относя всецѣло это вниманіе высшей Власти къ тому святому дѣлу, коему я послужилъ, при помощи Божіей, въ теченіе 33-хъ лѣтъ—служенію Церкви Божіей путемъ печатныхъ моихъ трудовъ. Слава Богу за все! Если Господу угодно, чтобы я чѣмъ-либо послужилъ еще святой Церкви Его, то уже буду служить только словомъ печатнымъ. А съ своею Вологдою я уже прощаюсь, и вотъ мое послѣднее слово, обращенное къ бывшей паствѣ моей, слово прощальное...

Мое прощальное посланіе къ Вологодской паствѣ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

смиренный Епископъ Ніконъ—возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ Церкви Вологодской миръ и Божіе благословеніе!

Шесть лѣтъ прошло, какъ я, многонемощный, волею Божіей былъ призванъ служить спасенію вашему въ санѣ архіерея. Слава Богу, помогавшему мнѣ въ великомъ служеніи семъ, посылавшему мнѣ добрыхъ сотрудниковъ, подкрѣплявшему слабыя силы и вразумлявшему меня въ трудныхъ обстоятельствахъ моего служенія! Но въ усилившихся въ послѣднее время немощахъ моихъ вижу волю Божію, указующую мнѣ иной путь служенія св. Церкви Божіей. Епархіальная служба стала мнѣ не по силамъ. Пусть займетъ мое мѣсто болѣе меня сильный и духомъ и тѣломъ, и разумомъ и опытомъ духовной жизни. По-человѣчески говоря—скорблю, что разстаюсь съ паствою, которую полюбилъ отъ души: немного на Руси еще такихъ уголковъ, какъ епархія Вологодская, въ коихъ еще живо ощущается вѣяніе старой Руси, еще умѣютъ люди православные жить по-православному, строить и украшать храмы Божіи и хранить завѣты отеческіе. Но нынѣ время тревожное, время, когда мы, пастыри, должны бодро и неустанно стоять на стражѣ: всюду рыщутъ волки хищные, еретики и раскольники, политическіе агитаторы, а я слишкомъ немощенъ сталъ, чтобы исполнить мой долгъ пастырскій во всей полнотѣ его требованій. И я радуюсь, что на мое мѣсто грядетъ къ вамъ архипастырь, болѣе меня сильный и бодрый: помоги ему Господи восполнить то, чего я не могъ или не сумѣлъ сдѣлать для Церкви Вологодской!

А теперь, отцы и братія и чада, услышьте мой послѣдній вамъ архипастырскій завѣтъ!

Всѣмъ сердцемъ смиреннымъ любите вашу святую матерь Церковь Православную: нѣтъ ея въ мірѣ краше, нѣтъ любвеобильнѣе, нѣтъ ея смиреннѣе! Она—невѣста Хрістова прекраснѣйшая, она — наша любящая мать. Хорошо чадамъ ея—чадамъ послушнымъ ей—на лонѣ ея! Благодать Хрістова согрѣваетъ ихъ и просвѣщаетъ ихъ сердца. И чѣмъ проще, чѣмъ смиреннѣе сердце, тѣмъ сладостнѣе ощущеніе благодати Хрістовой въ душѣ вѣрующей: *смиреннымъ бо*, глаголетъ Господь, *дается благодать*. Вѣдайте, возлюбленные, что смиреніе есть отличительная черта нашего святаго православія, и если любовь есть верхъ совершенства: то смиреніе есть матерь самой любви. *Научитеся отъ Мене*, глаголетъ Господь Іисусъ Хрістосъ, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ*. Всѣ ереси и расколы, всѣ секты и лжеученія происходятъ отъ гордыни и дышатъ гордынею: одно наше родное Православіе благоухаетъ смиреніемъ.

Пребывайте же въ единеніи съ Церковію небесною, съ Церковію вѣковъ минувшихъ, — въ единеніи вѣры, мысли и жизни, въ общеніи молитвы, которая есть дыханіе любви. Въ этомъ единеніи, въ этомъ общеніи съ небесною Церковію вы и ощутите всю животворность хрістоподражательнаго смиренія, а смиреніе оградитъ васъ отъ всякаго самочинія въ вѣрѣ и жизни

по вѣрѣ, отъ всякой ереси и ложныхъ мудрованій. Само же смиреніе раждается отъ исполненія животворящихъ заповѣдей Господнихъ, имѣющихъ чудную силу не только смирять наше сердце, но и животворить въ насъ самую вѣру, почему и говоритъ Апостолъ Хрістовъ, *вѣра безъ дѣлъ мертва есть*. Всѣми силами души своей понуждайте себя къ исполненію Хрістовыхъ заповѣдей, внимательно прислушивайтесь къ голосу своей совѣсти, въ которой говоритъ намъ Ангелъ Хранитель нашъ, и тогда вы опытомъ сердца познаете, какое сокровище намъ далъ Господь въ вѣрѣ православной, — сердцемъ ощутите, что такое вѣра живая, спасающая, и какое благо въ общеніи съ Господомъ чрезъ молитву и таинства церковныя, наипаче же чрезъ святѣйшее изъ таинствъ—Причащеніе пречистаго Тѣла и Крови Господнихъ. О если бы всѣ люди жили по вѣрѣ, если бы исполняли заповѣди Господни во смиреніи! Тогда не было бы ни ересей, ни расколовъ, не было бы никакихъ смятеній на землѣ!..

Возлюбленные мои! Берегитесь всякихъ лжеучителей! Много ихъ появилось въ послѣднее время. Прежде, чѣмъ они будутъ говорить вамъ, вопрошайте ихъ, по заповѣди Апостола Іоанна Богослова: исповѣдуютъ ли они Господа Іисуса Сыномъ Божіимъ Единороднымъ, воплотившимся, пострадавшимъ за насъ и плотію Своею воставшимъ изъ мертвыхъ? Вѣруютъ ли, что грядетъ Онъ судить живыхъ и мертвыхъ, что создалъ Онъ Церковь Свою и врата адова не одолѣютъ ей, что должно повиноваться сей Церкви Божіей, яко Самому Христу? Если станутъ уклоняться отъ прямого отвѣта, то это—вѣрный признакъ, что они не отъ Бога. Если позволяютъ себѣ дерзновенно судить Церковь Божію, ея ученіе и уставы, — они не отъ Бога. Если дерзко поносятъ Помазанника Божія, Царя Самодержавнаго, — они не отъ Бога. Если проповѣдуютъ ученіе, противное заповѣдямъ Господнимъ, если подучаютъ на грабежи и поджоги чужого достоянія,— они не отъ Бога. Если рѣчи ихъ, приправленныя лестью, дышатъ злобою противъ людей неодинаковаго съ ними образа мыслей, — они не отъ Бога. Ради Бога — берегитесь ихъ, гоните ихъ прочь отъ себя, какъ зараженныхъ, бѣгайте ихъ, какъ зачумленныхъ! Въ гордынѣ своей они не станутъ слушать васъ, если бы стали увѣщевать ихъ, а своими хульными, кощунственными рѣчами они могутъ осквернить ваши простыя души, смутить вашъ, въ простотѣ сердца вѣрующій умъ и соблазнить слабыхъ въ вѣрѣ. Святые Апостолы давно пророчествовали о нихъ: прочтите во второмъ посланіи Апостола Петра главы 2 и 3 и посланіе Апостола Іуды, брата Господня по плоти: вы увидите тамъ точное изображеніе всѣхъ этихъ новыхъ лжеучителей, изображеніе, сдѣланное почти за двѣ тысячи лѣтъ до ихъ появленія. По пророчеству Апостола Петра, они „введутъ пагубныя ереси, отвергаясь искупившаго ихъ Господа, и многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины (хрістіанская вѣра) будетъ въ поношеніи. Изъ любостяжанія они будутъ уловлять васъ, пишетъ первозванный другъ Хрістовъ, льстивыми словами. Злословя то, чего не понимаютъ, они въ растлѣніи своемъ истребятся. Срамники и сквернители, они наслаждаются обманами своими. Глаза у нихъ исполнены любострастія и непрестаннаго грѣха, они прельщаютъ неутвержденныя души, сердце ихъ пріучено къ любостяжанію:

это—сыны проклятія! Они обѣщаютъ другимъ свободу, будучи сами рабами тлѣнія, ибо кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ". О, какъ эти слова, это пророчество близко напоминаютъ намъ нашихъ соціалистовъ, и всѣхъ именующихъ себя „освободителями!" „Горе имъ, восклицаетъ другой Апостолъ—Іуда: горе имъ, потому что идутъ путемъ Каиновымъ, предаются обольщенію мзды, какъ Валаамъ, и въ упорствѣ погибаютъ, какъ Корей! Это — безводныя облака, носимыя вѣтромъ, осеннія деревья, дважды умершія, исторгнутыя, — свирѣпыя волны, пѣнящіяся срамотами своими, звѣзды блуждающія, которымъ блюдется мракъ тьмы на вѣки! Это—ропотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ нечестиво и беззаконно, уста ихъ произносятъ надутыя слова, они оказываютъ лицепріятіе для корысти, это — люди, отдѣляющіе себя отъ единства вѣры, душевные, не имѣющіе духа. Предостерегая отъ таковыхъ, Апостолъ Павелъ запрещаетъ раздѣлять съ ними даже трапезу (1 Кор. 5, 11), а святый Апостолъ Іоаннъ Богословъ, сей великій апостолъ любви, почившій на персяхъ возлюбившаго его паче всѣхъ Господа, называетъ ихъ обольстителями, слугами антихриста и даже антихристами, и не позволяетъ привѣтствовать ихъ, ибо, „привѣтствующій таковаго, говоритъ онъ, участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его" (1 Іоан. 4, 1—4; 2 Іоан. 7, 10, 11). Съ однимъ изъ таковыхъ возлюбленный ученикъ Христовъ не захотѣлъ даже оставаться подъ одною крышею и бѣжалъ изъ того дома, гдѣ встрѣтилъ еретика. Умоляю васъ и я, возлюбленные мои, берегитесь таковыхъ! Святая Церковь дала вамъ пастырей, благодатію священства облеченныхъ: ихъ и слушайтесь! Правда, немало среди нихъ немощныхъ, много заботами земными удрученныхъ, но Господь не позволялъ судить даже книжниковъ и фарисеевъ, а повелѣвалъ слушаться ихъ, пока они возвѣщали законъ Божій: *вся елика рекутъ вамъ блюсти—соблюдайте и творите, по дѣламъ же ихъ не творите!* (Матѳ. 23, 3). Тѣмъ паче слово это слѣдуетъ соблюдать въ отношеніи къ немощнымъ пастырямъ Церкви Христовой. Идите къ нимъ за святое послушаніе Церкви—матери, паче же Самому Христу Спасителю, рекшему: *слушаяй васъ Мене слушаетъ и отметайся васъ Мене отметается* (Лк. 10, 16). Молите Главу Церкви, Господа нашего Іисуса Христа, да речетъ Онъ вамъ волю Свою чрезъ тѣхъ, кого Онъ же поставилъ пасти Церковь Свою, искупленную Его честною кровію. И сіе будетъ дѣломъ послушанія, и въ семъ проявится достолюбезное христоподражательное смиреніе ваше, во исполненіе реченнаго Господомъ устами Его Апостола: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся, ибо они пекутся о душахъ вашихъ.*

И вамъ, бывшіе сотрудники мои на нивѣ Господней, служители алтаря Христова, мое слово прощальное: пасите во смиреніи души, вамъ ввѣренныя, помните, что за нихъ отвѣтъ дадите во второе страшное пришествіе Господа нашего Іисуса Христа. Пасите любовію, кротостію, но безъ человѣкоугодничества, кротко, но твердо обличая заблуждающихся, словомъ любви увѣщевая согрѣшающихъ, плача съ грѣшниками о грѣхахъ ихъ—и своихъ. О, любовь святая! Она можетъ творить чудеса. Если вы со своими семьями въ хлѣбѣ насущномъ будете нуждаться, любовь сотворитъ чудо умноженія хлѣбовъ Божіимъ

благословеніемъ; если восчувствуете свою немощь, она подастъ вамъ притокъ новыхъ благодатныхъ силъ; если разумомъ оскудѣете, по неопытности своей въ духовной жизни, она откроетъ уста ваши и будетъ говорить за васъ во время благопотребное. Помните, что Богъ — Самъ Богъ — любы есть. Хрістосъ всеблагостный не оставитъ въ безпомощномъ состояніи Своихъ сотрудниковъ — пастырей Его возлюбленной Церкви! Слышите, что глаголетъ Онъ: *се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка, аминь!* Исполняйте же Его святые завѣты — заповѣди, дабы и другихъ опытомъ своимъ научить сему великому дѣланію, дабы восчувствовать въ смиренномъ сердцѣ своемъ, что это — Онъ въ васъ и черезъ васъ исполняетъ Свои же заповѣди. И сіе общеніе съ Господомъ въ исполненіи Его воли святой укрѣпитъ вашу волю въ добродѣланіи, оживотворитъ вашу вѣру, содѣлаетъ васъ способными всѣмъ своимъ существомъ ощущать, что вы — живые члены тѣла Хрістова, которое есть Церковь, освѣтитъ небеснымъ свѣтомъ вашъ жизненный путь, наполнитъ ваше сердце радостію, ея же никтоже возметъ отъ васъ! Но все сіе возможно только при частомъ благоговѣйномъ общеніи съ Господомъ въ святѣйшемъ Его таинствѣ причащенія: Се — источникъ духовной безсмертной жизни! Се — единый истинный источникъ нашего благобытія!

Да поможетъ вамъ Господь въ великомъ и многотрудномъ служеніи вашемъ! Да понесетъ Онъ Самъ на ременахъ Своихъ иго ваше вмѣстѣ съ вами!

Азъ же, недостойный, отходя изъ града Вологды и передавая епархію другому святителю, умоляю любовь вашу: простите мнѣ всѣ мои немощи, всѣ мои предъ вами прегрѣшенія, да и Богъ милосердный проститъ вамъ все, въ чемъ, яко человѣцы, согрѣшили предо мною! Всѣхъ, кто оскорблялъ меня, отъ всей души прощаю; всѣхъ священнослужителей, коихъ запретилъ я въ священнослуженіи по суду архіерейской совѣсти, властію, отъ Бога мнѣ данною, разрѣшаю и всѣхъ, всѣхъ умоляю: молитеся о немощахъ моихъ, да укрѣпитъ сія молитва союзъ любви, для которой нѣтъ предѣловъ пространства и времени, которая всѣхъ единитъ во Хрістѣ и со Хрістомъ, объединяя насъ въ таинственное тѣло Хрістово, еже есть Церковь, невѣста Хрістова непорочная!

Благодать Господа нашего Іисуса Хріста и любы Бога и Отца и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами! Аминь.

127.

Тяжелое бремя архіерейскаго омофора.

Великій учитель смиренія христоподражательнаго, святитель Хрістовъ Тихонъ, чудотворецъ Задонскій, когда его спрашивали: что побудило его уйти на покой, кротко отвѣчалъ: „омофоръ, который носятъ архіереи на плечахъ своихъ, очень тяжелъ, не могъ я носить его, и потому оставилъ каѳедру“. Конечно, не вещественный омофоръ разумѣлъ угодникъ Божій, а то тяжелое бремя, бремя заботъ и трудовъ пастырскихъ, бремя скорбей пастырскаго сердца и сознаніе тяж-

кой отвѣтственности предъ Богомъ за врученную ему паству при немощахъ его — вотъ что разумѣлъ смиренный святитель Христовъ.

Прости мнѣ, угодниче Божій, что оставляя каѳедру по многимъ немощамъ моимъ, я невольно вспоминаю твои смиренныя слова! Немощенъ былъ и ты плотію, но силенъ духомъ, и немощи твои — были крестомъ, возложеннымъ на тебя Богомъ отъ самого твоего рожденія. А я немощенъ отъ себя самого, отъ грѣховъ моихъ многихъ, и мнѣ ли повторять твои словеса?..

Но не о себѣ хотѣлось бы сказать, а по поводу того, что пережито мною, что переживаютъ особенно нынѣ, во времена тяжкія дни Церкви Божіей, всѣ тѣ святители, которые хотятъ вѣрно итти путемъ, Христомъ имъ указаннымъ!

Были времена лютыхъ гоненій на Церковь Христову, когда назвать себя христіаниномъ значило приговорить себя почти на вѣрную смерть. Тогда архіереевъ Божіихъ преслѣдовали какъ вождей христіанства; ихъ головы были оцѣниваемы дорогою цѣною и они постоянно должны были готовиться къ смерти. Страшно подумать: что сталось бы съ нами, если бы мы, нынѣшніе архіереи, жили въ тѣ времена! Быть можетъ, многіе изъ насъ давно преклонили бы колѣна предъ Зевесомъ и Юноною... Но тогда, если бы не замерла въ насъ совѣсть, мы проклинали бы свое малодушіе, свою измѣну своему Господу и Спасителю.

Нынѣ не страхомъ мукъ смертныхъ искушаетъ насъ духъ времени; онъ подкрадывается къ намъ съ другой стороны. Во имя гуманности, прогресса, свободы совѣсти, всякаго рода терпимости онъ пытается заставить насъ войти въ сдѣлку съ совѣстью, въ компромиссъ съ требованіями долга, дѣлать уступку за уступкой, якобы не поступаясь въ существенномъ, а потомъ и существенное подмѣнивая въ нашемъ нравственномъ сознаніи такъ, что если бы на него взглянули наши предки, пожалуй, и не узнали бы его... И вотъ, снисхожденіе къ немощамъ человѣческимъ обратилось у насъ въ поблажку порокамъ: грѣшникъ еще и не думалъ каяться, а мы уже предписываемъ, по исполненіи епитиміи, разрѣшить ему то и то... Какъ будто навѣрное знаемъ, что грѣшникъ и епитимію приметъ, и выполнитъ усердно: какъ будто епитимія — простая формальность, не требующая нравственнаго подвига отъ епитимійца. И приходится, скрѣпя сердце, закрывъ глаза, писать на опредѣленія консисторіи: „утверждается“ или „исполнить“. Такъ велятъ консисторскіе уставы и разныя циркуляры: сопротивленіе безполезно. Не рѣдко сами пастыри не знаютъ точно: да въ чемъ же епитимія? Развѣ только въ томъ, что епитимійцъ не можетъ приступить къ св. Тайнамъ Христовымъ? Но во-первыхъ, нынѣ и безъ епитиміи многіе христіане сами себя лишаютъ сего таинства, а во-вторыхъ: кто наблюдетъ, чтобъ таковый не причастился гдѣ-нибудь въ монастырѣ? Нынѣ многіе и за грѣхъ не считаютъ такое по существу святотатство. И скорбитъ душа архіерея, неимѣющаго возможности лично воздѣйствовать на грѣшника — епитимійца; вѣдь, у него въ епархіи милліонъ-два числится православныхъ, — да тысячи полторы — двѣ священниковъ, а священники не имѣютъ достаточно авторитета у своихъ пасомыхъ... Да и то надо сказать: большинство епитимійцевъ — блудники и прелюбодѣи: отбивъ чужую жену, добившись развода съ нею мужа, винов-

ный и въ качествѣ епитимійца продолжаетъ съ нею прелюбы творити: страшно подумать, до чего въ такихъ людяхъ исказились всѣ нравственныя понятія! Пройдетъ извѣстный срокъ (минимальный для прелюбодѣевъ, вмѣсто 7 — 2 года), подаютъ прошеніе архіерею, съ завѣреніемъ священника, что виновный „проходилъ епитимію съ усердіемъ, показалъ искреннее раскаяніе“; и архіерей долженъ разрѣшить его отъ епитиміи... Провѣрить показаніе священника нѣтъ возможности, хотя въ совѣсти чувствуешь, что исполнена только формальность, въ которой духа и не было...

Даже такое святое дѣло — покаяніе грѣшника обратилось въ пустую формальность! Какъ же не болѣть душой епископу?

А если бы рѣшилъ онъ испытать произволеніе грѣшника, если бы отказалъ въ снятіи епитиміи, то пусть ждетъ жалобы въ С. Синодъ... Пойдетъ переписка, непріятности и пр...

Груды дѣлъ судныхъ: жалобы духовенства — одинъ на другого, жалобы прихожанъ на духовенство, дознанія по пустымъ поводамъ, слѣдствія, въ коихъ—это чувствуешь—такъ много бываетъ нарушенія святости присяги: извѣстно, какъ нынѣ стали смотрѣть на это священное дѣло; безчисленныя дѣла бракоразводныя, въ коихъ архіерею приходится спускаться на самое дно скотоподобной жизни пасомыхъ, читать самыя циничныя показанія свидѣтелей, нерѣдко закупленныхъ... Сказать только, что послѣ извѣстнаго рѣшенія С. Синода—разрѣшать вступленіе въ бракъ виновной сторонѣ послѣ понесенія ею епитиміи число бракоразводныхъ дѣлъ: едва ли не удесятерилось, и станетъ понятно, какъ много бремени возложено на епископовъ, бремени — безплоднаго въ духовномъ смыслѣ, крайне тяжелаго по самой сущности такихъ дѣлъ. Нужно ли перечислять другія „дѣла?“ Довольно сказать, что по моей, сравнительно небольшой епархіи, мнѣ приходилось писать до 7000 резолюцій, слѣд. перечитывать столько же бумагъ, а не рѣдко цѣлыхъ дѣлъ. Увы, для дѣланія въ собственномъ смыслѣ пастырскаго у епископа немного остается времени. Вѣдь, епископъ долженъ на дѣлѣ осуществлять преемство апостольскаго служенія: онъ долженъ бы пребывать непрестанно въ апостольскомъ подвигѣ: въ путешествіяхъ по епархіи, посѣщеніи не только городовъ и селеній, имѣющихъ храмы Божіи, но и захолустныхъ уголковъ епархіи, заброшенныхъ деревушекъ, всюду неся съ собой миръ Божій, свѣтъ ученія евангельскаго, въ духѣ любви, въ простотѣ сердца, входя во всѣ нужды пасомыхъ, въ ихъ скорби, бесѣдуя не только въ собраніяхъ вѣрующихъ, но и по домамъ, поучая, назидая, предостерегая, ободряя и утѣшая... Нѣтъ нужды для такихъ путешествій возить съ собою большую свиту: довольно секретаря, миссіонера и келейника. Гдѣ можно, тамъ совершать служенія, гдѣ нѣтъ къ тому возможности, тамъ ограничиваться служеніемъ молебновъ, но непремѣнно вездѣ проповѣдывать и сѣять слово жизни вѣчной!

Епископъ долженъ быть всѣмъ доступенъ и дома, но принимать съ разсужденіемъ, иначе его возьмутъ въ плѣнъ люди, неумѣющіе цѣнить архіерейскаго времени, непонимающіе требованій архіерейской совѣсти. По понятію такихъ людей, архіерей на то и созданъ, чтобы обращаться къ нему съ просьбами: нарушь законъ, обойди законъ, нажми на законъ и все это— во имя человѣколюбія, гуманности, личныхъ интересовъ того или дру-

гого просителя. Это—положительная пытка для архіерея! Онъ заботиться долженъ объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ епархіи, а отъ него требуютъ удовлетворенія вотъ этихъ ихъ личныхъ нуждъ, объ облегченіи ихъ личной скорби, ихъ семейныхъ нуждъ... Всегда ли можно совмѣстить то и другое въ одномъ распоряженіи? Большею частію, волей-неволей приходится входить въ компромиссъ, дѣлать нѣкоторую уступку такимъ просьбамъ въ ущербъ строгимъ требованіямъ архипастырскаго долга... Просмотрите послужные списки священниковъ: много ли нынѣ такихъ, которые служатъ 30—40 лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не мѣняя прихода? А это что значитъ? То, что батюшки не срослись духовно съ своимъ приходомъ, что для нихъ не больно отрываться отъ своихъ дѣтей духовныхъ, ради чего?.. Чтый да разумѣетъ! И не хочу строго судить ихъ за то: вѣдь, это стало повсюднымъ явленіемъ, причины коего слишкомъ сложны, чтобъ сейчасъ говорить о нихъ. И вотъ, на каждое мало-мало порядочное мѣсто десятки прошеній о переводѣ, а на бѣдныхъ приходахъ пустуютъ вакансіи священниковъ иногда по году: кандидатовъ нѣтъ! Гдѣ ихъ взять? Прихожане умоляютъ прислать священника, архіерей мучается въ совѣсти, а горю помочь не въ силахъ...

Растутъ секты, расколы; въ народѣ пробуждается жажда духовнаго назиданія, питомцы нашихъ современныхъ семинарій въ большинствѣ повидимому — просто не способны удовлетворять этой потребности такъ, какъ бы слѣдовало... И удивительное дѣло: полуграмотный сектантъ увлекаетъ за собою сотни, тысячи, а священникъ учившійся все же лѣтъ десять, не только не влечетъ за собою народъ, своихъ пасомыхъ, какъ бы подобало, но и не умѣетъ, если не сказать—не хочетъ обличить этого сектанта: просто обидно становится за такихъ! А, вѣдь, именно такихъ священниковъ большинство; именно ревностныхъ пастырей, способныхъ отогнать и отгоняющихъ волковъ хищныхъ отъ своего стада — очень, очень немного!..

Прежде хотя мірская то власть признавала православную вѣру единою истинною, почитала ее основою русской жизни, оберегала отъ нашествія волковъ — раскольниковъ и сектантовъ—православныхъ простецовъ и не давали имъ воли... Нынѣ... да простятъ мнѣ носители сей власти: нынѣ они будто стыдятся вступаться за малыхъ сихъ и на мольбы священниковъ— помочь имъ оградить православныхъ отъ богохульной, кощунственной пропаганды, отъ соблазна, оградить, по крайней мѣрѣ, ихъ, священниковъ, отъ издѣвательствъ сектантовъ — отвѣчаютъ молчаніемъ... И мнится: покинули насъ власть имущіе, предаютъ на поруганіе врагамъ Церкви, а эти враги ликуютъ въ своихъ печатныхъ листахъ, продолжая издѣваться надъ нами...: „Суды суть и анѳипаты суть!“ отвѣчаютъ намъ представители власти: подавайте жалобы, если васъ оскорбляютъ: тамъ разберутъ дѣло, а мы, администрація, не можемъ васъ защищать: такого закона нѣтъ... Но, господа администраторы, какъ же намъ быть, когда наша совѣсть повелѣваетъ намъ именемъ Господнимъ подставлять лѣвую щеку врагу, когда онъ ударитъ насъ въ правую? А нынѣ враги дерзко слѣдуютъ логикѣ Іуліана отступника: Христосъ заповѣдалъ Своимъ послѣдователямъ такъ поступать, такъ ихъ можетъ бить всякій, кому хочется! Православный священникъ не можетъ ни отвѣтить на брань бранью, на ос-

корбленіе оскорбленіемъ, не можетъ по совѣсти жаловаться ни на кого, онъ какъ бы внѣ закона: „бей его, издѣвайся надъ нимъ, сколько хочется, топчи въ грязь доброе имя его!.. Если онъ вѣренъ ученію Христову, то въ судъ не пойдетъ, если пойдетъ, то мы же его предадимъ осмѣянію въ печати такъ, что впередъ ему не повадно будетъ!.. А суды... да въ нихъ, вѣдь, сидятъ такіе же, большею частію, „интеллигенты", какъ и мы, и попамъ не будутъ мирволить..."

Много ли способныхъ на такой подвигъ мученичества? Имѣетъ ли право — не только хрістіанская, но даже и языческая власть, не упразднявшая самого понятія о власти, требовать отъ насъ, служителей Церкви, такого подвига? Повторяю, подвижники есть и нынѣ, но смѣетъ ли власть оставлять ихъ беззащитными?...

На дняхъ двухъ добрыхъ пастырей избили подъ самымъ Петербургомъ новые сектанты—чуриковцы: посмотримъ, воздѣйствуетъ ли власть на этихъ безумцевъ-фанатиковъ, чтобы охладить ихъ пылъ противъ пастырей — ихъ же духовныхъ отцевъ! Дѣло въ томъ, что исполненіе Хрістовой заповѣди лично хрістіаниномъ — одно, а дѣло власти пресѣкать зло—другое, но и это—также исполненіе заповѣди Божіей... Пусть и власть носящій—вѣдь, онъ тоже хрістіанинъ — *лично* на себѣ исполняетъ ту же заповѣдь: пусть и онъ подставляетъ лѣвую щеку подъ ударъ хулигана, когда тотъ его ударитъ въ правую, но пусть въ то же время помнитъ свой долгъ: *сущіи власти отъ Бога учинени суть... власть не безъ ума мечъ носитъ, Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему...* Если это писано о власти языческой, то тѣмъ паче приложимо къ христіанской. Не ея дѣло толковать Евангеліе: ея дѣло исполнять свой долгъ по ученію Евангелія. Или ужъ пусть, по отношенію къ намъ, православнымъ, прямо объявитъ она, что отнынѣ для нея всѣ вѣры равны, и повторитъ слова историческаго Галліона анѳипата: „когда идетъ споръ объ ученіи... разбирайтесь сами!"... (Дѣян. 18, 12). Такъ могъ говорить язычникъ, но хрістіанская власть не можетъ же равнодушно смотрѣть, какъ разные сектанты, фанатики, изувѣры отторгаютъ православныхъ отъ Церкви, не давая пастырямъ никакой возможности возражать имъ. Истина сильнѣе неправды, но когда ей насиліемъ закрываютъ уста, когда криками, издѣвательствомъ, руганью, угрозами заставляютъ проповѣдника истины молчать: то ужели власть православная должна смотрѣть спокойно на это поруганіе истины, на это насиліе надъ совѣстью православно вѣрующихъ младенцевъ вѣры, на это издѣвательство надъ пастырями Церкви?..

Душа изболѣлась при видѣ всего этого. И все это приходится больше всѣхъ переживать своимъ сердцемъ намъ, архіереямъ. Вѣдь, къ намъ простираютъ умоляющіе взоры наши чада о Господѣ, насъ умоляютъ пастыри приходскіе: помогите намъ! Оградите отъ изувѣровъ-сектантовъ, пришлите миссіонера, попросите власть мірскую защитить насъ отъ издѣвательствъ... хотя бы ради чести святой Церкви нашей... Но на наши обращенія такъ мало обращается вниманія! Какъ часто приходится узнавать, что низшіе органы власти больше озабочены охраною свободы для сектантовъ, чѣмъ охраною православныхъ отъ пропаганды сектанства...

Миссіонеры... Я недавно писалъ о нихъ. Мои читатели знаютъ, что,

по моему убѣжденію, каждый пастырь долженъ быть миссіонеромъ. Но въ наше время такъ развѣтвилось сектанство, что и для самихъ пастырей нужны миссіонеры какъ руководители, какъ знатоки сектанства. Но увы... гдѣ ихъ взять? Вѣдь, это — не прислуга, которую можно найти по публикаціи! Гдѣ у насъ институтъ миссіонерскій, о коемъ, помнится, мечталъ еще великій миссіонеръ святитель Иннокентій Московскій? Есть какіе-то захудалые курсы въ Казани, устраиваются и по епархіямъ каждый годъ курсы..., но развѣ *это* нужно? Нуженъ спеціальный институтъ или академія миссіонеровъ; нужно нѣчто подобное, конечно не по духу, а по цѣли, латинской Collegiae de propaganda fide, нужно учрежденіе, которое выпускало закаленныхъ бойцовъ за православіе...

Можно ли надѣяться, что мы дождемся этого?

Увы, хотя-бы семинаріи-то наши поставить такъ, чтобъ изъ нихъ не бѣжали въ ветеринары, а шли бы въ пастыри, и за то бы слава Богу!

Но я никогда не кончилъ бы, если бы сталъ перечислять всѣ скорби пастырскаго сердца, все то тяжелое бремя омофора пастырскаго, которое нести могутъ лишь люди сильные не духомъ только, но и плотію... А я изнемогъ, я лежу недѣлями въ постели, и въ сихъ болѣзняхъ моихъ вижу волю Божію: передать епархію иному, болѣе меня сильному, его же изберетъ Господь. И паче мѣры моей, паче всякихъ заслугъ, коихъ не было у меня, я взысканъ милостію власти церковной, и ухожу съ епархіи, не лишенный возможности еще послужить Церкви Божіей, но уже въ мѣру немощей моихъ... За все слава Богу! Утверди, Господи, Церковь Твою, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію! Изведи сильныхъ и добрыхъ дѣлателей на ниву Твою на мѣсто насъ, уходящихъ и многонемощныхъ!..

128.

Небесная заступница Русской земли.

Когда читаешь наши старыя лѣтописи, когда вспоминаешь давно минувшія судьбы родной нашей земли, то вѣрующее сердце невольно исполняется благодарнымъ чувствомъ умиленія предъ тѣми дивными явленіями материнаго покрова и заступленія Матери Божіей, какіе мы видимъ во всей девятивѣковой исторіи нашего отечества, со дня крещенія Руси княземъ Владиміромъ и даже до нашихъ дней... Воистину, возлюбила Она, Матерь Божія, нашу землю Русскую, православную, и нигдѣ въ мірѣ нѣтъ столько чудотворныхъ иконъ Ея, какъ у насъ на Руси: ихъ насчитывается до 300 только общеизвѣстныхъ, а сколько ихъ мѣстно чтится по разнымъ градамъ и весямъ обширной Русской земли! Нѣтъ, кажется, ни одного отдаленнаго уголка въ Россіи, гдѣ не было бы особенно чтимаго образа Богоматери; не говорю уже о храмахъ православныхъ: нѣтъ ни одной православной семьи, въ коей не нашлось бы Ея лика пречистаго! Съ дѣтской любовью, въ простотѣ смиреннаго сердца прибѣгаютъ къ Ней и старые и малые, и богатые и бѣдные, и простецы и люди, истинною наукою просвѣщенные, и несутъ къ Ея стопамъ и скорби и радости свои, и на всѣхъ взираетъ

Она, воистину, съ материнскою любовію, всѣхъ ласкаетъ благодатнымъ взоромъ Своимъ, всѣхъ утѣшаетъ, благословляетъ, всѣмъ помогаетъ въ ихъ нуждахъ! И тепло русскому въ простотѣ вѣрующему сердцу подъ благодатнымъ покровомъ Ея, и называетъ оно Матерь Божію самыми трогательными именами: Она—заступница усердная, Она—грѣшныхъ споручница, Она—скоропослушница, Она—радость скорбящихъ, утоленіе въ печали сущихъ, взысканіе погибшихъ. Она—благодатная исцѣлительница и небесная домостроительница, Она—града Москвы вратарница неусыпная, а для всего воинства хрістолюбиваго—воевода небесная... Ея святыя иконы сопутствовали всѣмъ нашимъ благовѣрнымъ князьямъ и Царямъ, и благочестивѣйшимъ Императорамъ во всѣхъ ихъ походахъ на враговъ и супостатовъ Руси православной; Ея заступленіемъ не разъ спасалась Москва, да и другіе грады страны Россійской отъ нашествія иноплеменныхъ. И какъ трогательны лѣтописныя сказанія о сихъ дѣлахъ Божіихъ, явленныхъ нашимъ предкамъ по молитвамъ Заступницы нашей усердной! Вотъ одно такое сказаніе: насталъ 1395-й годъ. Русь стонетъ еще подъ игомъ злой татарщины. А съ дальняго Востока, изъ глубинъ Монголіи, надвигается страшная туча. Тамъ, гдѣ-то въ Синей Ордѣ, появился „нѣкій царь, горѣе давняго и пуще прежняго лютъ губитель и разбойникъ“... И онъ идетъ, онъ надвигается съ своими полчищами на Русь... Его имя—Тимуръ Ленгъ или Тамерланъ; онъ задумалъ покорить всю вселенную. Заслышавъ привычный крикъ вождя, завидя взмахъ его кривой сабли, его воины бросались какъ тигры, почуявшіе кровь. Страшные разсказы о его нечеловѣческой свирѣпости леденили кровь въ жилахъ. На его пути вмѣсто цвѣтущихъ городовъ, окруженныхъ роскошными засѣянными полями, виноградниками и фруктовыми садами, оставались только развалины да прочныя, на цементѣ, пирамиды изъ человѣческихъ головъ... Граждане одного города чтобы умилостивить этого звѣря, выслали ему навстрѣчу всѣхъ своихъ дѣтей. При видѣ малютокъ, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды и шедшихъ съ пальмами въ рукахъ и пѣніемъ священныхъ гимновъ, въ немъ внезапно проснулся губительный демонъ и онъ помчался впередъ на своемъ конѣ... „За мной“! крикнулъ онъ своей конницѣ... И несчастные родители съ ужасомъ увидѣли со стѣнъ города, какъ ихъ дѣти были растоптаны конскими копытами... И вотъ, такой-то губитель явился въ предѣлахъ нашего отечества. Великій князь Василій Димитріевичъ, сынъ Донскаго героя, собиралъ войска, готовился къ бою... Но что значили ничтожныя дружины князя въ сравненіи съ несмѣтными полчищами Тамерлана? Не ждали себѣ спасенія ни князь, ни народъ. По всей Русской землѣ возносились пламенныя молитвы: всѣ церкви были открыты съ утра до глубокой ночи. Народъ проливалъ слезы, постился, всѣ готовились къ смерти...

Въ это ужасное время вспомнилъ князь о дивной иконѣ Богоматери, находившейся во Владимірѣ. То была, теперь извѣстная подъ именемъ „Владимірской“, икона, писанная, по преданію св. Евангелистомъ Лукою. И послалъ Великій Князь за тою иконой, и со слезами и многою скорбію проводили владимірцы великую свою святыню въ стольный градъ Москву, гдѣ у всѣхъ была въ то время одна мысль, одно желаніе увидѣть поскорѣе пречистый ликъ Царицы не-

бесной, заступницы усердной рода хрістіанскаго. И весь городъ вышелъ навстрѣчу ей, всѣ, отъ мала до велика, и не было человѣка, который не плакалъ бы, и отовсюду слышалось умильное моленіе: „не предай же насъ, Заступница наша, надежда наша, не предай насъ въ руки татарамъ!“ Это было 26 августа того же 1395 года.—И вняла Матерь Божія воплямъ русскихъ людей. Въ ту же ночь, подъ 26-е августа, самъ грозный „владыка міра“, какъ величалъ себя Тамерланъ, почивалъ въ великолѣпной ставкѣ своей, въ окрестностяхъ Ельца, среди необозримыхъ полчищъ своихъ. Безсмѣнно, не сморгнувъ глазомъ, князья и ханы Азіи окружали ставку, охраняя сонъ грознаго повелителя. Но ему нѣтъ сна отъ страшныхъ видѣній... Видится ему высокая гора, а на ней дивные старцы съ златыми жезлами въ рукахъ, грозящіе ему... Свѣтъ ярче солнечныхъ лучей, и въ свѣтѣ томъ дивная Царица, въ багряныхъ ризахъ, сіяющая паче солнца молніезрачными лучами... А въ лучезарной небесной выси—безчисленныя воинства, готовыя устремиться по первому мановенію той Царицы. Но Царица спокойно молится, простирая руки горѣ. И вдругъ, грозно взглянувъ на него, Тамерлана, Царица повелѣваетъ всѣмъ тьмочисленнымъ воинствамъ обрушиться на него... Отчаянный крикъ раздается въ царской ставкѣ. Вбѣжавшіе вельможи находятъ своего владыку въ такомъ видѣ, въ какомъ никогда не видали. Неустрашимый въ бояхъ, онъ теперь лежалъ и стоналъ въ полномъ изнеможеніи... На утро свирѣпый завоеватель отдаетъ приказъ немедленно сниматься и быстро отступать.

Можно ли описать радость нашихъ предковъ, когда они узнали, что страшный врагъ самъ, никѣмъ не гонимый, ушелъ въ степи Азіи! Митрополитъ Кипріанъ, и великій князь и народъ съ слезами восторга возносили благодарныя молитвы предъ чудотворнымъ образомъ Богоматери, а на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтили св. икону, построили церковь во имя ея срѣтенія, да не забудутъ людіе дѣлъ Божіихъ. Тогда же было установлено празднованіе въ честь Владимірской иконы 26 августа.

А что же Тамерланъ? Онъ излилъ свою злобу на улусахъ Кипчакской орды, на татарскихъ городахъ — Астрахани и Азовѣ; онъ испепелилъ ихъ. И что грозило святой Руси страшной гибелью, то принесло ей величайшую пользу: Тамерланъ нанесъ смертельный ударъ не ей, а ея вѣковому врагу—Золотой ордѣ...

Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ заступленія Матери Божіей за Русь православную! Всѣ эти татарскіе ханы и царевича—Мазовша, Ахматъ, Махметъ—Гирей, Казы—Гирей и др. испытали на себѣ грозный гнѣвъ и вышній покровъ и заступленіе за Русскую землю небесной Воеводы—Матери Божіей. Исторія свидѣтельствуетъ, что во всѣхъ походахъ Царя Алексія Михайловича, Петра Перваго и др. нашихъ Императоровъ при войскахъ ихъ находилась икона Богоматери—явленіе Преподобному Сергію. Уже самое изображеніе склоненнаго предъ Пречистою въ молитвенномъ положеніи старца—печальника Русской земли, эта икона располагала воиновъ прибѣгать къ заступленію Матери Божіей, призывая на помощь и великаго молитвенника Сергія преподобнаго. И росла наша Русь православная подъ мощнымъ крыломъ небесной Заступницы рода хрістіанскаго; и сильна была вѣрою своей, и непобѣдима для враговъ—дотолѣ, пока

крѣпка была вѣра русскихъ людей, пока не стали люди русскіе отравляться разными модными лжеученіями, пока гнали отъ себя прочь всякихъ искусителей, въ родѣ штундистовъ, баптистовъ, и другихъ сектантовъ, пока не подпускали къ себѣ русскіе воины и особенно рабочій людъ разныхъ политическихъ развратителей, соціалистовъ, революціонеровъ и всѣхъ этихъ слугъ антихріста, іудейскихъ наемниковъ... Но стали проникать къ намъ на Русь всѣ эти слуги сатаны, стали русскіе люди къ нимъ прислушиваться, и пошла духовная отрава въ народѣ, и стали размножаться секты и расколы, появились разные „соціалы“ да „демократы“, а за ними и революціонеры-безбожники, и отвратила отъ насъ пречистый ликъ Свой Царица Небесная, и понесли мы тяжкое униженіе отъ японцевъ-язычниковъ, и пронеслись по лицу родной земли всѣ невзгоды революціи, и пролилось не мало крови русской во дни смуты и усобицы...

Увы, стыдъ долженъ бы покрывать лица наши! Изстрадалась за послѣдніе годы душа русская, каждый изъ насъ готовъ бы сложить голову свою у ногъ Царя—батюшки, только бы избыть горькую бѣду, только бы не видѣть того позора, какой мы переживали въ послѣдніе годы! Куда прибѣгнуть? Гдѣ искать помощи благодатной, укрѣпленія духовнаго?.. Да гдѣ же, если не у Матери Божіей? Она всегда заступала землю Русскую. Она и теперь неотступна съ нами. Вѣдь, это только — *мы* отступаемъ отъ Нея, убѣгаемъ изъ подъ Ея крова благодатнаго! Итакъ, скорѣе — подъ благодатный кровъ Матери Божіей, православные русскіе люди! Поучимся у малыхъ дѣтей: когда провинятся они въ чемъ-либо предъ матерью, то къ ней же бѣгутъ со слезами, и не смѣя смотрѣть ей прямо въ лицо, укрываются на груди ея. Прибѣгнемъ и мы, припадемъ къ благодатной Заступницѣ рода нашего въ покаяніи, восплачемся предъ Нею о нашихъ тяжкихъ грѣхахъ, и Она забудетъ наши вины и укроетъ насъ отъ гнѣва Божія.

Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице! Ты намъ помози, Ты насъ заступи, и какъ древле спасала отъ безбожныхъ татаръ, отъ всѣхъ этихъ Тамерлановъ, Батыевъ, Мазовшей, Казы и Мехметъ-Гиреевъ, такъ и нынѣ спаси землю Русскую отъ лютыхъ враговъ ея—богоотступниковъ! Много развелось ихъ по лицу родной земли нашей; всюду проникаютъ они съ своими безбожными книжками и газетами; отравляютъ они молодежь нашу, расхищаютъ сокровища православной русской души своею пропагандою среди рабочихъ, среди крестьянъ, и даже — страшно сказать — среди войскъ нашихъ хрістолюбивыхъ: не попусти, Царица Небесная, окрадывать души наши, души простецовъ вѣрующихъ, и *покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ Твоимъ омофоромъ!..*

129.

Даръ царственнаго смиренія смиренному отшельнику.

Не терялъ я надежды, выѣзжая изъ Петербурга, принять участіе въ торжествахъ освященія въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ трехъ

престоловъ выгорѣвшаго въ 1909 году храма и дивной,—драгоцѣнной раки, пожертвованной отъ щедротъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы; но Богъ не судилъ быть мнѣ тамъ: прибывъ въ Вологду, я разболѣлся; къ обычнымъ немощамъ моимъ прибавилась еще слабость сердца, и докторъ рѣшительно запретилъ мнѣ поѣздку по проселочной дорогѣ съ больною печенью, а главное—предстоявшее переутомленіе въ служеніяхъ. Пришлось подчиниться, тѣмъ болѣе, что небольшой опытъ—прощанія съ духовенствомъ показалъ, что я на такой подвигъ не гожусь...

Не имѣя возможности отправиться въ Павловъ монастырь, я послалъ туда свое привѣтственное слово-посланіе, которое было прочитано преосвященнымъ Антоніемъ Вельскимъ предъ поліелеемъ на всенощномъ бдѣніи. Вотъ это посланіе:

Возлюбленные о Господѣ отцы и братія и чада!

Миръ вамъ и Божіе благословеніе!

Привѣтствую васъ въ свѣтлый день праздника обители преподобнаго Павла привѣтствіемъ любви и радости о Господѣ.

Скорблю, что по немощамъ моимъ не могу принять личнаго участія въ вашей радости, но сердцемъ сорадуюсь вамъ, духомъ раздѣляю молитвы ваши у гроба чудотворца Павла и не могу оставаться безмолвнымъ въ день вашей радости. Отъ избытка сердца глаголютъ уста. А при невозможности бесѣдовать усты къ устамъ—сердце повелѣваетъ бесѣдовать хотя письменнымъ посланіемъ.

Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ! Дивенъ Онъ въ явленіяхъ благодати Своей во дни земнаго ихъ странствованія, дивенъ и по блаженномъ преставленіи ихъ на небо!

Сегодня мы творимъ память преподобнаго отца нашего Павла, Обнорскаго чудотворца, празднуя освященіе храма его и священной раки, принесенной отъ щедротъ Благочестивѣйшаго и Богомъ возлюбленнаго Царя нашего и Его Благочестивѣйшей Супруги. Сегодня мысль наша невольно переносится за пять столѣтій, когда жилъ сей великій въ своемъ смиреніи угодникъ Божій, въ тотъ благословенный вѣкъ, когда около великаго печальника родной нашей земли, преподобнаго Сергія, радонежскаго чудотворца, собирались ревнители богоугожденія, когда съ его благодатнаго благословенія сіи ревнители устремлялись въ сѣверные предѣлы Россіи, всюду зажигая благодатные огоньки духовной жизни, всюду разнося свѣтъ и тепло, коими и доселѣ жива наша русская православная душа.

Девяносто лѣтъ подвизался подвигомъ иноческимъ преподобный Павелъ! А всего житія его было 112 лѣтъ. И отличительнѣйшею чертою его подвига было дивное, воистину хрістоподражательное смиреніе. 22-лѣтнимъ юношей ушелъ онъ въ какой-то, нынѣ невѣдомый, приволжскій монастырь св. Ѳеодора „на низу“; оттуда, уже достигнувъ высокой мѣры духовнаго совершенства, пришелъ онъ учиться смиренію у своего младшаго сверстника, преподобнаго Сергія; здѣсь проходилъ онъ труды и въ поварнѣ, и въ трапезѣ; замѣтивъ, что на него обращено вниманіе, какъ на ревностнаго инока, онъ, съ благословенія великаго аввы, уходитъ къ преподобному Авраамію Чухломскому, затѣмъ идетъ въ пустынныя дебри Обноры и тутъ поселяется, воистину, наединѣ съ Богомъ—въ дуплѣ старой липы, весь отдавая себя молитвѣ и бесѣдѣ съ Богомъ... И достигъ онъ такого состоянія, что въ его присутствіи ди-

кіе звѣри забывали свою свирѣпость: и волкъ, и медвѣдь, паслись около него вмѣстѣ съ кроткимъ зайцемъ, и хищные орлы не трогали малыхъ пташекъ, садившихся на руки и плечи великаго подвижника... А его смиреніе было столь велико, что мы не видимъ изъ его житія даже того: имѣлъ ли онъ благодатный санъ священства? По крайней мѣрѣ, и по основаніи имъ обители ея настоятелемъ былъ не самъ онъ, а ученикъ преподобнаго друга его Сергія Нуромскаго—Алексій...

Такъ въ глубокомъ смиреніи протекла вся жизнь великаго подвижника. Онъ отошелъ къ Богу, и Господь исполнилъ надъ нимъ святое слово Свое: въ память вѣчную будетъ праведникъ. Изъ вѣка въ вѣкъ православные русскіе люди притекали къ его гробу, искали спасенія души въ его обители, просили себѣ его молитвенной помощи; а онъ смиренно почивалъ въ мѣстѣ своего упокоенія и даже не позволилъ коснуться мощей своихъ, когда одинъ изъ игуменовъ его обители самочинно вздумалъ было открыть его могилу... Для святыхъ Божіихъ и грядущее видимо яко настоящее, и кто вѣдаетъ пути ихъ? Не предзрѣлъ ли угодникъ Божій того бѣдствія, которое испытала обитель его въ наши дни? И что сталось бы съ его священными останками, если бы всеистребляющій огнь коснулся ихъ? Мы не можемъ отъ Господа требовать чудесъ по нашему разумѣнію: мы вѣдаемъ, что, напримѣръ, св. мощи преподобнаго князя Іоасафа Спасокаменскаго, попущеніемъ Божіимъ, подверглись сожженію во время пожара въ Спасокаменскомъ монастырѣ и мы имѣемъ только малыя косточки отъ нихъ. А нынѣ мы вѣруемъ, что святыя мощи преподобнаго Павла, къ утѣшенію нашему, въ мирѣ почиваютъ въ нѣдрахъ земныхъ неприкосновенными. И не знаменіе ли это, для насъ особенно утѣшительное, что въ самомъ изображеніи угодника Божія, вычеканенномъ изъ серебра, дивнымъ образомъ въ пламени пожара уцѣлѣлъ благолѣпный ликъ его и изображеніе рукъ? Хранитъ Господь не токмо вся кости Своихъ избранниковъ, но и самыя изображенія ихъ, все обращая во славу Свою и въ назиданіе наше.

И паки реку: дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ! Дивно являетъ Онъ славу Свою и величіе Церкви Православной не только въ ихъ прославленіи, но и въ самомъ смиреніи ихъ! Ибо въ смиреніи и слава ихъ, смиреніе есть ихъ златотканная одежда, смиреніе есть тотъ воздухъ, коимъ дышатъ всѣ ихъ добродѣтели,—тотъ ароматъ, который свидѣтельствуетъ о благоугожденіи ихъ Богу... Въ нашей Церкви Православной все проникнуто симъ благодатнымъ ароматомъ: нѣтъ ни одного подвига, нѣтъ ни одного добраго дѣла, не говорю уже о добродѣланіи вообще, что Церковь признала бы богоугоднымъ безъ духа христоподражательнаго смиренія. И въ семъ—отличіе нашего православнаго исповѣданія отъ всѣхъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій. Смиреніе есть основа истинно-христіанской жизни; въ немъ—духовная красота нашего православновѣрующаго народа. И какъ счастливъ этотъ народъ, когда онъ видитъ высочайшій примѣръ этой боголюбезной добродѣтели въ лицѣ своего Боговѣнчаннаго Царя и Его Августѣйшей Супруги, Которые Своимъ русскимъ сердцемъ всесовершенно воспріяли эту добродѣтель и являютъ ее всюду, гдѣ видятъ наши родныя святыни: вмѣстѣ съ простымъ вѣрующимъ народомъ они склоняли Свои вѣнчанныя главы и у святынь Кіев-

ва, и въ Саровѣ, и въ Бѣлгородѣ, и въ Черниговѣ и многажды у святыхъ мощей великаго печальника Русской земли Преподобнаго Сергія и всѣхъ московскихъ чудотворцевъ... Не видимъ мы Ихъ здѣсь: дѣла государственныя удержали Ихъ отъ путешествія въ наши дебри Обнорскія; но се—Ихъ Царственное приношеніе, сія священная рака—не есть ли свидѣтельство того, что духомъ Они и нынѣ съ нами, не есть ли это проявленіе Ихъ глубочайшаго, воистину Царственнаго, смиренія Ихъ предъ однимъ изъ смиреннѣйшихъ носителей духа и завѣтовъ родной нашей Церкви Православной, на коей, какъ на несокрушимомъ основаніи, зиждется отъ вѣковъ древнихъ наша Святая Русь и ея краса и величіе—Престолъ Самодержца?.. Подумайте только: Помазанникъ Божій, въ сердцѣ Котораго сосредоточены заботы о благоденствіи полутораста милліоновъ подданныхъ, въ рукахъ Котораго судьбы народовъ, населяющихъ шестую часть земного шара, внемлетъ скорби смиренной обители, посѣщенной бѣдствіемъ пожара, и въ утѣшеніе ей шлетъ Свой Царственный даръ, пріемля въ соучастницу Себѣ и Свою Боговѣнчанную Супругу, въ самомъ дарѣ Своемъ проявляя глубокое знаніе благочестивой народной души, ея завѣтныхъ идеаловъ, ея любви къ роднымъ угодникамъ Божіимъ... Какъ не воскликнуть изъ глубины сердца: радуйся, Русскій православный народъ! Радуйся о Царѣ своемъ: Онъ—съ тобою, Онъ вмѣстѣ съ тобою чтитъ святыни твои, благоговѣетъ предъ ними, Онъ—вѣрный Сынъ и Первенецъ твоей матери Церкви; Онъ—ея защитникъ и покровитель... Пусть мятутся разные хулители Церкви Православной: съ нами Царь нашъ Боговѣнчанный, Онъ въ Церкви Православной и она молится за Него, за всю Царственную Семью Его, а съ нею молятся всѣ великіе печальники наши предъ Богомъ—всѣ святые Божіи, на небесахъ Богу предстоящіе...

Вознесемъ же и мы, возлюбленные братіе, въ сей нареченный и великій для обители преподобнаго Павла день, вознесемъ свои смиренныя молитвы за Богомъ возлюбленнаго, Богомъ вѣнчаннаго и превознесеннаго, но и на высотѣ Трона Своего сердцемъ смиреннаго Сына Церкви Православной, нашего воистину Благочестивѣйшаго Государя, и Его Августѣйшую Супругу, съ Ихъ благословеннымъ Отрокомъ-Наслѣдникомъ и благовѣрными Дочерями—Царевнами: да благословитъ Господь всѣхъ Ихъ миромъ, здравіемъ и благоденствіемъ на многія лѣта.

Ты же, о преподобне отче нашъ Павле, благоспоспѣшествуй смиренной и немощной молитвѣ нашей твоею крѣпкою къ Богу молитвою, много бо можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема! Аминь.

Слава Богу: несмотря на холодную, совсѣмъ осеннюю погоду, торжества прошли благополучно. Народу было множество. Крестные ходы изъ Грязовца, изъ Спасо-Нуромскаго прихода и отъ другихъ церквей прошли въ добромъ порядкѣ. Новоосвященная серебряная рака и сѣнь надъ нею поражаютъ своеобразною красотою: они переносятъ зрителя въ XIV вѣкъ. Рака представляетъ какъ бы древній ларецъ изъ оксидированнаго серебра, вызолоченнаго, съ тонкими узорами; на верху ея—удивительно сходно съ древними иконами сдѣлано изображеніе преподобнаго во весь ростъ, покрытое слюдою съ перегородками по складкамъ одежды. Половина верхней крыши открывается въ головной части; кромѣ того и вся верхняя часть раки от-

крывается; въ головахъ и положено то изображеніе, о коемъ я говорю въ своемъ словѣ. Это изображеніе—чеканное, художественной работы, сохранившееся, какъ и обѣ руки, въ пламени пожара въ то время, когда вся остальная часть раки частію расплавилась, частію исковеркана до неузнаваемости,—поражаетъ какою-то особенною красотою лика преподобнаго, чего прежде, до пожара, не замѣчалось.

На телеграмму, посланную по случаю торжества освященія храма и Высочайше пожертвованной раки въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ, участники торжества были осчастливлены слѣдующимъ Всемилостивѣйшимъ отвѣтомъ Его Императорскаго Величества:

Балтійскій портъ 27 іюня.

Вологда, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

„*Въ молитвенномъ единеніи со всѣми присутствующими на обновленіи соборнаго храма обители преподобнаго Павла Обнорскаго и освященіи новой раки благодарю всѣхъ за выраженныя чувства*“.

„*НИКОЛАЙ*“.

Телеграмма на имя Его Императорскаго Величества была слѣдующаго содержанія:

Балтійскій портъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Смиренная обитель Преподобнаго Павла Обнорскаго чудотворца, несказанно утѣшенная послѣ посѣтившей ее судьбами Божіими великой скорби Всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ Вашего Величества и Августѣйшей Супруги Вашей, празднуя нынѣ обновленіе своего сгорѣвшаго соборнаго храма и освященіе дивной раки, принесенной отъ щедротъ Вашихъ, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ видитъ въ семъ приношеніи поучительное для народа свидѣтельство глубочайшаго, воистину Царственнаго смиренія Вашего Величества предъ однимъ изъ смиреннѣйшихъ подвижниковъ-носителей духа и завѣтовъ родной нашей Церкви Православной, на коей, какъ на несокрушимой скалѣ зиждется отъ вѣковъ древнихъ Святая Русь и ея краса и величіе—Престолъ Самодержца. Дерзаемъ уповать, Благочестивѣйшій и Возлюбленнѣйшій Первенецъ матери нашей Церкви, что въ сей столь знаменательный для обители Павловой день и Вы и Августѣйшая Супруга Ваша съ Богомъ данными Чадами Вашими, Своимъ вѣрующимъ сердцемъ съ нами, и возноса сердечныя молитвы у мощей Преподобнаго Павла вмѣстѣ съ многотысячнымъ народомъ Вашимъ о здравіи и благоденствіи Вашемъ и Августѣйшей Семьи Вашей, а также и всей, Богомъ врученной Вамъ Державы Россійской, повергнемъ свои вѣрноподданническія чувства къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Епископъ Никонъ.
Епископъ Антоній.
Владиміръ Саблеръ.
Михаилъ Шрамченко.

Отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны получена слѣд. телеграмма.

Гатчина, 27 іюня.

Грязовецъ, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

Искренно благодарю Обитель Преподобнаго Павла Обнорскаго за молитвы и благопожеланія.

„*МАРІЯ*“.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, телеграммою на имя Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода бла-

годаря за молитвенную о Ней память и сожалѣя, что Ей не пришлось помолиться у раки Преподобнаго Павла Обнорскаго Чудотворца, выразила надежду въ этомъ году поклониться Угоднику Божію.

130.

Мои послѣдніе дни въ Вологдѣ.

Я простился съ *бывшею моею* паствою...

Духовенство города собралось ко мнѣ 24 числа, въ воскресенье, въ 5 часовъ вечера. Глубоко тронулъ меня адресъ, который мнѣ было стыдно слушать: такъ много было въ немъ—не льстиваго сужденія, столь обычнаго въ подобныхъ случаяхъ, а видимо искренняго ко мнѣ расположенія, но въ то же время и—совершенно мною незаслуженныхъ похвалъ. Спасибо имъ, моимъ бывшимъ сотрудникамъ въ служеніи Церкви Христовой! Такъ тепло было на душѣ переживать эти минуты моего послѣдняго съ ними общенія!

Мнѣ поднесли на молитвенную память изящную въ древнемъ стилѣ панагію. Я отвѣтилъ имъ словомъ сердечной благодарности за ихъ любовь. Еще разъ — въ послѣдній разъ — напомнилъ имъ, какое тяжелое время мы переживаемъ, какая отвѣтственность лежитъ на насъ, пастыряхъ Церкви, гдѣ и въ чемъ искать намъ опоры и утѣшенія въ скорбяхъ. По болѣзни вынужденъ былъ сократить свою бесѣду и простился со всѣми растроганный до слезъ [1])...

29 іюня я въ послѣдній разъ служилъ въ каѳедральномъ соборѣ литургію. Разоблачившись послѣ молебна, на который вышло много духовенства, я вышелъ изъ алтаря въ мантіи и сказалъ народу послѣднее слово. Я взялъ текстъ изъ прощальной бесѣды Спасителя: „миръ оставляю вамъ, миръ даю вамъ“... Я сказалъ, что сіи слова Господа я могъ примѣнить только въ смыслѣ молитвеннаго пожеланія и послѣдняго завѣта къ бывшей моей паствѣ: мирствуйте, храните миръ въ себѣ, въ своей совѣсти, храните миръ—будьте всегда въ мирѣ съ ближними, исполняйте Господни заповѣди и блюдите миръ съ Богомъ... Я особенно настаивалъ быть въ мирѣ и единеніи съ Церковью, ибо въ семъ основаніе всякаго мира. Я указалъ на самое существенное въ христіанской жизни, въ православномъ міросозерцаніи, въ самомъ усвоеніи догматовъ вѣры нашей—смиреніе, безъ коего нѣтъ никакой цѣны подвигамъ, такъ называемымъ добродѣтелямъ. Я говорилъ, что смиреніе воспитывается послушаніемъ Церкви, вѣрностью ея завѣтамъ, подчиненіемъ себя руководству пастырей Церкви во имя послушанія Христу Господу. Я особенно предостерегалъ отъ тѣхъ, кто позволяетъ себѣ осуждать служителей Церкви и тѣмъ отвращать вѣрующихъ отъ послушанія имъ. Еще разъ я напомнилъ слова Господни: если даже пастыри живутъ не добрѣ, и тогда—*вся елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите, по дѣломъ же ихъ не творите*. Мы, пастыри, такіе же грѣшники, какъ и вы, можетъ быть, еще грѣшнѣе васъ, но мы возвѣщаемъ вамъ путь спасенія, Христомъ преданный: такъ Господу было угодно, чтобы и чрезъ недостойныхъ па-

[1]) Къ удивленію моему, адресъ сполна напечатанъ въ „*Церк. Вѣдомостяхъ*“: я не ожидалъ такой чести! Тамъ же описано и мое прощаніе...

стырей изливалась благодать Его въ таинствахъ Церкви, ибо, если судить по-Божьи, то есть ли въ мірѣ хотя одинъ человѣкъ, достойный быть носителемъ сей благодати?..

Въ заключеніе я просилъ у всѣхъ прощенія и преподалъ именемъ Господнимъ всѣмъ прощеніе и благословеніе.

Отъ лица всѣхъ кратко отвѣтилъ мнѣ о. ректоръ семинаріи, взаимно прося за всѣхъ у меня прощенія.

Долго потомъ я благословлялъ православныхъ: судя по количеству розданныхъ книжекъ („Среди пасомыхъ"), народа было не менѣе полуторы тысячи, но многіе изъ немощныхъ ушли, не дождавшись очереди. Грустно мнѣ было это прощанье, въ коемъ чувствовалось сердечное отношеніе сихъ чадъ Церкви къ ея пастырямъ, яко носителямъ благодати. Вотъ почему такъ хотѣлось предостеречь ихъ отъ разныхъ модныхъ лжеучителей, отъ сихъ хищныхъ волковъ, вторгающихся въ стадо Хрістово. А волки эти, будто по чьему-то тайному мановенію, врываются въ Церковь отовсюду: и раціоналистическія, и мистическія секты растутъ и множатся изо дня въ день. И что особенно опасно: мистическія проникаютъ въ нѣдра Церкви, ихъ послѣдователи не хотятъ быть отлученными, напротивъ, какъ-то особенно льнутъ внѣшнимъ образомъ къ Церкви, тщательно исполняютъ ея обряды, причащаются св. Таинъ... И въ то же время разрушаютъ Церковь погибельными ученіями...

Простился я и со всѣми вологодскими святынями: былъ во Всеградскомъ соборѣ, поклонился иконѣ Спасителя, былъ въ Прилуцкомъ монастырѣ, поклонился св. мощамъ угодниковъ Божіихъ Димитрія и Игнатія, въ Духовомъ монастырѣ у преподобныхъ Галактіона и князя Іоасафа, въ Троицкой церкви у преподобнаго Герасима.

Въ воскресенье, съ поѣздомъ, отходящимъ по мѣстному времени въ 2 съ четвертью часа, я отбылъ изъ Вологды. На вокзалѣ собрались добрые вологжане проводить меня. Были губернаторъ, вице-губернаторъ, другіе представители власти, городской голова и масса народу. Народъ пѣлъ *Спаси, Господи, люди Твоя* и *многая лѣта* многажды, пѣли величаніе преподобнымъ Сергію и Нікону, Радонежскимъ чудотворцамъ. Долго мнѣ пришлось благословлять народъ изъ окна вагона, ибо вятскій поѣздъ задержалъ нашъ поѣздъ на полчаса.

Наконецъ, при пѣніи многолѣтія, поѣздъ тихо отошелъ въ путь свой и сердце какъ-то сжалось, при мысли, что я навсегда уже покинулъ градъ Вологду, съ его святынями, съ его добрыми, вѣрующими, простосердечными жителями. Благослови ихъ, Господи, спаси ихъ и помилуй! Благослови съ миромъ пришествіе къ нимъ добраго святителя и да будетъ служеніе его болѣе благоплодно во спасеніе душъ ихъ, чѣмъ мое служеніе, да будутъ связаны союзомъ любви и пастыри вологодскіе съ своимъ архипастыремъ и да трудятся съ нимъ на нивѣ сердца народнаго во славу Церкви родной!..

131—132.

Отчество Царской власти.

Сегодня открылъ „Моск. Церк. Вѣдомости" и сразу прочиталъ слова въ запискахъ архіеп. Леонида: „Русскіе смотрятъ на государство

патріархально: государство—семья, Царь—Отецъ".

Я прибылъ въ родную лавру, когда она была полна свѣтлыхъ воспоминаній о посѣщенія ея Царской Семьей. Иноки съ умиленіемъ разсказывали разныя подробности этого посѣщенія. Болѣе десяти лѣтъ прошло съ того дня, какъ Государь посѣщалъ обитель Преподобнаго Сергія; много скорбей пережила бѣдная Русь за это время, а съ нею скорбѣла и святая лавра. Вѣдь, если Москва есть сердце Россіи, то обитель Сергіева есть одинъ изъ жизненныхъ нервовъ этого сердца. А Москва сама за это время была опозорена тою проклятою революціей, которая пыталась убить нашу мать—Русь православную.... Тяжело было переживать эти смутные годы моей родной обители!.... И горячо молились иноки о мирѣ всего міра, о Царѣ своемъ, о родной землѣ, молились и у гроба чудотворца, и во всѣхъ храмахъ, и по кельямъ своимъ... „Какъ будто наступило затишье, говорятъ они: дай-то, Господи! Пошли миръ людемъ Твоимъ!"...

Не стану повторять то, что въ свое время описано въ газетахъ. Отмѣчу лишь то, что ускользаетъ обыкновенно отъ зоркихъ глазъ газетныхъ описателей.

Говорятъ, были предприняты нѣкоторыя мѣры, чтобы массы народныя не переполняли улицъ посада. Но народъ проникъ въ посадъ такими путями, о коихъ полиція не думала: чрезъ посадскіе лощины или овраги, и всѣ улицы по пути Государя оказались переполненными. Вся площадь предъ лаврой пестрѣла отъ головныхъ уборовъ крестьянокъ, у вокзала всюду, гдѣ только было возможно, тѣснился народъ. Когда Цесаревичъ показался изъ вагона и направился прямо къ Царскую коляску, то буря народнаго восторга не поддавалась никакому описанію. Государь въ эту минуту находился въ царскомъ павильонѣ: Онъ взглянулъ въ открытое окно павильона, и радостнымъ чувствомъ озарилось Его лицо... Восторженными громовыми перекатами гремѣло „ура" по всему пути до лавры, а лаврская колокольня привѣтствовала Царя чудными звуками четырех-тысяче-пудоваго царя-колокола и его сорока мѣдныхъ дѣтей. Съ крестнымъ ходомъ лавра встрѣтила Помазанника Божія у св. воротъ. Митрополитъ привѣтствовалъ Его сердечнымъ словомъ. И вотъ Государь въ древнемъ соборѣ Живоначальныя Троицы, у нетлѣнныхъ мощей великаго печальника Русской земли, Преподобнаго Сергія. Онъ, Самодержавный Обладатель шестой части свѣта, яко единъ отъ простыхъ богомольцевъ, смиренно склоняетъ вѣнчанную главу Свою предъ гробомъ смиреннаго отшельника лѣсовъ Радонежскихъ, молитвенно поручаетъ ему Своего Сына — Наслѣдника и всю Свою Царственную семью. Торжественно идетъ молебенъ Преподобному и горячо молится Царь, молится Царица, молятся ихъ Дѣти у гроба чудотворца. Говорятъ, трогательно было видѣть, какъ Государь Цесаревичъ благоговѣйно принялъ икону изъ рукъ Митрополита и поцѣловалъ ее, истово оградивъ Себя крестнымъ знаменіемъ.

Государь съ Царевнами посѣтилъ келліи Митрополита, а Государыня съ Своимъ Царственнымъ Отрокомъ изволила оставаться въ это время въ притворѣ, именуемомъ келліей Преподобнаго Сергія. Здѣсь Царица земная горячо молилась Царицѣ Небесной, явившейся нѣкогда на семъ мѣстѣ преподобному Сергію и рекшей: „неотступна пребуду отъ мѣста сего". Государь еще разъ по-

сѣтилъ эту келейку, милостиво и просто бесѣдовалъ съ братіей, разспрашивая объ иконахъ и иконописной школѣ. Съ умиленіемъ повѣдаютъ иноки, какъ Государь Наслѣдникъ выходя изъ келліи Преподобнаго, еще разъ обратился назадъ и протянулъ ручки, чтобы принять благословеніе Владыки Митрополита. Невольно хотѣлось сказать Царственному Дитяти: „Ты испрошенъ у Бога молитвами новоявленнаго чудотворца преподобнаго Серафима: да будутъ же всегда, во всѣ дни жизни Твоей угодники Божіи съ Тобою, и Божіе благословеніе да будетъ надъ Тобой!“...

Государь съ Своею Царственной Семьей отбылъ изъ святой обители; праздникъ кончился, но свѣтлыя воспоминанія о Его пребываніи здѣсь живы и надолго будутъ одушевлять сердца, Ему преданныя, горячей любовью къ Божію Помазаннику и всему Дому Его. Вотъ телеграмма, которою Государь порадовалъ обитель и всѣхъ жителей посада послѣ Своего отъѣзда. Она прислана на имя губернатора и въ отвѣтъ на телеграмму жителей посада:

„Вмѣстѣ съ Моей Семьей сохраню радостныя чувства отъ посѣщенія святой обители и совмѣстной молитвы съ жителями Сергіева посада, которымъ поручаю передать Мою благодарность за выраженныя чувства преданности“.

НИКОЛАЙ.

Каждый разъ, когда мнѣ приводилъ Богъ быть свидѣтелемъ и участникомъ встрѣчи Государя, я переживалъ какое-то особое чувство, особое, такъ сказать—мистическое настроеніе... Думаю, меня поймутъ православные русскіе люди, сердцемъ преданные завѣтамъ родной земли. Какъ выразить словами это чувство?... Я сказалъ бы: это ощущеніе всѣмъ существомъ русской души того *отчества* Верховной Власти, которое выражается въ беззавѣтной, а слѣдовательно и безусловной любви и преданности народа къ своему Царю и такой же любви Царя-Отца къ народу, когда всякая мысль о какой-то конституціи, о какомъ-то договорѣ Царя съ народомъ является кощунствомъ, непростительнымъ оскорбленіемъ не только Царя, но и Бога, Которымъ Царь царствуетъ. Наше русское Самодержавіе носитъ характеръ чисто религіозный: „Богъ, по образу Своего Вседержительства, далъ намъ Царя Самодержавнаго“, говоритъ великій учитель Русской Церкви Митрополитъ Филаретъ, и Царь нашъ царствуетъ по образу Божія о насъ промышленія, какъ слуга Божій, какъ уполномоченный Имъ, Царемъ Небеснымъ, и только Имъ единымъ. Онъ — нашъ беззавѣтно любимый, нашъ родной Отецъ, и никогда, пока Русь стоитъ, пока она Русь *православная*, народъ Русскій не допуститъ и мысли о какомъ-либо ограниченіи Его самодержавной власти, ибо не можетъ допустить и той мысли, чтобы Благочестивѣйшій Божій Помазанникъ когда-либо позволилъ Себѣ поступить вопреки велѣніямъ Своей Царской совѣсти, руководимой благодатію Духа Божія, дарованною Ему въ священномъ таинствѣ муропомазанія. Пожелаетъ ли отецъ недобраго своимъ дѣтямъ? Мыслимо ли отъ отца требовать отчета въ его дѣлахъ? Возможно ли, не будетъ ли нарушеніемъ всякихъ законовъ и божескихъ и человѣческихъ вторгаться въ права отца, ограничивать ихъ, ставить ему какія-то условія, кромѣ тѣхъ, въ какія онъ поставленъ Богомъ въ его совѣсти? Народъ есть единый цѣлый организмъ,

организмъ живой, возглавляемый Царемъ, яко Главою своею: что тѣло безъ головы—то государство безъ Царя, что семья безъ отца, то и царство безъ Царя. Когда была наша Русь наиболѣе сильна и славна и могущественна среди народовъ земныхъ? Тогда, когда наиболѣе сознавала эту истину: примѣръ—царствованіе незабвеннаго Носителя идеала Царя Миротворца Александра III-го. Онъ воплотилъ въ Себѣ, въ Своемъ царствованіи, въ Своей личной жизни народный идеалъ Царя, и никогда Россія не стояла такъ высоко въ глазахъ всего міра, какъ во дни — благословенные дни Его царствованія. Мы переживаемъ иные дни, когда идеалъ нашъ тускнѣетъ, меркнетъ въ нашемъ сознаніи, и вотъ—плоды этого на нашихъ глазахъ. Но въ душѣ народной онъ, этотъ идеалъ, живъ: народъ беззавѣтно любитъ самое имя Царя, чтитъ въ Немъ Божія Помазанника и беззавѣтно преданъ Ему... И эта сыновняя преданность, это благоговѣйное отношеніе къ Царской власти, къ личности Царя и всѣхъ членовъ Его Августѣйшей Семьи, Богъ дастъ, спасетъ Россію, если только врагамъ ея не удастся поколебать самой основы *отчества* Царской Власти. И они, наши супостаты, видятъ это, сознаютъ, быть можетъ, лучше многихъ изъ насъ, отлично понимаютъ и то, на чемъ все это зиждется, что опора всего строя нашей государственной жизни — въ Церкви, въ вѣрѣ православной; и посмотрите, какъ они стараются расшатать эти основы! Ни іудейства, ни магометанства, ни лютеранства, ни католичества, даже никакихъ сектъ не трогаютъ, напротивъ: готовы всѣми мѣрами имъ содѣйствовать въ укрѣпленіи и расширеніи,—на одно только православіе устремлены всѣ ихъ нападенія, противъ него всюду и вездѣ строятся козни, ведутся подкопы, составляются „блоки“ и—какой позоръ! въ этомъ всеобщемъ походѣ враговъ нашихъ противъ Церкви православной принимаютъ едва ли не главное участіе, по крайней мѣрѣ по количеству членовъ этого „блока“, люди, именующіе себя русскими, даже православными! Что за ослѣпленіе! Что за безуміе, граничащее съ самоубійствомъ! Ужъ пусть бы прежде совсѣмъ отреклись отъ православія, отъ русской народности, открыто заявили, что перешли... ну хотя бы въ іудейство, магометанство, буддизмъ, во что угодно, только бы не обманывали народъ именемъ *русскихъ* людей! Но—увы! имъ эта-то маска и нужна: безъ нея они безсильны, они знаютъ это и только подъ маскою благодѣтелей народа надѣются достигнуть своихъ преступныхъ цѣлей. Вѣрится, что народъ своимъ здравымъ умомъ сумѣетъ наконецъ распознать ихъ и съ чувствомъ грознаго для нихъ негодованія отвернется отъ нихъ, заклеймивъ ихъ именами, имъ свойственными...

Все міросозерцаніе нашего народа построено на началахъ нравственныхъ, церковно-религіозныхъ, въ противоположность міросозерцанію народовъ западныхъ. Тамъ, напротивъ, все строится на началахъ правовыхъ, юридическихъ. Если мы хотимъ, чтобы нашъ народъ занималъ подобающее ему мѣсто въ средѣ народовъ земныхъ, то мы не должны насиловать его міросозерцанія, а всѣ законы строить въ народномъ духѣ. И если бы наши образованные классы усвоили себѣ это основное начало русской жизни, то не надѣлали бы тѣхъ ошибокъ, въ коихъ—увы!—они и теперь не каются. Призваніе Царемъ „лучшихъ людей“, народомъ избран-

ныхъ, они поняли какъ открытіе „парламента“, тогда какъ Царь—Отецъ хотѣлъ видѣть при Себѣ совѣтниками дѣтей, а не парламентскихъ говоруновъ, людей дѣла, людей опыта жизненнаго и, по возможности, разума государственнаго. А Ему въ первую же думу послали большинство самыхъ негодныхъ людей—разныхъ „эсъэровъ“ и „эсдековъ“. Кто послалъ? Конечно, не народъ, глубоко Царю преданный, готовый за Него душу положить, а вотъ эта „интеллигенція“, которая, пропитавшись западною отравою масонскихъ ученій, хотѣла и Русь передѣлать на западный шаблонъ. Царь распустилъ негодную думу. Собралась вторая, но не лучше первой. Тогда Царь измѣнилъ выборный законъ и получилась дума... сносная. По крайней мѣрѣ, ее терпѣли до конца срока ея полномочій. Желательна ли 4-я дума такая же? Конечно, нѣтъ. Будетъ ли опять измѣненъ избирательный законъ или же будутъ приняты мѣры къ болѣе строгому его исполненію путемъ разъясненій, какъ это недавно было сдѣлано въ отношеніи къ іудеямъ—мы не знаемъ; знаемъ одно: Царь есть высшій источникъ законовъ и никто не смѣетъ отнимать у Него права не только измѣнять, но и отмѣнять законы, если Онъ сіе признаетъ за благо. Онъ можетъ и вовсе отмѣнить законы о Думѣ: вѣдь, *Онъ* далъ ихъ, и если найдетъ, что законы не отвѣчаютъ благу Его народа, то кто же посмѣетъ запретить Ему и отмѣну ихъ? Отецъ устанавливаетъ порядки въ семьѣ, и если эти порядки оказываются непригодными, отмѣняетъ ихъ. Законъ можетъ быть хорошъ по идеѣ, но не отвѣчать жизни: ужели слѣдуетъ держаться его неотмѣнно, хотя бы онъ оказался вреднымъ для государства? Да, наконецъ: дѣти не исполняютъ воли отца: присылаютъ ему не „лучшихъ“, а худшихъ избранниковъ: ужели нельзя лишить такихъ дѣтей (для ихъ же пользы, какъ неразумныхъ, непонимающихъ намѣреній отца) и того права, какое подарилъ имъ отецъ? Богъ—источникъ благости, но и Онъ караетъ грѣшниковъ, лишая ихъ Своей милости. Раскройте страницы всемірной исторіи, читайте исторію избраннаго народа. Мы, христіане, вѣруемъ слову Божію и видимъ изъ него, видимъ изъ нашей родной исторіи, какъ Богъ лишалъ народы Своей милости, когда они переставали быть вѣрными исполнителями Его святой воли... Даже съ юридической точки зрѣнія, когда одна сторона, заключившая условіе, бываетъ невѣрна своимъ обязанностямъ, то другая освобождается отъ принятыхъ ею на себя обязанностей, хотя бы могла быть и вѣрною имъ... Въ самомъ дѣлѣ: Царь хочетъ, чтобы Ему выбрали въ Его Думу „лучшихъ“, а Ему присылаютъ худшихъ людей: что же, развѣ Онъ не въ правѣ сказать: „такіе Мнѣ не нужны“? И мы признали бы только дѣломъ мудрой справедливости, если бы тѣ области, тѣ учрежденія, которыя и въ 4-ю Думу прислали бы „эсъэровъ“ и „эсдековъ“, были лишены, впредь до новой думы, на пять лѣтъ, права имѣть своихъ избранниковъ въ Г. Думѣ или Г. Совѣтѣ, а эти негодные люди были изгнаны изъ сихъ почтенныхъ учрежденій немедленно. Худая трава изъ поля вонъ: нечего ей и сорить поле. Чистая пшеница будетъ только благодарна, если ее прополятъ въ этомъ смыслѣ, если среди ней не окажется открытыхъ враговъ Церкви и отечества. И при нравственныхъ основахъ государственной жизни это было бы только естественнымъ явле-

ніемъ, и народъ, вѣрный этимъ началамъ, только горячо поблагодарилъ бы Верховную Власть за такую прочистку...

Въ исторіи бываютъ моменты, когда люди, понимающіе смыслъ совершающихся событій, должны всячески проясннть въ сознаніи народномъ тѣ жизненныя начала, которыя заложены въ духовный обликъ народа, и къ такимъ святымъ началамъ—въ церковной жизни нашего народа должно отнести—общеніе наше съ Церковію небесною, съ Церковію вѣковъ минувшихъ,—общеніе въ мысли, въ вѣрѣ и жизни, а въ государственной жизни—сознаніе *отчества* Верховной Власти. И если когда, то именно теперь мы, пастыри Церкви, а съ нами и всѣ просвѣщенные русскіе люди, вѣрные этимъ началамъ, должны стоять на стражѣ ихъ, зорко слѣдя за всѣми покушеніями на нихъ со стороны нашихъ враговъ...

133.

Мое доброе слово къ православному духовенству.

Время всякой вещи подъ небесемъ, сказалъ Премудрый, *время молчати и время глаголати.*

Настало время, когда намъ, пастырямъ Церкви, предстоитъ великое дѣло—послужить нашей православной Руси и нашему Богомъ избранному Самодержцу Царю вѣрою и правдою. Въ нынѣшнемъ году предстоятъ выборы въ четвертую Государственную Думу. Воля Самодержавнѣйшаго Государя нашего намъ хорошо извѣстна. Онъ хочетъ, чтобы въ это высокое государственное учрежденіе были избраны лучшіе русскіе люди, русскіе по духу, чтобы здѣсь работали богатыри русской мысли, носители родныхъ завѣтовъ русскаго народнаго духа, люди дѣла и опыта не только житейскаго, но и государственнаго. Имъ поручается разсмотрѣніе, исправленіе и даже составленіе новыхъ законовъ; они отвѣчаютъ и предъ народомъ за то, хороши или плохи будутъ эти законы, худо или хорошо будетъ русскому православному человѣку жить подъ этими законами.

Отцы и братія, сослужители и работники на нивѣ сердца народнаго! Вы знаете, что творится на нашей, когда-то святой, а нынѣ столь грѣшной Руси! Вы знаете, сколько развелось у нея враговъ внутреннихъ, враговъ святой матери нашей Церкви Православной, враговъ завѣтныхъ нашихъ святынь и родныхъ преданій. Они и сейчасъ всюду работаютъ, подкапываясь подъ самые устои нашей народно-государственной жизни. Нужно ли называть ихъ сообщества, или партіи, по именамъ? Народъ въ массѣ своей мало знакомъ съ этими прозвищами, дикими для его слуха; зато онъ отлично умѣетъ различать ихъ по ихъ дѣяніямъ, по ихъ пропагандѣ; кто идетъ противъ матери Церкви, не слушая ея внушеній, ея голоса; кто хочетъ ограничить Царское Самодержавіе; кто навязываетъ Русскому народу братство и равенство съ іудеями и другими враждебными вѣрѣ православной иноплеменниками, отнимая у нашего народа право быть хозяиномъ въ родной землѣ: всѣхъ таковыхъ народъ считаетъ врагами своими, все равно, какъ бы ихъ ни называли:

кадеты ли, эсъэры ли, эсдеки ли или еще какіе политическіе сектанты... Вспомните, отцы и братія, съ какою непримиримою злобою всѣ эти господа относились въ Государственной Думѣ именно къ Церкви Православной. Вспомните, какіе вѣроисповѣдные законы проводили они и кто своимъ большинствомъ помогалъ имъ въ этомъ. Вспомните, какъ они отнеслись къ нашему родному дѣтищу — церковно-приходскимъ школамъ, глубоко оскорбивъ не только память въ Бозѣ почившаго незабвеннаго ихъ воскресителя-императора Александра III, но и, милостію Божіей, нынѣ царствующаго Его Державнаго Сына, Который назвалъ эти школы дорогимъ Его сердцу наслѣдіемъ отъ Державнаго Отца. Вспомните, съ какою желчью отзывались они о нашихъ святыняхъ, о нашемъ церковномъ управленіи, съ какимъ презорствомъ трактовали больной вопросъ объ обезпеченіи духовенства... За то съ какою нѣжностью отстаивали они интересы сектантовъ и раскольниковъ, разныхъ иновѣрцевъ и иноплеменниковъ!... Сердце изболѣлось за эти пять-шесть лѣтъ; будто кошмаръ какой давилъ душу.

Но зато мы многому и научились за это время. Мы научились распознавать враговъ отъ друзей, какими въ первые дни третьей думы притворялись, напримѣръ, такъ называемые октябристы. Не захотѣли они въ думскомъ адресѣ назвать нашего возлюбленнаго Отца народа Самодержцемъ, и тутъ открылось, что они враги Царскаго Самодержавія. Ясно стало, что на такихъ друзей полагаться нельзя, что и довѣрять ихъ обѣщаніямъ не слѣдуетъ. Дѣло показало, что они явились врагами и церковной школы, да и во всѣхъ вопросахъ, касавшихся пользы и нуждъ Церкви, они становились на сторону такъ называемыхъ кадетовъ. Такіе друзья хуже открытыхъ враговъ.

Съ дѣтства, отъ отцовъ своихъ мы приняли, какъ неоспоримую истину, что умъ и совѣсть не измѣряются какъ величины ариѳметическія, что истина и добро не расцѣниваются по большинству голосовъ ихъ оцѣнщиковъ. „Большинство голосовъ есть великая ложь нашего времени“, сказалъ одинъ умный государственный мужъ. Но опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что приходится считаться и съ этою ложью: иначе ложь возьметъ верхъ въ законодательствѣ надъ истиной, зло—надъ добромъ. Ясно, что въ законосоставительныя учрежденія надо собирать побольше людей умныхъ и честныхъ, чтобъ и большинствомъ голосовъ они брали верхъ надъ людьми неумными и нечестными. Понятно, что если бы въ Государственной Думѣ составилось большинство изъ людей, преданныхъ Церкви, беззавѣтно любящихъ Самодержца и родину — мать, то и смутѣ давно былъ бы положенъ конецъ, и пьянству народному—должные предѣлы, и школьное дѣло процвѣтало бы въ истинно-народномъ, православномъ духѣ, и Церковь Божія стояла бы на высотѣ, ей подобающей, да духовенство наше не нуждалось бы въ кускѣ насущнаго хлѣба. Видите, какъ ни противно нашему нравственному чувству признавать въ жизни принципъ рѣшенія столь важныхъ вопросовъ большинствомъ голосовъ, но разъ этотъ принципъ допущенъ въ законы, намъ необходимо противопоставить ему такое же, но совершенно нравственное средство—тоже большинство голосовъ, но подаваемыхъ людьми достойными, разумными, честными, а слѣдовательно только такихъ и избирать въ будущую Госу-

дарственную Думу. Русскій народъ искони жилъ въ любви къ Церкви, всегда прислушивался къ ея материнему голосу, къ ней обращался въ своихъ нуждахъ и невзгодахъ политическихъ. Грѣшно намъ, пастырямъ Церкви, оставить его безъ руководства и въ настоящую трудную для него историческую минуту. Нашъ долгъ указывать ему грозящія опасности, разъяснять, что такое всѣ эти политическія партіи, всѣ эти кадеты, октябристы, эсъ-эры и эсдеки, обличать лживость ихъ обѣщаній, ихъ тайные замыслы. Напримѣръ: партія кадетовъ назвала себя „партіей народной свободы“, а когда и эта лживая кличка была разоблачена, теперь называютъ себя „безпартійными прогрессистами“... А на дѣлѣ ихъ стремленія ясны, какъ Божій день: они хотятъ лишить Помазанника Божія Его самодержавія, сдѣлать Его игрушкой въ своихъ рукахъ, чтобы Онъ не могъ распоряжаться на Руси, яко Самодержецъ, по велѣнію Своей Царской совѣсти, а только подписывалъ бы то, что Ему подложатъ эти господа кадеты. Захватить Державную Власть въ свои нечистыя руки—вотъ ихъ цѣль! Понятно, что съ негодованіемъ слѣдуетъ отвергать всякую мысль о выборѣ въ Государственную Думу какихъ бы то ни было лицъ, принадлежащихъ къ этой измѣннической партіи, которую было бы справедливо называть, какъ и называютъ умные люди, партіей народнаго обмана, а не народной свободы.

Нашъ пастырскій долгъ и предъ Богомъ и предъ отечествомъ предостерегать народъ отъ всякой возможности выбора такихъ представителей въ Г. Думу. Само собою понятно, что и все духовенство должно всенепремѣнно использовать свои права такъ, чтобы ни одной десятины земли не осталось безъ представительства на выборахъ. Смотрите, какъ заботятся наши враги, враги Церкви Божіей, заботятся о томъ, чтобы всячески отвести глаза намъ, духовенству, отъ выборовъ, отъ участія въ нихъ. Они нарочито и газету затѣяли якобы церковную, для недалекихъ батюшекъ, и назвали ее именемъ, когда то, лѣтъ 30 назадъ, существовавшаго „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, издававшагося г. Поповицкимъ: имъ страстно хочется внушить всѣмъ намъ мысль, будто участіе духовенства въ выборахъ въ Государственную Думу и въ ея трудахъ—есть вмѣшательство Церкви въ политику. Они и слова Спасителя не прочь привести—*воздадите убо Кесарево Кесареви, а Божія Богови.* Но какъ разъ эти-то слова и обличаютъ ихъ: вѣдь, и сказаны-то они были не Апостоламъ, а вотъ такимъ же, какъ наши кадеты, лицемѣрамъ, которые хотѣли уловить Господа, обвинивъ Его въ политикѣ. Господь и разъяснилъ, что всѣ мы должны исполнять свой долгъ какъ въ отношеніи къ Богу, въ исполненіи Его заповѣдей, такъ и въ отношеніи къ Государю, въ исполненіи Его законовъ и повелѣній. Знаютъ іудеи и ихъ приспѣшники, разные кадеты и прочая челядь іудейская, что печать способна перевоспитывать неглубокихъ людей, что она можетъ гипнотизировать массы, внушать имъ то, что хотятъ внушить руководители печати; и вотъ, денегъ не жалѣютъ, чтобы воздѣйствовать на духовенство черезъ печать, чтобы внушить ему, если не прямо революціонныя мысли, то хотя бы только вотъ эту мысль: „политика—не дѣло духовенства“... Да скажите же наконецъ, Бога ради: что такое „политика?“ Ужели проповѣдь любви къ отечеству—политика? Ужели

горячій призывъ къ защитѣ родныхъ святынь отъ поруганія ихъ іудеями и измѣнниками—политика? Ужели истолкованіе идеала Царскаго Самодержавія по разуму Православной Церкви—политика? Ужели твердое и рѣшительное требованіе—да, требованіе!—чтобы театры не строились, напримѣръ, рядомъ съ храмами Божіими, чтобы подъ великіе праздники, по крайней мѣрѣ вблизи храмовъ Божіихъ, молчала плясовая жидовская музыка, чтобъ дѣтямъ въ школахъ не смѣли дарить толстовскія богохульныя книжонки, чтобъ въ великіе праздники, какъ Богоявленіе Господне, Входъ въ Іерусалимъ да и въ воскресные дни іудеи-профессора не назначали для православныхъ дѣтей экзаменовъ, а гг. земскіе начальники, мировые судьи и другіе служители Ѳемиды не назначали по праздникамъ засѣданій своихъ въ часы Богослуженія, да мало ли еще что—ужели все это политика? Вѣдь, выходитъ, что все, что не нравится іудеямъ и нашимъ измѣнникамъ — ихъ союзникамъ, все это политика? Вотъ и теперь мы, пастыри, должны открыто и повсюду призывать Русскій народъ выбирать въ Царскую думу лучшихъ, православныхъ русскихъ людей и не давать своихъ голосовъ тѣмъ, кто не хочетъ служить вѣрой и правдой, по совѣсти и присягѣ, Царю Самодержавному, Церкви Православной и родной Русской землѣ—что же, гг. кадеты, и это по вашему будетъ тоже политика? О, если бы мы отдали теперь всѣ силы ума и сердца, призвавъ Бога на помощь, такой политикѣ! Если бы Богъ вразумилъ русскихъ людей собрать Царю такую Думу, какою Онъ представлялъ ее Себѣ, когда писалъ Свой манифестъ о первой Думѣ! Если бы эта Дума думала съ Царемъ своимъ воедино, какъ бывало когда-то встарь, при Царяхъ Московскихъ!..

Помолимся, отцы и братія, пастыри Русской Церкви, да поможетъ Господь народу нашему, изстрадавшемуся за послѣднія шесть-семь лѣтъ отъ всяческихъ смутъ, встать на старый славный историческій путь единенія и въ мысли и въ дѣлѣ и въ государственной жизни съ Царемъ своимъ, Божіимъ Помазанникомъ!

Ей, буди, буди!!!..

134.

О томъ, какъ іудеи отравляютъ нашу Русь православную.

Несчастная Россія!.. Не нужно быть мудрецомъ, чтобы видѣть, что ты гибнешь,—не надо быть пророкомъ, чтобы провидѣть, что ты погибнешь, если не опомнишься, если не положишь границъ той необузданной свободѣ, какую захватили себѣ іудеи и ихъ наемники и приспѣшники, измѣнники вѣрѣ родной изъ сыновъ твоихъ! Мы, русскіе люди, дожили до того, что насъ насильственно отравляютъ духовнымъ ядомъ, намъ не даютъ самой возможности имѣть здоровую духовную пищу: іудеи нагло смѣются надъ нами, подсовывая намъ вмѣсто этой пищи ядъ, всюду—только ядъ и никакого противоядія...

Отъ чтенія хорошихъ книгъ отучили; все заполонила газета, а вся газетная печать—почти вся, за немногими рѣдкими исключеніями—въ рукахъ іудеевъ, и мы, читатели, должны или читать непремѣнно

только ихъ — извините за выраженіе — зловонные листки, или же совсѣмъ не знать, что на свѣтѣ Божіемъ творится. Когда сидишь еще дома—можно выписать кое-что изъ патріотической печати,—надо правду сказать: по неимѣнію достаточныхъ къ тому средствъ—какой-то захудалой, тощей свѣдѣніями, сообщающей не рѣдко то, что въ іудейскихъ газетахъ напечатано уже два-три дня назадъ; но когда судьба заставитъ васъ путешествовать, то вы уже обречены на плѣнъ іудейскій, горшій вавилонскаго. Ни на пароходѣ, ни на станціяхъ жел. дорогъ, ни въ вагонахъ—ни одной патріотической газеты. Спросишь „Моск. Вѣдомости“ или „Колоколъ“—отвѣчаютъ: „нѣтъ“—„Почему же не имѣете?“—„Спроса нѣтъ“!—„Да, вотъ я спрашиваю!“—„Извините, не имѣемъ“. Или: „вышли всѣ“.—Да у васъ и не было ихъ!..

Загляните въ сумку продавца и предъ вами запестрѣютъ всѣ іудейскія изданія: и „Рѣчь“, и „Руль“, и „Биржовки“, и „Копѣйки“, не говорю уже о „Русскомъ (когда-то дѣйствительно—*Русскомъ*, въ которомъ и мнѣ не стыдно было, напротивъ — почетно сотрудничать!) Словѣ“, „Современномъ Словѣ“ и т. д. А если заглянете какъ-нибудь неосторожно въ изданія иллюстрированныя, то краска стыда покроетъ ваше лицо: такая тамъ печатается мерзость!..

Судите сами: можно ли уцѣлѣть тутъ простому читателю? А, вѣдь, газета въ послѣдніе годы стала насущной потребностью массы полуинтеллигентовъ, что-то вродѣ папиросы или чашки чаю. Іудеи, прикрываясь заманчивымъ для недалекихъ людей словомъ „свобода“, захватили въ свои цѣпкія руки печатное слово, захватили, говоря коммерческимъ языкомъ, газетный рынокъ, поставили насъ въ невозможность противостоять имъ, и вотъ мы—въ плѣну у нихъ: чѣмъ хотятъ, тѣмъ насъ и питаютъ, особенно во время нашихъ путешествій: точь въ точь какъ содержатели буфетовъ: или ѣшь скоромное, или голодай въ дорогѣ. И это называется у насъ *свободою* печатнаго слова! О, конечно, свобода—свобода злу, свобода отравлять русскихъ людей, свобода издѣваться надъ нами, надъ всѣмъ, что для насъ дорого и священно! Но, гг. власть имущіе: вѣдь, это плѣнъ, худшій плѣна японскаго, нѣмецкаго, какого угодно, это плѣнъ жидовскій: ужели это не видно вамъ?.. Или погибни Русь, лишь бы былъ неприкосновенъ принципъ свободы печати, свободы слова и т. д.?

Намъ говорятъ: и вы пользуйтесь тою же свободою, — кто вамъ запрещаетъ?

Совѣсть, господа, запрещаетъ! Мы не можемъ допустить тѣхъ способовъ отравленія народа, какія допускаютъ и на какія способны іудеи. Мы не имѣемъ и тѣхъ средствъ, какими располагаютъ для сей цѣли іудеи. У насъ нѣтъ фондовъ, подобныхъ кагальному, нѣтъ милліардеровъ, бросающихъ милліоны на завоеваніе нашего народа, въ надеждѣ пить его кровь... Нѣтъ, если вамъ жаль русскаго человѣка, если жалѣете родную Русь и хотите, чтобъ она еще жила среди народовъ земли, то гоните отъ нея прочь этихъ чужеядныхъ насѣкомыхъ...

На эти мысли навелъ меня недавній случай. Ѣду я въ вагонѣ, одинъ изъ спутниковъ подаетъ мнѣ № московскаго іудейскаго „Руля“ и говоритъ: „почитайте“. Говорю ему: „охота и вамъ брать въ руки этотъ листокъ: развѣ не чувствуете, что отъ него несетъ чеснокомъ?“—„Да

нѣтъ, говоритъ: посмотрите, любопытная статья... Одно заглавіе чего стоитъ! „Новое религіозное сознаніе“! А въ скобкахъ: „Что же такое голгоѳское хрістіанство?“ И тутъ же реклама автора, будто какой знаменитости: „Статья Іоны Брихничева“. А подъ статьей опять стоитъ это же, столь милое редакціи имя: „Іона Брихничевъ“.

Взялъ я листокъ, пробѣжалъ статейку, писанную извѣстнымъ разстригою. Что же проповѣдуетъ сей отступникъ отъ ученія Церкви? А вотъ, послушайте, чему онъ поучаетъ читателей іудейской газеты. „Хрістіане, видите ли, на протяженіи двухъ тысячъ лѣтъ не усвоили себѣ хрістіанскаго ученія о благодати (милостыни хочу, а не жертвы)“. — Замѣтимъ: даже текстъ словъ Спасителя искаженъ: вмѣсто *милости* стоитъ *милостыни*, что, конечно, не одно и то же.—„До сихъ поръ члены этихъ церквей называютъ себя рабами Господа, забывая о Богосыновствѣ, а слѣдовательно абсолютной свободѣ отъ заповѣдей—пережитыхъ временъ рабства“.— Что-то не складно, по-іудейски: „пережитыхъ временъ рабства“, но не въ томъ суть. Какъ видите, г. Брихничевъ, бывшій православнымъ священникомъ, какъ будто не читалъ никогда молитвы Господней, начинающейся словами: *Отче нашъ*... Совсѣмъ не помнитъ и словесъ Господа и Спасителя нашего: *если любите Меня, заповѣди Мои соблюдите*. „Но рабство есть зло, поучаетъ онъ, — слѣдовательно, и заповѣди не добро“... Слышите, читатель, что проповѣдуетъ іудейскій прислужникъ? — „Проповѣдуя *личное* спасеніе каждаго человѣка, говоритъ онъ, какъ довлѣющую *цѣль и ношу* (?!), которую каждый человѣкъ только и можетъ понести, всѣ современные хрістіанскіе учители и нехрістіанскіе законодатели учатъ исключительно самоспасанію (?!). *Все для себя*, для спасенія своей души“... Не правда-ли: писать такъ значитъ вовсе не понимать самаго духа ученія о спасеніи. Какъ это непростительно бывшему священнику—говорить-ли объ этомъ? Очевидно, ему и въ голову не могло притти общее правило спасенія: „спасайся въ Церкви, и ты будешь содѣйствовать спасенію многихъ душъ“.—Однако, г. Брихничевъ изрекаетъ уже свой судъ на ученіе Церкви: „это *жестокое* (курсивъ автора) ученіе, по которому „праведникъ“ (знаки вносные показываютъ, что авторъ изволитъ иронизировать надъ этимъ словомъ) можетъ покойно блаженствовать „въ раю“ (опять тѣ же знаки), когда *грѣшникъ* томится муками адскаго пламени, проводить послѣдовательно, что и въ общественной жизни *здѣсь, на землѣ*, проводится, благодаря ему, въ большей или меньшей степени система *самоспасанія*, личной святости, дрожанія только за свою шкуру („моя хата съ краю“, поясняетъ онъ въ скобкахъ).“ Поймите тутъ: что онъ хочетъ сказать? „Хрістіанство подлинное, голгоѳское, религія свободнаго человѣка, учитъ иному: не самоспасанію и рабскимъ добродѣтелямъ, а иному—*Спасенію Цѣлаго* (прописныя буквы автора). *Не все для себя, а все—для всѣхъ* (для тѣла и души всего человѣчества)“. Дальше авторъ развиваетъ свою мысль въ видѣ молитвы, размышленія, патетически говоритъ о томъ, что „Скорбь (опять почему-то съ прописной буквы) Хріста не прекратится и руки и ноги Его не перестанутъ кровоточить, доколѣ не отдѣльныя лица будутъ подносить Ему ненавистный еиміамъ—личнаго самоспасанія, личной „чистоты“ (опять въ лапкахъ), личной

доброты, а пока весь міръ, воскреснувъ, не прійдетъ въ свободу чадъ Божіихъ, нравственными усиліями отдѣльныхъ его членовъ"... Забылъ несчастный экс-священникъ слова Господа, что на небесахъ бываетъ радость великая и о единомъ грѣшникѣ кающемся, забылъ страшное пророчество Господа о томъ, что во второе Его пришествіе нераскаянные грѣшники будутъ отосланы въ муки вѣчныя, а слѣдовательно и всеобщаго спасенія міра не будетъ... Эта ересь осуждена уже полторы тысячи лѣтъ назадъ и не г. Брихничеву ее реставрировать... Далѣе г. Брихничевъ уже прямо богохульствуетъ, говоря, что „*Христосъ не искупилъ міра, а положилъ начало совмѣстному съ нами искупленію*", что „всякія обѣщанія спасенія за чужой счетъ, хотя бы по вѣрѣ — есть *злая* и *опасная* шутка", что покаяніе состоитъ „въ отверженіи всѣхъ своихъ старыхъ вѣрованій, въ безповоротномъ и неуклонномъ (даже до смерти) осужденіи рабской религіи заповѣдей" и что это покаяніе „должно вылиться въ какой-то свободной жизни, свободномъ усовершенствованіи, исполненной Христова Огня (опять большая буква автора). Огонь очиститъ личность; Онъ же спасетъ міръ"... Что же это за огонь? Авторъ отвѣчаетъ: тотъ Огонь, о которомъ Христосъ сказалъ: „Огонь Я принесъ на землю и какъ бы хотѣлъ, чтобы Онъ разгорѣлся!" Авторъ намѣренно уклоняется отъ церковнаго толкованія словесъ Господнихъ и придаетъ имъ какой-то, видимо, особенный смыслъ, ибо вездѣ слово Огонь съ прописной буквы... Онъ говоритъ: „...Огнемъ горящія, пламенѣющія сердца человѣческія, *объединенныя однимъ общимъ желаніемъ воскрешенія всего* (курсивъ автора), составятъ изъ себя то Вселенское Пламя, въ которомъ земля и всѣ старыя тѣла сгорятъ"...

Едва ли найдется какой мудрецъ, который смогъ бы разобраться въ этомъ богословствованіи г. Брихничева; вѣроятно, онъ и самъ не вѣдаетъ, не даетъ себѣ полнаго и яснаго отчета о томъ, что говоритъ. Но читатели іудейской газеты твердо запомнятъ, что „заповѣди—не добро," что, стало быть ихъ и не нужно, что гдѣ заповѣди, тамъ рабство и прочіе безумные глаголы... А іудеямъ только-то и нужно, чтобъ такими бреднями отравлять христіанъ. И вотъ, къ ихъ услугамъ является разстриженный іерей г. Брихничевъ. И листы газетные съ его бреднями (хотѣлось бы употребить другое слово, напоминающее ближе его фамилію) разносятся по лицу бѣдной Руси нашей, когда-то столь ревностно стоявшей за православіе, что такому господину не поздоровилось бы... сидѣлъ бы гдѣ нибудь въ Суздалѣ или въ Соловкахъ. А нынѣ все можно: издѣвайся сколько угодно надъ вѣрою Апостольской, сочиняй ереси, продавай не только перо, но и душу врагамъ Христовымъ!

И многоскорбная, многострадальная мать наша, Церковь православная терпи поношеніе, поруганіе отъ такихъ отверженцевъ, а если кто изъ насъ вступится за ея поруганную честь, если кто назоветъ ея поносителей ихъ собственнымъ именемъ, того имя проносится яко зло... Но мы больше вѣримъ слову Христову: радуйтеся и веселитеся въ такихъ случаяхъ, съ радостью несемъ поношеніе Христово и крѣпко вѣруемъ, что истина Господня пребываетъ во вѣкъ, а всѣ враги ея, исчезая, исчезнутъ яко дымъ, яко прахъ, его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли... Жаль толь-

ко собратій нашихъ, отравляемыхъ этими бреднями и отторгаемыхъ отъ матери Церкви...

135—137.

Голосъ смиренной науки въ защиту вѣры.

Въ 1909 году я напечаталъ небольшую брошюрку: „Бесѣда о томъ, откуда пошла наука и вѣрятъ ли въ Бога люди ученые?“ Недавно вышла книга г. А. Г. Табрума: „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“, переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева. Тема, какъ видите, та же, но авторъ сосредоточилъ свое вниманіе на ученыхъ не прежнихъ поколѣній, а на современныхъ намъ, и притомъ почти исключительно на представителяхъ математическихъ и естественныхъ наукъ. Въ книгѣ собраны непосредственные отвѣты самихъ вождей новаго точнаго знанія на опредѣленный, предложенный имъ по двумъ пунктамъ вопросъ: 1) усматриваютъ ли они дѣйствительное противорѣчіе между фактами, установленными наукою, и основными ученіями хрістіанства? и 2) считаютъ ли они современныхъ ученыхъ людей вѣрующими или же относящимися отрицательно къ хрістіанству?—Въ моей книжкѣ я привелъ мысли о вѣрѣ людей науки временъ прошедшихъ: въ книгѣ г. Табрума приводится до ста писемъ мужей науки нашего времени, это голосъ людей науки самаго послѣдняго времени, единогласно свидѣтельствующихъ, что истинная наука, какъ таковая, не переходящая своихъ границъ и рессурсовъ, не можетъ отрицать Бога, потому что она не въ состояніи *доказать* Его отсутствія: *научное, доказательное обоснованіе атеизма невозможно.* Но именно поэтому для науки нѣтъ и препятствій къ признанію Бога, къ принятію вѣры рядомъ съ наукою, точнѣе—за *предѣлами* доступнаго силамъ науки. Правда, авторъ опрашивалъ только англійскихъ и американскихъ ученыхъ, но результаты этого опроса, въ главныхъ чертахъ, совпадаютъ съ данными, собранными другими учеными относительно французскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ выдающихся ученыхъ.

Мы живемъ въ такое время, когда враги вѣры готовы пойти на всякую ложь, на всякій обманъ, чтобы только подорвать вѣру въ сердцахъ вѣрующихъ; готовы на всякую поддѣлку въ наукѣ, готовы самую ничтожную посредственность возвести въ геніальнаго ученаго за то только, что этотъ полуученый станетъ на ихъ сторону въ отрицаніи вѣры. Вотъ почему надо быть особенно благодарными тѣмъ истиннымъ представителямъ науки, которые со всѣмъ авторитетомъ научнаго знанія обличаютъ скороспѣлыхъ прислужниковъ лже-науки, открыто исповѣдуя немощь человѣческаго ума постигнуть непостижимое въ дѣлахъ Божіихъ и смиренно склоняя свой умъ въ послушаніе вѣрѣ. Авторъ отмѣчаетъ, что масоны ежегодно распространяютъ массу дешевыхъ книгъ, наполненныхъ усиліями доказать, что вѣра въ Бога вымираетъ. Какъ недобросовѣстно пишутъ въ этихъ книгахъ ихъ авторы, достаточно привести одну цитату изъ такихъ изданій: „въ высшей степени сомнительно, говоритъ самоувѣренно такой авторъ, чтобы

какой-либо ученый или философъ дѣйствительно придерживался въ наше время доктрины личнаго Бога"... Судите сами, читатель: попадетъ такая фраза въ якобы научной книгѣ молодому человѣку, и онъ смущенъ: „говоритъ-де наука", а того, бѣдный, и не знаетъ, что представители истинной-то науки говорятъ какъ разъ обратное... Какъ же дорого предложить такой смущенной душѣ и порекомендовать прочитать книгу, въ которой болѣе ста ученѣйшихъ авторитетовъ, безъ всякихъ колебаній, предъ лицемъ всего научнаго міра заявляютъ, что сама вселенная является уже свидѣтельствомъ бытія Божественнаго Разума, доказательствомъ Бога, что, по мѣрѣ расширенія знанія природы и ея силъ, тѣмъ болѣе крѣпло въ нихъ убѣжденіе въ необходимости существованія творческой Причины — Бога. Джорджъ Стоксъ, профессоръ математики, справедливо говоритъ, что „крупная ошибка предполагать будто ученый нерелигіозенъ, на основаніи того только, что онъ обыкновенно не говоритъ (кромѣ развѣ въ кругу своей семьи) на религіозныя темы. Есть пословица: „глубокія воды текутъ спокойно", и мнѣ думается, что когда религія глубоко ощущается, о ней говорятъ немного". Слѣдовательно, если многіе ученые не говорятъ о религіи, то это не значитъ, что они и въ Бога не вѣруютъ. Истинный ученый бережливъ на слово, и если его спеціальная наука не близко касается вѣры, то онъ и не позволяетъ себѣ вторгаться своимъ умомъ въ область, гдѣ онъ не спеціалистъ...

Приведу изъ книги Табрума нѣсколько отвѣтовъ на его запросы. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, упомянутый ученый профессоръ Дж. Стоксъ: „что касается утвержденія, будто недавнія научныя изысканія показали, что Библія и религія ложны, то на это отвѣчу прямо: этотъ взглядъ совершенно ложенъ! Я не знаю никакихъ здравыхъ выводовъ науки, которые противорѣчили бы хрістіанской религіи. Быть можетъ, и есть кое-какія дикія научныя предположенія, высказываемыя, главнымъ образомъ, людьми второразряднаго знанія, выдаваемыя за хорошо обоснованныя научныя заключенія и которыя по свойствамъ своимъ могутъ вызывать нѣкоторыя *затрудненія, если* эти *предположенія* признать за *истину*; но я не зайду настолько далеко, чтобы говорить о *противорѣчіяхъ* науки и религіи другъ другу, такъ какъ въ главныхъ частяхъ онѣ движутся въ разныхъ плоскостяхъ и едва ли есть поводы для ихъ сопоставленія. Противорѣчія эти только *кажущіяся*: истинная наука и истинная религія согласны другъ съ другомъ".

Лордъ Кельвинъ (скончавшійся въ декабрѣ 1907 г.), котораго прозвали „Наполеономъ науки" и „королемъ ученыхъ", и который былъ болѣе полустолѣтія профессоромъ физики въ Глазговскомъ университетѣ, пишетъ: „истинная религія и истинная наука вполнѣ гармонируютъ другъ съ другомъ".

Лордъ Листеръ, знаменитый хирургъ, признанный за одного изъ величайшихъ людей нашего времени, пишетъ: „безъ колебаній скажу, что, по моему мнѣнію, антагонизма между религіей Іисуса Христа и какимъ бы то ни было научнымъ фактомъ *нѣтъ*".

Лордъ Рэдлей, о коемъ говорили ученые люди, что онъ былъ „человѣкъ міроваго знанія въ наукѣ", первоклассный физикъ и математикъ, писалъ: „истинная наука и истинная религія не противорѣчатъ другъ другу, да и не могутъ быть противополагаемы".

Лордъ Эвбери, болѣе извѣстный подъ именемъ сэра Джона Леббока, всѣми признанный за одного изъ величайшихъ ученыхъ не только въ области антропологіи, но и вообще въ наукѣ, взятой въ ея цѣломъ, въ своей книгѣ „Пользованіе жизнью“ пишетъ: „Безконечное и Абсолютное никогда не могутъ быть ни объяснены, ни отринуты путемъ объясненія... Помни твоего Творца въ дни юности! Чтобы умереть такъ, какъ было бы желательно, надо жить, какъ должно. Добродѣтельному смерть не страшна. Любовь къ Богу лучше всего обнаруживается въ любви къ человѣку. Есть благородныя мысли у Платона, Аристотеля, Эпиктета, Сенеки и у Марка Аврелія; но у нихъ вы не найдете Евангелія любви, высказаннаго такъ, какъ въ Новомъ Завѣтѣ. Истинно сказалъ Іисусъ, что Его религія—религія новая: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга“. Пытаться прибавить что-либо къ ученію Христа или улучшить его есть суетная и дерзкая попытка“.

Вильямъ Рамзай, самый выдающійся химикъ нашего времени, также утверждаетъ, что между существенными истинами христіанства и установленными фактами наука дѣйствительно антогонизма нѣтъ.

Вильямъ Круксъ, другой извѣстный химикъ нашего времени, пишетъ: „я не вижу конфликта между установленными фактами науки и существенными ученіями Священнаго Писанія, между научной истиной и религіей Іисуса Христа“.

Джонъ Г. Гладстонъ, создатель такъ называемой физической химіи, указывая на многія имена великихъ представителей наукъ, рѣшительно заявляетъ, что „тѣ, которые занимаютъ высокое положеніе въ наукѣ, оказываются вѣрными учениками Христа“.

Бальфуръ Стюартъ, скончавшійся въ 1887 г., извѣстный въ Англіи профессоръ физики, говоритъ: „отношеніе между наукой и религіей неправильно было называемо отношеніемъ враждующихъ сторонъ; этого нѣтъ и никоимъ образомъ быть не можетъ“. Обсуждая достовѣрность воскресенія и вознесенія Христова, онъ замѣчаетъ: „сохранялось ли въ неизмѣнности дѣйствіе извѣстныхъ намъ силъ природы въ этихъ событіяхъ, или же оно было иногда превозмогаемо высшею силой? Несомнѣнно, превозмогалось! Конечно, мы обязаны изслѣдовать очевидность этихъ великихъ событій, и это уже исполнено самымъ совершеннымъ образомъ: исторія, повѣствующая объ этихъ событіяхъ, выдержала испытаніе насколько хорошо, что всякое предположеніе о нереальности ихъ, несомнѣнно, приведетъ насъ къ величайшей нравственной и духовной путаницѣ... Я не вижу основанія не допускать возможности измѣненія обычныхъ силъ силами высшими, при тѣхъ условіяхъ, которыми сопровождалось пришествіе Христа“.

П. Г. Тэтъ, математикъ, профессоръ физики, пишетъ: „предполагаемая несогласимость религіи и науки настолько часто и увѣренно провозглашалась за послѣднее время, что стала считаться положеніемъ общепринятымъ у публицистовъ и, разумѣется, преподносится ими въ качествѣ завѣдомой истины своимъ черезчуръ довѣрчивымъ читателямъ. Но это предвзятое мнѣніе всецѣло ошибочно, настолько ошибочно, что ни одинъ настоящій ученый не рискнетъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, впасть въ эту ошибку“.— Назвавъ имена великихъ мыслителей послѣдняго времени: Брюстера, Фарадея, Фороса, Грэхмана, Роуана, Гамильтона, Гершеля и Тальбота, ученый Тэтъ спрашиваетъ: „кто же

изъ этихъ великихъ людей отказывался отъ убѣжденія, что природа доказываетъ бытіе Высшаго, направляющаго къ цѣли Разума?"

Вилльямъ Эбней, докторъ наукъ, авторитетъ по фотографированію неба, президентъ многихъ ученыхъ обществъ, пишетъ: „Я занимаюсь науками и долженъ, по совѣсти, сказать, что не только нѣтъ вражды между Библіей и естествознаніемъ, но что мы имѣемъ дѣло какъ разъ съ обратнымъ явленіемъ. Наука говоритъ намъ, что существуютъ извѣстные законы въ природѣ; тамъ же, гдѣ есть законы, тамъ долженъ быть и Законодатель-Богъ. Изучающій естественныя науки, во всякомъ случаѣ, долженъ быть человѣкомъ, проникнутымъ благоговѣніемъ, такъ какъ эти науки вѣщаютъ намъ, сколь далеки мы отъ познанія такого Законодателя".

Профессоръ Джемсъ Гейки, докторъ правъ, проф. геологіи, минералогіи пишетъ: „къ Библіи мы обращаемся не съ желаніемъ научиться астрономіи, геологіи или химіи. Самъ міръ—библія природы, откровеніе намъ Бога, какъ Творца. Смиренно и благоговѣйно изучая дѣла природы, мы получимъ возможность постигнуть кое-что изъ всемогущей силы Великаго Промыслителя. И какъ Богъ, Творецъ *видимой* вселенной, открываетъ Себя чрезъ природу, такъ и Богъ, Божественный Творецъ и Правитель *невидимаго*, раскрываетъ намъ Себя въ Библіи и въ житіяхъ и писаніяхъ великихъ мыслителей... Говорить, будто руководящіе наукою ученые нерелигіозны или что они враждебны христіанству, просто-на-просто—невѣжественная нелѣпость. Такое утвержденіе могло быть сдѣлано только какимъ-нибудь сумасбродомъ или же ревностнымъ фанатикомъ".

Джозефъ Прествичъ, умершій въ 1896 г., величайшій изъ современныхъ геологовъ, пишетъ: „Религія и наука составляютъ двѣ опредѣленныя вѣтви человѣческаго знанія и изслѣдованія. Онѣ движутся по параллельнымъ линіямъ и, по моему мнѣнію, не могутъ, во всякомъ случаѣ, не должны сталкиваться. Одна вѣдаетъ вопросы нравственные, другая—вопросы естествознанія". Сэръ Джозефъ умеръ добрымъ христіаниномъ.

Джемсъ Вилльямъ Доусонъ, умершій въ 1896 г., считавшійся главнымъ авторитетомъ по геологіи, пишетъ: „природа и христіанство, правильно понимаемыя, становятся частями одного великаго плана творческаго Духа, плана, по которому кажущіяся аномаліи и недостатки въ человѣкѣ и его естественныхъ союзникахъ будутъ, въ концѣ-концовъ, исправлены милосердіемъ и справедливостью, такъ, что и сама природа восполнится и усовершится только при послѣдней побѣдѣ Евангелія Христова".

Дж. Силей, умершій въ 1908 г., профессоръ геологіи, географіи и минералогіи, пишетъ: „Науки—сестры религіи, въ томъ смыслѣ, что онѣ раскрываютъ часть законовъ, управляющихъ вселенной и жизнью человѣка. Такимъ образомъ это—ступени, возводящія къ вѣрѣ".

Эдуардъ Холлъ, тоже извѣстный геологъ, пишетъ: „Библія и наука движутся по параллельнымъ линіямъ. Предметы, доступные разслѣдованію человѣческаго разума, предоставлены его вѣдѣнію, тогда какъ Библія трактуетъ нравственныя и духовныя стороны человѣческой природы, которыхъ разумъ не въ состояніи раскрыть безъ посторонней помощи. Что же касается истинности и достовѣрности историческихъ книгъ Св. Писанія, то ежедневныя открытія клонятся къ под-

твержденію ихъ. Недавнія изслѣдованія въ Египтѣ, Палестинѣ и др. восточныхъ странахъ показали, до какой степени, даже въ мелкихъ подробностяхъ, документы Ветхаго Завѣта могутъ быть принимаемы съ глубокимъ довѣріемъ. Осуществленіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ въ лицѣ Господа нашего Іисуса Христа, пророчествъ, изреченныхъ за цѣлые вѣка до Его появленія, такъ же, какъ и тѣхъ пророчествъ, что относятся къ судьбамъ націй, въ особенности еврейской,—убѣдительное доказательство того, что эти пророчества были произносимы подъ вліяніемъ Божественнаго вдохновенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ высоконравственное ученіе Библіи несовмѣстимо съ мыслію, что пророчества могли исходить отъ прибѣгавшихъ къ обману. Ученіе Господа нашего и Его Апостоловъ въ самомъ себѣ носитъ отпечатокъ Божественной истины".

Александръ Мэкэлистеръ обращаетъ наше вниманіе на лекціи Манлея, въ которыхъ мы читаемъ слѣдующія строки: „изъ моего опыта я вынесъ убѣжденіе, что невѣріе въ Божественное Откровеніе, дарованное въ жизни, трудахъ, въ смерти и воскресеніи нашего Спасителя, преобладаетъ болѣе среди тѣхъ, которыхъ я позволю себѣ назвать обознымъ арьергардомъ при лагерѣ науки, нежели среди тѣхъ, для кого активный научный трудъ составляетъ истинную жизненную задачу".

Джонъ Макъ-Кендрикъ, извѣстный физіологъ, говоритъ: „ни наука, ни богословіе не сказали еще своего послѣдняго слова о тайнахъ, окружающихъ человѣческую жизнь. Мы можемъ быть увѣрены, что если бы мы больше понимали тайны, лежащія въ конечныхъ выводахъ научнаго размышленія, мы нашли бы, что нѣтъ ничего несовмѣстимаго между научной истиной и вѣрою въ Бога, въ безсмертіе и нравственный долгъ. Только поверхностный взглядъ на вселенную приводитъ человѣка къ утвержденію, будто наука объяснила или можетъ объяснить все, или, что ея ученія противоположны высшимъ и глубочайшимъ вѣрованіямъ, столь дорогимъ человѣческому роду".

Джемсъ Кричтонъ Броунъ, авторитетъ по душевнымъ болѣзнямъ, говоритъ: „Библія и наука дополняютъ другъ друга и каковы бы ни были ихъ поверхностныя расхожденія, все же сами онѣ остаются въ глубокомъ согласіи и обѣ являются обнаруженіемъ Божественнаго Начала, раскрывающаго Себя не сразу, не во всей полнотѣ, но понемногу и постепенно, подобно тому, какъ ночная тьма смѣняется сначала зарею, а потомъ полнымъ дневнымъ свѣтомъ".

Дайсъ Дэквортъ, докторъ медицины, пишетъ: „не разстраивайте себя изъ-за безбожниковъ! На свѣтѣ слишкомъ много слабыхъ, тщеславныхъ и невѣжественныхъ болтуновъ! Можете быть увѣрены, что большинство лучшихъ и наиболѣе откровенныхъ ученыхъ не находитъ трудностей въ примиреніи христіанской религіи съ непрерывающимися добавленіями къ наукѣ, точно такъ же, какъ не считаютъ они и Библію за камень преткновенія для принятія новыхъ точекъ зрѣнія на старыя истины. Всякая истина богоподобна, и Богъ, очевидно, позволяетъ, чтобы новыя обнаруженія Его творенія и мудрости были разъясняемы добросовѣстнымъ трудомъ и человѣческими разслѣдованіями. Благоговѣйное изученіе и полное признаніе Бога, какъ Отца и какъ вездѣ и во всемъ Сущаго—вотъ то, что намъ всегда необходимо! Суще-

ствующее не само создалось и можно все прослѣдить, восходя до великаго Зодчаго вселенной. Милостивое обнаруженіе Имъ Самого Себя, „Кого ни одинъ человѣкъ не видѣлъ и видѣть не можетъ“, свершилось въ Божествѣ единственнаго совершеннаго Человѣка, Его Сына, Іисуса Христа. Единственное разрѣшеніе всѣхъ нашихъ затрудненій состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы поддерживать въ себѣ смиренную и дѣтскую вѣру и довѣрчивое упованіе на совершенную любовь къ Богу, Который знаетъ, изъ чего мы сотворены, и помнитъ, что мы не болѣе, какъ прахъ. Съ этимъ убѣжденіемъ и съ совершенной любовью нѣтъ мѣста для страха: все свершится должнымъ образомъ въ Имъ опредѣленное, Ему подвластное время. Вотъ вѣра, въ которой должно жить и съ которой должно умирать. Счастливѣйшіе изъ живущихъ и счастливѣйшіе изъ умирающихъ тѣ, которые твердо держатся этой вѣры“.

Сэръ Оливеръ Лоджъ, первоклассный физикъ, говоритъ въ своемъ „Катехизисѣ“: „вѣрую во Единое Безконечное и Вѣчное Существо, въ любящаго Отца-Руководителя, въ Которомъ все сущее имѣетъ основу своего бытія. Вѣрую въ то, что Божественная Природа особымъ откровеніемъ раскрыла Себя чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, жившаго и страдавшаго въ Палестинѣ 1000 лѣтъ тому назадъ, Которому съ тѣхъ поръ христіанская Церковь поклоняется, какъ безсмертному Сыну Божію, Спасителю міра. Вѣрую, что человѣку предоставлено преимущество постигать Божественныя цѣли на землѣ и содѣйствовать имъ; вѣрую, что молитва есть средство общенія человѣка съ Богомъ, что Духъ Святый всегда готовъ помочь намъ на пути нашихъ стремленій къ добру и истинѣ и что безкорыстнымъ служеніемъ мы постепенно можемъ достигнуть жизни вѣчной, общенія со святыми и пріять миръ Божій“.

Такъ благоговѣйно исповѣдуетъ свою вѣру истинно-ученый мужъ; а вотъ какъ сама наука, устами одного изъ своихъ достойнѣйшихъ представителей, профессора физики Дж. Дж. Томсона, смиряется въ самыхъ успѣхахъ своихъ предъ величіемъ Творца вселенной: „Въ исторіи развитія науки никогда не замѣчалось признаковъ приближающагося конца знаній. Въ то время, какъ мы въ этой сферѣ завоевываемъ вершину за вершиной, передъ нашими взорами раскрываются новыя области, полныя интереса и красоты; но нашей конечной цѣли мы, все-таки, не видимъ, не видимъ еще горизонта; въ отдаленіи громоздятся одна на другую еще болѣе высокія вершины, съ которыхъ поднявшимся на нихъ открываются дали, еще болѣе широкія, еще болѣе углубляющія наши ощущенія и сознаніе истины, подтверждаемой каждымъ новымъ успѣхомъ науки: величавы творенія Господа!“...

У насъ въ Россіи страстно любятъ переводить на русскій языкъ все, что идетъ противъ вѣры, противъ христіанства; тамъ, на Западѣ, давно уже научно опровергнута та или другая безбожная гипотеза или теорія, а у насъ еще только вводятъ ее въ моду и распространяютъ ея ядъ среди молодежи, какъ послѣднее слово науки. Такъ, у насъ сравнительно недавно стали увлекаться писаніями Гексли и Геккеля. А вотъ, послушайте, что говоритъ извѣстный въ Англіи ученый Франкъ Кэверсъ, профессоръ біологіи: „научныя теоріи Геккеля фактически оказываются устарѣлыми во многихъ отношеніяхъ, благодаря новѣйшимъ работамъ, настолько, что его имя

въ современныхъ трактатахъ по вопросу объ эволюціяхъ упоминается лишь для указанія полной отсталости его взглядовъ отъ настоящаго положенія знанія и что, напримѣръ, его біогенетическій законъ не выдержалъ жестокой критики детальнаго эмбріологическаго разслѣдованія послѣдняго времени и является, слѣдовательно, не больше, какъ безплоднымъ обобщеніемъ. Его монистическіе взгляды стали предметомъ насмѣшки для современныхъ философовъ. Научная работа Гексли, стоитъ, разумѣется, несравненно выше, но что касается теоріи эволюціи, то и онъ былъ только популяризаторомъ дарвинизма, не давшимъ ему ничего новаго". Та наука, которую хотятъ использовать агностики и атеисты, на много, много лѣтъ отстала отъ нашего времени и эти писатели и лекторы имѣютъ лишь поверхностное представленіе о біологіи, полученное изъ вторыхъ рукъ и относящееся къ біологіи не современной, а той, что существовала лѣтъ 40—50 тому назадъ. Въ наши дни наука движется впередъ довольно быстро и, напримѣръ, въ вопросѣ объ эволюціи многія теоріи Дарвина пали.... Тотъ, кто рѣшается выступать съ догматическими заключеніями на такія темы, тотъ не возбуждаетъ да и не можетъ возбуждать серьезнаго вниманія къ себѣ въ мірѣ свѣдущихъ мужей знанія; а тѣ, что отваживаются отрицать разумную первопричину или какія-либо иныя христіанскія ученія, эти люди отнюдь не въ правѣ дѣлать это во имя науки".

А у насъ какой-нибудь фельетонистъ, вродѣ Меньшикова, позволяетъ себѣ печатать все, что взбредетъ ему въ голову, отъ имени науки: онъ готовъ доказывать, что и христіанство есть не больше какъ великая экспропріація у буддистовъ, и самозарожденіе въ наукѣ, будто бы доказано, и много-много подобнаго вздора онъ не стѣсняется выдавать за научныя открытія...

Извѣстный зоологъ Джорджъ Карпентэръ, между прочимъ, говоритъ: „Христіанство есть опытная религія и въ этомъ обнаруживается ея согласіе съ научнымъ ученіемъ. Тотъ, кто *желаетъ* выполнить волю Христову, тотъ и *познаетъ* Его ученіе. Личный опытъ, переживаніе на самомъ себѣ спасающей и вспомоществующей силы Христовы—вотъ высшее свидѣтельство о Немъ".

И ужъ конечно, всѣ наши отрицатели, всѣ эти публицисты, съ такимъ апломбомъ все отвергающіе, и краемъ перста не касались исполненія воли Христовой: понятно, что, какъ слѣпцы, они и судить о семъ свѣтѣ, просвѣщающемъ всякаго человѣка, не могутъ...

Профессоръ В. К. Паркеръ, котораго Карпентэръ назвалъ „великимъ сравнительнымъ анатомомъ", оставилъ намъ слѣдующее смиренное признаніе: „въ продолженіи 50 лѣтъ радость о Господѣ была моею силою; четыре Евангелія, выдаваемыя кое-кѣмъ за старческія бредни или за хитро придуманные обманы, которымъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, безнравственно вѣрить,—эти предполагаемые вымыслы служили мнѣ поддержкою въ жизни и сообщали подъемъ душѣ моей и уму моему. Что касается знанія, доступнаго современной наукѣ, то оно пока еще не болѣе, какъ невѣжество съ открытыми глазами!.. Сущность любой вещи, напримѣръ, этого первоцвѣта я познаю дѣйствительно тогда только, когда увижу ее во свѣтѣ лица Творца ея, а пока это только чудесное звено въ безконечной цѣпи естественно-чудесныхъ живыхъ существъ".

Уэйндль говоритъ: „каждый слы-

халъ о лучахъ Рентгена и большинство людей видали ихъ, но, вѣроятно, лишь немногимъ извѣстно, что открывшій эти лучи—вѣрный сынъ церкви" (католической). О Пастерѣ тотъ же ученый пишетъ: „ни одинъ изъ знающихъ что-либо о немъ не сомнѣвается въ искренности его приверженности къ католической вѣрѣ".—Менедель, великій біологъ, былъ монахъ.

Извѣстный ученый профессоръ анатоміи Уэндль Хольмсъ сказалъ: „Наука представляетъ собою мысль Бога, открытую человѣкомъ; изучая естественные законы, человѣкъ относитъ слѣдствія ихъ къ ихъ Первопричинѣ, къ волѣ Творца, или, по поэтическому выраженію Гете, „природа есть живое одѣяніе Бога".

Профессоръ патологіи Г. Симсъ Вудхэдъ пишетъ: „что касается утвержденія, будто недавнія научныя изслѣдованія показали, что Библія и религія ложны, то нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ фактической дѣйствительности, какъ это положеніе: чѣмъ больше изучаютъ Библію, тѣмъ больше находятъ, что она состоитъ изъ документовъ историческихъ. Мало того: признано, что Библія, какъ повѣсть о бывшемъ, никогда не оказывалась неправой предъ судомъ науки въ поискахъ истины со стороны послѣдней".

Докторъ медицины Патрикъ Мансонъ, извѣстный авторъ изслѣдованія о москитахъ, говоритъ: „изъ всѣхъ людей настоящій ученый, какъ неизбѣжно смиреннѣйшій изъ смертныхъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознѣйшій".

Джорджъ С. Боульджеръ, профессоръ ботаники и геологіи, пишетъ: „Вы ссылаетесь на лектора, который сказалъ, что ученыхъ-христіанъ въ настоящее время не существуетъ. Это—ложь, чудовищная ложь!.. Въ философіи, физикѣ и астрономіи я чрезвычайно радъ стоять на одной и той же сторонѣ съ Бэкономъ, Ньютономъ и Наполеономъ. Вмѣстѣ съ Бэкономъ я вѣрю въ то, что „малая" (поверхностная) философія склоняетъ человѣческій разумъ къ атеизму, тогда какъ—„глубокая философія"—приводитъ умы людей къ религіи. Съ Ньютономъ я согласенъ „казаться" маленькимъ мальчикомъ, играющимъ на берегу моря и развлекающимся отъ времени до времени нахожденіемъ болѣе гладкихъ камешковъ или болѣе красивой раковины, чѣмъ обыкновенно, тогда какъ „великій океанъ истины продолжаетъ пребывать неизслѣдованнымъ передо мною". Съ Наполеономъ, не ученымъ, но за то человѣкомъ міровой дѣятельности, я сказалъ бы нашимъ неоэпикурейцамъ то же, что онъ молвилъ своимъ скептически настроеннымъ офицерамъ, указывая на звѣзды: „господа, вы можете говорить всю ночь, что хотите, но я все таки спрашиваю васъ: кто же сдѣлалъ все это?" Вмѣстѣ съ Джономъ Рэемъ я назвалъ бы изученіе природы благоговѣйною обязанностію, благочестивымъ занятіемъ, вполнѣ пригоднымъ для воскреснаго дня; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно именно и станетъ дѣломъ дней отдыха въ безконечномъ будущемъ".

Александръ Р. Симпсонъ, докторъ медицины, говоритъ: „Богъ познается не телескопомъ и микроскопомъ, и, къ счастію для вождей науки, многіе изъ нихъ достигали Богопознанія путемъ вѣры".

Г. Лангхорнъ Орчардъ, профессоръ философіи и этики, пишетъ: „Чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше встрѣчаю доказательствъ полнаго согласія между Библіей и наукой. Въ особенности умножились въ наши

дни археологическія доказательства, какъ непрерывное поясненіе истины Св. Писанія. Библія не только находится въ согласіи съ установленными выводами науки; она содержитъ даже замѣчательныя предваренія такихъ научныхъ истинъ, которыя сдѣлались извѣстны ученымъ лишь значительно позднѣе; таковы напримѣръ научныя открытія въ книгѣ Іова 26, 7: „Онъ (Богъ) распростеръ сѣверъ надъ пустотою, повѣсилъ землю ни на чемъ".

Горасъ Ламбъ, профессоръ математики, говоритъ: „насколько мнѣ довелось наблюдать, никто изъ настоящихъ ученыхъ не относится къ нападеніямъ на религію иначе, какъ съ величайшимъ отвращеніемъ".

Франсисъ Тарльтонъ, профессоръ физики и математики, пишетъ: „въ наукѣ, какъ и въ религіи, отрекаться отъ вѣры потому только, что съ нею связаны нѣкоторыя затрудненія, было бы настоящимъ сумасбродствомъ. Каждый здравомыслящій ученый вѣритъ еще въ свѣтоносный эфиръ, хотя до сихъ поръ еще никому не удавалось дать удовлетворительное и связное объясненіе его природы".

Докторъ Андрей С. Д. Кромме-линъ, извѣстный астрономъ, говоритъ: „для объясненія происхожденія жизни нѣкоторые писатели сочиняютъ настоящія волшебныя сказки, выдавая ихъ за науку; Геккель въ этомъ отношеніи отличается особенною задорностью".

Джонъ Флемингъ, профессоръ электротехники, имя коего неразрывно связано съ многими примѣненіями этой науки, пишетъ: „въ Библіи, взятой въ ея совокупности, мы имѣемъ трудъ, вѣрнѣе сказать,— цѣлую литературу, которую невозможно признать за произведеніе одного только человѣческаго разума".

Но довольно выписокъ. Въ книгѣ г. Табрума все звучатъ имена, для нашего русскаго слуха незнакомыя, исключая развѣ немногихъ. Но все это имена почтеннѣйшихъ представителей науки: психологіи, философіи, физики, химіи, геологіи, біологіи, физіологіи, филологіи, зоологіи, анатоміи, патологіи, ботаники, антропологіи, гинекологіи и др. наукъ. Все это люди въ своей странѣ уважаемые, а многіе изъ нихъ не безызвѣстны и среди нашихъ ученыхъ людей. Это—не то, что наши псевдоученые говоруны газетные, позволяющіе себѣ безъ всякой провѣрки оглашать всякую тенденціозную, якобы научную, гипотезу, выдавая ее за послѣднее, и притомъ рѣшительное, слово науки. Это поистинѣ—„обозный арьергардъ при лагерѣ науки", какъ ихъ назвалъ Александръ Мэкэлистеръ. И пусть бы это были обычные газетные писаки, работающіе или просто изъ-за пятачка, или же въ угоду іудеямъ и масонамъ: жаль, что у насъ на Руси развелось немало такихъ говоруновъ въ угоду духу времени, изъ моды, чтобъ не казаться отсталыми въ глазахъ недалекихъ читателей, уже достаточно отравленныхъ ядомъ отрицанія. Есть, конечно, такіе второразрядные ученые и на Западѣ, и въ самой Англіи: о такихъ именно и говоритъ докторъ Кроммелинъ: „что касается равнодушія и враждебности къ религіознымъ вѣрованіямъ со стороны нѣкоторыхъ людей, занятыхъ научными изслѣдованіями, то это происходитъ отъ гордости ума: наука во многихъ отношеніяхъ увѣнчалась такими изумительными успѣхами, что нѣкоторые приходятъ слишкомъ поспѣшно къ заключенію, будто она можетъ объяснить все".

Гордость ума—вотъ причина заблужденій нѣкоторыхъ „занимающихся научными изслѣдованіями".

И хорошо сказалъ о нихъ настоящій ученый, что это—только „занимающіеся изслѣдованіями“, но не рѣшился назвать ихъ настоящими учеными. При всемъ ихъ трудолюбіи, ихъ умъ бѣжитъ впередъ и дѣлаетъ умозаключенія, основывая ихъ не на добытыхъ фактахъ, а на фантастическихъ предположеніяхъ, которыя, при провѣркѣ ихъ настоящими учеными, оказываются ошибочными. А, между тѣмъ, соблазнъ безбожія уже вносится въ среду довѣрчивыхъ людей и отравляетъ ихъ. А газетные поденщики, вродѣ г. Меньшикова, не задумываются разносить ядъ соблазна повсюду, подслащая его своимъ искуснымъ перомъ.

Мы живемъ въ такое время, когда въ область науки вторгаются лженаучники, имѣющіе совсѣмъ не научныя цѣли. Это—слуги масонства, продавшіе имъ и умъ и совѣсть. Ихъ цѣль—разрушеніе хрістіанства. Отсюда—цѣлая школа всякаго рода критики на Св. Писаніе, отрицанія его подлинности; отсюда и всѣ эти лженаучныя теоріи безбожія; отсюда своего рода гипнозъ въ печати, въ обществѣ, какое-то внушеніе, будто хрістіанство уже стало достояніемъ исторіи, будто теперь наука то и то доказала, то и то опровергла, будто теперь уже стыдно открыто признавать себя хрістіаниномъ, что это-де признакъ отсталости. А врагамъ Церкви все это и на руку: вѣдь, іудеямъ и масонамъ только это-то и нужно. Къ глубокому сожалѣнію, у насъ, въ Россіи, какъ будто никому и дѣла нѣтъ до этой разрушительной работы враговъ вѣры и Церкви, враговъ хрістіанства и человѣчества. Тѣмъ цѣннѣе появленіе книги, воплощающей въ себѣ смиренный голосъ истинной науки за вѣру противъ невѣрія. Пусть это наука пока не русская: въ вопросахъ вѣры нѣсть іудей и еллинъ. Честь и хвала доброму человѣку, который потрудился собрать отзывы вѣрующихъ ученыхъ; честь и хвала симъ ученымъ, которые не постыдились открыто исповѣдать Христа; спасибо и русскимъ образованнымъ людямъ, которые перевели эту книгу на родной языкъ и дали ее въ руки нашей молодежи, да и молодежи ли только? Ее съ удовольствіемъ прочтутъ всѣ, искренно ищущіе истины Божіей въ средѣ нашихъ интеллигентовъ.

138.

Вѣрный послушникъ Матери Божіей.

Въ наше скудное вѣрою и духомъ время какъ отрадно сознавать, что еще не совсѣмъ погасъ свѣточъ духовной жизни на Руси, что еще не изсякъ источникъ воды живой, текущей въ жизнь вѣчную, въ душахъ православныхъ, что кое-гдѣ,—увы, какъ рѣдко!—есть люди, духомъ живущіе, Богу работающіе, люди, въ коихъ свѣтится огонекъ благодатной жизни, искрится вѣра, какъ алмазъ чистая и твердая, и они напоминаютъ намъ, что человѣкъ не есть животное, а есть носитель образа Божія, предназначенный къ богоподобію, къ жизни въ Богѣ и съ Богомъ въ вѣчности. Когда встрѣчаешь такихъ людей на жизненномъ пути, то невольно какъ-то исторгается изъ сердца вздохъ благодарности къ Богу, что не укрылись отъ тебя сіи Божіи трудники, что ты не

только былъ ихъ современникомъ, но отчасти и собесѣдникомъ, слышалъ отъ нихъ много поучительнаго, хотя по лѣности своей, слышалъ не во спасеніе души, а въ судъ себѣ и осужденіе... И скорбью сжимается сердце, что вотъ — сіи рабы Божіи совершили уже свой жизненный путь и ушли въ путь всея земли, въ отечество небесное, самымъ отшествіемъ своимъ поучая насъ, своихъ лѣнивыхъ современниковъ, искать единаго на потребу...

Одного изъ такихъ смиренныхъ свѣточей монашества Матерь Божія воззвала къ Себѣ наканунѣ Своего великаго праздника—Успенія, яко вѣрнаго Своего послушника, всю жизнь свою Ей посвятившаго, ради Ея земнаго жребія — св. горы Аѳонской-отечество свое оставльшаго, но, по Ея же указанію, за святое послушаніе, въ иной Ея жребій, къ предѣламъ древней Иверіи, посланнаго, чтобы тамъ, у подножія Кавказскихъ горъ, омываемаго волнами моря Эвксинскаго, создать Новый Аѳонъ—пречуднук обитель, въ отвѣтъ міру на его многопытливый вопросъ: на что монастыри?—и во славу Церкви Православной...

Кто изъ русскихъ иноковъ, внимающихъ судьбамъ русскаго иночества, не слышалъ имени о. Іерона, какъ строителя новой обители—дщери стараго Аѳона? Но и иноки не всѣ знаютъ, какой крѣпкій адамантъ дѣятельной вѣры былъ этотъ старецъ Божій. Теперь, когда онъ ушелъ къ Богу, можно нѣчто повѣдать во славу Божію, не смущая его смиренія.

Онъ все, что дѣлалъ, приписывалъ Богу и молитвамъ отцовъ, воля которыхъ была для него священна, какъ воля Божія. За послушаніе пошелъ онъ на Кавказъ; въ совершенномъ отсѣченіи воли своей совершалъ свой многотрудный подвигъ строительства; всякую свою мысль онъ спѣшилъ повѣрить духовно-опытнымъ совѣтомъ старцевъ, и за такое всецѣлое послушаніе они не оставили его таинственнымъ руководствомъ и изъ загробнаго міра. Вотъ что въ дружеской бесѣдѣ однажды повѣдалъ онъ мнѣ: покойный старецъ о. Іеронимъ заповѣдалъ ему построить на Иверской горѣ храмъ въ честь Матери Божіей. Гора эта подходитъ съ сѣверо-запада къ тому ущелью, въ которомъ заключенъ горный потокъ плотиною для водопада. Время шло, мысль о храмѣ на горѣ не оставлялась, но и не приводилась въ исполненіе: были все неотложныя нужды по постройкѣ главныхъ зданій и соборнаго храма обители. Наконецъ, года два или три назадъ, является отецъ Іеронимъ во снѣ о. Іерону и говоритъ: „пора тебѣ, Іеронъ, строить храмъ“.—„Средствъ еще, батюшка, недостаетъ“.—„Ну, Богъ пошлетъ“.

Проснувшись, о. Іеронъ задумался: о какомъ храмѣ говоритъ старецъ? На Иверской ли горѣ, или иномъ какомъ? И вотъ, батюшка ему снова является, какъ будто уже на самой горѣ, въ той кельѣ, гдѣ принимаютъ посѣтителей, и снова говоритъ: „не отлагай, строй Божій храмъ!“

О. Іеронъ опасался, не мечта ли эти явленія, но его небесный авва явился и въ третій разъ и уже строго приказалъ приниматься за постройку. И послушный старецъ не усомнился исполнить волю своего аввы: храмъ начатъ постройкой. Въ прошломъ году, когда я посѣтилъ эту гору, старецъ весь занятъ былъ заботою о висячей электрической желѣзной дорогѣ на эту гору, чтобы подвозить матеріалы для храма. Посылаетъ Царица Небесная и средства для Своего храма. Такъ, въ бытность мою у о. Іерона, когда не было у него ничего, нѣкто изъ по-

сѣтителей вручилъ ему триста рублей совершенно для него неожиданно.

Постройку величественной обители онъ также началъ безъ средствъ, за святое послушаніе. Разъ приходитъ къ нему неизвѣстный богомолецъ и проситъ денегъ на дорогу. Старецъ, отдавая ему послѣднія, сказалъ: „Господь велѣлъ: просящему у тебя дай: вотъ, бери, что есть, но знай, что это—послѣднія". Тогда посѣтитель вынимаетъ изъ пазухи документъ и подаетъ о. Іерону: „возьмите, батюшка, на построеніе обители: такъ Богу угодно!"

Это была жертва столь щедрая, что ея достало на всѣ капитальныя постройки! Прося на дорогу, благотворитель испытывалъ монашескую совѣсть старца Божія и былъ тронутъ его глубокою вѣрою въ Божій Промыслъ.

Тамъ, гдѣ онъ былъ правъ въ своей монашеской совѣсти, онъ умѣлъ настоять на своемъ, никого не обижая, не задѣвая ничьего самолюбія. Долго тянулся споръ о томъ: строить ли монастырь на той полугорѣ, на коей онъ теперь красуется, или же—на старомъ мѣстѣ, на берегу моря. Повидимому, колебались и аѳонскіе аввы, можетъ быть, подъ вліяніемъ толковъ о тѣхъ громадныхъ расходахъ, какіе были потребны при уравненіи мѣстности и другихъ трудностяхъ дѣла. О. Іеронъ доказалъ „батюшкѣ" своему, о. Іерониму, что всѣ удобства въ будущемъ на сторонѣ горы и что ради ихъ не слѣдуетъ ничего жалѣть, чтобы потомъ будущіе обитатели монастыря не упрекали строителей его. При бывшихъ въ недавнее время изысканіяхъ побережной желѣзной дороги, инженеры намѣтили было линію ея въ разрѣзъ всѣхъ владѣній монастырскихъ, такъ что весь прекрасный масличный садъ былъ бы уничтоженъ и многолѣтніе труды иноковъ по воздѣлыванію дикаго участка земли пропали бы напрасно, а монастырь былъ бы лишенъ не только наилучшаго своего украшенія, но и доходности. Старецъ рѣшительно возсталъ противъ такого безжалостнаго отношенія гг. изыскателей и сказалъ: „ведите, господа, дорогу по берегу, а сада нашего и не думайте касаться: до Государя дойду, къ стопамъ Его припаду, умолять буду, чтобъ обитель не давалъ въ обиду, и надѣюсь: Его Величество милостиво выслушаетъ и исполнитъ просьбу старика!"—И старца послушали, и дорогу предполагается провести по самому берегу моря.

Говорить о томъ, какой о. Іеронъ былъ хозяинъ, какой техникъ-самородокъ, администраторъ, если угодно, въ нѣкоторомъ смыслѣ политикъ—не стану. Все это—придаточное, а главное — это крѣпость его монашескаго духа, его постоянно живой примѣръ, коимъ онъ, подобно всѣмъ великимъ отцамъ иноковъ, управляй братіей: онъ первый являлся въ храмъ Божій на всѣ службы Божіи, первый шелъ онъ на работы; съ любовью онъ оберегалъ душу каждаго молодого послушника, посылая его туда и къ тому, гдѣ были всѣ благопріятныя условія его духовнаго воспитанія. Онъ, какъ духовно-опытный старецъ, умѣлъ утѣшить печальнаго, умиротворить немирнаго, указать Божій путь заблуждающемуся. Онъ былъ всѣмъ вся, по выраженію Апостола Христова. Онъ особенно чтилъ Матерь Божію и имя Ея произносилъ съ благоговѣніемъ. Въ день Ея всечестнаго успенія и онъ почилъ въ Бозѣ, упокоился отъ трудовъ и подвиговъ, среди которыхъ такъ ярко, такъ увлекательно горѣла предъ Богомъ его дивная душа...

Уже получаются отклики скорбнаго чувства изъ разныхъ угол-

ковъ родной земли по поводу кончины о. Іерона. „Съ кѣмъ же мы теперь остаемся? пишетъ мнѣ, напримѣръ, одинъ добрый пастырь: кто замѣнитъ намъ тѣ духовные маяки, тѣ магниты, къ которымъ такъ любили тянуться многія тысячи душъ?“...

Да, мы сиротѣемъ... Но если мы будемъ въ покаянномъ чувствѣ повѣдать Богу свое сиротство, то Господь и смилуется надъ нами, и призоветъ новыхъ дѣятелей на ниву Свою, и пошлетъ намъ добрыхъ наставниковъ и руководителей въ жизни духовной... Развѣ возможно, чтобъ Господь не послалъ таковыхъ, если мы будемъ искать—искренно, нелицемѣрно, ради славы имени Его и ради спасенія душъ нашихъ? Не можетъ быть, чтобы Тотъ, Кто сказалъ: просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, можетъ ли быть, чтобы Онъ отказалъ намъ въ единомъ на потребу—въ томъ, ради чего Онъ и на землю къ намъ приходилъ, и кровь Свою пречистую пролилъ, и вся, яже ко спасенію, намъ Духомъ Своимъ даровалъ?..

Господи, призри на немощь нашу, не попусти волкамъ расхищать стадо Твое, посылай намъ мужей вѣры и духа, да, окормляемые ими, минуемъ пучину искушеній отъ плоти, міра и діавола, и вслѣдъ за ними, хоть самыми послѣдними, войдемъ туда, гдѣ далъ Ты мѣсто покаявшемуся разбойнику, блудницамъ, грѣшникамъ и всѣмъ, кто въ сознаніи своего ничтожества, своей безпомощности духовной, ищетъ и жаждетъ Тебя, нашъ Спаситель и Искупитель!..

Кончина и погребеніе о. архимандрита Іерона.

О. Архимандритъ Иларіонъ сообщаетъ мнѣ съ Новаго Аѳона нѣкоторыя подробности послѣднихъ дней жизни и кончины въ Бозѣ почившаго старца, о. архимандрита Іерона.

„Въ среднихъ числахъ апрѣля о. Іеронъ сдѣлалъ поѣздку на вершину Иверской горы для нѣкоторыхъ распоряженій по заготовкѣ матеріаловъ и всего необходимаго къ постройкѣ тамъ новаго храма въ честь Иверской иконы Божіей Матери. Храмъ этотъ проектируется соорудить невдалекѣ отъ развалинъ нагорнаго древняго храма. Возвратиться оттуда къ вечеру въ обитель онъ не успѣлъ и принужденъ былъ заночевать тамъ, въ домикѣ, устроенномъ для инока, надзирающаго за часовней и принимающаго посѣтителей Иверской горы. Недомогая предъ этимъ немного, онъ, должно быть, еще простудился и возвратился оттуда больнымъ, и притомъ настолько серьезно, что мы вынуждены были извѣстить о его опасномъ болѣзненномъ состояніи преосвященнѣйшаго Андрея, Епископа Сухумскаго. Благостный владыка не замедлилъ прибыть въ Новый Аѳонъ и, 20 апрѣля, самъ совершилъ надъ болящимъ таинство святаго елеосвященія, послѣ котораго безнадежно, казалось, захворавшему батюшкѣ стало замѣтно легче; онъ началъ оправляться въ здоровьѣ. Но преклонныя лѣта батюшки и преутружденный годами жизни организмъ не надолго позволили намъ радоваться улучшенію его здоровья: послѣднее вскорѣ же стало клониться къ худшему, и все лѣто мы были въ тревожныхъ опасеніяхъ. Видимо для всѣхъ таялъ нашъ батюшка, какъ горящая свѣча, хотя до конца духомъ былъ бодръ. При общемъ упадкѣ силъ, страданія его, главнымъ образомъ, были въ области сердца, отказывавшагося работать и требовавшаго постоянно медицин-

ской помощи. Къ августу упалъ вовсе и аппетитъ. Раньше изрѣдка батюшка вставалъ, ходилъ по комнатѣ, а тутъ суровый недугъ сталъ держать его уже неотходно въ постели. Двѣ послѣднихъ предъ кончиною недѣли онъ почти ничего не кушалъ, принималъ только иногда полъ-чашки чаю и понемногу миндальнаго молока. Между тѣмъ преосвященный Андрей былъ въ отпускѣ, и угасающій старецъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія; все справлялся у окружающихъ о времени его пріѣзда. Въ августѣ батюшка пріобщался св. Таинъ ежедневно, послѣ ранней литургіи, и, отказываясь послѣ 10 числа уже и отъ миндальнаго молока, сталъ пить лишь изрѣдка св. воду. Когда же, раннимъ утромъ 13 августа, дежурившій, почти неотходно, при батюшкѣ фельдшеръ сказалъ ему, что прибылъ владыка въ Новый Аѳонъ, большимъ своимъ, истовымъ, какъ и всегда, крестомъ сталъ осѣнять себя старецъ, радостно повторяя: „Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!“... Преосвященный не замедлилъ, сряду же по пріѣздѣ, прибыть къ больному. Послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій, старецъ прямо сталъ просить прочитать ему отходную. Эта просьба не могла быть преждевременною: фельдшеръ, незадолго предъ этимъ, на вопросъ батюшки о состояніи его здоровья, предупредилъ его откровенно, что всѣ сильно дѣйствующія медицинскія средства становятся уже безполезными. Преосвященный на нѣсколько минутъ входилъ помолиться въ храмъ, гдѣ въ это время оканчивалось утреннее богослуженіе; потомъ оставался нѣкоторое время со старцемъ, по его желанію, наединѣ, и уже послѣ того прочиталъ канонъ на исходъ души и разрѣшительную молитву. Когда кончились въ храмахъ раннія литургіи, владыка отбылъ въ Сухумъ. А батюшка весь этотъ и слѣдующій день лежалъ въ кровати, какъ будто, въ полузабытьи; но, должно быть, его не оставляло молитвенное горѣніе духа: онъ изрѣдка истово крестился. Утромъ 14 августа онъ пріобщился; вечеромъ выслушалъ вечерню и акаѳистъ Царицѣ Небесной; а когда уже въ обители совершалось бдѣніе Успенію Божіей Матери, въ началѣ 11-го часа ночи, очевидно, предчувствуя кончину, сталъ просить, чтобы для него служили раннюю литургію въ Вознесенской церкви, откуда въ его комнаты имѣется слуховое окно. Но когда ему сказали, что раньше полуночи начинать литургію неудобно, и предложили пріобщиться запасными св. Дарами, онъ и на это согласился. Предъ этимъ, по его желанію, одѣтъ онъ былъ въ великую схиму и епитрахиль. Негласное постриженіе въ схиму онъ давно уже имѣлъ, но носилъ ее, какъ принято по нашему уставу, сокровенно, подъ рясой, выполняя лишь особое, обычное для схимниковъ келейное правило. Пріобщившись, батюшка принялъ немного размоченнаго въ св. водѣ антидора и запилъ св. Дары; перекрестился, попросилъ снять епитрахиль, легъ въ постель... Но духовникъ не успѣлъ еще докончить благодарственныхъ молитвъ, послѣ „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“ (знаменательно: и въ храмѣ, за бдѣніемъ, въ это время эту молитву пѣли) умирающій старецъ совсѣмъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ попросилъ опять посадить его на кровати и въ такомъ положеніи, обратившись лицомъ къ востоку и устремивши сосредоточенный взоръ на св. крестъ, бывшій въ рукахъ его духовника, тихо и мирно уснулъ вѣчнымъ сномъ...

Погребеніе батюшки торжествен-

но совершилось 18 августа, послѣ заупокойной литургіи. Служилъ преосвященный Андрей, Епископъ Сухумскій, (наканунѣ служившій и бдѣніе заупокойное) съ сонмомъ священнослужителей, при большомъ стеченіи дѣтей духовныхъ, почитателей батюшки и сосѣднихъ русскихъ поселянъ и туземцевъ. Въ монастырѣ, послѣ отпѣванія, гробъ обнесенъ былъ вокругъ собора.

День былъ чудный, ясный. Тихо рѣяли въ воздухѣ предносимыя хоругви. Не смолкало протяжное надгробное пѣніе, сливаясь съ колокольными звуками храмовъ: соборнаго, Покровскаго и св. Апостола Симона Кананита. Погребальная процессія по дорогѣ, масличнымъ садомъ, медленно направлялась, спускаясь длинною вереницею, отъ нагорнаго монастыря къ нижнему, а оттуда къ храму св. Апостола Симона, близъ коего, въ приготовленной, по указанію самого покойнаго батюшки, могилѣ и нашло вѣчное упокоеніе его преутружденное многолѣтними безпримѣрными трудами тѣло. Литургія началась въ этотъ день въ 6 часовъ утра; погребеніе окончилось въ 12 часовъ.

Медленно, съ тихою грустью расходилась отъ могилы своего дорогого аввы братія, умиротворенная духовно-свѣтлымъ воспоминаніемъ о блаженной кончинѣ старца, утѣшенная совершившимся честнымъ его погребеніемъ.

На литургіи сказана была рѣчь однимъ изъ сосѣднихъ съ обителію священниковъ о значеніи батюшки, какъ устроителя обители для православной вѣрующей Россіи и для мѣстнаго края. Предъ отпѣваніемъ прочувствованное слово говорилъ владыка о батюшкѣ, какъ старцѣ духовномъ; а мое слово сказано по 6-й пѣсни канона.

Батюшка былъ изъ государственныхъ крестьянъ Костромской губерніи; родился въ 1835 году. Въ молодыхъ годахъ жилъ въ Петербургѣ; былъ довѣреннымъ приказчикомъ у одного богатаго человѣка. Благодаря книжному чтенію, получивъ неодолимое влеченіе къ иноческой жизни, 27 лѣтъ ушелъ на старый Аѳонъ, и въ 1862 году поступилъ въ Пантелеимоновъ монастырь. Тамъ былъ онъ уже іеромонахомъ и казначеемъ; но блаженной памяти старцы: архимандритъ Макарій и іеросхимонахъ Іеронимъ, въ 1876 году, послали его въ Новый Аѳонъ, обязанный ему нынѣшнимъ благоустройствомъ. Во вниманіе къ его безпримѣрнымъ трудамъ, изъ высшихъ наградъ онъ имѣлъ ордена св. Владиміра 3-й ст. и св. Анны 1 ст.“

Такъ свято почилъ великій старецъ-подвижникъ нашего времени! Какъ трогательно это совпаденіе момента его кончины съ чтеніемъ въ его келліи, у его постели, и пѣніемъ въ храмѣ, на всенощномъ бдѣніи, дивной молитвы великаго евангельскаго старца-Богопріимца: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко!* Подобно оному дивному старцу, о. Іеронъ въ сей великій моментъ воспріялъ въ святыхъ Тайнахъ Господа Іисуса, и самъ душою своею былъ воспріятъ Имъ въ руцѣ Его, срѣтаемый, вѣруемъ, Его Пречистою Матерію...

139—140.

Кто культурнѣе: они или мы?

Мы, русскіе люди, привыкли съ дѣтства считать западныхъ сосѣдей своихъ народами передовыми, культурными, просвѣщенными, хотя са-

мый взглядъ этотъ едва ли намъ не внушенъ самими же европейцами, съ самаго появленія нашего въ исторіи смотрѣвшими на насъ свысока, какъ на варваровъ. Причиною этого было не только наша славянская кровь,—чехамъ, полякамъ и др. народцамъ нашего же славянскаго корня это если не совсѣмъ простили, то въ значительной степени этому снизошли,— а наше святое православіе: вотъ этого намъ они никогда не простятъ! А, вѣдь, если ближе посмотрѣть, поглубже вдуматься въ суть дѣла, то гораздо больше имѣли бы мы правъ „гордиться“ предъ господами европейцами, чѣмъ они предъ нами: у нихъ понятія нѣтъ о томъ духовномъ сокровищѣ, какимъ мы владѣемъ и за которое они насъ ненавидятъ какою-то стихійною ненавистію, часто даже безсознательною, слѣпою, безсмысленною! Да, мы могли бы гордиться своимъ православіемъ, если бы только само православіе допускало хотя тѣнь такой гордости.

И, вѣдь, вотъ что достойно вниманія: гордясь и унижая насъ, наше православное міропониманіе, люди западной культуры только сами себя унижаютъ въ нашихъ же глазахъ, и съ жалостью смотришь на эту вознесенную гордыню западнаго человѣка, который, къ сожалѣнію, часто просто не способенъ отнестись безпристрастно, вдумчиво къ нашему православному міросозерцанію, что, казалось бы, ужъ и не къ лицу тому, кто считаетъ себя культурнымъ и яко бы просвѣщеннымъ человѣкомъ. Какъ-то вчужѣ жаль такихъ людей, когда, по мѣрѣ ближайшаго съ ними знакомства, ихъ культурность постепенно линяетъ, золото обращается въ мишуру, а вмѣсто сознанія своего истиннаго достоинства является вотъ именно превознесенная гордыня...

Не знаю, какъ другіе, а скажу про себя: мнѣ какъ-то не хотѣлось разстаться съ тѣмъ представленіемъ о латинской вѣрѣ, въ какомъ, смѣю думать, воспитала меня мать моя—Церковь Православная, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, пастырей и учителей, въ родѣ нашего великаго Филарета. Мнѣ все думалось, что если мы относимся къ латинству съ нѣкоторымъ уваженіемъ, если мы не рѣшимся никогда оскорблять святынь его, хотя и не чтимъ ихъ сами за святыни, (если только это не общія наши святыни), то мы въ правѣ ожидать и отъ нихъ такого же уваженія къ нашимъ православнымъ святынямъ. Я не стану лобызать латинское Распятіе, не только потому, что оно не освящено молитвою моей матери—Церкви, но и потому, что лобзаніе латинской святыни могло бы быть принято за общеніе въ молитвѣ, чего Церковь мнѣ не дозволяетъ. И однакоже я не допущу и мысли о поруганіи надъ изображеніемъ моего Господа и долгомъ почту, если бы встрѣтилась надобность, защитить его отъ такого поруганія. Я не буду молиться на латинскій костелъ, но и не стану плевать на него. Если угодно, я простру мой „фанатизмъ“ до того, что плюну на тѣ изображенія Будды, которыя, говорятъ, привезли въ нашу несчастную столицу, благодаря трогательнымъ заботамъ строителей идольскаго капища, среди коихъ есть даже нѣкій князь,—плюну на эти бездушныя вещи, чтобъ выразить мое презрѣніе къ самой идеѣ идолопоклонства, подобно тому, какъ дѣлали это св. мученики Христовы, какъ поступили наши предки—кіевляне, бросившіе Перуна въ волны Днѣпра: но оскорблять вещественную святыню латинянъ я себѣ не позволю. Вѣдь, многіе ихъ святыни могли бы быть и нашими святынями. Вѣдь

изображеніе Господа моего Іисуса Христа, писано ли оно для латинянъ или для православныхъ, напоминаетъ мнѣ не кого другого, какъ именно Его, моего и всего міра Спасителя. И такое мое отношеніе къ инославной, латинской святынѣ—не будетъ недостаткомъ ревности о православіи съ моей стороны, равно какъ и мой плевокъ на идоловъ Будды не будетъ фанатизмомъ въ отношеніи къ языческому предмету почитанія...

Что такое, въ своей сущности, фанатизмъ? Это есть искаженіе ревности по вѣрѣ, ревности, лишенной разума и любви. Гдѣ нѣтъ разума, тамъ является безуміе; гдѣ нѣтъ любви, тамъ живетъ ненависть. Я почту грѣхомъ кощунства, если позволю себѣ издѣвательство или кощунство надъ латинскимъ Распятіемъ, и строго осужу латинянина, если онъ дерзнетъ оскорбить нашу святыню. Въ идеѣ и у меня, и у него святыня одна и та же. Мы и должны оба относиться къ ней разумно, хотя въ исповѣданіи вѣры не сходимся. Такъ, кажется, когда-то и было: латины, отбирая у православныхъ ихъ святыни, напримѣръ, Ченстоховскую икону Богоматери, и сами почитали ихъ за святыни. И въ нашихъ храмахъ не мало иконъ и распятій, отобранныхъ у латинянъ и чтимыхъ въ нашей Церкви. Другое дѣло—идолы: я не могу забыть словъ Апостола Павла, что язычники, принося жертву идоламъ, бѣсамъ приносятъ жертвы, а слѣдовательно, идолъ уже не простая кукла, по идеѣ, а „бѣсъ“, относительно котораго Церковь, при самомъ крещеніи, намъ заповѣдуетъ: и дуни и плюни на него. Я не желалъ бы даже имѣть предъ своими глазами изображеніе его, всего того, что мнѣ можетъ напоминать этого врага Божія, и потому ненавижу идоловъ, плюю на нихъ... Такъ разсуждаю я, православный архіерей. И мнѣ всегда казалось, что западные христіане, гордящіеся своею культурой, всюду проповѣдующіе гуманизмъ, терпимость, и считающіе насъ варварами, некультурными дикарями, должны намъ давать примѣръ, если ужъ хотятъ удержать за собою репутацію культурныхъ и просвѣщенныхъ людей, примѣръ терпимости въ отношеніи къ нашимъ православнымъ святынямъ. Мы не оскорбляемъ и не можемъ, по нашимъ убѣжденіямъ, оскорблять ихъ христіанскихъ святынь: пусть и они относятся къ нашимъ православнымъ святынямъ, къ нашей православной вѣрѣ съ такою же терпимостью, тѣмъ болѣе, что, вѣдь, они все предъ нами хвалятся, будто лучше насъ понимаютъ духъ христіанства.

Увы! Чѣмъ дольше живешь, чѣмъ больше знакомишься съ духомъ пресловутыхъ западныхъ христіанъ, тѣмъ больше разочаровываешься въ нихъ. И наоборотъ; чѣмъ глубже вникаешь въ духъ и сущность нашего святаго православія, тѣмъ больше любишь его, любуешься его величіемъ, духовною красотою, непорочною чистотою и отъ всего сердца благодаришь Бога, что родился православнымъ, что съ колыбели обладаешь этимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, и исповѣдуешь, что воистину только наша чистая, богопреданная вѣра, при Божіей благодати, ей содѣйствующей, ее просвѣщающей, есть носительница въ совершенствѣ завѣтовъ Христовыхъ, воспитательница духа Христова въ тѣхъ, кто носитъ на себѣ имя Христово.

И слава Богу за все это!

Минувшей весной въ Г. Думѣ и въ Г. Совѣтѣ проходилъ законъ о Холмской Руси. Положеніе этой древнѣйшей части Русскаго народа обсуждалось со всѣхъ сторонъ. Вопросы исповѣданій, конечно, были

также глубоко затронуты. И повѣрите ли, читатель? Пришлось ознакомиться съ такими невѣроятными явленіями кощунства, изувѣрства со стороны латинянъ по отношенію къ православію, о коихъ не было возможности не только говорить съ каѳедры, но даже и излагать на бумагѣ всѣми буквами... Въ рукописи во многихъ мѣстахъ среди словъ стояли точки, а по оставленнымъ буквамъ представлялось читателю самому угадывать опущенныя буквы... Думаю, этого довольно, чтобы понять, какою злобою, непримиримою ненавистью диктовались нетерпимыя даже бумагою слова поношенія латинянъ по отношенію ко всему, что благоговѣйно чтится православными. Я могу удостовѣрить, что всѣ эти кощунства засвидѣтельствованы въ дѣлахъ судебныхъ учрежденій того многострадальнаго края, о коемъ шло дѣло въ нашихъ законосоставительныхъ учрежденіяхъ. Я отмѣтилъ у себя даже №№ этихъ дѣлъ. Каково же бываетъ искренно преданнымъ сынамъ православной Церкви слушать всѣ эти поношенія! Я, конечно, не стану выписывать здѣсь тѣхъ обрывковъ непечатныхъ словъ, коими ревностные латины поносятъ наши святыни, но не могу, для иллюстраціи, не привести нѣсколько примѣровъ того издѣвательства надъ православными, на какое такъ щедры истовые „католики“ по отношенію къ православнымъ.

Извѣстно, что нашу вѣру православную они называютъ „пся вѣра“; собочья вѣра, говорятъ, что она—паршивая, произошла отъ куколя, который посѣялъ ч..., а католическая—изъ пшеницы, которую посѣялъ Богъ“. Она вонюча, какъ деготь... Православные священники—собаки, люциферы, кадятъ лошадинымъ пометомъ, „мируютъ“ тѣмъ, что харкаютъ и насморкаютъ, причащаютъ... нѣтъ, не могу повторить этого богохульства! Рука отказывается выписывать даже то, что изображено въ судебныхъ актахъ полными буквами!...

Но не словами только, но и дѣломъ проявляютъ свои издѣвательства латины. Такъ, одинъ нанесъ кнутомъ ударъ въ лицо православному священнику, другой направилъ лошадь прямо на несшаго хоругвь крестьянина; тамъ латины лаютъ по-собачьи на православныхъ, здѣсь пляшутъ подъ звонъ православныхъ колоколовъ... Въ одной православной церкви, въ великую пятницу нынѣшняго года, выкрали плащаницу и подмѣнили ее... дохлою собакою!

Скажутъ, можетъ быть, что все это—некультурные люди продѣлывали: съ нихъ нельзя строго и взыскивать. Но, во-первыхъ, я вотъ о томъ-то и говорю, что у насъ, у православныхъ, все это немыслимо, хотя мы сплошь „некультурные“, а тамъ руководящіе слои, сливки общества считаются, по крайней мѣрѣ среди поляковъ, людьми болѣе нашихъ интеллигентовъ религіозными, и могли бы воздѣйствовать воспитательно на массы простыхъ людей, но дѣйствуютъ, какъ извѣстно, въ обратную сторону, разжигая безумный фанатизмъ; во-вторыхъ, развѣ „некультурные“ люди травили лисицу въ православномъ храмѣ? Развѣ некультурный человѣкъ, напримѣръ графъ Тышкевичъ, засѣвалъ пшеницей мѣсто православнаго алтаря и не позволялъ православнымъ даже осмотрѣть это мѣсто? Развѣ не представители западной культуры ставятъ православныхъ въ безвыходное положеніе, требуя отреченія отъ православія, ради полученія куска насущнаго хлѣба? Допустятъ, ли что-нибудь подобное наши простые

крестьяне въ отношеніи къ латинамъ? Позволятъ ли себѣ, напримѣръ, стрѣлять въ латинскій крестъ, какъ стрѣлялъ одинъ полякъ въ крестъ православный, приговаривая: „говори, какой ты богъ: русскій или польскій", и далѣе слова, коихъ я опять таки не рѣшаюсь здѣсь приводить?

И невольно думаешь: не въ этой ли невозможности приводить въ печати разныя нестерпимыя богохульства и кощунства латинъ и заключается ихъ темная сила? Когда начинаешь говорить съ людьми незнающими дѣла, имъ просто кажется невѣроятнымъ то, что говоришь. Мнѣ самому казалось невозможнымъ допустить, чтобы именующіе себя хрістіанами позволяли себѣ такія кощунства, казалось дотолѣ, пока я документально не убѣдился въ подлинности показаній изъ документа оффиціальнаго происхожденія со всѣми ссылками на подлинные судебные акты. И мнѣ невольно припомнился нашъ безбожникъ графъ Толстой; никакая цензура не могла пропустить его богохульныхъ выходокъ въ печать; мы, вѣрные сыны Церкви, читая ихъ въ подпольныхъ изданіяхъ, возмущались ими, ужасались, страшась гнѣва Божія не только на богохульника, но и на тѣхъ, кто имѣетъ у себя его богохульныя писанія, а большинство русскихъ людей, слѣпо поклоняющихся его художественному таланту, вовсе не зная о его богохульствахъ, удивлялись намъ, за что мы его осуждаемъ, за что Церковь отлучила его отъ общенія съ собою. Когда же мы указывали имъ, въ словесныхъ объясненіяхъ, на богохульныя выходки изувѣра-графа, намъ не вѣрили, готовы были обозвать насъ клеветниками на графа. Явилась, наконецъ, извѣстная брошюра миссіонера И. Г. Айвазова: „Кто такое графъ Толстой?" Но цензура ее конфисковала и сожгла, какъ содержащую въ себѣ богохульства, а автора едва не сослали въ Сибирь... Спасло его, кажется, только то, что брошюра предварительно напечатана была въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ": для мірскихъ представителей правосудія стало яснымъ, что повтореніе нѣкоторыхъ — и то только нѣкоторыхъ — хуленій Толстого, съ цѣлію ихъ изобличенія, не есть богохульство. Тѣмъ не менѣе брошюра и теперь запрещена, хотя лучшаго отрезвляющаго поклонниковъ Толстого средства едва ли можно найти... Вотъ тоже могло бы случиться, если бы кто выбралъ изъ упомянутыхъ выше актовъ издѣвательства и кощунства латинъ, а поискать — такъ найдется немало издѣвательствъ надъ православіемъ и у баптистовъ, молоканъ, вообще лютеранъ и всякихъ сектъ раціоналистическихъ, и кто напечаталъ бы ихъ съ цѣлію обличенія; его несомнѣнно привлекли бы къ отвѣтственности, а его брошюру сожгли бы, несмотря на всю свободу печати...

Не то, не то, къ счастію нашему, мы видимъ въ нашемъ православномъ народѣ. Я не говорю уже о вѣротерпимости нашей власти въ отношеніи ко всѣмъ исповѣданіямъ. Невскій проспектъ тому доказательство. Лучшая улица столицы украшена храмами всѣхъ исповѣданій хрістіанскихъ: тутъ и армянская, тутъ и католическая, тутъ и реформатская церкви... А наши храмы, за границей, говорятъ, кроются гдѣ-то въ предмѣстьяхъ и переулкахъ... Я хочу сказать, что въ простомъ, нашемъ народѣ вѣротерпимость его прямо поражаетъ безпристрастныхъ иностранцевъ. Мнѣ приходилось слышать отъ сихъ послѣднихъ удивленіе: какъ нашъ народъ радушно и гостепріимно встрѣчаетъ иновѣр-

цевъ, коимъ приходится искать ночлега въ деревнѣ. Не только пріютъ дадутъ, но и позаботятся: сытъ ли гость дорогой, да и что онъ кушаетъ. „Знаю, говорилъ мнѣ одинъ англичанинъ, что у васъ постъ, да еще Великій; не только мяса, но и молока не ѣдятъ; а мнѣ предлагаютъ: „ты скажи, что кушаешь? Не хочешь ли, курочку для тебя приготовимъ... Правда, у насъ постъ, ну, а по твоей вѣрѣ видно не грѣшно—кушай на здоровье!“ И это говорятъ тѣ, которые и въ мясоястіе сами-то курочекъ не кушаютъ никогда. Станутъ ли эти рабы Божіи издѣваться надъ латинскимъ распятіемъ, надъ костеломъ, кирхой и под.? Въ Западной Европѣ, да и въ Америкѣ, даже намъ, архіереямъ, не вездѣ удобно показаться въ своемъ духовномъ своеобразномъ одѣяніи, а у насъ и латинскіе патеры, и даже татарскіе муллы ходятъ свободно, и никто не позволитъ себѣ ни малѣйшей шутки надъ ними. Въ пресловутой Финляндіи плюютъ на насъ, на духовныхъ: слыхано ли что-нибудь подобное у насъ, на Руси, въ отношеніи къ инославнымъ духовнымъ лицамъ?... И достойно особеннаго вниманія вотъ что: въ то время, какъ инославные смотрятъ съ пренебреженіемъ на насъ, съ какою-то брезгливостью духовной, какъ на еретиковъ, мы, православные, смотримъ на нихъ съ снисходительной любовью, какъ на заблуждающихся: „не вѣдятъ, что творятъ!“ Не знаютъ истины, а если бы познали, если бы захотѣли познать, то давно бы стали православными.

Итакъ, кто же культурнѣе? Кто глубже воспринялъ духъ Христова ученія: мы или они, гордые своею просвѣщенностью, своимъ прогрессомъ европейцы? И стоитъ ли намъ, владѣя такимъ сокровищемъ, какъ наше православіе, гоняться за ихъ культурой? Не слѣдуетъ ли намъ ревностнѣе приняться за изученіе и усвоеніе того сокровища, какое намъ Богъ далъ съ колыбели, коего мы, къ стыду нашему, не знаемъ во всей его духовной красотѣ и благодатной силѣ даже доселѣ?

А вѣдь если глубже вдуматься въ дѣло, то окажется, что вся эта ненависть, все это презрѣніе культурнаго европейца и обращены именно на православіе: за православіе не принимаютъ въ свою семью европейцы и нашихъ братьевъ по вѣрѣ—славянъ: вѣдь и поляки, и чехи и др. народцы славянскіе, измѣнившіе православію, давно считаются народами культурными, а вотъ мы, русскіе, болгары, сербы, даже греки—ужъ, кажется, на что еще древнѣе, по культурѣ, народъ?—мы всѣ, за то, что мы православные, считаемся среди европейцевъ за какихъ-то полудикарей, коихъ, видите ли, надо еще просвѣщать, въ вѣру христіанскую обращать, и вотъ, латины хотятъ насъ обратить къ папѣ римскому, а лютеране—къ своему Лютеру... Они не понимаютъ, не могутъ понять, что въ православіи лежитъ основа новой, имъ невѣдомой культуры, заключаются начала новаго, или лучше сказать, древняго христіанскаго міропониманія и міросозерцанія въ области какъ догмата, такъ и нравственнаго ученія. И въ то время, какъ у нихъ, западныхъ, все основано на началахъ человѣческой правды, началахъ юридическихъ, у насъ—все строится на началахъ нравственныхъ, Божественныхъ. Оттого все у нихъ пропитано, въ самыхъ основахъ своихъ, гордынею и самопѣномъ, а у насъ—все зиждется и расцѣнивается началомъ смиренія и духомъ любви во имя Христово.

Апостолъ Павелъ говоритъ о тайнѣ беззаконія, которая уже совершается въ мірѣ. Кто иниціаторъ этой тайны, этой гибельной дѣятельности—ея? Конечно, сатана, исконный врагъ Бога и людей. Человѣконенавистникъ и человѣкоубійца искони, онъ питается злобою и ненавистію и всюду сѣетъ ихъ, обольщая людей якобы ревностью о вѣрѣ, о правдѣ, о благѣ людей. Извѣстно изъ слова Божія, что первый грѣхъ сатаны—его гордыня. Ею онъ стремится заразить и людей. И конечно, тамъ, гдѣ царитъ въ душахъ гордыня, тамъ не можетъ быть духа хрістоподражательнаго смиренія, тамъ нѣтъ и духа любви, Хрістомъ заповѣданной. По симъ признакамъ мы можемъ познавать: отъ духа ли Хрістова исходитъ эта мнимая ревность о вѣрѣ, выражающаяся въ фанатическомъ издѣвательствѣ инославцевъ надъ нашими святынями, надъ нашею вѣрою? Не дѣется ли и тутъ тайна беззаконія, Апостоломъ усмотрѣнная, и не смѣется ли врагъ рода человѣческаго надъ тѣми, именуемыми хрістіанами, ослѣпляя ихъ ненавистью къ чистой истинѣ Хрістова ученія и не допуская познать ее, а напротивъ стараясь отвратить отъ нея, если возможно, самыхъ ея исповѣдниковъ? И вотъ, вмѣсто того, чтобы итти къ язычникамъ и магометанамъ, чтобы проповѣдать имъ Хрістово ученіе, латины и всякаго рода протестанты спѣшатъ посылать къ намъ своихъ миссіонеровъ, будто мы язычники, и воображаютъ, будто великое дѣло дѣлаютъ, совращая православныхъ въ свои заблужденія...

Если бы эти неразумные ревнители своихъ вѣрованій строже въ своей совѣсти отнеслись къ своимъ поступкамъ, ко всему своему поведенію въ отношеніи къ православію, то,—кто знаетъ?—можетъ быть совѣсть пробудила бы въ нихъ и духъ смиренія, и они стали бы способны воспріять и духъ православія и полюбили бы насъ какъ братьевъ, и рядомъ съ нами стали бы на борьбу съ дѣятелемъ тайны беззаконія. А теперь, увы, они не во имя Хрістово работаютъ, понося наше святое православіе и, повторяю, только себя унижаютъ въ нашихъ же глазахъ, ибо намъ-то видно ясно, чьимъ духомъ руководятся они...

141.

Таинственный институтъ.

По рукамъ ходитъ и разсылается—преимущественно купцамъ, фабрикантамъ, богатымъ аристократамъ, вообще людямъ состоятельнымъ, брошюрка: „Научный институтъ въ Москвѣ". На нѣкоторыхъ экземплярахъ заглавіе отъ руки исправлено: „Московскій научный институтъ въ память 19 февраля 1861 г." Послѣ краткаго предисловія она содержитъ „Проектъ устава общества Московскаго научнаго института". „Проектъ физическаго института на 25 человѣкъ, занимающихся самостоятельными научными изслѣдованіями", и двѣ примѣрныя смѣты на постройки и оборудованія біологической лабораторіи и химическаго института на 25 человѣкъ. Въ предисловіи заявляется, что задача института исключительно ученая, а не учебная. „Это—основная мысль задуманнаго учрежденія, закрѣпленная въ проектѣ устава особою стать-

ей, недопускающей измѣненія выполненія. Это — учрежденіе типа академіи наукъ, подобное институту Пастера въ Парижѣ".

Казалось бы остается только сказать: „Богъ въ помощь умнымъ русскимъ людямъ въ добромъ дѣлѣ!" Тѣмъ болѣе, что они, эти пока невѣдомые предприниматели, настойчиво заявляютъ, что ихъ начинаніе есть „первая попытка въ нашемъ отечествѣ создать учрежденіе, ставящее своею цѣлію исключительно поддержаніе науки; Чуждое по самой своей природѣ какихъ бы то ни было политическихъ стремленій, оно предназначено служить только чистому знанію"... Но...

Мы живемъ въ такое время, когда всюду и вездѣ приходится подозрѣвать это „но". Нынѣ время широкой гласности, такъ, по крайней мѣрѣ, насъ увѣряютъ представители этой гласности: ничего не должно быть секретнаго, особенно всякое доброе начинаніе должно быть широко оглашаемо, дабы каждый могъ принять въ немъ участіе. Но въ данномъ случаѣ предприниматели что-то слишкомъ скромничаютъ: разсылаютъ проекты свои только людямъ состоятельнымъ, и невольно думается: не ловятъ ли ихъ на удочку, тщательно прикрывая тайныя цѣли свои? Да и газеты о такомъ важномъ предпріятіи что-то упорно молчатъ, будто по соглашенію какому...

Далѣе. Кто иниціаторы дѣла? Обычно, призывая общество къ участію въ такомъ начинаніи, добрые люди, коимъ скрывать нечего, не скромничаютъ, а прямо ставятъ свои имена. Тутъ, въ брошюрѣ, нѣтъ ни одного имени, не только сколько-нибудь извѣстнаго ученаго русскаго, но и никакого—ни подъ предисловіемъ, ни подъ уставомъ. Все какіе-то таинственные незнакомцы... Впрочемъ, будто нечаянно, проскользнуло одно, только одно имя участника, и то не подъ устройствомъ, не подъ проектомъ, а подъ проектомъ смѣты, и это — имя извѣстнаго забастовщика-іудея въ московскомъ университетѣ, нѣкоего профессора, (а можетъ быть и не профессора) Мензбира. Подъ его предсѣдательствомъ составлена группой, можно предполагать, его единомышленниковъ, смѣта на лабораторію по біологіи. Для насъ, русскихъ людей, достаточно этого имени, чтобы угадать, откуда вѣтеръ дуетъ: кто сіи радѣтели чистой науки...

Я уже отмѣтилъ, что почему-то предприниматели особою статьей подчеркиваютъ якобы „основную мысль", что это учрежденіе ученое, а не учебное. Вотъ, буквально, что говоритъ эта бронированная статья: „Общество московскаго научнаго института имѣетъ задачей разработку научныхъ вопросовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и оказаніе содѣйствія лицамъ, желающимъ производить научныя изслѣдованія въ какой-либо области". Невольно спрашиваешь: если по всѣмъ отраслямъ знанія, то значитъ и по богословскимъ? А что, если во главѣ всего дѣла будутъ стоять гг. Мензбиры? Насъ увѣряютъ, что это учрежденіе будетъ служить только чистому знанію, что оно „чуждо по самой своей природѣ какихъ бы то ни было политическихъ стремленій"; но... можно ли повѣрить, что гг. Мензбиры, „пожертвовавшіе" своимъ положеніемъ и даже своимъ казеннымъ жалованьемъ во имя своихъ политическихъ убѣжденій, отрекутся отъ „политики"? Не приложимо ли, напротивъ, именно къ такимъ господамъ слово Писанія: „еда еѳіопъ измѣнитъ кожу свою или рысь пестроты своя?"... И невольно возни-

кается новое предположеніе: да не для вотъ такихъ ли господъ Мензбировъ, потерявшихъ мѣсто въ университетахъ и оставшихся не у дѣлъ, благодаря нашему неустрашимому г. министру просвѣщенія, и затѣвается „ученый“ институтъ?... Къ такому предположенію приводитъ и то соображеніе, что институтъ предполагается устроить какъ бы независимо отъ государственнаго надзора, на средства частныя, такъ сказать, въ складчину, какъ-будто само государство у насъ скупится на ученыя учрежденія: давно ли оно дало цѣлыхъ 16 милліоновъ на новый Саратовскій университетъ, польза коего пока очень сомнительна?.. Нѣтъ, нужна, видите ли, независимость...

Я сказалъ, что, согласно забронированнаго параграфа устава, въ силу коего институтъ будетъ заниматься всѣми отраслями знанія, возможно, что анонимные „ученые“ займутся и богословіемъ, въ духѣ г. Брихничева, который объявилъ, что „религія заповѣдей есть рабство“, что „заповѣди суть зло“, а можетъ быть пойдутъ и дальше: будутъ изслѣдовать спиритизмъ, всякое колдовство, вѣдь нынѣ чего не покрываютъ наукой, клевеща на нее, бѣдную, всячески?.. Нынѣ, по свидѣтельству авторитетнаго ученаго, А. А. Тихомирова, въ результатѣ дехрістіанизаціи науки проявляется въ ней даже и хулиганство. „Что такое,—говоритъ онъ,—въ самомъ дѣлѣ, какъ не актъ хулиганства—изданіе іенскимъ профессоромъ Геккелемъ его книжки „Міровыя загадки“, книжки одновременно и кощунственной, и невѣжественной? Сей Геккель на одномъ изъ международныхъ „научныхъ“ конгрессовъ поставилъ въ заслугу наукѣ то, будто бы она уже ниспровергла идею личнаго Бога и идею свободной воли человѣка: такое утвержденіе нельзя, конечно, иначе назвать, какъ дерзкой безсмыслицей“. Однако же, было невозбранно сказано Геккелемъ предъ лицомъ конгресса, на который, замѣтимъ, онъ былъ приглашенъ въ качествѣ почетнаго докладчика, воззрѣнія котораго, несомнѣнно, хорошо были извѣстны тѣмъ, отъ кого послѣдовало приглашеніе. „Мнѣ кажется, говоритъ почтенный А. А. Тихомировъ, сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какое ужасное время переживаетъ наука и въ какой опасности въ этомъ отношеніи находится школа“.

Видите: цѣлый „научный“ конгрессъ не посмѣлъ остановить безумца, несмотря на всю нелѣпость его утвержденій. Кто же, какіе „ученые“ были на этомъ конгрессѣ? Да вотъ, не эти ли, что хвалятся: „мы затронули юрисдикцію, выборные порядки, печать, свободу личности, а главное, образованіе и воспитаніе, какъ краеугольные камни свободнаго бытія. Мы одурачили, одурманили и развратили гоевскую молодежь посредствомъ воспитанія въ завѣдомо для насъ ложныхъ, но нами внушенныхъ принципахъ и теоріяхъ“...

Мы многому научились за послѣдніе годы. Мы рѣшительно теперь не вѣримъ—мы были бы глупы, если бы повѣрили представителямъ якобы науки изъ лѣваго лагеря, особенно какимъ-то анонимамъ, которые, кажется, чуютъ, что ихъ имена откроютъ весь секретъ ихъ масонской затѣи... Мы уже видѣли немало „лигъ“, подъ разными наименованіями, возникшихъ у насъ, въ Россіи въ послѣднее время. Мы знаемъ хорошо, кто устраиваетъ эти лиги на гибель Россіи. Почему мы не можемъ не предположить, что и тутъ дѣло нечистое? Пусть откроютъ свои забрала гг. учредители,

пусть не скрываютъ своихъ именъ! Будутъ ли то имена русскія, или инородческія, мы, можетъ быть, узнаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, кто такъ усердно заботится о чести русскаго имени, о русской наукѣ...

А пока, русскіе люди, берегите свои капиталы: зачѣмъ ихъ бросать на вѣтеръ?

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Извѣстный моимъ читателямъ редакторъ-издатель еженедѣльнаго листка „Свѣтъ истины“, обругавшій меня „псомъ, безсмысленно лающимъ“, „сатаною“, „сыномъ діавола“, Илья Алексѣевъ, повѣдаетъ теперь своимъ читателямъ, что „судъ Божій наказалъ обидчика (т.-е. меня) пожизненнымъ лишеніемъ трудоспособности, а судъ человѣческій наказалъ обиженнаго (т.-е. его, г. Алексѣева) заключеніемъ подъ стражу на 6 недѣль“.

Что разумѣетъ онъ подъ „лишеніемъ, да еще пожизненнымъ, трудоспособности“—Богъ его вѣдаетъ. Вѣроятно то, что я, по слабости моего здоровья, просилъ С. Синодъ уволить меня отъ управленія епархіей, на что С. Синодъ милостиво и соизволилъ, но тогда же ему было благоугодно не только засвидѣтельствовать о моей „трудоспособности“, но и использовать оную назначеніемъ меня постояннымъ членомъ сего высшаго церковнаго учрежденія. Милостію Божіей укрѣпившись силами, я возвращаюсь въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ занятіяхъ С. Синода и Г. Совѣта, и надѣюсь, при помощи Господа, посвятить свои силы, на свободѣ отъ дѣлъ епархіальнаго управленія, служенію Церкви Хрістовой тою „трудоспособностью“, которой, милостію Божіей, я еще не лишенъ, какъ говоритъ г. Алексѣевъ. Съ свойственною только сектантамъ нетерпимостью и дерзостью онъ предвосхищаетъ себѣ „судъ Божій“ и — смѣю сказать— дерзаетъ клеветать на Самого Господа Бога, якобы лишившаго меня трудоспособности въ наказаніе за мое предупрежденіе читателей относительно его, г. Алексѣева, котораго и С. Синодъ, въ своемъ опредѣленіи отъ 13—23 апрѣля сего года за № 3089, призналъ однимъ изъ „главныхъ распространителей киселевской секты“. Будемъ надѣяться, что „молодой іерей“, котораго, по словамъ г. Алексѣева, „Господь прислалъ къ нему“, разъяснитъ ему, какъ опасно становиться на сторону сектантовъ и предвосхищать судъ Божій, да еще надъ епископомъ...

Прошу моихъ читателей и сотрудниковъ „Троицкаго Слова“ всѣ письма, касающіяся литературной стороны изданія, съ 10 октября направлять по адресу моему: *Петербургъ, Александро-Невская лавра*, а касающіяся хозяйственной стороны сего дѣла (т. е. подписки, высылки журнала и др. изданій Сергіевой лавры)—*въ редакцію* „Троицкаго Слова“, *Сергіевъ посадъ, Моск. г., лавра*.

Кстати: контора редакціи проситъ меня предупредить читателей, чтобы желающіе возобновить подписку на будущій годъ благоволили высылать оную заблаговременно, во избѣжаніе замедленія въ высылкѣ, вслѣдствіе скопляющихся въ концѣ года требованій. Условія подписки—тѣже.

142—143.

Съ чего начинается измѣна роднымъ завѣтамъ?

I.

Я закончилъ свой дневникъ о томъ, „Кто культурнѣе: они или мы?“ и уже послалъ рукопись въ редакцію, когда мнѣ пришлось прочитать въ одной рукописной автобіографіи, половины прошлаго вѣка, слѣдующія строки:

„Да, большой недостатокъ въ русскомъ высшемъ обществѣ, что тамъ мало цѣнятъ милость Божію, что родились въ православномъ исповѣданіи. То, что человѣку съ прекрасными качествами, благородствомъ и ученостію, но родившемуся въ католичествѣ или протестантствѣ еще потребно изучать, познавать, углубляться и разбирать, то православный уже имѣетъ безъ всякихъ усилій, внѣдренное въ сердцѣ своемъ, всосанное съ молокомъ матери своей, какъ бы сросшееся съ нимъ и пріобрѣтенное безъ всякихъ трудовъ и усилій.—Но, видно, правду говорятъ, что то, что получено безъ всякихъ трудовъ и усилій, то такъ мало и цѣнится! Если бы этимъ началамъ православія давали развиваться и укореняться, какихъ бы они не принесли благодатныхъ плодовъ! Но они оставляются пренебреженными, засариваясь разнымъ хламомъ лжемудрованій, лжеумствованій, ложныхъ мнѣній: человѣкъ, между тѣмъ, узнаетъ, что есть хрістіанскія же религіи, которыя смотрятъ снисходительнѣе на слабости человѣческія и даже потворствуютъ имъ, не стѣсняютъ ни долгими молитвами, ни постами, ни воздержаніемъ порывовъ плоти и крови; и вотъ, рожденный, но не укачествовавшійся въ православіи, соблазняется мнѣніями, чуждыми православію, наконецъ становится равнодушнымъ къ религіи своей—дотолѣ, пока милующая Десница Всевышняго не образумитъ его своими наказаніями“.

Это пишетъ человѣкъ свѣтскій, офицеръ, воспитанный въ средѣ свѣтскаго общества того времени и видѣвшій главную причину зла въ томъ, что у нихъ, т.-е., въ этомъ обществѣ, было такъ много гувернеровъ и гувернантокъ, мадамъ и мамзелей, что дядя автора говаривалъ: „когда это моя Европа разъѣдется?..“

Прошло съ того времени, о коемъ говоритъ авторъ, сто лѣтъ, но „мадамы и мамзели“, гувернеры и гувернантки-иностранки не составляютъ ли и теперь необходимой принадлежности въ дѣлѣ воспитанія дѣтей нашего не только интеллигентнаго, но и полуинтеллигентнаго общества? Не говорю уже о дворянскихъ семьяхъ: даже у купцовъ, которые сами нигдѣ не учились, изъ мужичковъ вышли, около ихъ дѣтей увиваются уже француженки и нѣмки, а иногда и англичанки: безъ новыхъ языковъ, видите ли, обойтись нельзя, а имъ выучиться безъ этого рода педагоговъ очень трудно, и вотъ ребенокъ въ самомъ золотомъ расцвѣтѣ дѣтства отдается на руки этимъ „европейцамъ“ — ради того только, чтобы была использована его въ высшей степени воспріимчивая память для изученія чужихъ языковъ... Родители не понимаютъ, какою дорогою цѣною они покупаютъ легкость для ихъ дитяти изученія иностранныхъ языковъ; они не понимаютъ, что, сами того не сознавая, поручаютъ этимъ чужимъ людямъ не только разрушать нѣкіе малые зачатки православнаго міросозерцанія, но незамѣтно, мо-

жетъ быть, даже безсознательно,—кто поручится, что въ иныхъ случаяхъ и сознательно?—строитъ въ дѣтской душѣ неправославное міросозерцаніе? Если русская безграмотная няня имѣла и безъ сомнѣнія имѣетъ и теперь такое великое значеніе въ воспитаніи Пушкиныхъ и др. великихъ русскихъ людей, то какъ отрицать вліяніе на весь слагающійся строй души ребенка всѣхъ этихъ мамзелей и мадамъ?.. Не онѣ ли первыя, повторяю, можетъ быть непроизвольно, первыя закладываютъ въ душѣ будущаго нашего интеллигента сѣмена преувеличеннаго уваженія ко всему западному, неправославному и пренебреженія къ родному, православному? Не вслѣдствіе ли общенія съ ними, наши дѣти еще съ отрочества начинаютъ пренебрежительно относиться къ завѣтамъ старины родной? Хорошо, если сами родители строго держатся этой старины, какъ, напримѣръ, держались ея родители автора вышеприведенной выписки. Вотъ, что говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: „у покойнаго дѣда моего всегда производилась на дому служба весь великій постъ, даже безъ священника, который приглашался только на первую и страстную седмицы, на всѣ годовые праздники, во дни нарочитыхъ святыхъ и на всѣ воскресныя всенощныя; мой отецъ, не желая измѣнять порядка своего отца, имѣя уже и дѣтей, также три недѣли справлялъ службы великимъ постомъ и всѣ праздники. Такъ дошло и до меня. Прочіе братья и сестры этого уже не помнятъ: они были очень малы, а я, обыкновенно, читалъ самъ вечерни, повечерія, полунощницы и утрени дома, при крестахъ, и въ церкви часы, а бабушка почти каждый день заѣзжала къ матери, возвращаясь отъ обѣдни изъ Лебяжскаго Троицкаго монастыря, въ которомъ она и погребена“.—Но то было почти сто лѣтъ назадъ; теперь едва ли найдешь такую семью не только въ высшихъ сословіяхъ, но и въ купеческомъ и мѣщанскомъ. И растутъ дѣтскія души внѣ той духовной атмосферы, которая называется церковностью, и обвѣваютъ ихъ другія вѣянія, Церкви чуждыя, ложатся на нѣжное дѣтское сердце другія впечатлѣнія, незамѣтно, но прочно создается другое міросозерцаніе.

II.

Дѣти! Какое безцѣнное сокровище вручаетъ намъ Богъ въ лицѣ малыхъ сихъ! Не напрасно дѣтскія души называются ангельскими: изъ св. купели крещенія наши дѣти выходятъ чистыми, чуждыми грѣха прародительскаго, невинными существами. Вспомните слово Христово: „если не будете и сами какъ дѣти, то не внидете въ царствіе небесное“. Вѣдь о дѣтяхъ Господь сказалъ и сіе: „ангелы ихъ всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго“. Гдѣ дѣти, тамъ и Ангелы Божіи. Какъ же должно беречь это сокровище — дѣтскую душу!..

А мы что съ нею дѣлаемъ? Съ первыхъ шаговъ сознательной жизни, лишь только ребенокъ начинаетъ лепетать, мы спѣшимъ отдать его на руки людямъ, чуждымъ намъ и по духу, и по языку, и по всему ихъ нравственному міросозерцанію. Дитя еще не научилось, какъ слѣдуетъ, называть окружающіе его предметы, какъ въ его невинную головку уже засѣваютъ французскія, нѣмецкія, англійскія фразы. Родители не хотятъ подумать хотя бы о томъ, что русское дитя, вѣдь, при такихъ условіяхъ и мыслить будетъ не по-русски... Покойная Анна Ѳеодоровна Аксакова въ своихъ умныхъ, фило-

софски обдуманныхъ бесѣдахъ не разъ мнѣ жаловалась, что затрудняется „думать по-русски“: съ дѣтства привыкла говорить по-нѣмецки и думать по-нѣмецки. Случалось, что эта высокообразованная русская женщина не безъ труда подыскивала русскія слова для выраженія какого-либо отвлеченнаго понятія въ области предметовъ возвышенныхъ. Но она не виновата, что ея отецъ жилъ большею частію за границей, въ Германіи, хотя надо ему честь отдать: зналъ въ совершенствѣ русскій языкъ и умѣлъ воплощать въ немъ свои чудныя поэтическія произведенія.

Имѣю основаніе, и кромѣ общихъ сужденій, сказать, что иностранцы, допущенные къ нашимъ дѣтямъ, вредятъ и самому главному — они незамѣтно посѣваютъ въ нихъ свои религіозныя воззрѣнія. Понятно, что атеистъ не можетъ говорить о Богѣ съ должнымъ благоговѣніемъ. Но такъ же понятно, что фанатичная католичка найдетъ и время, и случай внушить ребенку свои понятія о чистилищѣ, о непорочномъ зачатіи; она съ дѣланнымъ благоговѣніемъ говоритъ ему о „святомъ отцѣ“, о „сердцѣ Іисусовѣ“ и пр. Хорошо, если умное дитя спроситъ своихъ родителей: какъ относиться къ такимъ непрошеннымъ урокамъ? А если не спроситъ?... Невольно задумываешься надъ вопросомъ: что это значитъ, что даже коренныя русскія семьи, вродѣ купцовъ Абрикосовыхъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего ушли въ латинство? Кто ихъ подготовилъ къ сему? О, конечно, патеры-іезуиты не упускаютъ случая поймать въ свои сѣти нашихъ младенчествующихъ въ вопросахъ богословія интеллигентовъ; но впереди патеровъ, очень вѣроятно, шли усердныя ихъ послушницы — мадамы и мамзели. Съ давнихъ поръ наше купеческое сословіе отличалось отъ другихъ интеллигентныхъ сословій большею религіозностью; правда, въ послѣднее время и оно пошло за интеллигентами изъ другихъ, отравленныхъ іудейской печатью, сословій, и даже въ иныхъ случаяхъ опережаетъ ихъ; а все же въ средѣ купеческихъ семей можно еще встрѣтить людей, искренно вѣрующихъ въ Бога, не забывающихъ и единаго на потребу. И вотъ, сюда устремляютъ взоры латинскіе пропагандисты, здѣсь ищутъ себѣ поживы.... Какъ же надобно беречь дѣтей отъ этихъ алчныхъ взоровъ, отъ всякихъ гувернеровъ и гувернантокъ, мадамъ и мамзелей, боннъ и репетиторовъ!

Меня поражаетъ эта преступная безпечность — не говорю уже о вѣрѣ, о спасеніи души, а хотя бы только о благѣ своей родины, о томъ, чтобъ чужеземцы не захватили въ свои руки то, что вѣками скопляли, отцы наши, не заставили насъ быть батраками на нихъ, не издѣвались надъ ними, какъ глупыми, презрѣнными неграми, изъ которыхъ можно дѣлать все, что имъ будетъ угодно! А вѣдь, если мы будемъ такъ безпечны и впередъ, то недолго и до этого... Нашей интеллигенціей будто какой-то гипнозъ овладѣлъ: вотъ, непремѣнно, во что бы то ни стало быть европейцами, во всемъ походить на нихъ, усвоить ихъ идеалы, ихъ формы жизни, ихъ языки, даже ихъ платье, манеры, привычки... А того не видятъ люди русскіе, что европейцы только смѣются надъ этимъ, только презираютъ насъ еще больше, какъ паріевъ, какъ некультурныхъ дикарей. И особенно это на руку заклятымъ врагамъ Христовымъ—іудеямъ и масонамъ: они руки потираютъ отъ радости, имъ это-то и нужно. И всѣми мѣрами они стараются содѣйствовать этому гипнозу, всего больше боятся, какъ

бы не очнулись русскіе люди, не вспомнили завѣтовъ предковъ своихъ благочестивыхъ. И вотъ, захвативъ въ свои руки печать, они всячески внушаютъ, что этотъ гипнозъ есть явленіе въ высшей степени отрадное, какъ признакъ культурности, прогресса, побѣды надъ мракобѣсіемъ, торжества цивилизаціи... Что мы — невѣжды, что мы во всемъ, рѣшительно во всемъ отстали отъ Европы, что стыдно намъ быть православными, что хрістіанство „сыграло свою роль въ исторіи, отжило, умираетъ“,—все это изодня-въ-день, подъ разными видами, внушается іудейской печатью, впитывается въ мозги нашей модничающей интеллигенціи, какъ неоспоримая аксіома, противъ которой могутъ спорить только глупцы... Чѣмъ все это грозитъ намъ въ самомъ близкомъ будущемъ? Русскіе люди, опомнитесь! Стыдно и непростительно грѣшно такъ унижать себя, такъ позорить измѣной роднымъ завѣтамъ старины, родной Церкви, родному народу! Съ недоумѣніемъ смотритъ онъ, этотъ народъ, на ваши „барскія причуды“, съ сожалѣніемъ — на ваши заморскія выдумки, съ глубокою скорбью вздыхаетъ, когда видитъ ваше богоотступничество, и жалуется Богу, когда вы пытаетесь и его совратить на свой путь погибельный... Вѣдь, онъ все ждалъ, что вы пойдете впереди его по завѣщанному ему исторіей и Божьимъ Провидѣніемъ пути, что, какъ люди, болѣе его наукою просвѣщенные, поведете его за собой, а вы поклоняетесь Ваалу и идете путемъ служителей Молоха... Горе вамъ, когда народъ потеряетъ всякое къ вамъ довѣріе, когда среди васъ не найдется достойныхъ сыновъ Руси вѣковъ минувшихъ! Вы теперь стремитесь развратить его духовно: онъ не замедлитъ, воспріявъ въ свое сердце ядъ духовнаго развращенія, ниспасть и въ развратъ тѣлесный, превратиться въ такого звѣря, какого міръ еще не видѣлъ, какого исторія человѣчества еще не знала...

И вы первые — помните это! — первые погибнете въ когтяхъ этого лютаго, безпощаднаго звѣря!

144.

Дѣти и церковно-приходская жизнь.

Нынѣ много говорятъ объ „оживленіи“ приходской жизни. Не лучше ли сказать — о пробужденіи: вѣдь приходъ есть малая часть Церкви Хрістовой вселенской, а Церковь Божія жива и умереть не можетъ, ибо ея глава — Хрістосъ Спаситель нашъ смертію Своею смерть всякую попралъ и живетъ въ Церкви Своей, и пока — не только приходъ, но и всякій отдѣльный членъ Церкви не порвалъ связи съ Церковію, не сталъ еретикомъ, дотолѣ и онъ не умеръ для Церкви, какою бы духовною болѣзнію, какимъ бы грѣхомъ ни страдалъ онъ... Отдѣльный членъ Церкви можетъ духовно умереть, порвавъ прежде всего общеніе съ Церковію въ ея таинствахъ, но приходъ сего сдѣлать не можетъ, ибо онъ возглавляется совершителемъ таинъ Божіихъ — священникомъ и совершеніе божественной литургіи въ его храмѣ іереемъ, правильно рукоположеннымъ, уже есть свидѣтельство жизни прихода, сей малой Божіей церквицы. А значитъ и говорить объ оживи-

леніе прихода не подобаетъ: это было бы оскорбленіемъ Духа Божія, присно живущаго въ Церкви и дѣйствующаго въ ея тайнахъ...

Особенно заботится о пробужденіи жизни приходской еще юное московское братство четырехъ святителей. Оно праздновало вторую свою годовщину 5-го октября и вечеромъ сего дня устроило годовое собраніе въ московскомъ епархіальномъ домѣ. Главною своею задачею братство поставило взаимное сближеніе пастырей и пасомыхъ, а чрезъ то и развитіе дѣятельности прихода. Отчетъ былъ кратокъ, ибо братство еще только начинаетъ входить въ свое дѣло, намѣчая свои ближайшія задачи и средства къ ихъ осуществленію. А въ этомъ отношеніи надо быть особенно осторожнымъ: нынѣ въ воздухѣ носятся идеи, съ виду заманчивыя, по существу же противоцерковныя, каковы, напримѣръ, идеи права, свободы и под. Вотъ и надобно остерегаться, чтобы не подмѣнить такими модными идеями—чистые идеалы церковные. И дай Богъ, чтобы юное братство, руководимое мудрымъ первосвятителемъ Московскимъ, избѣгало этой опасности и чтобы идея *долга* не заслонялась бы идеею *права*, а служила сей послѣдней лишь основою... и все согрѣвалось и оживлялось идеею *любви*, ибо и Церковь есть великій организмъ любви...

Одинъ изъ могучихъ средствъ къ объединенію прихода въ духѣ вѣры и любви, какъ показалъ опытъ, является всеобщее или всенародное пѣніе въ церкви. Москва счастлива тѣмъ, что въ средѣ цѣлой тысячи ея пастырей ужъ конечно всегда найдется энергичный, долгу своему преданный пастырь, который „сдѣлаетъ опытъ“, по мѣрѣ силъ и умѣнья проведетъ въ жизнь ту или другую идею, а Господь поможетъ ему и осуществить ее такъ, что въ семъ дѣлѣ нельзя не видѣть явнаго чуда Божія, проявленія жизнедѣятельности въ Церкви—самой невидимой Главы Церкви Господа Іисуса Христа. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Одинъ смиренный іерей изъ Замоскворѣчья завелъ у себя въ церкви всенародное пѣніе два года назадъ. Прихожанамъ это пришлось по душѣ. Начали съ простыхъ ежедневныхъ пѣснопѣній литургійныхъ, затѣмъ перешли къ ирмосамъ праздничнымъ, а теперь поютъ прекрасно и догматики. И вотъ, 5 октября, почтенный батюшка сдѣлалъ докладъ въ собраніи братства и показалъ на дѣлѣ, какъ поютъ его прихожане. Опытъ показалъ, что всеобщее пѣніе послужило началомъ и другихъ добрыхъ дѣлъ: появилось и общество трезвости, и воскресная школа для тѣхъ, кто хочетъ, но, по безграмотности, не можетъ принимать участія въ пѣніи (обучаются не только юноши, дѣвицы, но и люди преклоннаго возраста, до 65 лѣтъ), и участники пѣнія ходятъ за сотни верстъ на богомолье къ святынямъ роднымъ, помогаютъ бѣднымъ въ приходѣ такъ, какъ не бывало дотолѣ... Не говорю уже о церковномъ чтеніи: ужъ, конечно, оно поставлено въ церкви приходской образцово.

И вотъ, мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ моими читателями тѣмъ трогательнымъ впечатлѣніемъ, какое я вынесъ изъ сего собранія. Выходитъ на средину малютка-мальчикъ и громко, ясно, отчетливо, немного картавя, но все же прекрасно читаетъ: *Нынѣ отпущаеши*, трисвятое и *Отче нашъ*. А затѣмъ смѣло подходитъ къ владыкѣ Митрополиту и проситъ благословенія. Его чтеніе тронуло нѣкоторыхъ нервныхъ людей до слезъ.

Благословляя малютку-чтеца, владыка спросилъ: „а сколько тебѣ лѣтъ?“—Мальчикъ, нисколько не смущаясь неожиданнымъ вопросомъ, отвѣтилъ: „пять лѣтъ“. Я сидѣлъ рядомъ съ первосвятителемъ. Хотѣлось чѣмъ-нибудь порадовать младенца-чтеца, и я, снявъ съ своихъ четокъ серебряный крестикъ, передалъ его Митрополиту, который и благословилъ мальчика, заповѣдавъ, чтобъ надѣлъ крестикъ на шнурочекъ и возложилъ себѣ на шею.

И вспомнились слова пророка-псалмопѣвца: *изъ устъ младенецъ и сущихъ совершилъ еси хвалу*; вспомнились младенцы евангельскіе, громко взывавшіе пришедшему во храмъ Спасителю міра: *осанна Сыну Давидову!* И думалось: вѣдь вотъ какъ иногда немного надобно, чтобы разбудить дремлющую душу православную, чтобы повѣяло на нее дыханіемъ жизни, и именно церковной жизни... Вѣдь прочитай дитя, что теперь такъ обычно, простое стихотвореніе: развѣ было бы такое впечатлѣніе? И мысль шла дальше: не слѣдуетъ ли намъ, пастырямъ, для „оживленія“, для пробужденія церковной жизни призвать на помощь вотъ этихъ невинныхъ младенцевъ, поручая имъ чтеніе краткихъ молитвъ въ храмѣ Божіемъ за богослуженіемъ? И вспомнилъ я, какъ въ прежніе годы велось въ Троицкой Сергіевой лаврѣ въ субботніе молебны Матери Божіей въ такъ называемой келліи преподобнаго Сергія; въ концѣ молебна выходили три отрока, лѣтъ по шести или семи, становились предъ иконою Владычицы, не спѣша, ограждали себя крестнымъ знаменіемъ, творили три поклона въ поясъ, и начинали: одинъ—*Святый Боже...* другой продолжалъ: *Пресвятая Троице*, третій читалъ: *Отче нашъ*... Чѣмъ-то неземнымъ отзывалось въ сердцѣ ихъ чтеніе, думаю, какъ были бы счастливы матери малютокъ, если бы ихъ дѣти удостоивались чести—славить Бога невинными устами своими въ храмѣ Божіемъ! И ужъ конечно, благоговѣйная, хотя и не вполнѣ по-ученому сознательная молитва малютокъ была бы доходнѣе до Бога, чѣмъ наша холодная, нерѣдко вѣдь тоже—но уже—непростительно бессознательная молитва, чтомая на клиросѣ поспѣшно, бездушно, яко мѣдь звенящая или кимвалъ брящающій.

Когда мнѣ приходилось давать наставленіе новоблагодатнымъ іереямъ, я говорилъ имъ: не упускайте случая приласкать ребенка, хотя бы это былъ грудной младенецъ на рукахъ матери; благословите его, поцѣлуйте: пусть вашъ обликъ, вашъ сіяющій на груди священническій крестъ, ваша ряса запечатлѣются въ его памяти наравнѣ съ милымъ его сердцу обликомъ матери; имѣйте на такіе случаи даже какіе-нибудь грошовые гостинцы для малютокъ, когда посѣщаете дома прихожанъ вашихъ. Повѣрьте: тогда дѣтки не только не будутъ бояться „попа“, какъ это бываетъ въ деревняхъ, а напротивъ, будутъ тянуться къ вамъ, между вами и ими образуется духовная безмолвная связь, они будутъ считать васъ роднымъ человѣкомъ, они будутъ встрѣчать васъ далеко за деревнею, когда станутъ подростать, будутъ считать за счастье подойти къ вамъ подъ благословеніе. А вы пользуйтесь этою дѣтскою любовью, чтобы привлечь ихъ къ храму Божію, чтобы сдѣлать ихъ вотъ участниками въ чтеніи, а потомъ и пѣніи раньше, чѣмъ они придутъ къ вамъ въ школу... Дѣти деревенскія рано развиваются, рано пріучаются къ

труду: вспомните того некрасовскаго мальчугана, которому только „шестой годокъ миновалъ“, но который, погоняя лошадку съ возомъ дровъ, уже съ благородною гордостью говорилъ:

„Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я!“

Надобно пользоваться и этою чертою русскаго ребенка, съ колыбели приручая его къ себѣ и пользуясь всякимъ случаемъ засѣять въ его нѣжную душу любовь къ родной Церкви, къ ея обрядамъ, ея порядкамъ. Изъ дѣтей надо готовить будущихъ своихъ прихожанъ, послушныхъ чадъ Церкви, преданныхъ ей, крѣпко ею любящихъ. Не слѣдуетъ забывать, что такое доброе, сердечное отношеніе священника къ дѣтямъ, несомнѣнно будетъ тотчасъ замѣчено ихъ матерями, которые съ радостью пойдутъ навстрѣчу священнику въ дѣлѣ воспитанія ихъ дѣтей въ духѣ церковности. Матери всеконечно отплатятъ батюшкѣ своею преданностью, своею готовностью помочь ему и его матушкѣ въ ихъ трудахъ по сельскому хозяйству. Вотъ одинъ изъ самыхъ простыхъ и самыхъ вѣрныхъ способовъ сближенія пастырей съ пасомыми.

Скажу еще и то, что этотъ способъ носитъ въ себѣ такъ сказать и мистическое начало. Господь сказалъ о дѣтяхъ: *таковыхъ есть царство небесное*. И взрослымъ заповѣдалъ: *аще не будете яко дѣти, не внидите въ царство небесное*. Въ душѣ дитяти есть свойства, нами взрослыми грѣшниками потерянныя. Сердце ребенка скорѣе открывается для Божіей благодати. Оно непосредственнѣе ощущаетъ ея воздѣйствіе. Посмотрите на ребенка, который увлекся церковнымъ пѣніемъ: это можно наблюдать тамъ, гдѣ ведется общецерковное пѣніе. Какая неземная духовная красота свѣтится въ его личикѣ! Какъ тепло горятъ его глазки! Какъ-будто вся красота души выходитъ наружу и только Рафаэль да нашъ геніальный Васнецовъ умѣли запечатлѣвать на холстѣ эту духовную красоту дѣтскаго личика. А вѣдь въ этомъ проявляется его внутренняя жизнь, жизнь чистой, еще незапятнанной грѣхомъ дѣтской души. И я скажу еще: тѣ, которые большую часть своей жизни проводятъ съ дѣтьми, съ любовью и бережливо воспитывая дѣтей, своихъ ли то или чужихъ, на тѣхъ Богъ налагаетъ какъ бы отпечатокъ дѣтскихъ свойствъ: полюбуйтесь на портреты извѣстныхъ педагоговъ, всю жизнь отдавшихъ дѣтямъ, хотя бы на портретъ нашего незабвеннаго церковнаго педагога С. А. Рачинскаго: сколько дѣтской чистоты, благодушія, простоты, даже невинности свѣтится въ его обликѣ сквозь его сѣдины! Вотъ почему нашъ пастырскій долгъ—ближе держаться къ дѣтямъ: это нужно, это необходимо для насъ самихъ. Дѣти—Божьи любимцы: къ нимъ близки ихъ ангелы хранители, близокъ духовный міръ: какъ же намъ не дорожить близостью къ нимъ? Вводя ихъ въ общеніе съ Церковью, согрѣвая ихъ благодатною теплотою церковной жизни, будетъ ли то въ церковной школѣ или же просто въ храмѣ Божіемъ, въ домѣ, въ семьѣ—мы дѣлаемъ великое дѣло и для церковной жизни, для прихода: вѣдь эта семья дѣтей—будущіе наши прихожане, будущіе наши пасомые. Если мы пріучимъ ихъ, напримѣръ, пѣть въ церкви съ ихъ отцами, матерями, братьями, сестрами, то они ужъ сами научатъ и своихъ дѣтей тому же святому

искусству — славословію Божію. Если подскажемъ имъ и научимъ украшать храмъ Божій въ праздники цвѣтами и зеленью, обсаживать его деревцами, цвѣточками, чистить утварь церковную, лампады, подсвѣчники предъ великими праздниками, помогать церковному старостѣ собирать по деревнямъ новины на храмъ Божій, — вѣдь все это будетъ добрымъ, святымъ сѣменемъ, которое принесетъ плодъ свой во время свое, когда они вырастутъ и станутъ сами хозяевами, обзаведутся своими семьями. Вѣрится, что не все же будетъ тотъ разгромъ церковной и общественной жизни на Руси, какой теперь совершается, что опомнятся же наконецъ русскіе люди, вспомнятъ старину свою родную, возьмутся за умъ разумъ и прогонятъ отъ себя далеко прочь всѣхъ этихъ соблазнителей-лжеучителей... Тяжело намъ, пастырямъ, быть свидѣтелями этого разгрома на родной Руси, но не слѣдуетъ отчаяваться: въ нашихъ рукахъ еще не мало средствъ къ спасенію народа православнаго отъ явно грозящей ему гибели. Даже враги его видятъ это и боятся — да, боятся насъ! Это мы только что видѣли: много ли насъ, служителей Божіихъ и всѣхъ-то на Руси въ сравненіи съ массою народной? А какъ испугались всѣ враги Церкви, всѣ эти кадеты, октябристы, разные конституціоналисты, когда духовенство рѣшило исполнить свой долгъ и пойти на выборы въ Г. Думу, не себя выставляя, а народъ предостерегая отъ его враговъ... Такъ вотъ, исполняя тотъ же долгъ, и подойдемъ ближе къ душѣ народной, — вѣдь никто такъ не знаетъ ее, какъ мы, пастыри и отцы духовные, и возьмемъ дѣтолъ народа на свое особое попеченіе. Это и намъ принесетъ неоцѣнимую пользу: самихъ насъ обновитъ и преобразитъ, дастъ намъ оцѣнить и сердцемъ ощутить всю красоту народной русской души, которая по природѣ своей православная и не можетъ быть иною безъ измѣны природѣ своей. Итакъ, Богъ намъ въ помощь, отцы и братія, и — за дѣло, скорѣе за дѣло святое!..

145.

Тоже „русскіе“ патріоты!

Думаю, не я одинъ, а многіе старые люди въ наше странное время нерѣдко задаютъ себѣ вопросъ относительно нѣкоторыхъ явленій въ общественной жизни: что это: сонъ или дѣйствительность? Нормальное явленіе или бредъ разстроеннаго воображенія?.. Съ перваго взгляда какъ будто дѣло самое обыкновенное, даже симпатичное; а какъ приглядишься къ нему, то и становишься въ тупикъ: такъ оно противорѣчитъ всѣмъ правиламъ нашей русской логики... Я приведу здѣсь одинъ документъ, разсылаемый всѣмъ видным государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, и затѣмъ, поименовавъ разсылающихъ, попрошу читателей рѣшить: что это такое?...

Вотъ этотъ документъ:

„Къ празднованію трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ и отечественной войны 1812 года“. По сторонамъ заголовка два портрета: Барклая де-Толли и Голенищева-Кутузова, ниже цинкографія съ картины Верещагина: „Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ“, а далѣе слѣдуетъ приглашеніе:

„Настоящимъ позволяемъ себѣ

пригласить васъ принять участіе въ предположенномъ поздравленіи Его Императорскаго Величества Государя Императора по случаю 300-лѣтняго юбилея Царствующаго Дома Романовыхъ. По поводу этого радостнаго для Императорскаго Дома и народа событія, возникла мысль о поднесеніи Его Императорскому Величеству роскошнаго альбома съ портретами всѣхъ современныхъ дѣятелей Россіи, въ которомъ и вы имѣете полное право занять мѣсто среди вашихъ достойныхъ сотоварищей, заслуги коихъ признаны Государемъ Императоромъ и родиной.

„Съ этой цѣлью покорнѣйше просимъ васъ не отказать въ своевременной присылкѣ вашей фотографической карточки, если возможно, то съ обратной почтой, самое же позднее къ 15 августа с. г.

„Отсутствіе вашего портрета очень опечалило бы нижеподписавшихся, а еще больше вашихъ уважаемыхъ сослуживцевъ, школьныхъ товарищей, друзей дѣтства и знакомыхъ.

„Обращая ваше вниманіе на помѣщенныя на оборотѣ сего строки, честь имѣемъ быть съ совершеннымъ почтеніемъ

д-ръ философіи И. Симонсенъ“.

А „на оборотѣ сего“ слѣдуетъ довольно обширное разсужденіе о томъ, что „сердце народное не можетъ не стремиться выразить свое радостное участіе (въ) этомъ торжественномъ событіи и, согласно своей природѣ и своему обычаю (?), народъ предпочелъ бы, быть можетъ, выразить свою радость въ шумныхъ празднествахъ; съ другой стороны Царствующій Домъ и Его народъ чувствуютъ себя настолько связанными узами вѣрности и любви, что едва ли въ данномъ случаѣ нуждаются въ блескѣ показной торжественности“.

Изъ этого разсужденія видно, что авторамъ приглашенія какъ будто нежелательны проявленія народной любви къ Царю своему въ „шумныхъ торжествахъ“, что они озабочены замѣнить эти торжества чѣмъ-то инымъ... „Вслѣдствіе этого, говорятъ они, нѣкоторыя лица изъ образованныхъ слоевъ общества“; списокъ коихъ, повидимому, и приводится ниже, „принялись за поиска (sic!) болѣе подходящей, скромной, но краснорѣчивой формы выраженія своихъ чувствъ исконной любви къ обожаемому всѣми Монарху и Его Дому“.

„Форма эта найдена!“ восклицаютъ пригласители: „Предположено отъ имени народа торжественно поднести Государю Императору, неусыпному блюстителю блага нашего отечества, въ великую и славную для Дома Его годовщину, 21 Февраля 1913 года, большой роскошный альбомъ, художественно исполненный, „заключающій въ себѣ фотографическіе портреты современныхъ представителей духовной и матеріальной культуры Россіи... Оказанное поднесеніемъ этимъ Государю лучшими сынами народа Его“ (читай ниже списокъ иниціаторовъ альбома) „благоговѣйное уваженіе несомнѣнно, вызоветъ въ сердцѣ Его чувство глубокаго удовлетворенія скорѣе, нежели всякія, предпринятыя съ этою же цѣлію, шумныя всенародныя торжества и увеселенія“.

Авторы, какъ видите, заранѣе читаютъ въ сердцѣ Царскомъ, что шумныя народныя выраженія любви въ торжествахъ Царю не будутъ Ему столь пріятны, какъ изобрѣтенный ими альбомъ, который они называютъ „національнымъ“, и который, по ихъ увѣренію, будетъ имѣть „громадный интересъ и величайшее значеніе для настоящаго и будущаго, какъ въ обще-истори-

ческомъ, такъ и въ біографическомъ отношеніи“...

Кто же инициаторы этого предпріятія? Кто „отъ имени народа“ (не сказано: какого, но надо думать Русскаго?) будетъ подносить этотъ альбомъ Государю Императору? Словомъ, кто эти серцевѣды, которые заранѣе знаютъ, увѣрены, что этотъ подарокъ будетъ Государю пріятнѣе всякихъ народныхъ восторговъ, народныхъ торжествъ?

Приходится просить у читателя терпѣнія, чтобы прочитать фамиліи этихъ „русскихъ“ людей, которыя привожу цѣликомъ, для большей убѣдительности въ ихъ „русскомъ“ происхожденіи. Боюсь только, чтобы кто-либо не сломалъ языкъ объ эти фамиліи якобы русскихъ людей.

„Мы, нижеподписавшіеся, обращаемся къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой не задерживать присылку фотографій: Р. Бауманъ, секретарь Кабинета Государя. Баронъ Кейнеридъ, Оберъ-Гофмаршалъ. Ботмеръ, Дворцовый Комендантъ. Графъ Бергенъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Др. Эргардтъ, Лейбъ-медикъ, Канцлеръ Др. Плеве, Предсѣдатель Оберъ-ландгерихта. Графъ Др. Матушка, Совѣтникъ Оберъландгерихта. Др. Кле, Прокуроръ. Др. Михель, профессоръ университета. Баронъ Дернбергъ, предводитель дворянства. Князь Липпе, Императ. Легаціон. Совѣтникъ. Др. Браскъ, Епископъ. Е. Биндгорстъ, протоіерей. Др. Брюксель, генералъ-суперъ интендентъ. С. Гроссгеймъ, главный врачебн. инсп. Гросскуртъ, членъ военнаго совѣта. Баронъ Динклаге Кампе, генералъ-лейтенантъ. Крозигкъ-Мербицъ, генералъ-майоръ. А. Молинеусъ, коммерціи совѣтникъ. Баронъ Люттвицъ, генералъ-лейтенантъ. Дулицъ, генералъ отъ артиллеріи. Фонъ Брюзевицъ, генералъ-майоръ. Вернеръ, контръ-адмиралъ. Нитенъ, капитанъ I ранга, Дитмаръ, капитанъ II ранга. И. Пинтшъ, инженеръ. Клейнъ, дѣйств. тайн. сов. Шредеръ, главный интендантъ. Штульфельдъ, оперный пѣвецъ. Махенсъ, градоначальникъ (?). Гагенъ, прокуроръ, тайн. совѣтникъ. Фольренъ, присяжный повѣренный. Гейнель Зигенъ, профессоръ академіи. Е. Ауэрбахъ, присяжный повѣренный. Уоненъ, кассиръ Государств. Банка. Р. Висскотъ, банкиръ“...

Уфъ! Усталъ, перечисляя этихъ „русскихъ“ людей!.. А вы, читатель, едва ли имѣли терпѣніе произнести вслухъ всѣ эти имена...

Что же это такое? Сонный бредъ или дѣйствительность? Какой-то графъ Бергенъ-министръ внутреннихъ дѣлъ... Да позвольте: у насъ, кажется, министръ не Бергенъ, а самый настоящій русскій человѣкъ, почтеннѣйшій А. А. Макаровъ? какого же это государства министръ? „Оберъландгерихтъ“... Да у насъ, слава Богу, такого учрежденія еще не бывало... Правда, есть немало очень почтенныхъ генераловъ, носящихъ иностранныя фамиліи, но не вѣрится, чтобъ они дали свою подпись на такомъ документѣ...

Ни одного русскаго имени! Одно, впрочемъ, будто, звучитъ по-русски: „др. Матушка“; ну, да это, конечно, случайное, скажу больше—несчастное для сего доктора совпаденіе русскихъ звуковъ съ его фамиліей...

Вы, конечно, догадались, что всѣ эти имена—чухонскія, что вся эта затѣя—продѣлка финновъ, что эти господа собирались ни больше, ни меньше, какъ поддѣлать депутацію отъ имени Русскаго народа, если только вся эта затѣя не есть... злая анкета—узнать, сколько на Святой Руси (слово это въ приглашеніи имѣется) такихъ недоумковъ, которые пойдутъ на удочку гг. Михелей-

и комп. и пожелаютъ поставить свои портреты рядомъ съ ними. Ужъ слишкомъ подчеркнуто тутъ полное отсутствіе русскаго духа: будто, въ самомъ дѣлѣ, во всемъ Петербургѣ не нашлось ни одного русскаго человѣка, который пожелалъ бы присоединиться къ такому, повидимому, нехудому начинанію! Очевидно, финны не подпустили ни одного русскаго къ иниціативѣ дѣла: если хочешь—присылай свой портретъ и свои деньги, а распоряжаться будемъ мы, мы за тебя Царю альбомъ поднесемъ... Какъ будто не Финляндія присоединена къ Россіи, а великая Россія покорена Финляндіей...

Когда я показывалъ приглашеніе русскимъ людямъ, то отъ многихъ слышалъ негодующій возгласъ: „да это насмѣшка надъ нами!“

А какъ думаете, читатель: вѣдь найдутся „русскіе“ люди, которые и 20 рублей пошлютъ, и примутъ эту затѣю чухонскую за дѣло почетное и еще—чего добраго!—поблагодарятъ чухонъ, что изобрѣли такую „скромную форму выраженія своихъ чувствъ исконной любви къ Государю“...

Подумаешь: ну, и времена же мы переживаемъ! Все перепуталось, перемѣшалось: надъ нами прямо издѣваются, а мы молчимъ да утираемся...

Сей дневникъ былъ уже набранъ, когда мнѣ сказали, что вся эта исторія есть простое мошенничество аферистовъ, что финны тутъ ни при чемъ, да и никакого альбома никто не думалъ издавать, а просто мошенники придумали способъ карманы довѣрчивыхъ людей опустошать...

Въ наше время все можетъ быть. Но вотъ что заставляетъ задуматься: первое, почему эти мошенники набрали столько фамилій финскихъ, именно финскихъ, и ни одной русской не выдумали? Второе: почему настоящіе то финны рѣшительно не протестовали противъ такой на нихъ клеветы, тѣмъ болѣе, что въ дѣло впутаны имена дѣйствительно существующихъ людей, стало быть ужъ не вымышленныя, вотъ имъ-то и слѣдовало бы громко протестовать противъ мошенничества? Невольно думается: а не было ли тутъ чего-нибудь побольше, чѣмъ простое мошенничество, да только сорвалось, и пришлось все прикрыть, ссылаясь на мошенниковъ?...

146—148.

Больное мѣсто нашей церковной жизни.

I.

Есть немудрая, но вѣрная пословица: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Больному свойственно жаловаться на свою болѣзнь, да и врачъ не зналъ бы, что лечить, если бы больной ему не пожаловался.

Въ духовной жизни познаніе своей духовной болѣзни важнѣе, чѣмъ въ тѣлесной. Тѣлесный врачъ иногда угадываетъ болѣзнь по внѣшнимъ признакамъ, а въ духовной болѣзни прямо необходимо, чтобы больной самъ опозналъ и какъ можно лучше—свою болѣзнь. Безъ этого невозможно его исцѣленіе. Вотъ почему у святыхъ отцевъ такъ много заботы о познаніи грѣховности въ дѣлѣ обращенія грѣшника отъ заблужденія пути его ко Христу

Спасителю въ дѣлѣ покаянія. „Егда узритъ человѣкъ грѣхи своя яко песокъ морскій, говорятъ они, се—начало здравія души!“ Что грѣхи есть, что душа больна у каждаго—объ этомъ и рѣчи нѣтъ: это несомнѣнно, болѣе того: и грѣховъ-то немало: ихъ и не сочтешь сколько—яко песокъ морскій, какъ песокъ у морского берега и на днѣ моря. И это—у каждаго человѣка. Такъ вотъ, познать эти грѣхи, увидѣть ихъ въ себѣ и составляетъ первую и главную задачу кающагося грѣшника. „Кто узритъ грѣхи свои яко песокъ морской, говорятъ святыя отцы, тотъ выше сподобившагося узрѣть ангеловъ Божіихъ“. Когда онъ, послѣ немалыхъ трудовъ и борьбы съ своимъ самоцѣномъ, наконецъ, при помощи Божіей, добьется того, что увидитъ себя утопающихъ во грѣхахъ, рабомъ ихъ, тогда и возопіетъ ко Христу Спасителю, какъ утопающій Петръ, изъ глубины души: „Господи, спаси меня, погибаю!“ Съ этого и только съ этого момента и начинается выздоровленіе души, надежда на исцѣленіе ея отъ грѣховной болѣзни.

Что говоримъ относительно отдѣльнаго человѣка, то вѣрно и въ отношеніи къ цѣлому обществу, къ цѣлому народу. Ниневитяне вняли слову пророка Іоны, познали всю глубину грѣховную, въ какой очутились, ужаснулись суда Божія и покаялись, и съ того момента началось ихъ духовное исцѣленіе. То же бывало и не разъ, какъ свидѣтельствуетъ наша исторія, и съ нашимъ Русскимъ народомъ въ годину великихъ испытаній. Окаевали наши предки свои грѣхи и исправлялись и Богъ внималъ ихъ покаяннымъ молитвамъ, по заступленію и ходатайству Матери Божіей и святыхъ Божіихъ. И Русь спасалась отъ бѣдъ.

Но есть грѣхи, которые укрываются за добродѣтели, есть пороки, которые не даютъ возможности расцвѣсть во всей красотѣ добродѣтелямъ и лишаютъ ихъ свойственнаго имъ аромата райскаго. Человѣкъ какъ будто и дѣлаетъ добро, да дѣлаетъ-то его *недобрѣ*, не такъ, какъ бы слѣдовало, и, самъ того не вѣдая, теряетъ цѣну своего добра въ очахъ Божіихъ. А онъ между тѣмъ, воображаетъ, вѣдь, что дѣлаетъ святое дѣло! Конечно, одинъ Сердцевѣдецъ знаетъ настоящую цѣну всякаго нашего дѣла, но Онъ же и указалъ намъ признаки истиннаго добродѣланія: это—смиреніе, отсѣченіе своего смышленія въ порядкѣ добродѣланія, сокровенность его, и совершенное отреченіе отъ всякой цѣны его: все Богъ дѣлаетъ въ насъ и чрезъ насъ, а мы—ничто! И воспитывается это свойство, какъ постоянное настроеніе, святымъ послушаніемъ. Послушаніе—это вовсе не исключительно монашеская, это—общехрістіанская добродѣтель. Гдѣ оскудѣла эта добродѣтель, тамъ оскудѣло и всякое добродѣланіе, хотя бы повидимости и творилось добро. По крайней мѣрѣ, цѣна такому добру уже не та: если добро творится съ послушаніемъ, съ отсѣченіемъ отъ своей воли и смышленія, то оно—чистое злато; а гдѣ нѣтъ сего самоограниченія, сей провѣрки себя самаго чрезъ такое самоотреченіе, тамъ добро—много-много серебро, а не то и недороже мѣдницы.

Не разъ мнѣ приходилось и говорить и писать объ этомъ, можетъ быть, моему читателю покажется и лишнею бесѣда о семъ; но у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ: когда видишь, что въ средѣ людей вѣрующихъ блекнетъ золото чистое и становится мѣдью, надо не

только говорить, но и кричать, не только писать, но и на камняхъ высѣкать—всюду немолчно проповѣдывать, чтобы трудъ людей вѣрующихъ даромъ не пропадалъ, чтобъ въ ихъ сознаніи не подмѣнивались чистые, святые идеалы православной жизни дешевыми идольчиками самоцѣна, тщеславія, фарисейскаго самодовольства... А между тѣмъ, чѣмъ больше присматриваешься къ русской жизни, тѣмъ больше видишь этой подмѣны, и что печально: именно въ средѣ тѣхъ русскихъ людей, въ которыхъ такъ хотѣлось бы видѣть преемниковъ завѣтовъ старой Руси, носителей ея идеаловъ... Все блекнетъ, все дешевѣетъ, всѣмъ хотѣлось бы спастись какъ-нибудь полегче: не дивно, что секты разныхъ „легкоспасенцевъ“, какъ называлъ въ Бозѣ почившій затворникъ Ѳеофанъ пашковцевъ, все множатся: онѣ вотъ такихъ-то и ловятъ въ свои сѣти...

Укажу примѣры—изъ первыхъ, такъ сказать, попавшихъ на глаза наблюденій.

Вотъ старичекъ, очень добродушный, богомольный, трезвый и трудолюбивый. Вздумалъ онъ на Аѳонъ уѣхать—душу спасать.

Ему говорятъ: какъ? Да вѣдь ты женатъ?..

— Что изъ того? Я не худое дѣло задумалъ...

— Но какъ же жена? Отпускаетъ тебя?

— Ну, положимъ, ей-то не хочется, да, вѣдь, я глава-то, не она. Я спасенія ищу.

— А заповѣдь Христова говоритъ: что Богъ сочеталъ, то человѣкъ да не разлучаетъ?

— Это не про то сказано... Вонъ Алексѣй, человѣкъ Божій, ушелъ прямо съ брачнаго пира, а я жилъ съ женою лѣтъ двадцать, ну и будетъ. Безъ меня проживетъ какъ-нибудь.

— Великій праведникъ, преподобный Алексій дѣйствовалъ по особому Божію указанію, а ты-то кто?

— Ну, что тутъ толковать? Хочу и поѣду!

— Да, вѣдь, грѣшно жену бросать?

— Да я для Бога... Я, вѣдь, тамъ трудиться буду...

И никакіе уговоры не дѣйствуютъ: задолбилъ одно: спасаться хочу и конецъ. А жена плачетъ, не знаетъ, гдѣ голову склонить...

И несчастный самочинникъ въ дѣлѣ спасенія воображаетъ, что Богу угождаетъ!

Вотъ купецъ, богачъ, тоже хорошій человѣкъ. Онъ состарился, чувствуетъ, что жить остается недолго. Дѣтей нѣтъ, жены тоже. А скопленъ капиталъ, такъ милліона полтора, можетъ быть два. Надо пристроить его. Зоветъ пріятеля, тоже купца, посовѣтоваться.

Тотъ оказался городскимъ „дѣятелемъ“.

Завѣщай, братъ, все городу. Поминать будемъ!

И завѣщаніе пишется. Купецъ умираетъ и городъ получаетъ уйму денегъ. Заводится и водопроводъ, и электрическое освѣщеніе, и трамвай... Что жъ? Все это недурное дѣло. Только вотъ на дѣло Церкви, на распространеніе слова Божія, на построеніе храмовъ въ далекой Сибири, на церковныя школы, на дѣла миссіи, проповѣди Евангелія язычникамъ, на борьбу съ сектами, съ пьянствомъ, съ другими пороками—ужъ не взыщите... Православный христіанинъ, кажется, былъ, а нужды матери—Церкви-то и забылъ!

Вотъ мужичекъ деревенскій. Онъ живетъ въ Москвѣ. Занимался отецъ

его когда-то извозомъ, а сынокъ имѣетъ уже постоялый дворъ для извозчиковъ. Дѣла идутъ хорошо. Жертвуетъ онъ на храмъ Божій въ родномъ селѣ: то паникадило повѣситъ, то подсвѣчникъ, то хоругвь поставитъ, то престолъ Божій украситъ... Казалось бы, все добрыя дѣла. Но вотъ въ его родной деревнѣ понадобилась школа. Проситъ его священникъ: помоги, братъ, — построй намъ школу.

— Ну, на это у меня усердія нѣтъ. Стройте, немного помогу, а я вотъ хочу главы на храмѣ Божіемъ позолотить...

— Да, вѣдь, школа-то обойдется тысячи полторы, много двѣ, а главы-то у насъ большія, а ихъ восемь: достанетъ ли у тебя средствъ на это? Да на что намъ золотыя главы въ селѣ-то, пройдетъ лѣтъ 15—20, онѣ потемнѣютъ, съ ними одна забота будетъ, придется опять мѣдянкой покрасить... А вотъ школа теперь — нужное дѣло, школа церковная: о дѣтяхъ-то надо позаботиться, чтобъ въ страхѣ Божіемъ росли, слово Божіе читали...

— Нѣтъ ужъ, батюшка: это ваше дѣло, а я за счетъ главъ-то вотъ подумаю...

Да такихъ случаевъ и не перечтешь, и люди-то все хорошіе, православные, добрые, некорыстные... А вотъ, подите: чего-то въ нихъ не достаетъ.... Чего же?

Недостаетъ всѣмъ этимъ добрымъ людямъ сознанія необходимости руководства церковнаго, сознаніе нужды въ Божіемъ — чрезъ Церковь — благословеніи на всякое доброе дѣло, словомъ — недостаетъ той дисциплины духа, которая у св. отцевъ называется разсужденіемъ и которая воспитывается послушаніемъ. Странное дѣло: священникъ называется „пастыремъ“, архіерей — „архипастыремъ“, вѣрующіе — „пасомыми“. Но выходитъ такъ только на словахъ: пасомые и знать не хотятъ своихъ пастырей, забываютъ свой долгъ подчинять себя ихъ водительству, бредутъ въ духовной жизни самочинно: есть самочинные постники, соблюдающіе самоизмышленные посты, напримѣръ, въ легендарныя 12 пятницъ, есть носителя веригъ, самочинно изнуряющіе себя желѣзами; есть самочинные благотворители, жертвующіе не то, что потребно, и не туда, гдѣ нужда, а что имъ вздумается и куда захочется. Имъ и въ голову не приходитъ, что и на добромъ дѣлѣ надо провѣрять себя чрезъ духовнаго отца или старца-руководителя. Какъ будто боятся ихъ, какъ бы они не отговорили отъ того, что ужъ сложилось въ ихъ сердцѣ, хотя бы это было и въ самомъ дѣлѣ неразумно... Нѣтъ мужества отречься отъ своего смышленія! Жаль разстаться съ мыслію, которая уже сложилась въ сердцѣ! А того не знаютъ, что Богу нужно не наше доброе дѣло, а наше сердце, наша готовность всѣмъ для Него пожертвовать, принести Ему въ жертву самое желаніе наше, сказать: „не якоже азъ хощу, Господи, но якоже Ты повелишь, Ты укажешь!“ Вотъ это-то и дорого въ очахъ Божіихъ, когда ты готовъ отказаться для Бога даже отъ добраго твоего желанія. Но мы видѣли, что иные и отсѣкаютъ свою волю, но предъ кѣмъ? Да простой пріятель, другъ, сосѣдъ... А о пастырѣ-то и забыли, о томъ, кому вручена душа ихъ! И выходитъ: жертвуютъ городу, на водопроводы, на электричество, а вотъ Церковь Божія крайне нуждается въ храмахъ для переселенцевъ, а средствъ нѣтъ, и люди десятками лѣтъ лишены утѣшенія помолиться въ храмѣ Божіемъ, не видятъ священника, а, вѣдь, на два-

то милліона можно было бы построить по крайней мѣрѣ полсотни, даже—цѣлую сотню великолѣпныхъ храмовъ Божіихъ, гдѣ вѣчно приносилась бы безкровная Жертва о „блаженномъ и приснопамятномъ создателѣ святаго храма сего“, гдѣ до конца вѣковъ восходила бы молитва къ престолу Божію объ упокоеніи души его? Чего сами себя лишаютъ добрые люди! А вѣдь это—не невѣры какіе-нибудь, которые тоже „жертвуютъ“; но на что? На „народные театры, университеты“, на разныя преміи и безконечныя стипендіи... Положимъ, тоже въ своемъ родѣ „добрыя“ дѣла, но въ ихъ спасительности позволительно усомниться, если они не находятся, такъ сказать, подъ контролемъ ученія Христова... Во всякомъ случаѣ, ужъ нельзя же ихъ приравнять, напримѣръ, къ святому дѣлу храмоздательства.

Возьму другую область благотворенія—духовную милостыню. Кто нынѣ жертвуетъ на распространеніе слова Божія, св. Писанія, святоотеческихъ книгъ, житій святыхъ? Развѣ тотъ, кому духовникъ вмѣнитъ это въ эпитемію. Я знаю одного такого старца Божія, который вмѣнялъ въ эпитемію выписывать и посылать на Дальній Востокъ переселенцамъ Четьи-Минеи святителя Димитрія Ростовскаго. А какъ широка заповѣдь сія—духовнаго благотворенія! Какъ жаждетъ простой русскій человѣкъ „почитать отъ божественнаго!“ Сказано: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Вѣдь, и душа проситъ хлѣба, ей свойственнаго. Нынѣ развивается грамотность; наши непрошенные просвѣтители, разные земцы спѣшатъ въ народные библіотеки выслать писанія безбожника Толстого, награждаютъ имъ школьниковъ въ своихъ школахъ (и что за ослѣпленіе! сами подъ собою костеръ разводятъ!), а о духовной пищѣ и помина нѣтъ. Вотъ и пожертвовалъ бы добрый православный богатый человѣкъ на безплатную разсылку духовно-нравственныхъ изданій, даже періодическихъ, напримѣръ, хорошей православной газеты,—вѣдь у насъ духовныя изданія едва прозябаютъ,—какое бы доброе, хорошее дѣло онъ сдѣлалъ! Надо помнить, что враги наши, іудеи и масоны, даже сектанты, никакихъ средствъ не щадятъ, чтобъ отравлять нашъ православный народъ ересями и всякою нечистью; газеты сообщаютъ, что одинъ американскій милліардеръ, на съѣздѣ баптистовъ, пожертвовалъ нѣсколько *милліоновъ* долларовъ (а долларъ около двухъ рублей) на совращеніе Русскаго народа въ баптизмъ! Вотъ, какъ щедры враги Православной Церкви на ея погибель! А мы? а наши православныя чада Церкви? Я не говорю уже о богачахъ-интеллигентахъ, о купцахъ-толстосумахъ, строющихъ театры—Богъ ихъ суди!—говорю о добрыхъ русскихъ, православныхъ людяхъ, что вотъ завѣщаютъ цѣлыя состоянія на города, на дѣла—не спорю—полезныя, но низшаго порядка; вѣдь о душѣ-то хрістіанской, о воспитаніи души народной, казалось бы, надо позаботиться прежде всего, а о ней-то, бѣдной, никто изъ такихъ добрыхъ людей и не заботится! Подумали бы если ужъ не о небѣ, то хотя бы о земномъ отечествѣ: вѣдь, давно отцовскій капиталъ проживаемъ! Зайдите въ церковь Божію, посмотрите: много ли молодежи тамъ? Молятся старики, старухи, а молодежь—юноши и дѣвицы — сидятъ гдѣ-нибудь на завалинкѣ въ праздникъ, празднословіемъ занимаются, будто они не хрістіане, а язычники, будто не для нихъ открыты

двери храма Божія! Пройдетъ десятокъ лѣтъ; старики и старухи на тотъ свѣтъ, къ Богу отойдутъ: кто же будетъ молиться въ храмѣ Божіемъ тогда? Вѣдь, если молодежь теперь не хочетъ, тогда и подавна не пойдетъ. Привычки не пріобрѣла. Сердце ея чуждо вѣяніямъ церковной молитвы. Такъ въ духовномъ отношеніи мельчаетъ народъ. Надо что-нибудь дѣлать, чтобъ совсѣмъ онъ не одичалъ духовно, чтобы не выродился... Вотъ эта молодежь все же не прочь что-нибудь и почитать: не должно ли использовать эту народившуюся въ ней привычку къ чтенію? Читаютъ газеты: почему бы православнымъ русскимъ богачамъ не создать для народа православную хорошую газету, гдѣ говорилось бы не только о томъ, что творится на Руси, но и о томъ, какъ душу спасать, какъ добро дѣлать, какъ жить русскому человѣку на русской землѣ—по-православному! Но, увы, видимо мы не дождемся подражателей американскому милліардеру среди нашихъ милліонеровъ: они скорѣе бросятъ сотни тысячъ и милліоны на театры и актрисъ, на биржевую игру и дутыя предпріятія, въ родѣ какой-нибудь либеральной, непремѣнно либеральной газеты, къ которой не замедлятъ присосаться іуден, чѣмъ на Божіе дѣло, на хорошее народное изданіе, чтобъ послужить родному народу въ дѣлѣ его просвѣщенія свѣтомъ Христовымъ, чтобъ сдѣлать великое историческое дѣло... Да, намъ не приходится ждать такихъ благодѣтелей для народа нашего. Намъ самимъ нужно подумать, чѣмъ и какъ утолять его гладъ и жажду духовную. Не о милліонахъ, даже не о тысячахъ мечтать, а хотя бы о нѣкоихъ лептахъ на святое дѣло духовной милостыни народу. И быть благодарными тѣмъ добрымъ душамъ, которыя на это святое дѣло откликнутся.

Укажу еще на одно доброе, святое дѣло. Если бы кто насъ спросилъ: любите ли вы свою вѣру православную? Навѣрное каждый православный тотчасъ отвѣтилъ бы: конечно, люблю! А вотъ, въ нашемъ отечествѣ, не гдѣ-нибудь въ Африкѣ или Америкѣ, а у насъ, въ Россіи много милліоновъ коснѣетъ во мракѣ идолопоклонства, поклоняется бурханамъ, обожаетъ огонь, вѣритъ Магомету, обожаетъ самого діавола!.. И не стыдно намъ, православнымъ, что за тысячу лѣтъ нашей исторической жизни мы не обратили ихъ въ свою вѣру?.. Не подумали объ этомъ?.. Вѣдь это—позоръ! А, вѣдь, помочь этому не такъ ужъ трудно, какъ кажется: для этого не нужно самимъ итти въ Сибирь къ разнымъ инородцамъ, довольно, если поможемъ трудящимся тамъ проповѣдникамъ вѣры—миссіонерамъ... И есть для того особое миссіонерское общество, во главѣ котораго стоитъ Московскій Митрополитъ: пошлите туда свою лепту и вы будете какъ бы сотрудниками въ проповѣди Евангелія, въ святомъ дѣлѣ апостольскомъ... И чтобы быть членомъ этого общества надо внести только три рубля въ годъ, но увы!.. Съ каждымъ годомъ, говорятъ, общество все сокращается, число членовъ все уменьшается... А, вѣдь, если бы *всѣ* русскіе люди внесли только по копеечкѣ, одной копеечкѣ въ годъ, и тогда составился бы цѣлый милліонъ на это святое дѣло... Чтожъ? Дѣлается такъ? Увы, всѣхъ членовъ насчитывается что-то около 7000, а это значитъ—изъ ста тысячъ православныхъ едва набирается 7 человѣкъ, которые помнятъ о своей вѣрѣ, о ея распространеніи и хотя тремя рублями помогаютъ этому

дѣлу... За то не жалѣютъ денегъ на постройку народныхъ театровъ... Больно говорить, православные! Стыдно предъ католиками и лютеранами, которые милліоновъ не жалѣютъ на распространеніе своихъ вѣръ... понятно, почему они и насъ хотятъ совратить въ свои ереси...

МОИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Святѣйшій Синодъ благословилъ сборъ на построеніе храма на могилѣ просвѣтителя Японіи—Архіепископа Николая. Обычно православныхъ архіереевъ погребаютъ въ храмахъ Божіихъ, но японское правительство не дозволило положить тѣло святителя Николая въ построенномъ имъ соборѣ Воскресенія Христова, что, впрочемъ, не было проявленіемъ вражды къ православной Церкви, а лишь простымъ исполненіемъ закона, воспрещающаго, какъ и у насъ, погребеніе въ предѣлахъ города. У насъ обычно самый законъ дѣлаетъ исключенія для архіереевъ, но, вѣдь, Японія пока имѣетъ правительство языческое и ожидать какихъ-либо исключеній для православнаго архіерея отъ нихъ не слѣдуетъ.

Итакъ, могила великаго проповѣдника Евангелія будетъ покрыта храмомъ Божіимъ. Храмъ будетъ двухъэтажный. Въ нижнемъ этажѣ будетъ престолъ въ честь Воскресенія Христова, гдѣ будетъ совершаться ежедневное богослуженіе, а въ верхнемъ—въ честь ангела архіепископа Николая, святителя Христова Николая, Мирликійскаго чудотворца. Здѣсь будутъ происходить собесѣдованія съ язычниками, проповѣдь Евангелія и такимъ образомъ на могилѣ великаго проповѣдника Христовой вѣры и по смерти его будетъ продолжаться святое, любимое имъ дѣло его—просвѣщеніе невѣрующихъ свѣтомъ вѣры Христовой.

Читатели „Троицкаго Слова“ уже предупредили разрѣшеніе церковной власти: лепты на построеніе храма въ память Японскаго просвѣтителя стали поступать въ редакцію вскорѣ послѣ блаженной кончины его. По 15 октября сего 1912 г. таковыхъ пожертвованій поступило 123 р. Вѣрю, что, по слову Божію, рука дающаго не оскудѣетъ и мои добрые читатели откликнутся на доброе дѣло съ любовію не только къ памяти почившаго труженика-святителя, но и къ нуждамъ юной Японской Церкви. Надо помнить, что японская интеллигенція, какъ и у насъ, почти вся прогнила невѣріемъ и безбожіемъ и о духовныхъ нуждахъ своего народа не заботится. Приходятъ ко Христу почти исключительно простые люди, необладающіе большими средствами, а потому и Церковь Японская сама не въ силахъ будетъ построить храмъ на могилѣ своего основателя. Нашъ долгъ притти ей въ этомъ святомъ дѣлѣ на помощь, а святитель Божій помолится за насъ у престола славы Божіей.

Пожертвованія можно посылать въ Хозяйственное Управленіе при С. Синодѣ, въ редакцію „*Троицкаго Слова*“, Сергіевъ посадъ, Моск. г., въ лавру, не откажусь переслать по назначенію и я.

II.

Обращаюсь къ тому, съ чего началъ.

Недостатокъ духовной дисциплины, самочиніе въ дѣланіи добра — вотъ больное мѣсто нашей церковной жизни. У латинянъ каждый искренно вѣрующій имѣетъ своего духовнаго руководителя, которому подчиняетъ свою совѣсть; этотъ руководитель такъ и называется у французовъ „директоръ совѣсти". Не буду особенно восхвалять дѣятельность этихъ „директоровъ": Богъ имъ судья! Замѣчу только, что они слишкомъ ужъ часто дѣйствуютъ по-іезуитски, порабощая отдающую имъ себя совѣсть и имѣя въ виду не совсѣмъ чистыя цѣли... Но общій принципъ — подчинять свою жизнь руководству пастыря — въ сущности вѣренъ. Такъ должно бы быть и у насъ. Увы, наши духовныя овцы являются къ своему пастырю, большею частію, разъ въ годъ, чтобы въ теченіе, нѣсколькихъ минутъ: „очистить совѣсть", поисповѣдываться, да и то кое-какъ, наскоро, и затѣмъ пастырь не заглядываетъ въ эту совѣсть цѣлый годъ... Отсюда и всѣ тѣ духовныя уродства, о коихъ я выше говорилъ. Отсюда и самочиніе въ самомъ добродѣланіи. Вотъ почему постепенно вывѣтрилось самое сознаніе необходимости духовнаго окормленія, руководства со стороны пастыря въ духовной жизни и добродѣланіи. И живутъ наши православные, въ большинствѣ, кое-какъ, спасаются кое-какъ, наудачу, дѣлаютъ добро, исполняютъ заповѣди Господни не по разуму Церкви, а по своему смышленію, кому какъ Богъ (да еще Богъ ли?) на душу положитъ... Оттого и церковная жизнь наша не налаживается по тѣмъ чистымъ идеаламъ, какіе ставитъ намъ св. Церковь. Оттого и старанія церковной власти нашей не имѣютъ успѣха, хотя бы въ томъ же дѣлѣ обновленія приходской жизни. Нашимъ мірянамъ всякое доброе, по разуму Церкви, указаніе священника кажется какимъ-то вмѣшательствомъ въ ихъ дѣла: я такъ хочу, какъ онъ можетъ мнѣ указывать? А вотъ брошу все дѣло, и пусть его, какъ знаетъ, самъ додѣлываетъ! И я знаю такихъ „благотворителей", которые начинали строить, напримѣръ, храмы Божіи и бросали при первыхъ же недоразумѣніяхъ съ священникомъ или съ настоятелемъ монастыря, и вотъ что замѣчательно: съ ними это повторялось не разъ, не два, и все же они не вразумлялись, не догадывались, что тутъ, очевидно, было искушеніе для нихъ Божіимъ попущеніемъ, которое они должны были бы побѣдить терпѣніемъ, любовью, благоразуміемъ, и все же они не вразумлялись, и приходилось додѣлывать дѣло другимъ благотворителямъ... И они теряли цѣну своего добра по своему самочинію въ его дѣланіи.

Врагъ воюетъ противъ насъ не только шуими, но и деснымъ путями и средствами. Когда ему не удается отклонить человѣка отъ добраго дѣла, онъ старается осквернить это дѣло или тщеславіемъ, или корыстолюбіемъ, или иною какою страстію. Но особенно онъ воюетъ противъ цѣны нашего добра самочиніемъ. Онъ знаетъ, что отъ самочинія добро сразу теряетъ добрую половину цѣны въ очахъ Божіихъ. Другую половину врагъ уже похититъ у человѣка другою страстію: самохваленіемъ, тщеславіемъ и под. Человѣкъ, дѣлающій добро, долженъ постоянно стоять на стражѣ своего сердца. Особенно когда онъ одинокъ, когда около нѣтъ духовнаго руководителя, который ему

помогъ бы усмотрѣть подкрадывающагося духовнаго татя. И долго, послѣ сдѣланнаго уже добра, есть опасность сего похищенія. Вотъ почему св. отцы заповѣдуютъ: дѣлай добро и скорѣе старайся забыть, что ты его сдѣлалъ, какъ и Апостолъ говоритъ: задняя забывая, въ предняя простирайся. Повторяю: все, что добраго дѣлаетъ христіанинъ, если только это добро истинное, добро спасительное, чистое отъ прираженій грѣховныхъ,—такое добро не онъ дѣлаетъ, а Христосъ въ немъ и чрезъ него проявляетъ Своею благодатію Свою жизнедѣятельность въ Церкви, какъ въ тѣлѣ Своемъ благодатномъ. Такъ чѣмъ же хвалиться? Благоговѣйно и смиренно благодарить надо Господа, сице творящаго и почитать себя недостойными Его толикаго къ намъ грѣшнымъ снисхожденія. Рукою смиренія слѣдуетъ отклонять отъ себя всякій помыслъ, будто мы нѣчто доброе творимъ. *Еже должни бѣхомъ сотворити—сотворихомъ:* такъ за что же насъ хвалить? А если бы не сотворили, то стали бы рабами неключимыми, ни на что негодными. Да еще вопросъ: такъ ли творили, какъ подобаетъ? Съ добрымъ ли усердіемъ? Не таилась ли при этомъ въ сердцѣ мысль корыстная или тщеславная, желаніе похвалы или награды отъ людей? „Сердце человѣка глубоко, говоритъ слово Божіе, лукаво оно больше всего и крайне испорчено: кто узнаетъ его?“ (Іер. 17, 9). Какъ довѣрять ему? И на что, кому это нужно—помнить свое добро? Отъ людей и даже отъ себя самого надо скрывать его, по заповѣди Спасителя: *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя;* твори добро въ тайнѣ, если хочешь, чтобы видѣлъ его Отецъ твой небесный и воздалъ тебѣ явно. Кромѣ вреда тебѣ же самому ничего не выйдетъ изъ того, если будешь въ архивѣ своей памяти сберегать сдѣланное тобою добро. А вредъ возможенъ: пожалуй ты сочтешь себя такимъ богачемъ, что тебя не пустятъ и въ царство небесное, только для нищихъ духомъ уготованное. Всегда дѣлая добро, помни, что повелѣлъ Господь Іоанну Богослову написать Ангелу церкви Лаодикійской: „ты говоришь: „я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ ни имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“ (Апок. 3, 17). Да и то еще надо помнить, такъ ли ты дѣлаешь добро, какъ надо, какъ заповѣдано? Вѣдь вотъ, къ тебѣ приражается же помыслъ самоцѣна: если примешь въ сердце этотъ помыслъ (а кто поручится, что иногда ты и не принималъ его?), то добро твое уже и стало сомнительнымъ, золото твое превратилось въ мѣдницу. Мы не ангелы; мы не можемъ знать глубины даже собственнаго сердца.

Охъ, добро наше добро! Никуда-то оно не годится, если не будетъ смиреніемъ прикрыто! А его-то, сего мытарева злата, и нѣтъ у насъ... Сдѣлаемъ что-нибудь похожее на добро, да и носимся съ нимъ какъ извѣстная птица съ своимъ произведеніемъ... А въ очахъ-то Божіихъ тотъ и милъ, кто свое добро забылъ и смотритъ только на грѣхи свои. Не любуется этимъ „богатствомъ“, нѣтъ, *з* плачетъ о нихъ, Богу ихъ показываетъ, жалуется Господу на грѣховныя страсти, на душу воюющія, на немощи свои, противу грѣха безсильныя, и проситъ, молитъ Бога о помощи, чтобъ Господь простилъ грѣхи, помогъ въ борьбѣ съ искусителемъ-врагомъ, чтобы укрѣпилъ волю, грѣхомъ разслабленную, согрѣлъ сердце нечувственное, размягчилъ его, окаменен-

ное, очистилъ умъ отъ помысловъ грѣховныхъ, суетныхъ, темной тучею его омрачающихъ! И не потому ли мы безсильны въ добродѣланіи, что сами препятствуемъ Господу помогать намъ Его благодатію? *Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость*, только *смиреннымъ даетъ* Господь *благодать*. Онъ готовъ бы и всѣмъ намъ ее ниспослать, да на пользу ли намъ-то будетъ благодать, дѣла добрыя содѣвающая чрезъ смиренныхъ? А что если мы добро-то, ею въ насъ содѣянное, себѣ припишемъ, у нея отнимемъ, станемъ считать себя такими добрыми, хорошими, Богу угодными хрістіанами? Въ такомъ состояніи самая благодать добродѣланія послужитъ намъ во осужденіе наше. Вотъ Господь и не ниспосылаетъ ее намъ въ помощь къ добродѣланію. Не полезнѣе ли намъ просить у Господа вотъ благодати смиреннаго покаянія, а когда сею благодатію очистятся наши сердца отъ нечисти грѣховной, когда умягчится ожесточеніе сердца слезами кающагося Апостола Петра и всѣхъ грѣшниковъ покаявшихся, вотъ тогда и явится у насъ, уже само собою, благоговѣйное дерзновеніе просить у Господа помощи на всякое добродѣланіе. Помоги намъ, Господи, исполнять святыя, животворящія заповѣди Твои такъ, какъ Ты ихъ заповѣдалъ намъ! И Онъ поможетъ, ибо Самъ сказалъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*; Самъ обѣтовалъ: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ. Вся елика аще воспросите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ.* Его всемогущая рука всегда отверста, чтобъ излить на насъ дары благодати; но кто же виноватъ, что мы-то свою руку къ Нему не простираемъ, чтобы принять сію благодать? Кто виноватъ, что, и принявъ, иногда не дѣнимъ сего сокровища и приписываемъ себѣ то, что она творитъ въ насъ, оскорбляя симъ Господа—Дародавца?

Но скажутъ: какъ избѣжать сего предвосхищенія у Господа того, что Ему, а не намъ принадлежитъ?

Иного пути нѣтъ, какъ отреченіемъ своей воли, своего смышленія предъ Богомъ чрезъ того, кто отъ Бога данъ намъ въ Церкви руководителемъ въ духовной жизни, пастыремъ нашимъ. Къ отцу твоему духовному и обращайся за совѣтомъ, когда задумаешь сдѣлать доброе дѣло, особенно если это дѣло выходитъ изъ ряда твоихъ обычныхъ житейскихъ дѣлъ, если тебѣ кажется оно какъ бы нѣкіимъ, для тебя необязательнымъ подвигомъ. Задумалъ, напримѣръ, ты отлить колоколъ въ церковь: дѣло доброе. А духовный отецъ тебѣ скажетъ: „это еще потерпитъ, у насъ есть во что звонить; а вотъ школы у насъ нѣтъ: вотъ на это дѣло тебя охотно благословлю“. Такъ и сдѣлай. Отсѣки свое хотѣніе. Прими слово пастыря Церкви какъ волю Божію. Вѣдь Господь сказалъ Своимъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ пастырямъ Церкви Своей; „слушающій васъ—Меня слушаетъ“. Конечно, это прежде всего относится къ ученію вѣры, но, вѣдь, и дѣла вѣры неразлучны съ вѣрою, и въ жизни своей каждый вѣрующій долженъ внимать гласу своего пастыря. Въ монастыряхъ есть правило: „повинися игумену яко Богу“. Въ сущности это то же, что и Господь говоритъ Апостоламъ. Богу нужно не твое смышленіе, а твое сердце. Суть-то дѣла въ томъ, чтобы вѣрующій отсѣкъ свою волю во имя послушанія волѣ Божіей, чтобы имѣлъ увѣренность, что не свою волю творитъ и въ добромъ дѣлѣ, чтобы,

такъ сказать, снялъ съ своей совѣсти оцѣнку своего добродѣланія. Тогда и избѣжать ему самоцѣна будетъ несравненно легче. Когда ему придетъ помыслъ, что вотъ-де ты сдѣлалъ доброе дѣло, онъ отвѣтитъ ему: что-жъ такое я-то сдѣлалъ? Я только исполнилъ послушаніе отцу духовному, а не послушать его было бы грѣхомъ, было бы противно заповѣди Христовой: *слушаяй васъ Мене слушаетъ, и отметайся васъ Мене отметается.* Такъ отвѣчай помыслу и успокоишься, и онъ больше не будетъ тревожить тебя.

Но какъ быть, если является сомнѣніе: да самъ отецъ-то духовный не будетъ ли въ искушеніи подать такой совѣтъ, какой ему выгоднѣе? Не впадетъ ли и онъ въ то искушеніе, какому поддаются латинскіе патеры и ксендзы? Вѣдь и они люди, а гдѣ люди, тамъ и слабости...

Отвѣчаю. Во первыхъ: латинская церковь, въ искаженіи чистаго христіанскаго ученія, допускаетъ правило: цѣль оправдываетъ средства. Этого наша святая Православная Церковь ни въ какомъ случаѣ допустить не можетъ, и совѣсть православнаго пастыря всегда связана правиломъ: для добраго дѣла и средства должны быть только добрыя, чистыя, допускаемыя совѣстію христіанскою и ученіемъ Христовымъ. Никакой пастырь не одобритъ, если безчестный человѣкъ, нажилъ капиталъ нечестивыми средствами, обманомъ, насиліемъ, подлогами, вздумалъ бы на эти капиталы строить, напримѣръ, церковь: каждый священникъ, каждый монахъ сказалъ бы ему: прочитай въ св. Евангеліи разсказъ о мытарѣ Закхеѣ и возьми съ него себѣ примѣръ. Если ужъ нѣтъ никакой возможности вознаградить обиженныхъ, то только тогда можно или раздать капиталы такіе бѣднотѣ всякой, или же и храмъ построить, но опять тамъ, гдѣ та же бѣднота имѣетъ въ немъ особую нужду. Да и построить-то такъ, чтобы, по возможности, люди не знали, откуда идетъ благодѣяніе, кто строитъ храмъ. И если бы православные такъ поступали, то и пастыри, къ коимъ стали бы чаще обращаться за совѣтами, были бы опытнѣе въ совѣтахъ и каждый разъ, когда надобно дать совѣтъ, заглядывали, въ свою совѣсть, свѣряли бы свою мысль съ словомъ Божіимъ и отеческимъ ученіемъ, а въ болѣе трудныхъ случаяхъ искали бы совѣта у болѣе опытныхъ старцевъ или же у своего святителя.... Затѣмъ, надо и то сказать: если хочешь узнать нелицемѣрно волю Божію, то молись Господу: Господи! вразуми моего отца духовнаго, что сказать немощи моей, какой мнѣ дать совѣтъ... Ты вѣдаешь, Господи, что я не ради того вопрошаю его, чтобы похвалиться своимъ добрымъ намѣреніемъ, а только для того, чтобы узнать: доброе ли дѣло я задумалъ? благословишь ли его? согласна ли моя воля съ Твоею всесвятою волею? Я готовъ отказаться отъ своего намѣренія, готовъ исполнить Твою волю; вотъ и скажи мнѣ чрезъ отца моего духовнаго: благословишь ли то, что надумалъ я, или иное что повелишь? Не можетъ быть, чтобы Господь, волю боящихся Его благословляющій и молитвѣ ихъ внимающій, не услышалъ такой молитвы и не внушилъ твоему пастырю или руководителю твоей духовной жизни то, что Ему благоугодно! Надо же вѣрить Его обѣтованію: просите и дастся вамъ! Надо же повѣрить и благодатному опыту святыхъ отцевъ, нашихъ учителей благочестія, а ихъ опытъ говоритъ: если хочешь узнать волю

Божію искренно, то и малый младенецъ возвѣститъ тебѣ ее, если нѣтъ близко Богомъ даннаго и Церковію благословеннаго пастыря души твоей. Вѣдь извѣстному Валааму, когда онъ хотѣлъ искренно узнать волю Божію, и ослица безсловесная сказала ее. Ужели же Богъ не вразумитъ того, кого Самъ Онъ поставилъ тебѣ, благодатію священства, быть ближайшимъ совѣтникомъ и наставникомъ въ хрістіанской жизни?

Въ дѣлахъ важныхъ, требующихъ немалыхъ и средствъ, добрый хрістіанинъ не долженъ забывать, что въ каждой помѣстной церкви есть особый Богомъ данный епископъ, который на то и поставленъ, чтобы пасти стадо Божіе, руководить вѣрующихъ ко спасенію, который и отвѣтъ Богу дастъ за паству свою, если бы отказалъ кому въ добромъ, авторитетномъ пастырскомъ совѣтѣ и указаніи. И ужъ, конечно, такой, Богомъ данный руководитель не откажетъ вѣрующему войти въ его положеніе, самъ съ нимъ помолится Господу, дабы познать святую волю Его и непогрѣшительно указать ее просящему совѣта. У насъ вѣрующіе православные люди совсѣмъ забыли объ этомъ и рѣдко, слишкомъ рѣдко обращаются въ своихъ личныхъ дѣлахъ за совѣтомъ къ архипастырю. Имъ, кажется, и въ голову не приходитъ такая мысль. Какъ будто дѣло архіерея только поповъ ставить, въ церкви служить, проповѣди говорить да разныя кляузы разбирать... Грустно это! Жаль тѣхъ, кто лишаетъ насъ своего довѣрія. Можетъ быть, мы сами-то по себѣ, какъ люди, и не заслужили того, но, вѣдь, надо же въ дѣлахъ вѣры и жизни духовной признать насъ болѣе свѣдущими, чѣмъ какой-нибудь пріятель...

Надо же помнить, что Господь, по молитвѣ вѣрующихъ, не допуститъ и насъ, грѣшныхъ, погрѣшить въ святѣйшемъ дѣлѣ служенія нашего. А если бы, попущеніемъ Божіемъ, по нерадѣнію нашему, и случилось намъ погрѣшить, то вся тяжесть грѣха сего ляжетъ уже на насъ, пастырей, а не на того, кто во имя Божіе отсѣкъ свою волю предъ нами...

III.

Знаю, мнѣ скажутъ: да въ состояніи ли наши пастыри руководить въ такой степени совѣстію православныхъ, чтобы рѣшать всѣ жизненные вопросы? Достаточно ли они опытны? Вѣдь среди нихъ, не говоря уже о немощныхъ духомъ и плотію, немало молодыхъ, совсѣмъ неопытныхъ; чуть ли не юношей? Иной мірянинъ опытнѣе своего пастыря и могъ самъ дать ему совѣтъ.

Отвѣчаю на эти недоразумѣнія.

Да, мы, пастыри и даже архипастыри, немощны, не достаточно опытны въ духовной жизни, среди насъ немало и такихъ, коимъ не мѣсто бы оставаться среди пастырей, особенно въ наше лукавое, блазненное время. Но, вѣдь, я прежде всего устанавливаю основное правило нашей церковной жизни: нѣтъ, конечно, правила безъ исключеній, но въ этомъ отношеніи надобно сказать объ учительской дѣятельности пастырей то же, что говоримъ о совершеніи ими таинъ Божіихъ: таинства церковныя не теряютъ своей благодатной силы отъ недостоинства совершителей ихъ—іереевъ и архіереевъ. Благодать Божія можетъ и сильна руководить жизнію вѣрующихъ и чрезъ недостойныхъ пастырей. Пастыри не свое ученіе проповѣдуютъ, а ученіе Церкви, ученіе Самого Хрі-

ста. Не смотри на то, какъ я, грѣшный, живу, внимай тому, чему я учу тебя отъ Христова Евангелія, отъ писаній Апостольскихъ и отеческихъ. Горе мнѣ, если бы я сталъ тебя учить чему-либо противному ученію Церкви! Я не требую отъ тебя слѣпого послушанія, хотя въ иныхъ случаяхъ для тебя надежнѣе было бы и безъ разсужденія слушаться пастыря, по реченному: *овцы гласа его слушаютъ и по немъ идутъ*,— я каждый совѣтъ мой, каждую добрую мысль и готовъ, и долженъ подтвердить или словомъ Писанія Божественнаго, или же отъ писаній богомудрыхъ отцевъ и учителей Церкви. Я неопытенъ въ духовной жизни, но у меня подъ руками сіи благодатные руководители — слово Божіе и отцы Церкви. Не мнѣ, а имъ повѣрь; они лучше насъ съ тобою и душу человѣческую изучили, и тайну жизни въ Богѣ постигли, и путь къ Богу обрѣли... Я съ любовію и тебя послушаю, если ты мнѣ укажешь, вотъ отъ ихъ писаній, то, что потребно для души моей. Ихъ опытъ духовный есть великая, неистощимая сокровищница, изъ которой никому не запрещено черпать. Но, главное помни: и мнѣ, и тебѣ нужнѣе всего отсѣченіе своего смышленія, своего толкованія во имя всецѣлаго послушанія Богу. Между мною, грѣшнымъ пастыремъ, твоимъ отцемъ духовнымъ, и тобою, стоитъ Самъ Владыка нашъ Христосъ, пріемлющій твое благое произволеніе, какъ чистую жертву самопреданія Ему, стоитъ и незримо внемлетъ готовности твоей—не свою волю исполнить, а Его святую волю, и видитъ Онъ, что ты ждешь Его премудраго и всеблагаго мановенія чрезъ того, кого Онъ же уполномочилъ быть твоимъ пастыремъ-руководителемъ въ жизни по Христѣ: Онъ ли не услышитъ твоей молитвы, Онъ ли не внушитъ хотя бы и моему недостоинству сказать тебѣ путь, въ оньже пойдеши во имя Его святое?.. Твоя бесѣда со мною не есть простое совѣщаніе, обычное между людьми, другъ другу преданными: нѣтъ, тутъ есть посредѣ насъ Третій, тебѣ внемлющій, меня вразумляющій по молитвѣ твоей же, и, если твое сердце не лукавитъ, тебя и благословляющій на благое дѣланіе во исполненіе Его св. заповѣдей... Тутъ совершается, я сказалъ бы, нѣкое таинственное общеніе съ Господомъ, тутъ ты произносишь ту же молитву къ Отцу небесному, какую возносилъ Онъ, Богочеловѣкъ, въ саду Геѳсиманскомъ: не Моя, но Твоя да будетъ воля, Отче нашъ!.. Держи же свою волю какъ бы на остріи иглы, не склоняя ее ни на десно, ни на шуе, ни въ сторону твоей благой мысли, ни противъ нея: жди, что речетъ тебѣ Господь, Коего воли ищешь, устами, аще и недостойнаго, Своего служителя. И что услышишь, то и сотвори. Прими какъ волю Божію.

Таковъ идеалъ православнаго добродѣланія. Тутъ вопрошеніе отца духовнаго, совѣтъ со старцемъ духовной жизни, не есть простое совѣщаніе, а есть какъ бы нѣкое священнодѣйствіе, нѣкое жертвоприношеніе, тобою совершаемое. Отецъ твой духовный есть какъ бы жрецъ, пріемлющій отъ тебя твою жертву— твое благое произволеніе и приносящій его Христу, насъ ради послушливому даже до смерти крестныя Своему Отцу небесному. Онъ же, отецъ твой духовный, и отвѣчаетъ тебѣ отъ имени Христова, мысленно вознося къ Нему моленіе о тебѣ и повергая тебя къ стопамъ Его, на крестѣ распятаго. Вотъ внутренній смыслъ такого отъ воли своей отреченія! Помнить надо, что

сказалъ пророкъ Божій Самуилъ отверженному Богомъ Саулу: „неужели всесожженія и жертвы столько же пріятны Господу, какъ послушаніе гласу Господа? Послушаніе лучше жертвы и повиновеніе лучше тука овновъ“ (1 Цар. 15, 22). Доброе дѣло дѣлаешь, когда творишь добро по движенію твоего сердца, по требованію твоей совѣсти, но цѣна сему добру будетъ вдвое, когда ты приложишь къ нему еще и послушаніе, то-есть готовность отказаться отъ своего смышленія и исполнить то, что скажетъ тебѣ опытный духовный отецъ. Если онъ твою же мысль одобритъ и именемъ Господнимъ благословитъ, то тѣмъ радостнѣе будетъ для тебя, ибо добро твое получитъ сугубую цѣну. Кому кровь, обращаясь въ тѣлѣ, обновляетъ весь его составъ, такъ молитва, общеніе любви между членами Церкви, наипаче же пасомыхъ съ пастырями, созидаетъ единство жизни церковной, направляя совѣсть вѣрующихъ въ добродѣланіи туда, гдѣ имѣется наибольшая нужда въ таковомъ добродѣланіи. Вотъ примѣръ. У нашихъ братій, переселенцевъ на далекомъ Востокѣ, нѣтъ храмовъ Божіихъ: они плачутъ, не имѣя утѣшенія церковной молитвы цѣлые года, а мы золотимъ главы на сельскихъ церквахъ, устрояемъ серебряные престолы, мало того—жертвуемъ на трамваи, электрическое освѣщеніе... Да вѣдь, это, простите, эгоизмъ какой-то! Какъ будто намъ и дѣла нѣтъ до братій нашихъ, заброшенныхъ на далекую окраину родной земли! Гдѣ же единство Церкви, яко тѣла Хрістова? Гдѣ дыханіе любви, согрѣвающей немощныхъ, неимущихъ братій нашихъ? Представьте себѣ радость, благодарность ихъ, если бы у нихъ появился храмъ Божій, да притомъ построенный не на казенныя средства, а вотъ отъ прихожанъ такого-то прихода, города, волости, селеній! Не говорю уже о безвѣстныхъ благотворителяхъ, которые, устроя храмъ, просили бы только молитвъ за нихъ, сообщивъ лишь свое имя? Какъ горячо молились бы наши братья въ такомъ храмѣ! Но не о храмахъ только говорю я. Нѣтъ возможности перечислить всѣ виды добра, которые можно бы осуществлять, если бы любовь православныхъ людей, такъ сказать, не самочинничала, если бы она внимала голосу пастырей Церкви... Тогда и власть церковная смѣлѣе обращалась бы къ сей любви, въ видѣ воззваній, сообщеній, гдѣ больше нужды, и въ чемъ она, эта нужда сказывается. Перечитайте посланія Апостола Павла: съ какою любовію, но вмѣстѣ и съ настойчивостію обращается она къ вѣрующимъ съ приглашеніемъ во имя любви жертвовать на бѣдныя церкви Востока! Между прочимъ, онъ совѣтуетъ въ теченіе недѣли откладывать, хоть понемногу, кто сколько можетъ, а въ дни собраній молитвенныхъ приносить скопленныя лепты и передавать предстоятелямъ церкви. Совѣтуетъ скоплять приношенія заранѣе, чтобы когда представится случай направлять ихъ туда, гдѣ больше нужды. И ужъ конечно, вѣрующіе при личномъ свиданіи спрашивали его: куда и сколько должно направить? Да и самъ онъ не отказывается передавать святыя лепты по назначенію. Дѣлая добро, ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что Церковь есть великій организмъ любви, а любовь чутко прислушивается, гдѣ ощущается боль... и конечно—туда направляетъ средства къ ея облегченію. Пастырямъ Церкви виднѣе все это, а центральной власти цер-

ковной—и того больше. И спасибо сердечное тѣмъ добрымъ православнымъ людямъ, которые направляютъ свои жертвы на нужды Церкви, довѣряя это власти: много слезъ они утрутъ своимъ братьямъ, нуждающимся въ духовномъ милосердіи къ нимъ! Много слезъ радости прольется, когда неожиданно, будто съ неба упадетъ, къ бѣднымъ поселенцамъ придетъ эта святая жертва! И эта радость, несомнѣнно, отзовется въ сердцахъ тѣхъ, кто былъ ея виновникомъ. Повторяю: въ Церкви, какъ живомъ тѣлѣ Господа Іисуса Христа, и горести и радости какъ бы по нервамъ передаются отъ однихъ душъ вѣрующихъ къ другимъ, если сіи послѣдніе дѣятельною любовію участвуютъ въ жизни первыхъ.

Обращаюсь къ нашимъ пастырямъ. Да, они далеки отъ идеала, и если бы стояли на его высотѣ, то сама собою жизнь Церкви устроялась бы по сему идеалу. Да, у нихъ, въ большинствѣ, мало духовнаго опыта, мало знакомства съ отеческой литературой. Ужъ слишкомъ погружаются они въ житейскія попеченія. Знаю, не весело имъ живется, иной считаетъ гроши, достанетъ ли ихъ на самыя насущныя нужды... А все же нужно было бы побольше возгрѣвать въ себѣ вѣру въ обѣтованіе Спасителя: *ищите прежде всего царствія Божія и правды его и сія вся приложатся вамъ.* У насъ больше заботятся вотъ объ этомъ „приложеніи“, а о Царствіи Божіемъ—потомъ... Мнѣ горько писать эти строки, больно касаться наболѣвшихъ вопросовъ о нуждахъ духовенства... Но, вѣдь, слово-то Божіе остается неизмѣннымъ: прежде всего—*Царствіе Божіе*, о немъ забота, а потомъ—объ остальномъ, о *приложеніи*. Таковъ Самимъ Господомъ опредѣленный порядокъ и, ужъ конечно, не намъ измѣнять его. И вотъ, что же мы видимъ? Тамъ, гдѣ пастырь довѣряется Христову обѣтованію, *единое на потребу*—служеніе Господу и его Церкви ставитъ выше своихъ личныхъ и семейныхъ матеріальныхъ интересовъ, тамъ видимо Христосъ благословляетъ его, вѣчно повторяя чудо умноженія хлѣбовъ... Не въ роскоши, не въ богатствѣ живутъ такіе служители Христа, но необходимое у нихъ все есть, и они благодарятъ Бога за это. И дѣло пастырское у нихъ налаживается при помощи Господа, и дѣти ихъ радуютъ успѣхами и поведеніемъ, и въ насущномъ хлѣбѣ они не нуждаются. Это ужъ таковъ законъ у Христа Господа: Своихъ работниковъ Онъ не балуетъ, но и не забываетъ о ихъ неотложныхъ нуждахъ. Онъ располагаетъ сердца ихъ же пасомыхъ и сіи помогаютъ имъ во всемъ потребномъ. Не безъ скорбей и искушеній течетъ ихъ труженическая жизнь, но, вѣдь, все это въ планахъ нашего духовнаго воспитанія у Господа. Пастырю нужно опытомъ пережить и разныя скорби и испытанія, дабы потомъ и испытуемымъ отъ Господа помочь. Вѣдь, и о Господѣ сказано: *Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи.* И блаженъ пастырь, который понимаетъ это и несетъ свой крестъ въ преданности волѣ Божіей! Къ такому-то вотъ и потекутъ пасомые за совѣтомъ, за указаніемъ, что когда дѣлать и какъ жить, чтобы волю Христову, а не свою исполнять. Такой пастырь дѣятельно проходитъ всѣ уроки жизни, какіе преподаетъ своимъ пасомымъ. Онъ и молитвенникъ, и утѣшитель въ скорбяхъ, и мудрый совѣтникъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ житейскихъ. Къ та-

кому изъ чужихъ приходовъ идутъ. Къ такому и сопастыри обращаются за совѣтомъ. Такой носитъ въ душѣ своей свѣтлый идеалъ, милостію Божіей данный всѣмъ пастырямъ, въ мѣру ихъ силъ и способностей, въ лицѣ великаго молитвенника земли Русской—о. Іоанна Кронштадтскаго. Мы все ссылаемся на то, что живемъ не въ тѣ времена, въ какія жили великіе свѣтильники вѣры и благочестія: вотъ Господь и далъ намъ въ наши грѣшныя, смутныя времена такой образецъ пастырства, какого ни одна Церковь еще не видѣла. Смотрите: былъ такой же человѣкъ, какъ и мы, такой же священникъ, какъ и прочіе, а предался Богу и Богъ содѣлалъ его носителемъ благодати Своей, носителемъ идеала для насъ—пастырей и архипастырей. Нѣтъ намъ извиненія, будто въ наши времена нельзя быть ревностнымъ исполнителемъ долга въ служеніи пастырскомъ. Не напротивъ ли: не слѣдуетъ ли именно теперь быть готовыми душу свою положить за паству свою? Лѣность наша, дряблость наша, суетность наша и маловѣріе—вотъ въ чемъ причины, что мы потеряли свое вліяніе на пасомыхъ. Какъ бы въ обличеніе наше, и теперь, слава Богу, есть добрые пастыри, хотя, конечно, не такіе, какъ о. Іоаннъ, а все же добрѣ правящіе стадо свое на пажитяхъ церковныхъ. Каждый долженъ исполнять свой долгъ въ мѣру данныхъ ему отъ Бога силъ и способностей. И въ свое время каждый дастъ отчетъ о своемъ дѣланіи на нивѣ Христовой. И горе тогда будетъ нерадивымъ пастырямъ! Пусть они сами прочтутъ 34-ю главу пророка Іезекіиля, изрекающую имъ великое горе...

Я сказалъ бы нашимъ пастырямъ: какъ ни трудны наши времена, но никто не можетъ намъ препятствовать дѣлать вѣчное дѣло Божіе, намъ отъ Господа порученное. Вы имѣете счастіе не людямъ служить, а Господу всемогущему и преблагому. Онъ вѣренъ въ словѣ Своемъ: вѣрьте же Ему и вы. Вы—Его сотрудники: ужели Онъ оставитъ васъ безъ помощи благодатной? Этого быть не можетъ! Но помните и то, что у Него Свои законы, коихъ вамъ не измѣнить. Труды и скорби ждутъ васъ: ихъ не избѣжать. Награда—послѣ, можетъ быть, въ будущей жизни. Но она несомнѣнна... Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ къ небесному Архипастырю прибѣгайте. Повергаясь у подножія престола Его при совершеніи Божественной литургіи, Ему, какъ дѣти Отцу, въ простотѣ сердца повѣдайте всѣ скорби свои, всѣ нужды свои и своихъ пасомыхъ. Держите духовныхъ чадъ своихъ въ сердцѣ своемъ, когда молитесь о всѣхъ и за вся. Не можетъ быть, чтобы Господь не внялъ такой молитвѣ! Дерзайте же! Начинайте же съ Богомъ дѣло свое и дѣланіе и продолжайте его до вечера жизни! Читайте писанія св. отцевъ-учителей хрістіанскаго благочестія и уроками изъ ихъ писаній поучайте своихъ пасомыхъ. Сами проникайтесь духомъ ихъ ученія, чтобы познать сладость его. Читайте и такихъ богомудрыхъ наставниковъ духовной жизни, какъ святитель-затворникъ, епископъ Ѳеофанъ. Начните, если еще мало знакомы съ нимъ, хотя съ его писемъ о хрістіанской жизни, перейдите къ собранію всѣхъ его писемъ, читайте его „Путь ко спасенію“ и прочія творенія. Читайте письма такихъ учителей смиренія, какъ Оптинскій старецъ Макарій (особенно его письма къ мірянамъ). Пріобрѣтите для библіотеки церковной сіи

книги, не говорю уже о писаніяхъ св. отцевъ: Тихона Задонскаго, Димитрія Ростовскаго, Иліи Минятія, Златоуста, Аввы Дорооея... Не тратьте много времени на чтеніе газетъ: это ядъ, отравляющій душу. Рѣдко-рѣдко попадется въ какой-нибудь патріотической газетѣ статейка добраго содержанія. Разучились теперь люди читать книги, отъ того и пишуть не важно. Даже и на добрыя темы пишутъ поверхностно, наскоро, потому и читать нечего въ этихъ простыняхъ, именуемыхъ газетами. Пастырю каждая минута должна быть дорога. Онъ долженъ не только самъ найти пищу духовную, но и напитать ею своихъ пасомыхъ. Онъ долженъ отвѣтить на всякій вопросъ, какой ему предложитъ прихожанинъ...

Отъ насъ, пастырей, зависитъ: быть или не быть Руси православною! Пока народъ еще не потерялъ вѣру въ Бога, пока не совратили его прелестники-сектанты, пока онъ не покинулъ мать-Церковь, дотолѣ еще не все потеряно, еще есть надежда на спасеніе его... И это—наше дѣло, наша задача, отцы и братія! Грѣшно будетъ, если мы опустимъ время и не исполнимъ ее...

Горе пастырямъ, которые пасутъ самихъ себя, глаголетъ Господь: Я отниму овецъ Моихъ отъ руки ихъ и взыщу за нихъ съ пастырей ихъ!

Страшны суды Божіи, а грозныя тучи уже собираются надъ грѣшною землей...*)

149.

За честь Креста Хрістова.

Триста лѣтъ тому назадъ, когда впервые проникли въ Японію латинскіе миссіонеры, правительство Японіи воздвигло гоненіе на хрістіанъ и, чтобы узнавать ихъ, распорядилось положить въ городскихъ воротахъ кресты—такъ, чтобы нельзя было войти въ ворота, не наступивъ на крестъ. И говоритъ преданіе римской церкви, что многіе, искренно увѣровавшіе во Хріста, скорѣе соглашались отдать себя на мученія и смерть за Хріста, чѣмъ наступить на изображеніе знаменія нашего спасенія—креста Господня.

Подобіе креста какъ геометрическая фигура, нерѣдко употребляется какъ украшеніе, въ архитектурныхъ рисункахъ и вообще въ произведеніяхъ искусства, и пока такое изображеніе не имѣетъ никакого отношенія къ нашей хрістіанской вѣрѣ, пока оно не касается нашего религіознаго чувства съ той или другой стороны, дотолѣ мы относимся къ нему безразлично, какъ къ простой, самой обычной, геометрической фигурѣ, какъ напримѣръ,—въ оконныхъ рамахъ, дверяхъ и под. Но какъ скоро искусство или, лучше сказать, его представители, художники, хотятъ намѣренно подчеркнуть свое неуваженіе къ кресту, какъ къ знаменію нашего спасенія, то мы должны протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, ибо въ та-

*) Всѣ указанныя въ семъ „Дневникѣ“ книги можно получать въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова, Петроградъ, Гостиный дворъ, Садовая 45.

комъ случаѣ является уже страшный грѣхъ кощунства. Представьте себѣ, что паркетъ пола въ нашей квартирѣ представляетъ правильно расположенные кресты: позволитъ ли вамъ совѣсть ваша спокойно ходить по такому полу даже тогда, когда вы не знаете, что это сдѣлано намѣренно, чтобы заставить васъ попирать крестъ?.. А мы живемъ въ такое несчастное время, когда не только возможно, но и въ самомъ дѣлѣ бываетъ—намѣренное поруганіе Креста Господня слугами сатаны—іудеями и ихъ прислужниками-масонами. Вотъ, что пишетъ мнѣ съ юга одна чуткая къ чести Креста Господня душа:

„Не могу не подѣлиться съ вами скорбью сердца моего. Этимъ лѣтомъ я посѣтила А. женскій монастырь, въ который стекается много молящихся, въ особенности недужныхъ, къ чудотворному образу Богоматери. И вотъ, чтобы приложиться къ образу, надо пройти по коврамъ, на которыхъ вытканы... кресты!... Стало быть, христіанинъ, прежде, чѣмъ подойти къ иконѣ, обязанъ попрать ногами, потоптать символъ своего спасенія—вытканный на коврѣ крестъ. И у царскихъ врать, и вездѣ въ храмѣ такіе же кресты на коврахъ. Увидя это, я такъ была поражена, такъ терзалось сердце мое, что я не выдержала и тутъ же сказала монахинямъ: „вѣдь, только сектанты топчутъ изображеніе креста, а мы, православные, развѣ смѣемъ это дѣлать?“ И я просила, очень просила—снять эти ковры и не гнѣвить Господа поруганіемъ креста Его. На это мнѣ отвѣтили: „это—жертва, обидятся жертвователи... У насъ всѣ ковры такіе: что мы будемъ дѣлать съ ними?“ Я сказала имъ: „зашейте кресты такого же цвѣта гарусомъ, обратите ихъ въ круги или четырехугольники, а впредь съ крестами ковровъ не принимайте, объясняя жертвователямъ, что топтать крестъ грѣшно“. Сняли ли ковры и зашили ли кресты, я не знаю. Духовенство, большею частію, на это не обращаетъ вниманія, а сектантамъ это и на руку: они могутъ указывать, что-де и православные попираютъ крестъ. И это творится не въ одномъ А. монастырѣ, но и въ другихъ храмахъ: у насъ, напримѣръ, въ соборномъ храмѣ былъ коверъ отъ престола черезъ всю солею, и когда я обратила на это вниманіе о. протоіерея, коверъ тотчасъ же былъ убранъ разъ навсегда и меня благодарили за то, что указала“...

Мнѣ скажутъ, что я обращаю вниманіе на мелочи. Да развѣ это мелочи—попраніе изображенія креста Хрістова, хотя бы и на коврѣ? Мы упрекаемъ латинянъ, что они цѣлуютъ папскую туфлю, на которой, говорятъ они въ оправданіе, изображенъ крестъ; мы говоримъ: мѣсто ли изображенію креста на туфлѣ? Но развѣ мѣсто сему на коврахъ, по коимъ мы ходимъ? Пусть фабрикантъ говоритъ намъ, что это—не крестъ, а геометрическая фигура: разъ возникаетъ сомнѣніе: такъ ли?—мы должны требовать, чтобъ совсѣмъ такихъ крестовыхъ ковровъ не выдѣлывалось! Фабрикантъ говоритъ, что это—не крестъ, а простая фигура, такой-де рисунокъ; а кто поручится въ наше грѣшное время, что тутъ нѣтъ злого умысла—нарочито подвергнуть поруганію крестъ Господень? Прочтите вотъ правило 73-е шестого Вселенскаго собора:

„Поелику животворящій крестъ явилъ намъ спасеніе, то подобаетъ намъ всякое тщаніе употреблять, да будетъ воздаваема подобающая честь тому, чрезъ что мы спасены

отъ древняго грѣхопаденія. Посему и мыслію, и словомъ, и чувствомъ поклоненіе ему принося: *повелѣваемъ, изображенія креста, начертываемыя нѣкоторыми на земли, совсѣмъ изглаждати, дабы знаменіе побѣды нашея не было оскорбляемо попираніемъ ходящихъ. И такъ отнынѣ начертывающихъ на земли изображеніе креста повелѣваемъ отлучати*"...

Видите: святые отцы Вселенскаго собора не считали „мелочью" разсуждать объ изображеніяхъ креста, хотя бы они были начертаны просто на землѣ: они „повелѣваютъ" такія изображенія „совсѣмъ изглаждати", уничтожать; этого мало: они не задумались написать и такое „повелѣніе": „начертывающихъ на землѣ изображеніе креста повелѣваемъ отлучати"... Замѣтьте: изъ сего постановленія соборнаго невидно: съ какою цѣлію сіи отлучаемые отъ общенія церковнаго начертывали изображеніе креста на землѣ; можетъ быть, просто по небреженію къ тому, что дѣлали: можетъ быть, у нихъ не было ясно сознаваемаго намѣренія подвергнуть святое изображеніе попранію. А въ наше время возможно, что рисоральщики узоровъ для фабрикъ дѣлаютъ это и намѣренно, чтобы ходящіе попирали крестъ... Припомните, что письмо получено съ юга: почему знать, можетъ быть тѣ же штундисты на фабрикахъ, издѣваясь надъ православными, дѣлаютъ рисунокъ съ крестами и намѣренно... Строго судятъ св. отцы даже легкомысленно начертывающихъ крестъ на землѣ: какому же строгому суду подлежатъ дѣлающіе это съ намѣреніемъ подвергнуть попранію изображеніе креста?... И можно ли назвать мелочью то, о чемъ мы говоримъ?

Русскій православный человѣкъ столь чтитъ сіе изображеніе, что даже простое напоминаніе о немъ на перекресткахъ дорогъ побуждаетъ его творить крестное знаменіе при проѣздѣ черезъ перекрестокъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи на перекресткахъ, для сугубаго напоминанія о крестѣ — знаменіи нашего спасенія—ставятся кресты. Православный хрістіанинъ помнитъ, что самый міръ созданъ во образъ креста: четыре страны свѣта напоминаютъ ему крестъ Хрістовъ. Онъ знаетъ, что „крестъ — хранитель всея вселенныя, крестъ — красота церкви, крестъ — царей держава, крестъ — вѣрныхъ утвержденіе, крестъ—ангеловъ слава и демоновъ язва".

Силою креста Хрістова онъ вѣруетъ спастись какъ отъ бѣдъ и напастей въ сей временной жизни, такъ и въ грядущей вѣчности. Тропарь, или пѣснь, кресту есть въ то же время и молитва за Царя православнаго, за все отечество, побѣдная пѣснь торжествующей вѣры. И не потому ли такъ ненавистенъ крестъ Хрістовъ всѣмъ врагамъ хрістіанства? Не говорю уже о духахъ тьмы; они трепещутъ и трясутся, по выраженію пѣсни церковной, при одномъ знаменіи крестномъ: даже люди, предавшіе себя врагу Божію—діаволу, отшатнувшіеся святой вѣры и Церкви православной, и тѣ какъ бы боятся креста Господня. Разсказывалъ мнѣ одинъ миссіонеръ: разъ, во время бесѣды съ штундистами о крестѣ Господнемъ, его собесѣдники громко потребовали отъ него, чтобы сотворилъ силою креста какое-либо чудо тутъ же, предъ ними. Миссіонеръ сказалъ, что это значило бы искушать Господа подобно іудеямъ, но что Господь, конечно, силенъ и чудо сотворить, если сіе потребно для ихъ вразумленія. „Пусть, ска-

залъ онъ, тотъ, кто хочетъ на себѣ испытать силу крестнаго знаменія, подойдетъ ко мнѣ ближе: я осѣню его симъ знаменіемъ и онъ тотчасъ же ослѣпнетъ: вѣрую, что Господь можетъ сіе сотворить!"—И что же? Никто изъ сектантовъ не дерзнулъ подойти къ миссіонеру: страхъ объялъ хулителей креста Господня. Въ другой разъ, тотъ же миссіонеръ, приглашенный сектантами на чашку чая, осѣнилъ, по обычаю іерейскому, стаканъ, ему поданный, крестнымъ знаменіемъ и мгновенно стаканъ лопнулъ и развалился... Надо было видѣть, какъ это поразило штундистовъ: они отъ страха поблѣднѣли... Кто знаетъ? Не подсыпали ли въ стаканъ какого снадобья?... — Наши интеллигенты, обычно, елико можно, елико допускаетъ имъ приличіе, избѣгаютъ, какъ бы стыдятся знаменія крестнаго... Присмотритесь, какъ дѣлаетъ на себѣ знаменіе крестное иной полувѣръ-интеллигентъ, когда этого требуетъ его положеніе, напримѣръ, при похоронахъ своего сослуживца, при торжественныхъ молебнахъ, когда онъ является въ храмъ „ради парада": онъ едва водитъ рукою по груди, будто ощупываетъ, всѣ ли у него пуговицы цѣлы... Спросилъ бы я его: да умѣетъ ли онъ, по-православному, ограждать себя крестнымъ знаменіемъ: на чело, на перси, на плечи? Или разучился уже? Не вяжетъ ли руку его все тотъ же ненавистникъ креста Хрістова, князь міра сего прелюбодѣйнаго?... И выходитъ: сотворить истово крестное знаменіе—стыдно, а вотъ попирать крестъ Хрістовъ, нарочито, можетъ быть, составлять рисунки, гдѣ святое знаменіе спасенія будетъ потомъ попираемо — это можно, это современно, во вкусѣ вѣка... Да не честнѣе ли было бы ужъ вовсе отречься отъ вѣры во Хріста, какъ сдѣлалъ это великій еретикъ нашего времени, извѣстный Толстой? Ставятъ ли себѣ такой вопросъ наши интеллигенты, эти полусознательные хрістіане, полусознательные язычники? Или имъ выгоднѣе прикрываться до поры до времени именемъ хрістіанъ, пока не нашли себѣ болѣе подходящаго, но ужъ не такого стараго слова, какъ „язычество"? Впрочемъ, кажется уже и находятъ, по крайней мѣрѣ, около такого имени бродятъ: вѣдь, уже слышатся странныя для нашего православнаго уха слова: голгоѳское хрістіанство, неохрістіанство, оккультизмъ, спиритизмъ... Еще немного, и придумаютъ наконецъ, и слово это будетъ новое модное и ухватятся за него всѣ наши полувѣры, и станутъ уже полными невѣрами, сбросивъ съ себя имя православныхъ хрістіанъ, какъ изношенную одежду... Къ тому идетъ дѣло, читатели мои! Невѣріе, сначала практическое, въ жизни, а затѣмъ и теоретическое, въ ученіи, мутною волною разливается по лицу земли среди якобы образованнаго общества, а оттуда спускается и внизъ, въ среду невѣжественныхъ массъ; и этому всячески содѣйствуютъ враги Церкви Божіей—іудеи и масоны, растлѣвая и умъ и сердце чрезъ печать, театры, лженауку и всѣми иными мѣрами... Врагу страшна только твердыня православія: если ее удастся расшатать, то съ остальнымъ онъ уже легко справится. Вотъ почему и ведется подкопъ именно подъ православіе: его хотятъ всячески унизить, приравнять къ суевѣрію, въ него внести разложеніе въ видѣ разныхъ сектъ и ересей, его ослабить расколами и раздорами въ средѣ его исповѣдниковъ. Съ непонятною на первый разъ ненавистію относится именно къ православію вся іудейская и

іудействующая печать, съ какимъ-то пренебрежительнымъ снисхожденіемъ—наша интеллигенція, даже и та, которая считаетъ себя еще вѣрующей въ Бога; и только тѣ, которые еще чтутъ авторитетъ Церкви-матери, еще таятъ въ глубинѣ своего сердца любовь и вѣру къ этой матери, только они, вмѣстѣ съ нею, скорбятъ, болѣютъ душою, видя поношеніе или искаженіе креста Хрістова—уже не на коврахъ, только, а всюду, гдѣ можно: напримѣръ, въ столицѣ замѣчено православными, что на одномъ храмѣ поставлены кресты какъ бы перевернутыми вершиною внизъ, такъ что поперечникъ креста приходится въ нижней его части, не въ верхней, какъ обычно... А тотъ знакъ, подъ, которымъ масонство выступило на борьбу якобы съ чахоткой, а на дѣлѣ—едва ли не съ другимъ чѣмъ-то, знакъ перечеркнутаго креста? Кто видѣлъ этотъ „красный крестъ“, тотъ пусть нарисуетъ его на лоскуткѣ бумаги: онъ состоитъ изъ вертикальной линіи, пересѣченной двумя *равными* по размѣрамъ горизонтальными поперечинами: соедините же вершину такого креста съ концами нижней поперечины и вы получите треугольникъ вершиною вверхъ, а если соедините концы верхней поперечины съ основаніемъ креста, то получите треугольникъ вершиною внизъ, то есть, получите два пересѣкающихся треугольника или шестиугольную звѣзду: обычный знакъ враговъ хрістіанства масоновъ... Если я ошибаюсь въ толкованіи этого новомоднаго „креста“, то пусть г.г. учредители сборовъ на „бѣлый цвѣтокъ“, измыслившіе такую невиданную форму яко бы креста, объяснятъ мнѣ смыслъ этой формы! Ни хрістіанская древность, ни православная современность не знаютъ такого креста. Это не крестъ, а телефонный столбъ съ двумя равными поперечинами... Признать это крестомъ мы отказываемся, а если это не крестъ, то что такое?..

Опытные въ духовной жизни подвижники пишутъ, что врагъ нашъ, діаволъ, даже въ сонныхъ мечтаніяхъ, не можетъ представить креста Господня: онъ обычно представляетъ какую-либо геометрическую фигуру, а на мысль искушаемаго влагаетъ, будто это—крестъ. Не то же ли и тутъ, особенно если заподозрить участіе масоновъ въ этихъ новомодныхъ сборахъ на разные цвѣты?.. Въ тревожное время мы живемъ: тамъ искушаютъ насъ попраніемъ креста Господня, а тутъ—подмѣною его какою-то фигурою, въ видѣ телеграфнаго или телефоннаго столба... Воистину, дніе лукави суть!..

150.

Помнимъ ли мы великій урокъ 1812 года?

Съ нами Богъ! ликуя, воспѣваетъ святая Церковь, прославляя Бога, явльшагося плотію и яко Отроча младо пеленами повиваемаго. Съ нами Богъ! вмѣстѣ съ Церковію торжественно восклицаетъ стомилліонный православный Русскій народъ, благодарственно воспоминая избавленіе Церкви и державы Россійской отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языковъ.

Да, Церковь на Руси всегда была нераздѣльна съ Русью: когда страдалъ и страдаетъ Русскій на-

родъ,—съ нимъ болѣла и болѣетъ сердцемъ и Церковь, какъ нѣжно любящая мать; на ея груди отдыхала душа народная во дни великихъ бѣдствій; она утѣшала его въ невыносимыхъ скорбяхъ; она предстательствовала за него предъ Богомъ, испрашивая ему прощенія и оставленія грѣховъ и отводя грозную, карающую руку Божію во дни великихъ испытаній... За то и радовалась она радостями народа, какъ счастливая мать, радовалась и учила народъ радоваться радостію о Господѣ, все радости достойное приписывая единому Богу-Милостивцу и влагая въ уста народа слова Пѣснопѣвца: *не намъ, Господи,* не *намъ, а имени Твоему даждь славу!*

Трогательны восторженныя пѣсни, коими въ день Рождества Христова святая Церковь прославляетъ Господа за спасеніе Россіи отъ нашествія великаго корсиканца-завоевателя всего міра. Трогательна и поучительна молитва Церкви, колѣнопреклонно чтомая въ заключеніе молебна въ этотъ день. Необычна эта *вѣчная память* Императору Александру Первому среди свѣтлаго торжества великаго праздника Христова.

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ... Какъ благопристична эта ангельская пѣснь, при воспоминаніи о концѣ великой брани за Царя—любимца всего народа Русскаго! Слава богу, ибо *Агнецъ Вифлеемскъ, льва и змія нами поправъ, міру миръ дарова.* Велики скорби, тяжелы подвиги, понесенные народомъ Русскимъ въ эту великую годину испытаній, но Богу было благоугодно содѣлать насъ орудіями низложенія и покоренія жестокаго врага вѣры хрістіанской, хитраго и геніальнаго въ своемъ дѣлѣ воинскомъ, врага всѣхъ народовъ земныхъ; Богу было угодно, чтобы къ великому празднику мира, воспѣтаго Ангелами, не осталось ни одного врага на Русской землѣ: *тѣмъ со Ангелы Младенцу міродержавному боголѣпну славу принесемъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!*

А когда вспомнишь всѣ грѣхи народные, коими Русь прогнѣвала Божіе правосудіе въ тѣ времена, когда вспомнишь, что Господь *не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ни же по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ, но и въ годину искушенія, пришедшую* не на насъ однихъ, но *на всю вселенную, избавилъ насъ и внегда обыгшедше обыдоша насъ врази наши, явилъ есть намъ спасеніе Свое:* мало сего—насъ же содѣлалъ орудіемъ избавленія всѣхъ народовъ, покоренныхъ врагомъ нашимъ и, изъ повиновенія ему, воевавшихъ противъ насъ—когда вспомнишь всѣ сіи милости Божіи, то какъ не повергнуться во прахъ предъ священными яслями Богомладенца съ сердечнымъ умиленіемъ, какъ не воскликнуть: *видѣхомъ, Господи, видѣхомъ,* и не мы одни, но *вси языцы видѣша въ насъ,* всѣ народы были свидѣтелями тому, всѣ видѣли: *яко Ты еси Богъ и нѣсть развѣ Тебѣ: Ты убіеши и паки жити сотвориши, Ты поразиши и исцѣлиши, и нѣсть иже изметъ отъ руку Твоею!.. Благодаримъ Тя, Господи, яко наказуя наказалъ еси ны вмалѣ, да не смерти во вѣки предаси насъ!... О, премилосердый Господи! Пробави, продли милость Твою вѣдущимъ Тя! Но и неимущимъ Тебѣ явленъ буди!...*

Минуло ровно сто лѣтъ съ того дня, какъ Русь торжествовала и благодарила Господа за спасеніе свое. Въ могилу сошли всѣ свидѣтели сего торжества. Немного оста-

лось и дѣтей ихъ, которые внимали ихъ сказаніямъ, проникнутымъ великимъ умиленіемъ сердечнымъ, великою къ Богу-Благодѣтелю благодарностью. И вотъ мы, внуки и правнуки ихъ, спустя сто лѣтъ переносимся мыслію къ ихъ подвигамъ, вспоминаемъ милости Божіи... и какъ хотѣлось бы спросить свою совѣсть: а поняли ли мы великій урокъ, данный намъ Провидѣніемъ Божіимъ въ исторіи нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ? Прислушаемся къ словамъ молитвы, составленной великимъ святителемъ Филаретомъ, на молебнѣ въ праздникъ Рождества Христова:

Ты глаголалъ еси, Господи, древле сыномъ Израилевымъ, яко аще не послушаютъ гласа Твоего хранити и творити вся заповѣди Твоя, наведеши на нихъ языкъ безстуденъ лицемъ, иже сокрушитъ ихъ во градѣхъ ихъ, дондеже разорятся стѣны ихъ, и мы видѣхомъ, яко пріиде глаголъ страшный сей на ня и на отцы наша. Обаче прещенія Твоего не убоявшеся, и о милосердіи Твоемъ возненавидѣвше, оставихомъ путь правды Твоея и ходихомъ въ воляхъ сердецъ нашихъ... еще же и отеческая преданія ни во чтоже вмѣнивше, прогнѣвахомъ Тя о чуждихъ. Ихже ради и насъ объятъ лютое обстояніе, и о ихже ревновахомъ наставленіихъ, сихъ враговъ имѣяхомъ буихъ и звѣронравныхъ...

Вдумаемся въ эти слова, особенно въ послѣднія слова богомудраго святителя, нашего русскаго златословеснаго учителя: *о ихже ревновахомъ наставленіихъ*, у кого ревностно, какъ школьники, перенимали все худое, *сихъ враговъ имѣяхомъ буихъ и злонравныхъ...* тѣ самые, у которыхъ мы заимствовали разныя безбожныя ученія—они-то и явились нашими лютыми, жесточайшими врагами... Воистину, чѣмъ согрѣшили наши предки, тѣмъ и были наказаны! Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія русскіе люди сильно увлекались безбожными ученіями, коими была уже тогда заражена Франція, и вотъ, за это увлеченіе послѣдовало Божіе попущеніе: наши же учители, французы, сами того не сознавая, явились какъ бы бичомъ Божіимъ къ вразумленію нашихъ предковъ. Счастливы эти предки наши, что поняли ниспосланный имъ урокъ и, хотя тяжкою цѣною, но все же искупили свой грѣхъ, смыли его слезами покаянія и были помилованы милосердіемъ Господа. Исповѣдуя сію милость Божію, они, въ умиленіи сердца, взывали: *посѣтивъ жезломъ неправды наша, якоже щедритъ отецъ сыны, ущедрилъ еси насъ, Господи!* Но урокъ, данный отцамъ, не должны забывать и дѣти, и внуки, и правнуки, до послѣдняго рода, если не хотятъ, чтобы этотъ грозный урокъ повторился на нихъ самихъ. А мы—помнимъ ли мы этотъ урокъ?..

Не въ такой свѣтлый, радостный праздникъ говорить бы о печальныхъ явленіяхъ нашей русской жизни, но что же дѣлать? Вѣдь если мы, пастыри, будемъ молчать объ этомъ, то—камни возопіютъ! Увлеченіе нашихъ предковъ вольнодумствомъ, вольтерьянствомъ, масонствомъ XVIII-го вѣка—можно бы назвать дѣтскими шалостями въ сравненіи съ тѣмъ, что творится теперь у насъ на Руси! Тогдашнее безбожіе проистекало больше изъ легкомыслія, изъ тайнаго желанія какъ-нибудь успокоить совѣсть, которая протестовала противъ грѣховъ плоти: нынѣшнее безбожіе есть какая-то безсмысленная вражда на Бога, выражающаяся въ страшныхъ кощунствахъ; тогдашніе пороки были общечеловѣческіе: нынѣшніе — но-

сятъ характеръ извращенности, противоестественности; тогда простой народъ грѣшилъ, но грѣхъ грѣхомъ называлъ: а нынѣ и деревенскіе парни, начитавшіеся іудейскихъ „Копѣекъ", хвалятся своими вопіющими беззаконіями какъ славными подвигами. Понятія извратились, совѣсть убита, люди становятся хуже дикихъ звѣрей... Страшно становится жить на свѣтѣ! Боишься громовъ небесныхъ, которые, вотъ-вотъ возгремятъ надъ грѣшною землей...

А въ небесахъ пока еще слышится сладостная пѣснь небожителей: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*... А въ пещерѣ Виѳлеемской еще возлежитъ Божественное Отрочá и съ такою любовью улыбается Своей Пречистой Дѣвѣ—Матери...

Мати Божія, Заступница усердная рода грѣшнаго! Не имѣемъ мы сами никакого дерзновенія къ Сыну и Богу Твоему: Ты помолись о насъ, Ты смилуйся надъ немощью нашей духовной, Ты покрой насъ тѣми пеленами, которыми повивала Ты Свое Дитя Божественное, да воззритъ Онъ и на насъ съ благоволеніемъ и миръ Его премірный да снидетъ въ наши немирныя сердца, и да согрѣетъ ихъ любовію къ Себѣ, да и мы съ дерзновеніемъ святымъ воспоемъ съ небесными пѣвцами: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Блестки и изгарь.

Наша современность такъ полна всякихъ неожиданностей, несообразностей, иногда прямо нелѣпостей, что дня не проходитъ, чтобъ не наткнуться на такія явленія, которыя вызываютъ въ душѣ чувства удивленія, протеста, негодованія... Рѣдко-рѣдко, будто золотая блесточка въ кучѣ мусора, мелькнетъ отрадное явленіе и какъ радъ бываешь отмѣтить его! Доселѣ я это и дѣлалъ, и буду дѣлать, по мѣрѣ силъ, въ своихъ „дневникахъ"; откликаясь на болѣе или менѣе крупные факты того или другаго рода. Но не всегда есть время и возможность дѣлать это сколько-нибудь обстоятельно по каждому, обратившему на себя вниманіе случаю. А отмѣтить этотъ случай, хотя краткой замѣткой стоитъ. И вотъ, мнѣ припомнились въ „Домашней Бесѣдѣ" 1860—70-хъ годовъ „Блестки и изгарь" покойнаго борца за идеалы православія, В. И. Аскоченскаго, и явилась мысль: не открыть ли и мнѣ въ своихъ „Дневникахъ" страничку для подобныхъ летучихъ замѣтокъ на злободневные вопросы текущей церковной и общественной жизни и литературы, да и подъ тѣмъ же заглавіемъ: зачѣмъ придумывать новое, когда есть старое хорошее? Въ сущности, это будетъ продолженіе тѣхъ же „Моихъ Дневниковъ", но въ болѣе краткихъ статейкахъ, когда нѣтъ времени писать большую статью. Надѣюсь, мнѣ помогутъ въ этомъ и мои читатели. Лучше хоть маленькій откликъ, чѣмъ равнодушное молчаніе. А иногда, Богъ дастъ, можно будетъ отмѣтить и хотя малую нѣкую блесточку добра: вѣдь, если бы на землѣ вовсе не было добра, то и міръ потерялъ бы весь смыслъ своего бытія. Итакъ, благослови, Господи!

1.

Было время, когда преимущественнымъ чтеніемъ русскаго наро-

да служили такія духовно-назидательныя книги, какъ Четьи-Минеи, Прологи, Патерики и отдѣльныя житія святыхъ. Въ этихъ житійныхъ сказаніяхъ нашъ благочестивый народъ видѣлъ не только то, *что* нужно дѣлать для полученія вѣчной жизни и спасенія, узнавалъ не только ученіе вѣры и нравственности хрістіанской, но видѣлъ также и то, *какъ* нужно жить по заповѣдямъ Хрістовымъ, *какъ* слѣдуетъ прилагать нравственныя и вѣроучительныя истины хрістіанства къ жизни.

Исконная любовь нашего народа къ житейнымъ повѣствованіямъ начинаетъ, повидимому, въ послѣднее время ослабѣвать подъ вліяніемъ все шире и шире распространяющейся свѣтской литературы, часто довольно сомнительнаго свойства, особенно со времени такъ называемыхъ „свободъ“. Вновь воспламенить и усилить эту любовь народа къ церковно-повѣствовательнымъ произведеніямъ можно не иначе, какъ только противопоставивъ широкому распространенію дешевыхъ свѣтскихъ сочиненій не менѣе широкое распространеніе какъ житій древнихъ святыхъ, такъ въ особенности сказаній о жизни и трудахъ русскихъ подвижниковъ позднѣйшаго времени.

Это жизнеописанія новѣйшихъ подвижниковъ должны показать народу, что спасеніе возможно и въ наше время; что благодать Св. Духа неизмѣнно дѣйствуетъ въ Церкви до нашихъ дней; что изумительная и побѣдоносная борьба благочестія съ духомъ тьмы происходитъ и нынѣ; что Хрістосъ, обѣщавшій вѣчно пребывать съ нами, творитъ Свои чудеса неоскудно и въ Русской землѣ чрезъ Своихъ вѣрныхъ учениковъ и подвижниковъ; что наша русская земля, несмотря на широкую волну невѣрія и порока, несущуюся къ намъ изъ западныхъ странъ, пребываетъ и на долгіе вѣка пребудетъ Русью Святой.

Эту высокую задачу—ознакомить народъ съ жизнью и трудами новѣйшихъ подвижниковъ, и беретъ на себя Тобольское Епархіальное Братство св. Димитрія Солунскаго, приступая въ настоящемъ (1912) году къ изданію составленнаго священникомъ Александромъ Юрьевскимъ „Новаго Свято-Русскаго Патерика“.

Сей обширный трудъ Братство печатать будетъ частями, въ видѣ небольшихъ книженъ (въ 30—40 страницъ каждая), въ коихъ дано будетъ около 560 жизнеописаній тѣхъ новѣйшихъ русскихъ подвижниковъ, блаженная кончина коихъ послѣдовала въ XIX вѣкѣ, начиная съ 1800 г. Всѣхъ такихъ книженъ, весьма доступныхъ народу по своей цѣнѣ, Братствомъ будетъ выпущено не менѣе 150 номеровъ.

Пока выпущено три книжки цѣною по 5 коп. Въ нихъ содержится краткое жизнеописаніе монахини Маргариты Кирсановской, Митрополита Петербургскаго Гавріила, блаженной Ксенія Петербургской, Архимандрита Ѳеодосія Софроніевскаго, Архіепископа Варлаама Тобольскаго, іеромонаха Іоакима Саровскаго и благочестивой крестьянки Пелагіи. Очерки написаны живо, тепло и читаются съ духовнымъ утѣшеніемъ. Отмѣчаемъ эти небольшія, дешевыя, но поучительныя книжечки, какъ святыя „блесточки“ въ нашей народной литературѣ, заваленной мусоромъ вредныхъ развращающихъ изданій.

Получать книжки можно въ Тобольскѣ, въ Совѣтѣ Братства святаго Димитрія Солунскаго.

2.

Легкомысліе или масонщина?

Всякаго рода кощунство, даже богохульство—въ іудейской печати дѣло обычное. Но печать, которую мы привыкли считать порядочною, доселѣ избѣгала этого. Въ большой простынѣ, именуемой „Новое Время“, изрѣдка появлялись статьи Меньшикова съ выходками, граничащими съ кощунствомъ, но такому большому барину въ газетѣ, видимо, дѣлалось, снисхожденіе.

Но вотъ, въ № 13167, отъ 6 сего ноября, помѣщенъ маленькій фельетонъ подъ заглавіемъ „Бабье лѣто въ танцахъ“, подписанный нѣкіимъ М. К., а надъ симъ фельетономъ стоитъ эпиграфъ:

„Танцы—единственное занятіе ангеловъ на небѣ, и блаженъ тотъ, кто можетъ подражать имъ на землѣ“.

Затѣмъ въ скобкахъ, курсивомъ, стоитъ якобы цитата:

(Изъ посланія Василія Великаго къ Григорію Богослову).

Судите сами: что можетъ подумать читатель? Если онъ никогда не читывалъ твореній св. Василія Великаго, онъ смутится. Какъ? Ужели такъ писалъ святитель Божій? Но стоитъ цитата: стало быть, у Василія Великаго есть такія строки... Или это поддѣлка? Вѣроятнѣе всего... Но что же это? Неужели мы дошли до того, что у насъ на глазахъ поддѣлываютъ письма святыхъ, приписываютъ имъ то, что подумать было бы кощунственно?.. А если читатель знакомъ съ писаніями Василія Великаго, то онъ долженъ возмутиться духомъ, долженъ громко крикнуть: доколѣ же это будетъ терпимо? До чего же мы дойдемъ, наконецъ?!.

Знающіе люди говорятъ, что въ греческомъ текстѣ стоитъ слово „хоревин“, что и значитъ: пѣть хоромъ, а г. М. К. хочетъ читать: „хорографин“—плясать... Такъ-ли? Но вѣрнѣе, авторъ и въ глаза не видалъ подлинника, а просто припомнилъ, что писалъ лѣтъ пять-шесть назадъ одинъ „профессоръ“ (слава Богу, нынѣ изгнанный изъ духовной академіи) о пляскахъ религіозныхъ въ одномъ духовномъ журналѣ... Этотъ экс-профессоръ, дѣйствительно, хотѣлъ оправдать всѣ сектантскія пляски и подтягивалъ къ своей темѣ все, что можно было подтянуть, хотя бы при помощи искаженія текста святоотеческихъ писаній...

Такъ или иначе, но серьезной газетѣ стыдно выкидывать такія колѣна. Вѣдь, надо помнить, что ее читаютъ сотни тысячъ людей разнаго возраста, всякаго образованія, разныхъ исповѣданій: среди нихъ найдутся и такіе, которые, прочитавъ кощунственную цитату и давъ ей вѣру, подумаютъ о великомъ учителѣ вселенской Церкви, будто онъ былъ такъ невѣжественъ, что способенъ былъ написать такую нелѣпость, граничащую съ вымыслами магометова Корана.

Хотѣлось бы думать, что это только легкомысленная выходка газетнаго болтуна, а не сѣмечко изъ кошницы масонской.

3.

Еще вопросъ: легкомысліе или масонщина?

Въ № „Колокола“ (отъ 10 ноября), въ статьѣ: „Легкомысліе или масонщина?“ владыка Никонъ справедливо возмущался тривіально-кощунственнымъ переводомъ словъ св. Василія Великаго, помѣщеннымъ въ одномъ изъ фельетоновъ „Новаго

Времени". Но вотъ есть „духовный" журналъ — „Русскій Паломникъ", какъ значится въ подзаголовкѣ,—„одобренный всѣми вѣдомствами" (значитъ: и вѣдомствомъ православнаго исповѣданія?), дающій преміи самаго назидательнаго содержанія: и „Богословскую Энциклопедію", и „Творенія св. Григорія Богослова", и „Земную жизнь Іисуса Христа", и кромѣ того, ежемѣсячный журналъ-приложеніе „Свѣточъ". Случайно я просмотрѣлъ ноябрьскую книжку этого „Свѣточа", и вотъ прошу васъ полюбоваться, что я тамъ нашелъ.

Въ первой статьѣ „Голуби Святаго Младенца" (легенда), на ст. 1700, читаемъ: (голуби) „пребывали съ Нимъ въ пещерѣ (во гробѣ), и ихъ распростертыя крылья и взъерошенныя перья показались обезумѣвшей отъ горя Маріи Магдалинѣ свѣтлыми ангелами, спросившими ее:— Жено, о чемъ плачешь?.. Когда ученики Его собрались, спустя пятьдесятъ дней,—подобно бурѣ, съ высоты неба, въ быстромъ шумѣ, слетѣли къ нимъ тѣ же самые голуби. Свѣтящимися крыльями, какъ будто раздвоеннымъ пламенемъ, коснулся каждый изъ нихъ головы апостола, и въ видѣ этихъ гонцовъ Іисуса сошелъ на нихъ Духъ Святой, горячая вѣра въ ожидавшее ихъ апостольство, которому они предались единодушно".

Какъ видите, Духъ Святый совсѣмъ не сходилъ на апостоловъ, а только „горячая вѣра въ ожидавшее ихъ апостольство". Совсѣмъ было все просто и ничего сверхъестественнаго. При этомъ еще не такъ удивительно, что „обезумѣвшая отъ горя Марія" приняла на разсвѣтѣ, въ полумракѣ пещеры, „взъерошенныя перья" голубей за ангела;— удивительно то, какимъ образомъ апостолы среди бѣлаго дня могли принять обыкновенную стаю голубей за сошествіе Св. Духа, а бѣлыя голубиныя крылья—за огненные языки? Оставалось бы только добавить, что предположеніе еврейской толпы, будто апостолы „напились вина", вполнѣ основательно. И такое кощунственное объясненіе евангельскихъ событій мы читаемъ не въ какой-нибудь масонской „Библіи для развлеченія" (La Bible amusante), а въ духовномъ журналѣ, „одобренномъ всѣми вѣдомствами".

Но это еще не все. На послѣдней страницѣ той же книжки, въ отдѣлѣ „Смѣсь", есть замѣтка: „Легенды о созданіи женщины", и эта замѣтка заканчивается такъ: „Ассирія, Вавилонъ, Египетъ, а за ними и Іудея (т. е., прибавимъ отъ себя,— наша св. Библія) сохранили самую непоэтичную легенду о происхожденіи женщины... изъ ребра мужчины!" (Многоточіе и знакъ восклицанія—„Свѣточа").

Вспомнимъ, что „Русскій Паломникъ" разсчитанъ на благочестивую русскую семью, еще не потерявшую связи съ Церковію, а, въ частности, „Свѣточъ" будетъ читаться, преимущественно, дѣтьми средняго и старшаго возраста. Какихъ же плодовъ ожидать отъ такого чтенія? По моему мнѣнію, лучше ужъ дать прямо Ренана „Жизнь Іисуса" и под. Тамъ систематическое искаженіе божественнаго Лика Спасителя и открытое глумленіе надъ вѣрой способны скорѣе вызвать отвращеніе въ чистой вѣрующей душѣ и, во всякомъ случаѣ, сразу дадутъ понять, что за книга лежитъ предъ вами. Здѣсь же ядъ подносится скрыто и какъ бы случайно, среди другого совсѣмъ неподозрительнаго матеріала; здѣсь искуситель застаетъ довѣрчивую душу, какъ бы врасплохъ и незамѣтно можетъ забросить въ нее сѣмена сомнѣнія, которыя дадутъ ростки,

когда уже поздно будетъ ихъ искоренять.

Вотъ гдѣ умѣстно спросить: легкомысліе ли это или масонщина, т.-е. сознательное и планомѣрное стремленіе подорвать вѣру и тамъ, гдѣ она еще сильна и куда съ открытыми нападками на нее проникнуть нельзя?

Позволительно также спросить: неужели и въ самомъ дѣлѣ „Русскій Паломникъ“ съ его приложеніями рекомендованъ и духовнымъ вѣдомствомъ для разныхъ библіотекъ и читаленъ, напр., церковно-приходскихъ?..

4.

Да не будетъ сего!

Замѣчаете ли вы, читатель, что наша, такъ называемая, „порядочная“ печать постепенно все лѣвѣетъ, мельчаетъ, уходитъ въ сторону отъ добрыхъ преданій еще недавняго стараго времени?

„Новое Время“ уже не то, чѣмъ было при покойномъ А. С. Суворинѣ; „Свѣтъ“ сталъ сумерками послѣ смерти своего основателя—В. В. Комарова; отъ одной газеты пахнетъ какимъ-то нерусскимъ „націонализмомъ“, отъ другой несетъ „октябризмомъ“, не говорю уже о тѣхъ, которыя продали себя „кадетизму“ и прямо жидовству...

Нѣкто „Вопрошающій“, отмѣтилъ вредныя поползновенія редакціи „Русскаго Паломника“ угощать своихъ читателей „легендами“ въ еретическомъ, раціоналистическомъ вкусѣ. А этотъ журналъ „рекомендованъ всѣми вѣдомствами“ для школъ и назначаетъ себя для семейнаго чтенія. А вотъ, еще журналъ, очень распространенный, проникшій особенно въ семьи священниковъ и до послѣдняго времени державшій себя порядочно, хотя когда-то и напечатавшій „Воскресенье“ гр. Толстого, конечно, въ сокращенномъ видѣ. Это—извѣстная „Нива“, издаваемая Марксомъ, вотъ, уже 40 лѣтъ. Теперь этотъ журналъ рекламируетъ, что въ будущемъ году онъ даетъ полное собраніе ...мерзостныхъ сочиненій „знаменитаго“ Леонида Андреева! Какъ вамъ покажется это? Кто руководитъ теперь этимъ изданіемъ? Кто угадываетъ вкусы своихъ читателей? Не должны ли всѣ порядочные люди дружно крикнуть редакціи: если хотите отравлять наши семьи Андреевымъ, то — прощайте! Мы уходимъ отъ васъ!

Но случится ли это? Увы, не надѣюсь! Наша интеллигенція—какое-то безличное существо: чѣмъ его угостятъ, то и будетъ кушать, хотя бы пришлось и поморщиться. При журналѣ, видите ли, прилагаются разныя „выкройки“, „моды“, олеографіи... все это пригодится барышнямъ, дѣтямъ, да и вообще, журналъ даетъ много для чтенія интереснаго, къ нему привыкли за 30—40 лѣтъ... какъ-то ужъ отставать не хочется. Ну, а Леонидъ Андреевъ... да его можно, вѣдь, и не читать...

Такъ, вѣроятно, разсуждаютъ наши интеллигенты, обсуждая вопросъ, на какой бы журналъ подписаться. Но не такъ должны разсудить пастыри Церкви. Тѣ изъ священниковъ, которые доселѣ выписывали „Ниву“, должны бы рѣшительно отказаться отъ дальнѣйшей выписки этого журнала, обѣщающаго внести отраву въ ихъ семьи. Этого мало: должны бы не пожалѣть открытки, чтобъ заявить редакціи столь же рѣшительный протестъ противъ такого „приложенія“, сказать твердо, мужественно: если вы такъ, то и мы больше не ваши читатели! Стыд-

но, позорно порядочному изданію размазывать леонидовскую грязь по лицу родной земли! Пусть ужъ этимъ ремесломъ занимаются жиды и масоны, которымъ такъ хотѣлось бы развратить наши семьи, нашъ народъ, но доселѣ почтенной редакціи „Нивы“ это какъ-то ужъ не къ лицу!

Предупреждаемъ нашихъ читателей, какая опасность грозитъ ихъ семьямъ отъ выписки „Нивы“. Если хотятъ уберечь своихъ дѣтей отъ отравы нравственной, то пусть откажутся отъ выписки этого изданія. А священникамъ властно повелѣваетъ это ихъ долгъ: что же это, въ самомъ дѣлѣ, будетъ: пастыри Церкви будутъ выписывать для своихъ семей порнографа Андреева и поддерживать своими грошами изданіе, распространяющее его сочиненія?

Да не будетъ сего!..

Моимъ читателямъ.

Мои „дневники“, печатающіеся частію въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, частію въ газетѣ „Колоколъ“, а главнымъ образомъ въ „Троицкомъ Словѣ“, вызываютъ со всѣхъ сторонъ добрые отклики моихъ читателей: мнѣ пишутъ и міряне, и пастыри, и простые, и интеллигентные люди. Отъ всей души приношу имъ мою сердечную благодарность за ту нравственную поддержку, какую они мнѣ оказываютъ такими письмами. Мы живемъ въ боевое время для Церкви Божіей, когда ея враги, іудеи и масоны, а также и ослѣпленные ими наши полуинтеллигенты-либералы всякихъ закаловъ стремятся напустить тумана въ сознаніе русскихъ людей и увлечь ихъ на путь гибели для родной земли чрезъ измѣну святой вѣрѣ православной и завѣтамъ родной старины. Обличать всю ложь этихъ проповѣдниковъ духовной смуты, раскрывать красоту и истинность нашихъ родныхъ идеаловъ, предостерегать русскихъ людей отъ увлеченія лживыми ученіями, какъ политическими, такъ и религіозными—вотъ задача, какую должны мы, пастыри, ставить себѣ въ наше время, и какую я ставлю для себя въ моихъ дневникахъ. Чтобы сдѣлать доступными такія статьи для всѣхъ, Троицкая Сергіева лавра и издаетъ, подъ моею редакціей, „Троицкое Слово“, выходящее 50 разъ въ годъ (разъ въ недѣлю), по цѣнѣ 1 рубль въ годъ съ пересылкою. Въ этомъ „Словѣ“ я и печатаю всѣ мои дневники, а въ слѣд. году буду вести, кромѣ того, еще отдѣлъ мелкихъ замѣтокъ, подъ названіемъ: „Блестки и изгарь“, въ коихъ буду отмѣчать и отрадныя, и печальныя явленія въ нашей литературѣ и жизни, освѣщая ихъ свѣтомъ церковныхъ воззрѣній. Я крѣпко вѣрю въ святость нашихъ идеаловъ; я знаю силу благодати Божіей, въ нашей и только въ нашей православной Церкви дѣйствующей, я убѣжденъ въ животворности тѣхъ завѣтовъ, какіе оставила намъ наша матушка—старая Русь: вѣрую, тѣмъ же и глаголю, и не перестану глаголати, пока Богъ дастъ силы и возможность къ тому. Счастливъ, что въ этомъ святомъ дѣлѣ пришла мнѣ на помощь родная моя обитель, Троицкая Сергіева лавра, почему „Троицкое Слово“ является, дѣйствительно, голосомъ православнаго инока, напоминающимъ тотъ

голосъ, который раздавался въ смутные годы между царствія, триста лѣтъ назадъ, въ видѣ извѣстныхъ „Троицкихъ грамотъ", разсылавшихся преподобнымъ Діонисіемъ и келаремъ Авраміемъ Палицинымъ, и призывалъ православныхъ русскихъ людей къ единенію во имя вѣры и спасенія родины отъ тяжкой усобицы и смуты того времени. Смута нашего времени опаснѣе той, хотя и кажется, будто наступило умиротвореніе: враги поняли, что пока Русь православна, дотолѣ ее не сдвинуть на распутія политическихъ бредней, а значитъ, надо всѣ усилія направлять противъ Церкви Православной и ея устоевъ... Вотъ почему я призываю всѣхъ моихъ читателей не только откликаться на мой голосъ, но и присылать мнѣ вырѣзки изъ мѣстныхъ газетъ, помогать въ распространеніи нашего изданія среди родныхъ и знакомыхъ. Приходится слышать жалобы на то, что я не печатаю въ газетахъ своихъ объявленій, но патріотическія газеты, спасибо имъ, такія объявленія печатаютъ, да распространены такія газеты слишкомъ мало, въ іудейскихъ же изданіяхъ берутъ дорого, а читатели ихъ не обращаютъ вниманія на подобныя объявленія. Знаю, что меня нѣкоторые осудятъ за такую саморекламу, но думаю, что добрые русскіе люди согласятся со мной, что въ такомъ приглашеніи нѣтъ ничего худого. Русь, наша матушка Русь въ опасности: все, что можетъ, хотя въ малѣйшей степени, предупредить эту опасность, есть нашъ долгъ и мы должны исполнить его...

Вмѣстѣ съ „Троицкимъ Словомъ" издается, вотъ уже одиннадцатый годъ, и „Божія Нива", ежемѣсячный педагогическій журналъ, имѣющій задачею содѣйствовать воспитанію сердца русскаго дитяти въ духѣ вѣры православной и благочестія хрістіанскаго. „Божія Нива" имѣетъ и ежемѣсячное приложеніе для дѣтей подъ названіемъ: „Зернышки Божіей Нивы", коихъ вышло уже 120 книжекъ. Цѣна „Б. Нивы" тоже 1 рубль въ годъ съ „Зернышками", а книжки „Зернышекъ" можно выписывать и отдѣльными №№, по 5 коп. за книжку, полный же ихъ наборъ высылается за 4 р. 25 к. съ пересылкой. Книжки удобны для подарковъ дѣтямъ въ школахъ, на актахъ, на елкѣ, въ дни ангела и т. под. Всѣ статьи и стихотворенія (числомъ всего до 400) содѣйствуютъ воспитанію въ душѣ русскаго дитяти русскаго народнаго міросозерцанія, и потому въ нихъ нѣтъ переводныхъ статей: всѣ принадлежатъ авторамъ, живущимъ среди народа.

Можно подписываться на оба изданія вмѣстѣ, высылая 2 р. въ годъ, по адресу: Сергіевъ посадъ, Моск. г., въ редакцію „Троицкихъ Листковъ".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

101.—Въ полночь на Новый годъ 3
102.—Чѣмъ больна наша матушка Россія? 5
103.—Какія бываютъ статьи въ нашихъ „духовныхъ“ журналахъ? 9
104.—Гипнозъ всеобщаго обученія 12
106—107.—Памяти великаго священномученика за отечество. . 19
108.—Часъ уже намъ отъ сна востати! 31
109.—Язычествующій націоналистъ о святителѣ Николаѣ Японскомъ 35
110.—Намъ ли молиться за него?.. 40
111.—Свѣтъ и тепло истиннаго добродѣланія. 43
112.—Распятіе Господа и наше ему сораспятіе 46
113.—Хрістосъ Воскресе! Смерти празднуемъ умерщвленіе . . 50
114—118.—Берегите сокровища церковныхъ преданій.. . . . 52
119.—Трудовыя щепочки 70
120.—Оскудѣніе духовной жизни 74
121—122.—Страничка изъ современнаго патерика 79
123.—Дѣло миссіи — дѣло пастырей. Мое обращеніе къ пастырямъ Вологодской епархіи 87
124.—Гнѣвъ киселевскаго органа. 90
125.—Отклики на выходку г. Алексѣева.. 93
126.—Мое прощальное посланіе къ Вологодской паствѣ . . . 97
127.—Тяжелое бремя архіерейскаго омофора 101
128.—Небесная заступница Русской земли 106
129.—Даръ царственнаго смиренія смиренному отшельнику . . 109
130.—Мои послѣдніе дни въ Вологдѣ 114
131—132.—Отчество Царской власти 115
133.—Мое доброе слово къ православному духовенству. . . . 120
134.—О томъ, какъ іуден отравляютъ нашу Русь православную. 123
135—137.—Голосъ смиренной науки въ защиту вѣры 127
138.—Вѣрный послушникъ Матери Божіей. Кончина и погребеніе о. архимандрита Іерона 136
139—140.—Кто культурнѣе: они или мы? 141
141.—Таинственный институтъ 147
Нашимъ читателямъ 150
142—143.—Съ чего начинается измѣна роднымъ завѣтамъ . . 151
144.—Дѣти и церковно-приходская жизнь 154
145.—Тоже „русскіе“ патріоты 158
146—148.—Больное мѣсто нашей церковной жизни 161
Моимъ читателямъ. 167
149.—За честь Креста Хрістова 177
150.—Помнимъ ли мы великій урокъ 1812 года?. 181
Блестки и изгарь 184
Моимъ читателямъ. 189

2007042854